

ЖЮЛЬ ВЕРН
ПЯТНАНАТНАЕТИНИ
КАПИТАН

ДЕТМЕ 1930

Несчастный случай заставил Дика Сэнда, пятнадцатилетнего юнгу, взять на себя управление китобойной шхуной «Пилигрим». Нелегким выдалось это первое плавание юного капитана.

- Жюль Верн

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- ГЛАВА ПЕРВАЯ. Шхуна-бриг «Пилигрим»
 - ГЛАВА ВТОРАЯ. Дик Сэнд
 - ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Судно, потерпевшее крушение
 - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Спасенные с «Пальдека»
 - ГЛАВА ПЯТАЯ. «С» и «В»
 - ГЛАВА ШЕСТАЯ. Кит на горизонте
 - ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Приготовления к охоте
 - ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Полосатик
 - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Капитан Сэнд
 - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Следующие четыре дня
 - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Буря
 - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Остров на горизонте
 - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. «Земля! Земля!»
 - ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Что делать?
 - ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Гэррис
 - ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. В пути
 - ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Сто миль за десять дней
 - ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Страшное слово

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ

- ГЛАВА ПЕРВАЯ. Работоторговля
 - ГЛАВА ВТОРАЯ. Гэррис и Негоро
 - ГЛАВА ТРЕТЬЯ. В ста милях от берега
 - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. По трудным дорогам Анголы
 - ГЛАВА ПЯТАЯ. Лекция о термитах, прочитанная в термитнике
 - ГЛАВА ШЕСТАЯ. Водолазный колокол
 - ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Лагерь на берегу Кванзы
 - ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Из записной книжки Дика Свнда
 - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Казонде
 - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Ярмарка
 - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Королевский пунш
 - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Похороны короля
 - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. В фактории
 - ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Известия о докторе Ливингстоне
 - ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Куда может завести мантикора
 - ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Мганнга
 - ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Вниз по течению
 - ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Разные события

- [ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. «С. В.»](#)
- [ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Заключение](#)
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
-

Жюль Верн
Пятнадцатилетний капитан

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Шхуна-бриг «Пилигрим»

Второго февраля 1873 года шхуна-бриг «Пилигрим» находилась под 43°57' южной широты и 165°19' западной долготы от Гринвича. Это судно водоизмещением в четыреста тонн было снаряжено в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях.

«Пилигрим» принадлежал богатому калифорнийскому судовладельцу Джемсу Уэлдону; командовал судном в продолжение многих лет капитан Гуль.

Джемс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим» считался одним из лучших кораблей флотилии. Ход у него был отличный. Превосходная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария.

Капитан Гуль умел лавировать, как говорят моряки, среди плавучих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размытые теплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Гуля, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков южной флотилии, находилось пять опытных матросов и один новичок. Этого было недостаточно: охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых тут. Но мистер Джемс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал выгодным вербовать в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблем. В Новой Зеландии среди местных жителей и дезертиров всех национальностей не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах, готовых наняться на один сезон. По окончании кампании они получали расчет и на берегу дожидались следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе судовладельцы экономили немалые суммы на жалованье судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

Именно так поступил и Джемс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим».

Шхуна— бриг только что закончила китобойную кампанию на границе южного Полярного круга, но в ее трюмах оставалось еще много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворванью. Уже в то время китовый промысел был нелегким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты начали вымирать, и охотникам приходилось промышлять полосатиков,^[1] охота на которых представляет немалую опасность.

То же самое вынужден был делать и капитан Гуль, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты — если понадобится, вплоть до земель Клары и Адели, открытых, как это твердо установлено, французом Дюмоном д'Юрвилем, как бы это ни оспаривал американец Уилкс.

«Пилигриму» не повезло в этом году. В начале января, в самый разгар лета в Южном полушарии и, следовательно, задолго до конца промыслового сезона, капитану Гулю пришлось покинуть место охоты. Вспомогательная команда — сборище довольно темных личностей — вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Гуль вынужден был расстаться с ней.

«Пилигрим» взял курс на северо-запад и 15 января прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу северного острова Новой

Зеландии. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон.

Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шхуна-бриг не добрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда еще результаты промысла не были столь плачевны.

Больше всех недоволен был капитан Гуль. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; он проклинал лодырей и тунеядцев, которые сорвали промысел.

Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды дополнить команду «Пилигрим». Капитан Гуль собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров. Отказать в этом он не мог.

Миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», ее пятилетний сын Джек и ее родственник, которого все называли «кузен Бенедикт», находились в это время в Окленде. Они приехали туда с Джемсом Уэлдоном, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым делам, и предполагали вместе с ним вернуться в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьезно занемог. Джемса Уэлдона призывали в Америку неотложные дела, и он уехал, оставив жену, заболевшего ребенка и кузена Бенедикта в Окленде.

Прошло три месяца, три тяжелых месяца разлуки, показавшихся бесконечно долгими бедной миссис Уэлдон. Когда маленький Джек оправился от болезни, она стала собираться в дорогу. Как раз в это время «Пилигрим» пришел в Оклендский порт.

В ту пору прямого сообщения между Оклендом и Калифорнией не существовало. Миссис Уэлдон предстояло сначала поехать в Австралию, чтобы там пересечь на один из трансокеанских пароходов компании «Золотой век», связывающих пассажирскими рейсами Мельбурн с Панамским перешейком через Папэте. Добравшись до Панамы, она должна была ждать американский пароход, курсировавший между перешейком и Калифорнией.

Такой маршрут предвещал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествующих с детьми. Поэтому, узнав о прибытии «Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Гулю с просьбой доставить ее в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нан — старухой негритянкой, которая вынянчила еще самое миссис Уэлдон.

Совершить путешествие в три тысячи миль на парусном судне! Но судно капитана Гуля всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было еще благоприятно по обе стороны экватора.

Капитан Гуль согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Ему хотелось, чтобы во время плавания, которое должно было продлиться дней сорок — пятьдесят, миссис Уэлдон была окружена возможно большим комфортом на борту китобойного судна.

Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» имело много преимуществ. Правда, шхуна-бриг должна была сначала зайти для разгрузки в порт Вальпараисо в Чили, лежащий в стороне от прямого курса. Зато от Вальпараисо до самого Сан-Франциско судну предстояло идти вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, опытная путешественница, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствований, была храбрая женщина и не боялась моря; ей было около тридцати лет, и она отличалась завидным здоровьем. Она знала, что капитан Гуль отличный моряк, которому Джемс Уэлдон вполне доверял, а «Пилигрим» надежный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился — надо было им воспользоваться. И

миссис Уэлдон решила совершить плавание на борту судна небольшого тоннажа. Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать ее.

Кузену было лет пятьдесят. Несмотря на солидный возраст, его нельзя было выпускать одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, и не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу — таков был кузен Бенедикт. С первого взгляда в этом долговязом человеке можно было распознать одного из тех почтенных ученых, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться взрослыми детьми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

«Кузеном Бенедиктом» звали его не только члены семьи, но и посторонние: такие простодушные добряки, как он, кажутся всеобщими родственниками. Кузен Бенедикт никогда не знал, куда ему девать свои длинные руки и ноги; трудно было найти человека более беспомощного и несамостоятельного, особенно в тех случаях, когда ему приходилось разрешать обыденные, житейские вопросы.

Нельзя сказать, что он был обузой для окружающих, но он как-то ухитрялся стеснять каждого и сам чувствовал себя стесненным собственной неуклюжестью. Впрочем, он был неприхотлив, покладист, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Казалось, кузен Бенедикт принадлежит не столько к животному, сколько к растительному царству. Он был как бесплодное, почти лишенное листьев дерево, не способное ни приютить, ни накормить путника. Но у него было доброе сердце. Он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их, как сказал бы Прюдом, и его все любили, несмотря на его слабости, а может быть, именно за них. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего сына, как на старшего брата маленького Джека.

Следует, однако, оговориться, что кузена Бенедикта никто бы не назвал бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть — естественная история — поглощала его целиком.

Сказать «естественная история» — это значит сказать очень многое. Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогию и геологию. Но кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом.

Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле слова — кем-то вроде Кювье^[2] Нового Света, способным аналитически разложить или синтетически воссоздать любое животное? Посвятил ли он свою жизнь изучению тех четырех типов — позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых, — на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал ли этот наивный, но прилежный ученый разнообразные отряды, подотряды, семейства и подсемейства, роды и виды этих четырех типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб?

Нет и нет!

Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли перед ним все свои тайны?

Тоже нет!

Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, простейших и других представителей лучистых он до глубокой ночи жег керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта.

А так как из всей зоологии остается только раздел суставчатых, то само собой разумеется, что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти кузена

Бенедикта. Однако и тут требуется сделать уточнение.

Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, ракообразные, усоногие, кольчатые черви.

Кузен Бенедикт; откровенно говоря, не сумел бы отличить земляного червя от медицинской пиявки, домашнего паука от лжескорпиона, морского желудя от креветки, кивсяка от сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом, и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология есть часть естественной истории, занимающаяся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно. Но обычно в понятие «энтомология» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин применяется только для обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых различаются три отдела — голова, грудь и брюшко — и которые снабжены одной парой сляжков и тремя парами ног, почему их и называли шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению насекомых.

Из этого не следует, что кузену Бенедикту нечего было делать. В этом классе не менее десяти отрядов:

Прямокрылые (представители: кузнечики, сверчки и т. д.).

Сетчатокрылые (представители: муравьиные львы, стрекозы).

Перепончатокрылые (представители: пчелы, осы, муравьи).

Чешуекрылые (представители: бабочки). Полужесткокрылые (представители: цикады, блохи). Жесткокрылые (представители: майские жуки, бронзовки).

Двукрылые (представители: комары, москиты, мухи).

Веерокрылые (представители: стилопсы, или веерокрылы).

Паразиты (представители: клещи).

Низшие насекомые (представители: чешуйницы).

Но среди одних лишь жесткокрылых насчитывается не менее тридцати тысяч разных видов, а среди двукрылых — шестьдесят тысяч,^[3] поэтому нельзя не признать, что работы для одного человека здесь больше чем достаточно.

Жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно и исключительно энтомологии. Этой науке он отдавал все свое время: не только часы бодрствования, но также и часы сна, потому что ему даже во сне неизменно грезились насекомые. Немыслимо сосчитать, сколько булавок было вколото в обшлага его рукавов, в отвороты и полы его пиджака, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с загородной прогулки, всегда предпринимавшей с научной целью, его шляпа представляла собою витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были пришпилены к шляпе как снаружи, так и изнутри.

Чтобы дорисовать портрет этого чудака, скажем, что он решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Новую Зеландию исключительно ради того, чтобы удовлетворить свою страсть к новым открытиям в энтомологии. В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь кузен Бенедикт с понятным нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, желая поскорее рассортировать драгоценные приобретения по ящикам в своем рабочем кабинете.

Так как миссис Уэлдон с сыном возвращались домой на «Пилигриме», то вполне понятно, что кузен Бенедикт ехал вместе с ними.

Миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать на помощь кузена Бенедикта в случае какой-нибудь опасности. К счастью, ей предстояло совершить лишь приятное путешествие

по морю, спокойному в это время года, и на борту судна, которое вел капитан, заслуживающий полного доверия.

В продолжение трех дней стоянки «Пилигрима» в Вайтемате миссис Уэлдон успела сделать все приготовления к отъезду. Она очень торопилась, так как не хотела задерживать отправление судна. Рассчитав туземную прислугу, она 22 января перебралась на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянкой Нан.

Кузен Бенедикт со всеми предосторожностями уложил свою драгоценную коллекцию в особую жестяную коробку, которую он носил на ремне через плечо. В этой коллекции, между прочим, хранился экземпляр жука-стафилина — плотоядного жесткокрылого, с глазами, расположенными в верхней части головки, которого до этого времени считали присущим только новокаледонской фауне. Кузену Бенедикту предлагали захватить с собой ядовитого паука «ка-типо», как его называют маори,^[4] укус которого смертелен для человека. Но паук не принадлежит к насекомым, его место среди паукообразных, и, следовательно, он не представлял никакого интереса для кузена Бенедикта; наш энтомолог пренебрежительно отказался от паука и считал самым ценным экземпляром своей коллекции новозеландского жука-стафилина.

Конечно, кузен Бенедикт застраховал свою коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция, на его взгляд, была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса, хранившийся в трюме «Пилигрима».

Когда миссис Уэлдон и ее спутники поднялись на борт шхуны-брига и настала минута сниматься с якоря, капитан Гуль подошел к своей пассажирке и сказал:

— Само собой разумеется, миссис Уэлдон, вы принимаете на себя всю ответственность за то, что выбрали «Пилигрим» для плавания через океан.

— Что за странные слова, капитан Гуль?

— Я вынужден напомнить вам это, миссис Уэлдон, потому что не получил никаких указаний от вашего супруга. Это во-первых. А во-вторых, шхуна-бриг в смысле безопасности, конечно, уступает пакетботам,^[5] специально приспособленным для перевозки пассажиров.

— Как вы думаете, мистер Гуль, если бы муж был здесь, решился бы он совершить это плавание на «Пилигриме» вместе со мной и с вашим сыном?

— О да. несомненно! — ответил капитан. — Сам я, не задумываясь, ваяя бы на борт «Пилигрима» свою семью. «Пилигрим» — отличное судно, хоть в этом году оно неудачно закончило промысловый сезон. Я уверен в нем так, как только может быть уверен в своем судне моряк, командующий им много лет. Я задал вам этот вопрос, миссис Уэлдон, только для очистки совести да еще для того, чтобы лишний раз извиниться за то, что у меня нет возможности окружить вас удобствами, к которым вы привыкли.

— Если все дело сводится к удобствам, капитан Гуль, это не остановит меня. Я не принадлежу к числу тех капризных пассажиров, которые досаждают капитанам жалобами на тесноту кают и плохой стол.

Посмотрев на своего маленького сына, которого она держала за руку, миссис Уэлдон закончила:

— Итак, в путь, капитан!

Капитан Гуль тотчас же приказал поднять якорь. Через короткое время «Пилигрим», поставив паруса, вышел из Оклендского порта и взял курс к американскому побережью.

Однако через три дня после отплытия с востока задул сильный ветер, и шхуна-бриг вынуждена была лечь на левый галс, чтобы следовать против ветра. Поэтому 2 февраля капитан Гуль еще находился в широтах более высоких, чем он желал, — в положении моряка, который намеревался бы обогнуть мыс Горн, а не плыть кратчайшим путем к западному

берегу Нового Света.

Погода стояла хорошая, и, если не считать отклонения от курса и удлинения пути, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корме не было ни юта, ни рубки, и, следовательно, отсутствовали каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон предоставили крошечную каюту капитана Гуля. Это было лучшее помещение на судне. Да еще пришлось уговаривать деликатную женщину занять его. В этой тесной каморке с нею поселились маленький Джек и старуха Нан. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузенком Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна. Капитан Гуль перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но экипаж «Пилигрима» ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» — пять искусных и опытных моряков, державшихся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, — жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвертый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон как к жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были широко заинтересованы в прибылях китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Если они и трудились, не жалея сил, так как судовая команда была весьма невелика, то всякая лишняя работа увеличивала их долю в доходах при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда, не ожидалось почти никакого дохода, и потому они с достаточным основанием проклинали «этих негодяев из Новой Зеландии».

Только один человек на судне не был американцем по происхождению. Негоро, выполнявший па «Пилигриме» скромные обязанности судового кока, родился в Португалии. Впрочем, и он отлично говорил по-английски. После того как в Окленде сбежал прежний кок, Негоро предложил свои услуги. Этот хмурый на вид, неразговорчивый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо. У капитана Гуля, который его нанял, очевидно, был верный глаз: за время своей работы на «Пилигриме» Негоро не заслужил ни малейшего упрека.

И все— таки капитан Гуль сожалел, что не успел навести справки о прошлом нового кока. Внешность португальца, вернее — его бегающий взгляд не очень нравились капитану. В том крохотном, тесном мирке, каким является китобойное судно, каждый человек на счету, и, прежде чем допустить незнакомца в этот мирок, необходимо все узнать о его прежней жизни.

Негоро было около сорока лет. Худощавый, жилистый, черноволосый и смуглый, он, несмотря на небольшой рост, производил впечатление сильного человека. Получил ли он какое-нибудь образование? По-видимому, да, если судить по замечаниям, которые у него изредка вырывались. Негоро никогда не говорил о своем прошлом, о своей семье.

Никто не знал, где он жил и что делал раньше. Никто не ведал, чего ждет он от будущего. Известно было только, что он намерен списаться на берег в Вальпараисо. Окружающие считали его странным человеком.

Негоро, очевидно, не был моряком. Больше того — товарищи по шхуне заметили, что в морских делах он смыслит меньше, чем всякий кок, который значительную часть своей жизни провел в плаваниях. Но ни боковая, ни килевая качка на него не действовали, морской болезнью, которой подвержены новички, он не страдал, а это уже немалое преимущество для судового повара.

Негоро редко выходил на палубу. Весь день он проводил на своем крохотном камбузе, большую часть площадки которого занимала кухонная плита. С наступлением ночи, погасив огонь в плите, Негоро удалялся в свою каморку, отведенную ему на носу. Там он тотчас же ложился спать.

Как уже было сказано, экипаж «Пилигрима» состоял из пяти бывалых матросов и одного юного новичка.

Этот пятнадцатилетний матрос был сыном неизвестных родителей. В младенческом возрасте его нашли у чужих дверей, и вырос он в воспитательном доме.

Дик Сэнд — так звали его — по-видимому, родился в штате Нью-Йорк, а может быть, и в самом городе Нью-Йорке.

Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, было дано подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия Сэнд служила напоминанием о том месте, где был найден Дик, — о песчаной косе Сэнди-Гук в устье реки Гудзона, у входа в Нью-Йоркский порт.

Дик Сэнд был невысок и не обещал стать в дальнейшем выше среднего роста, но крепко сколочен. В нем сразу чувствовался англосакс, хотя он был темноволос и с огненным взглядом голубых глаз. Трудная работа моряка уже подготовила его к житейским битвам. Его умное лицо дышало энергией. Это было лицо человека не только смелого, но и способного дерзать.

Часто цитируют три слова незаконченного стиха Вергилия: «Audaces fortuna juvat...» («Смелым судьба помогает...»), но цитируют неправильно. Поэт сказал: «Audentes fortuna juvat...» («Дерзающим судьба помогает...»). Дерзающим, а не просто смелым почти всегда улыбается судьба. Смелый может иной раз действовать необдуманно. Дерзающий сначала думает, затем действует. В этом тонкое различие. Дик Сэнд был «audens» — дерзающий.

В пятнадцать лет он умел уже принимать решения и доводить до конца все то, на что обдуманно решился. Его оживленное и серьезное лицо привлекало внимание. В отличие от большинства своих сверстников Дик был скуп на слова и жесты. В возрасте, когда дети еще не задумываются о будущем, Дик осознал свою участь и пообещал себе «стать человеком» своими силами.

И он добился своего: он был уже взрослым в ту пору, когда его сверстники еще оставались детьми. Ловкий, подвижный и сильный. Дик был одним из тех одаренных людей, о которых можно сказать, что они родились с двумя правыми руками и двумя левыми ногами: что бы они ни делали — им все «с руки», с кем бы они ни шли — они всегда ступают «в ногу».

Как уже было сказано, Дика воспитывали за счет общественной благотворительности. Сначала поместили его в приют для подкидышей, каких много в Америке. В четыре года стали учить его чтению, письму и счету в одной из тех школ штата Нью-Йорк, которые содержатся на пожертвования великодушных благотворителей. Восьми лет его пристроили юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны; к морю у него было врожденное влечение. На корабле он стал изучать морское дело, которому и следует учиться с детских лет. Судовые офицеры хорошо относились к пытливому мальчугану и охотно руководили его занятиями. Юнга вскоре должен был стать младшим матросом в ожидании лучшего.

Тот, кто с детства знает, что труд есть закон жизни, кто смолodu понял, что хлеб добывается только в поте лица (заповедь библии, ставшая правилом для человечества), тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдутся воля и силы для свершения их.

Капитан Гуль, командовавший торговым судном, на котором служил Дик, обратил

внимание на способного юнгу. Бравый моряк полюбил смелого мальчика, а вернувшись в Сан-Франциско, рассказал о нем Джемсу Уэлдону. Тот заинтересовался судьбой Дика, определил его в школу в Сан-Франциско и помог окончить ее; воспитывали его в католической вере, которой придерживалась и семья самого судовладельца.

Дик жадно поглощал знания, особенно его интересовали география и история путешествий; он ждал, когда вырастет и начнет изучать ту часть математики, которая имеет отношение к навигации. Окончив школу, он поступил младшим матросом на китобойное судно своего благодетеля Джемса Уэлдона. Дик знал, что «большая охота» — китобойный промысел — не менее важна для воспитания настоящего моряка, чем дальние плавания. Это отличная подготовка к профессии моряка, чреватой всяческими неожиданностями. К тому же этим учебным судном оказался «Пилигрим», плававший под командованием его покровителя — капитана Гуля. Таким образом, молодому матросу были обеспечены наилучшие условия для обучения.

Стоит ли говорить, что юноша был глубоко предан семье Уэлдона, которой он был стольким обязан? Пусть факты говорят сами за себя. Легко представить себе, как обрадовался Дик, когда узнал, что миссис Уэлдон с сыном совершат плаванье на «Пилигриме». Миссис Уэлдон в продолжение нескольких лет заменяла Дику мать, а маленького Джека он любил как родного брата, хотя и понимал, что положение у него совсем иное, чем у сына богатого судовладельца. Но его благодетели отлично знали, что семена добра, которые они посеяли, упали на плодородную почву. Сердце сироты Дика было полно благодарности, и он не колеблясь отдал бы жизнь за тех, кто помог ему получить образование и научил любить бога.

В общем, пятнадцатилетний юноша действовал и мыслил как взрослый человек тридцати лет — таков был Дик Сэнд.

Миссис Уэлдон высоко ценила Дика и понимала, что может всецело положиться на его преданность. Она охотно доверяла ему своего маленького Джека. Ребенок льнул к Дику, понимая, что «старший братец» любит его.

Плавание в хорошую погоду в открытом море, когда все паруса поставлены и не требуют маневрирования, оставляет матросам много досуга. Дик все свободное время отдавал маленькому Джеку. Молодой матрос развлекал ребенка, показывал ему все, что могло быть для мальчика занимательным в морском деле. Миссис Уэлдон без страха смотрела на то, как Джек взбирался по вантам на мачту или даже на салинг брам-стенги^[6] и стрелой скользил по снастям вниз на палубу. Дик Сэнд всегда был возле малыша, готовый поддержать, подхватить его, если бы ручки пятилетнего Джека вдруг ослабели. Упражнения на вольном воздухе шли на пользу ребенку, только что перенесшему тяжелую болезнь; морской ветер и ежедневная гимнастика быстро возвратили здоровый румянец его побледневшим щекам.

В таких условиях совершался переход из Новой Зеландии в Америку. Не будь восточных ветров, у экипажа «Пилигрима» и пассажиров не было бы никаких оснований к недовольству.

Однако упорство восточного ветра не нравилось капитану Гулю. Ему никак не удавалось лечь на более благоприятный курс. К тому же он опасался на дальнейшем пути попасть в полосу штилей у тропика Козерог, не говоря о том, что экваториальное течение могло больше отбросить его на запад. Капитан беспокоился главным образом о миссис Уэлдон, хотя и сознавал, что он неповинен в этой задержке. Если бы неподалеку от «Пилигрима» прошел какой-нибудь океанский пароход, направляющийся в Америку, он непременно уговорил бы свою пассажирку пересечь на него. Но, к несчастью, «Пилигрим» находился под такой высокой широтой, что трудно было надеяться встретить пароход, следующий в Панаму. Да и сообщение между Австралией и Новым Светом через Тихий океан в то время не

было столь частым, каким оно стало впоследствии.

Капитану Гулю оставалось только ждать, пока погода не смилостивится над ним. Казалось, ничто не должно было нарушить однообразия этого морского перехода, как вдруг 2 февраля, под широтой и долготой, указанными в начале этой повести, произошло неожиданное событие.

День был солнечный и ясный. Часов около девяти утра Дик Сэнд и Джек забрались на салинг фор-брам-стенги; оттуда им видна была вся палуба корабля и плещущий далеко внизу океан. Кормовая часть горизонта заслонялась грот-мачтой, которая несла косой грот и топсель. Перед их глазами над волнами поднимался острый бушприт с тремя туго натянутыми кливерами, похожими на три крыла неравной величины. Под ногами у них вздувалось полотнище фока, а над головой — фор-марсель и брамсель. Шхуна-бриг держалась возможно круче к ветру.

Дик Сэнд объяснял Джеку, почему правильно нагруженный и уравновешенный во всех своих частях «Пилигрим» не может опрокинуться, хотя он и дает довольно сильный крен па штирборт,^[7] как вдруг мальчик прервал его восклицанием:

— Что это?!

— Ты что-нибудь увидел, Джек? — спросил Дик Сэнд, выпрямившись во весь рост на рее.

— Да, да! Вон там! — сказал Джек, указывая пальчиком на какую-то точку, видневшуюся в просвете между кливером и стакселем.

Вглядевшись в ту сторону, куда указывал Джек, Дик Сэнд крикнул во весь голос:

— С правого борта, впереди, под ветром, обломок судна!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Судно, потерпевшее крушение

Возглас Дика Сэнда всполошил весь экипаж. Свободные от вахты матросы бросились на палубу. Капитан Гуль вышел из своей каюты. Миссис Уэлдон, Нан и даже невозмутимый кузен Бенедикт, облокотившись о поручни штирборта, с пристальным вниманием разглядывали обломок судна, видневшийся на море.

Только Негоро остался в каморке, которая служила на судне камбузом. Из всей команды лишь его одного не заинтересовала эта неожиданная встреча.

Замеченный мальчиком предмет покачивался на волнах примерно в трех милях от «Пилигрима».

— Что бы это могло быть? — спросил один из матросов.

— По-моему, плот! — ответил другой.

— Может быть, там люди?... Несчастные терпят бедствие... — сказала миссис Уэлдон.

— Подойдем поближе — узнаем, — ответил капитан Гуль. — Однако мне кажется, что это не плот, скорее это опрокинувшийся набок корпус корабля...

— Нет!.. По-моему, это гигантское морское животное! — заявил кузен Бенедикт.

— Не думаю, — сказал юноша.

— А что же это, по-твоему, Дик? — спросила миссис Уэлдон.

— Я полагаю так же, как и капитан Гуль, что это накренившийся набок корпус судна, миссис Уэлдон. Мне сдается, что я различаю даже, как блестит на солнце его обшитый медью киль.

— Да... да... теперь и я вижу, — подтвердил капитан. И, повернувшись к рулевому, он скомандовал:

— Спускайся под ветер, Болтон, держи прямо на это судно!

— Есть, капитан! — ответил рулевой.

— Я остаюсь при своем мнении, — заявил кузен Бенедикт. — Бесспорно, перед нами морское животное.

— В таком случае это медный кит, — сказал капитан Гуль. — Глядите, как он сверкает на солнце.

— Если это и кит, кузен Бенедикт, то во всяком случае мертвый, — заметила миссис Уэлдон. — Ясно видно, что он лежит без движения.

— Что ж из этого, кузина Уэлдон? — настаивал на своем ученый. — Мало ли было случаев, когда корабли встречали спящих на воде китов!

— Совершенно верно, — сказал капитан Гуль. — И все-таки перед нами не спящий кит, а судно.

— Посмотрим, — ответил упрямец.

Впрочем, кузену Бенедикту не было никакого дела до китов, и он променял бы всех млекопитающих арктических и антарктических морей на одно редкое насекомое.

— Одерживай, Болтон, одерживай! — крикнул капитан Гуль. — Не надо подходить к судну ближе чем на кабельтов.^[8] Мы-то уж ничем не можем повредить этому обломку, но мне вовсе не улыбается, чтобы он помял бока «Пилигриму». Приводи в бейдевинд!^[9]

Легким движением руля «Пилигрим» повернули немного влево.

Шхуна — бриг находилась на расстоянии одной мили от погибшего корабля. Матросы с жадным любопытством вглядывались в опрокинувшееся набок судно. Быть может, в трюмах его хранился ценный груз, который удастся перегрузить на «Пилигрим»? Известно, что за спасение груза с тонущего корабля выдается премия в размере одной трети его стоимости.

Если содержимое трюма не повреждено водой, экипаж «Пилигрима» мог получить «хороший улов» — за один день возместить неудачу целого сезона.

Через четверть часа «Пилигрим» был уже в полумиле от плавающего предмета. Теперь не осталось никаких сомнений: это действительно был корпус опрокинувшегося па-бок корабля. Палуба его стояла почти отвесно. Мачты были снесены. От всех снастей остались лишь повисшие обрывки троса и порванные такелажные цепи. На скуле правого борта зияла большая пробоина. Крепление и обшивка были вмяты внутрь пробоины.

— Этот корабль столкнулся с каким-то другим судном! — воскликнул Дик Сэнд.

— Да, несомненно, — подтвердил капитан Гуль. — Но меня поражает, что он тут же не затонул. Это просто чудо.

— Будем надеяться, что корабль, который налетел на это судно, снял с него всю команду, — заметила миссис Уэлдон.

— Да, будем надеяться, миссис Уэлдон, — ответил капитан Гуль. — Но вполне возможно, что экипажу после столкновения пришлось спасаться на собственных шлюпках. К сожалению, морская практика знает случаи, когда виновники аварии, не заботясь об участии пострадавшей команды, спокойно продолжали свой путь.

— Не может быть, капитан! Ведь это ужаснейшая бесчеловечность!

— К сожалению, так бывает, миссис Уэлдон. Примеров сколько угодно. Судя по тому, что на этом корабле не осталось ни одной шлюпки, надо полагать, что команда покинула его. Будем надеяться, что несчастных подобрало встречное судно. Ведь отсюда почти невозможно добраться до суши на шлюпках — слишком велико расстояние до ближайших островов и тем более до американского континента.

— Удастся ли когда-нибудь разгадать тайну этой катастрофы? — сказала миссис Уэлдон. — Как вы думаете, капитан Гуль, остался на судне кто-нибудь из команды?

— Это маловероятно, миссис Уэлдон, — ответил капитан Гуль. — Нас бы уже давно заметили и подали какой-нибудь сигнал. Впрочем, мы сейчас проверим это... Держи немного круче к ветру, Болтон, приводи в крутой бейдевинд! — крикнул капитан, указывая рукой направление.

«Пилигрим» был всего в трех кабельтовых от потерпевшего крушение корабля. Теперь уже не было никаких сомнений, что команда покинула его.

Внезапно Дик Сэнд жестом попросил всех замолчать.

— Слушайте! Слушайте! — воскликнул он. Все насторожились.

— Кажется, собака лает...

Из корпуса тонущего корабля действительно доносился собачий лай. Там, несомненно, была живая собака. Должно быть, она не могла выйти, потому что люки были закрыты. Во всяком случае, ее не было видно.

— Если даже там осталась одна лишь собака, — спасем ее, капитан, — сказала миссис Уэлдон.

— Да, да, — воскликнул маленький Джек. — Надо спасти собачку! Я сам буду кормить ее. Она нас полюбит... Мама, я сейчас сбегаю принесу ей кусочек сахара!

— Стой на месте, сынок, — улыбаясь, сказала миссис Уэлдон. — Бедное животное, должно быть, умирает с голоду и, вероятно, предпочло бы похлебку твоему сахару.

— Так отдай ей мой суп, — сказал мальчик. — Я могу обойтись без супа!

Между тем лай с каждой минутой слышался все явственнее. Между двумя кораблями было теперь менее трехсот футов расстояния. Вдруг над бортом показалась голова крупного пса. Уцепившись передними лапами за фальшборт, животное отчаянно лаяло.

— Говик! — позвал капитан боцмана. — Ложитесь в дрейф и велите спустить на воду

шлюпку.

— Держись, собачка! Держись! — кричал Джек, и собака, казалось, отвечала ему глухим лаем.

Паруса «Пилигрима» быстро были обрасоплены^[10] таким образом, что он оставался почти неподвижным в полукабельтове от потерпевшего крушение судна.

Шлюпка уже покачивалась на волне. Капитан Гуль, Дик Сэнд и два матроса соскочили в нее.

Собака цеплялась за фальшборт, срываясь с него, падала на палубу и лаяла, не переставая; но казалось, что она лаяла не на быстро приближавшуюся шлюпку. Может быть, она звала пассажиров или матросов, запертых, как в тюрьме, на потерпевшем крушение судне?

«Неужели там есть живые люди?» — думала миссис Уэлдон.

Шлюпка была уже близка к цели — еще несколько взмахов весел, и она подойдет к опрокинувшемуся корпусу судна.

Собака снова залаяла. Но теперь она уже не призывала своим лаем спасителей на помощь. Наоборот, в ее лае и рычанье слышалась яростная злоба. Всех удивила такая странная перемена.

— Что с собакой? — спросил капитан Гуль, когда шлюпка огибала корму судна, чтобы пристать к борту, погрузившемуся в воду.

Ни капитан Гуль, ни даже оставшиеся на «Пилигриме» матросы не заметили, что собака стала угрожающе рычать как раз в ту минуту, когда Негоро, выйдя из камбуза, появился на баке.

Неужели собака знала судового кока? Предположение совершенно неправдоподобное.

Как бы там ни было, но, мельком взглянув на бешено лающего пса и ничем не выразив удивления, Негоро только нахмурился на мгновение, повернулся и ушел обратно па камбуз.

Шлюпка обогнула корму судна. Надпись на корме гласила: «Вальдек».

Наименование порта, к которому приписано судно, не было обозначено. Но по форме корпуса, по некоторым особенностям конструкции, которые сразу бросаются в глаза моряку, капитан Гуль установил, что корабль американский. Да и название подтверждало эту догадку. Корпус — вот все, что уцелело от большого брига водоизмещением в пятьсот тонн.

На носу «Вальдека» зияла широкая пробоина — след рокового столкновения. Благодаря тому что судно дало крен, пробоина поднялась над водой на пять-шесть футов, и «Вальдек» не затонул.

На палубе не было ни души.

Собака, оставив борт, добралась по наклонной палубе до открытого центрального люка и, просунув в него голову, отчаянно залаяла.

— Очевидно, этот пес — не единственное живое существо на корабле, — заметил Дик Сэнд.

— Я и сам так думаю, — сказал капитан Гуль. Шлюпка плыла теперь вдоль полузатонувшего борта. Первая же большая волна неминуемо должна была пустить «Вальдек» ко дну.

На палубе брига все было начисто сметено. Торчали только основания грот-мачты и фок-мачты, переломленные в двух футах от пяртнерса^[11]. Очевидно, мачты рухнули при столкновении и упали за борт, увлекая за собой паруса и снасти. Однако, сколько видел глаз, нельзя было обнаружить никаких обломков. Из этого можно было сделать только один вывод: катастрофа с «Вальдеком» произошла уже много дней назад.

— Если люди и уцелели после столкновения, — сказал капитан Гуль, — то, вероятнее всего, они погибли от жажды и голода: ведь камбуз залит водой. Должно быть, на борту

судна остались одни трупы.

— Нет! — воскликнул Дик Сэнд. — Нет! Собака не стала бы так лаять. Тут есть живые.

И он позвал собаку. Умное животное тотчас же соскользнуло в море и, едва перебирая лапами от слабости, поплыло к шлюпке. Когда собаку втащили в лодку, она с жадностью набросилась не на сухарь, который протянул ей Дик Сэнд, а на ведро с пресной водой.

— Бедная собака умирает от жажды! — воскликнул Дик Сэнд.

В поисках удобного места для причала шлюпка отошла на несколько футов от палубы тонувшего корабля. Собака, очевидно, решила, что ее спасители не хотят подняться на борт. Схватив Дика Сэнда за полу куртки, она громко и жалобно залаяла.

Все движения собаки и ее лай были понятнее всяких слов.

Шлюпка подошла к крамболу левого борта. Матросы надежно закрепили ее, а капитан Гуль с Диком Сэндом поднялись на палубу, взяв с собой собаку. Не без труда, ползком, добрались они до отверстия центрального люка, зиявшего между двумя обломками мачт, и спустились в трюм.

В наполовину затопленном трюме не было никаких товаров. Балластом бригу служил песок; теперь он пересыпался на бакборт^[12] и своей тяжестью удерживал судно на боку. Надежды на ценный груз не оправдались. Тут нечего было спасать.

— Здесь нет никого, — сказал капитан Гуль.

— Никого, — подтвердил юноша, пройдя в переднюю часть трюма.

Но собака на палубе продолжала заливаться лаем, как будто настойчиво требовала внимания людей.

— Здесь делать нечего, — сказал капитан Гуль. — Идем назад.

Они поднялись на палубу.

Собака подбежала к ним, потом поползла к юту^[13], как будто звала их туда.

И люди пошли за нею.

Пять человек — вероятно, пять трупов — лежали в кубрике^[14].

При ярком дневном свете, проникавшем в отверстие меж двумя балками, капитан Гуль увидел, что это были негры.

Дику Сэнду, переходившему от одного к другому, показалось, что несчастные еще дышат.

— На борт «Пилигрима»! Всех на борт! — приказал капитан Гуль.

Матросы, оставшиеся в шлюпке, были призваны на помощь. Они помогли вынести потерпевших крушение из кубрика.

Это было нелегкое дело, но через несколько минут всех пятерых спустили в шлюпку. Никто из них не приходил в сознание. Однако капитан Гуль надеялся, что несколько капель лекарства и глоток другой воды возвратят этих людей к жизни.

«Пилигрим» лежал в дрейфе всего в полукабельтове, и шлюпка быстро подплыла к нему.

При помощи подъемного горденя^[15], спущенного с грот-мачты, потерпевших крушение поочередно подняли на палубу «Пилигрима». Собака также не была забыта.

— О, несчастные! — воскликнула миссис Уэлдон при виде пяти распростертых неподвижных тел.

— Они живы, миссис Уэлдон! — сказал Дик Сэнд. — Они еще живы. Мы их спасем!

— Что с ними случилось? — спросил кузен Бенедикт.

— Дайте им прийти в себя, и они расскажут нам свою историю, — ответил капитан Гуль. — Но сначала их надо напоить водой и дать им немножко рому.

И, повернувшись к камбузу, он громко крикнул:

— Негоро!

При этом имени собака вся вытянулась, словно делая стойку, глухо заворчала, а шерсть у нее поднялась дыбом. Кок не показывался и не отвечал.

— Негоро! — еще громче крикнул капитан Гуль.

Собака яростно зарычала.

Негоро вышел из камбуза.

Не успел он сделать и шагу, как собака прыгнула, стремясь вцепиться ему в горло.

Португалец отшвырнул ее ударом кочерги, которой он вооружился, выходя из камбуза. Двое матросов схватили собаку и удержали ее силой.

— Вы знаете этого пса? — спросил капитан Гуль у кока.

— Я? — удивленно воскликнул Пегоро. — И в глаза его никогда не видел!

— Вот странно! — прошептал Дик Сэнд.

Работоторговля все еще широко распространена во всей Экваториальной Африке, Несмотря на то, что вдоль берегов континента крейсируют английские и французские военные корабли, суда работоторговцев по-прежнему вывозят из Анголы и Мозамбика негров-невольников. Спрос на «черный товар» все еще велик во многих странах, и, надо сказать, — даже цивилизованного мира.

Капитану Гулю это было известно.

Хотя та часть океана, где сейчас находился «Пилигрим», лежала в стороне от обычных путей невольничьих судов, капитан Гуль подумал, что спасенные негры, вероятно, принадлежали к партии рабов, которых «Вальдек» вез для продажи в какую-нибудь колонию на Тихом океане.

На «Пилигриме» спасенных негров окружили самым заботливым уходом. Миссис Уэлдон с помощью Ван и Дика Сэнда поила их с ложки холодной водой, которой они, вероятно, были лишены несколько дней.

В конце концов вода, которой они так долго были лишены, и несколько глотков бульона вернули бедных негров к жизни. Один из них — на вид старик лет шестидесяти — говорил по-английски; вскоре он уже был в состоянии отвечать на вопросы.

— Что случилось с «Вальдеком»? — спросил прежде всего капитан Гуль. — Он столкнулся с другим судном?

— Дней десять тому назад, темной ночью, когда все спали, на нас налетел какой-то корабль, — ответил старый негр.

— Что случилось с командой «Вальдека»?

— Не знаю. Когда мы поднялись на палубу, там уже никого не было, господин.

— Вы думаете, что экипаж «Вальдека» успел перебраться на борт того судна, которое столкнулось с «Вальдеком»?

— Надо надеяться, что так было, господин.

— И это судно после столкновения не остановилось, чтобы подобрать пострадавших?

— Нет.

— Может быть, оно затонуло?

— О нет, — покачав головой, ответил старый негр, — мы видели, как оно удалялось.

То же самое утверждали и все спасенные с «Вальдека». Как бы это ни казалось невероятным, однако действительно часто случается, что капитан корабля, по вине которого произошло какое-нибудь ужасное столкновение, спешит поскорее скрыться, нимало не заботясь о несчастных, которых он обрек на гибель, и даже не пытается оказать им помощь!

Строгого осуждения заслуживает возница, наехавший на улице на прохожего и пытающийся скрыться, предоставляя другим заботу о жертве своей неосторожности. Но пострадавшему от несчастного случая на улице быстро окажут первую помощь. А что же сказать о людях, которые бросают на произвол судьбы утопающих в открытом море? Такие люди позорят человеческий род!

Капитан Гуль мог бы рассказать о многих случаях такой бесчеловечной жестокости. Он повторил миссис Уэлдон, что, как ни чудовищны подобные факты, они, к сожалению, не так уж редки.

Затем он продолжал допрос:

— Откуда шел «Вальдек»?

— Из Мельбурна.

— Значит, вы не рабы?

— Нет, господин, — живо ответил негр, выпрямившись во весь рост. — Мы жители Пенсильвании, граждане свободной Америки.

— Друзья мои, — сказал капитан, — знайте, что на борту «Пилигрима», американского брига, никто не будет покушаться на вашу свободу.

Действительно, пять негров, спасенных «Пилигримом», были из штата Пенсильвания. Самого старого из них продали в рабство шестилетним ребенком. Из Африки его доставили в Соединенные Штаты. Здесь он получил свободу после отмены рабства. Младшие его спутники родились свободными гражданами, и никто из белых не вправе был назвать их своей собственностью. Они даже не знали того жаргона, на котором говорили негры перед войной^[16], жаргона, где не существовало спряжения и глаголы всегда употреблялись только в неопределенном наклонении. Эти негры, как свободные граждане, покинули Америку и свободными же гражданами возвращались обратно.

Старик негр рассказал капитану Гулю, что его спутники и сам он поступили на плантацию некоего англичанина неподалеку от Мельбурна, в Южной Австралии. Они проработали там три года и, скопив денег, по окончании контракта решили вернуться на родину.

Они уплатили за проезд на «Вальдеке» как обыкновенные пассажиры и 5 января отплыли из Мельбурна. Спустя семнадцать суток, темной ночью, «Вальдек» столкнулся с каким-то большим кораблем. Негры спали. Их разбудил страшный толчок. Через несколько секунд они выбежали на палубу.

Мачты уже рухнули за борт, и «Вальдек» лежал на боку; но он не пошел ко дну, так как в трюм попало сравнительно немного воды.

Капитан и команда «Вальдека» исчезли: вероятно, одних сбросило в море, другие уцепились за снасти налетевшего корабля, который после столкновения с «Вальдеком» поспешил скрыться.

Пятеро негров остались на потерпевшем крушение судне, в тысяче двухстах милях от ближайшей земли.

Старшего из негров звали Томом. Спутники признавали его своим руководителем. Этим Том был обязан не только возрасту, но и своей энергии и большому опыту, накопленному за долгую трудовую жизнь. Остальные негры были молодые люди в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Звали их: Бат, Остин, Актеон и Геркулес. Бат был сыном старика Тома.

Все четверо были рослыми и широкоплечими молодцами — на невольничьих рынках Центральной Африки за них дали бы высокую цену. Сейчас они были изнурены, измучены, но все же сразу бросалась в глаза могучая стать этих великолепных представителей крепкой черной расы и чувствовалось также, что на них наложило свою печать некоторое воспитание, полученное ими в одной из многочисленных школ Северной Америки.

Итак, после катастрофы Том и его товарищи остались в одиночестве. Они не могли ни исправить повреждения «Вальдека», ни покинуть его, потому что обе шлюпки разбились при столкновении. Спасти их могла только встреча с каким-нибудь кораблем. Потеряв управление, «Вальдек» стал игрушкой ветра и течения. Этим и объясняется, что «Пилигрим» встретил потерпевшее крушение судно в стороне от его курса, много южнее обычного пути кораблей, следующих из Мельбурна в Соединенные Штаты.

В течение десяти дней, которые прошли с момента катастрофы до появления «Пилигрима», пятеро негров питались продуктами, найденными в буфете кают-компаний. Бочки с пресной водой, хранившиеся на палубе, разбились при столкновении, а камбуз, в котором можно было достать спиртные напитки, был залит водой.

На девятый день Том и его товарищи, жестоко страдавшие от жажды, потеряли сознание; «Пилигрим» как раз вовремя подоспел на помощь.

В немногих словах Том рассказал все это капитану Гулю. Не было никаких оснований сомневаться в правдивости рассказа старого негра. Сами факты говорили за это, да и спутники Тома подтверждали его слова.

Другое живое существо, спасенное с тонущего корабля, вероятно, повторило бы то же самое, будь оно наделено даром речи. Речь идет о собаке, которая пришла в такую ярость, когда увидела Негоро. Было что-то странное в этой антипатии животного к судовому коку.

Динго — так звали собаку — был из породы крупных сторожевых собак, какие водятся в Новой Голландии^[17]. Однако капитан «Вальдека» приобрел Динго не в Австралии. Два года назад капитан нашел полумертвую от голода собаку на западном берегу Африки близ устья реки Конго. Ему понравилось прекрасное животное, и он взял его к себе на корабль. Однако Динго не привязался к новому владельцу. Можно было подумать, что он тоскует по прежнему хозяину, с которым его насильно разлучили и которого невозможно было разыскать в этой пустынной местности.

Две буквы — «С» и «В», выгравированные на ошейнике, — вот все, что связывало собаку с ее прошлым, остававшимся для нового хозяина неразрешимой загадкой.

Динго был большим, сильным псом, крупнее пиренейских собак, и мог считаться превосходным образцом ново-голландской породы собак. Когда он вставал на задние лапы и вскидывал голову, то был ростом с человека. Мускулистые, сильные, необычайно подвижные родичи Динго, не колеблясь, нападают на ягуара и пантеру и не боятся в одиночку бороться с медведем. Шерсть у Динго была густая, темно-рыжая, с белесоватыми подпалинами на морде, хвост длинный, пушистый в упругий, как у льва. Такая собака в разъяренном состоянии могла стать опасным врагом, и неудивительно, что Негоро не был в восторге от приема, который ему оказал этот сильный пес.

Динго не отличался общительностью, но его нельзя было назвать и злым. Скорее он казался грустным. Старый Том еще на «Вальдеке» заметил, что Динго как будто недолюбливает негров. Он не пытался причинить им зло, но неизменно держался от них в стороне. Быть может, во время его блужданий по африканскому побережью туземцы дурно обращались с ним? Так или иначе, но он не подходил к Тому и его товарищам, хотя это были славные, добрые люди. В те десять дней, которые они провели вместе на борту потерпевшего крушение корабля, Динго по-прежнему сторонился товарищей по несчастью. Как и чем он питался в эти дни, осталось неизвестным, но так же, как и люди, он жестоко страдал от жажды.

Вот и все, кто уцелел на потерпевшем крушение судне. При первом же волнении на море оно должно было затонуть и, конечно, унесло бы с собой в пучину океана лишь трупы. Но неожиданная встреча с «Пилигримом», который задержался в пути из-за штилей и противных ветров, дала возможность капитану Гулю совершить доброе дело.

Надо было только довести это дело до конца, вернув на родину спасенных с «Вальдека» негров, которые в довершение несчастья лишились всех своих сбережений, скопленных за три года работы. Это и предполагалось сделать. «Пилигрим», разгрузившись в Вальпараисо, должен был подняться вдоль американского побережья до берегов Калифорнии. И миссис Уэлдон великодушно обещала Тому и его спутникам, что там они найдут приют у ее мужа, мистера Джемса Уэлдона, и он снабдит их всем необходимым для возвращения в Пенсильванию. Несчастные могли теперь быть уверенными в будущем, и им оставалось лишь благодарить миссис Уэлдоны и капитана Гуля. Действительно, бедные негры были им многим обязаны, чувствуя себя в долгу перед ними, надеялись когда-нибудь доказать им на

деле свою благодарность.

«Пилигрим» пошел дальше, стараясь, насколько возможно, держать курс на восток. Упорные штили немало беспокоили капитана Гуля. В том, что переход из Новой Зеландии в Вальпараисо продлится лишнюю неделю или две, не было ничего тревожного. Однако эта непредвиденная задержка могла утомить пассажиров.

Но миссис Уэлдон не жаловалась и терпеливо сносила все неудобства плавания.

К вечеру этого дня, 2 февраля, корпус «Вальдека» исчез из виду.

Капитан Гуль первым долгом постарался поудобнее устроить Тома и его спутников. Тесный кубрик «Пилигрима» не мог вместить лишних пять человек, и капитан решил отвести им место на баке^[18]. Впрочем, эти закаленные люди, привыкшие работать в тяжелых условиях, были непривередливы. В хорошую погоду — а дни стояли жаркие и сухие — они вполне могли там оставаться на все время плавания.

Жизнь на судне, однообразное течение которой лишь ненадолго нарушила встреча с «Вальдеком», снова вошла в колею.

Том, Остин, Бат, Актеон и Геркулес рады были всякой работе. Но когда ветер дует все время в одном направлении и паруса уже поставлены, на судне нечего делать. Зато, когда нужно было лечь на другой галс^[19], старый негр и его товарищи спешили на помощь экипажу. И надо сказать, что, когда гигант Геркулес принимался тянуть какую-нибудь снасть, остальные матросы могли стоять сложа руки. Этот могучий человек, ростом в шесть футов с лишком, мог заменить собой лебедку.

Маленький Джек с восхищением смотрел, как работает великан. Он нисколько не боялся Геркулеса, когда тот высоко подкидывал его в воздух, словно куклу. Джек визжал от восторга.

— Еще выше, Геркулес! — кричал он.

— Извольте, мистер Джек, — отвечал Геркулес.

— А тебе не тяжело?

— Да вы как перышко!

— Тогда подними меня высоко-высоко! Как можно выше!

И когда Геркулес, подставив свою широкую ладонь, предлагал Джеку стать на нее обеими ножками и, вытянув руку, ходил с мальчиком по палубе, словно цирковой атлет, Джек глядел на всех сверху вниз и, воображая себя великаном, от души веселился. Он старался «сделаться тяжелее», но Геркулес даже не замечал его усилий.

Таким образом, у маленького Джека уже стало два друга: Дик Сэнд и Геркулес.

Вскоре он приобрел и третьего друга — Динго.

Как уже упоминалось. Динго был необщительным псом. Возможно, это свойство развилось у него на «Вальдеке», где люди пришлись ему не по вкусу. Но на «Пилигриме» характер собаки быстро изменился. Джек, очевидно, сумел завоевать сердце Динго. Собака с удовольствием играла с мальчиком, а ему эти игры доставляли большую радость. Скоро стало видно, что Динго был из тех собак, которые особенно любят детей. Правда, Джек никогда не мучил его. Но превращать пса в резвого скакуна, разве это не заманчиво? Можно смело сказать, что всякий ребенок предпочтет такую лошадку самому красивому деревянному коню, даже если у того к ногам привинчены колесики. Джек часто с упоением скакал верхом на Динго, который охотно выполнял эту прихоть своего маленького друга; худенький мальчуган был для него не более тяжелой ношей, чем жокей для скакового коня.

Зато какой урон терпел ежедневно запас сахара на камбузе!

Динго скоро стал любимцем всего экипажа. Один Негоро старался избегать встреч с Динго, который с первого же мгновения, непонятно почему, возненавидел его.

Однако увлечение собакой не охладило любви Джека к старому другу — Дику Сэнду. По-прежнему юноша проводил со своим маленьким приятелем все часы, свободные от вахты. Миссис Уэлдон, само собой разумеется, была очень довольна этой дружбой.

Однажды — это было 6 февраля — она заговорила с капитаном Гулем о Дике Сэнде. Капитан горячо хвалил молодого матроса.

— Ручаюсь вам, — говорил он миссис Уэлдон, — что этот мальчик станет замечательным моряком. Право, у него врожденный инстинкт моряка. Меня поражает, с какой быстротой он усваивает знания в нашем деле, хотя не имеет теоретической подготовки, и как много он узнал за короткое время!

— К этому надо добавить, — сказала миссис Уэлдон, — что он честный и добрый юноша, не по летам серьезный и очень прилежный. За все годы, что мы знаем его, ни разу он не подал ни малейшего повода к недовольству им.

— Что и говорить! — подхватил капитан Гуль. — Славный малый этот Дик! Недаром все его так любят.

— Когда мы вернемся в Сан-Франциско, — продолжала миссис Уэлдон, — муж отдаст его в морское училище, чтобы он мог впоследствии получить диплом капитана.

— И очень хорошо сделает мистер Уэлдон, — заметил капитан Гуль. — Я уверен, что Дик Сэнд когда-нибудь станет гордостью американского флота.

— У бедного мальчика было тяжелое, сиротское детство. Он прошел трудную школу, — сказала миссис Уэлдон.

— Уроки ее не пропали даром. Дик понял, что только упорный труд поможет ему выбиться в люди, и сейчас он на правильном пути.

— Да, он будет человеком долга.

— Вот посмотрите на него, миссис Уэлдон, — продолжал капитан Гуль. — Он несет сейчас вахту у штурвала и не спускает глаз с фока. Он весь — сосредоточенность и внимание, поэтому судно не рыскает, а идет прямо по курсу. У мальчика уже сейчас сноровка старого рулевого. Хорошее начало для моряка! Знаете, миссис Уэлдон, ремеслом моряка надо заниматься с детства. Кто не начал службы юнгой, тот никогда не будет настоящим моряком, по крайней мере в торговом флоте. В детстве из всего извлекаешь уроки, и постепенно твои действия становятся не только сознательными, но и инстинктивными, и в результате моряк привыкает принимать решения так же быстро, как и маневрировать парусами.

— Однако, капитан, есть ведь немало отличных моряков и в военном флоте, — заметила миссис уэлдон.

— Разумеется. Но насколько я знаю, почти все лучшие моряки с детства начали службу. Достаточно вспомнить Нельсона^[20], да и многих других, начинавших службу юнгами.

В эту минуту из каюты вышел кузен Бенедикт. Погруженный, по обыкновению, в свои мысли, он с рассеянным видом блуждал по палубе, заглядывая во все щели, шаря под клетками с курами, проводя пальцами по швам в обшивке борта, — там, где вар облупился.

— Как вы себя чувствуете, кузен Бенедикт? — спросила миссис Уэлдон.

— Благодарю вас, хорошо, кузина. Как всегда... Но мне не терпится поскорее вернуться на землю.

— Что вы там ищете под скамьей, мистер Бенедикт? — спросил капитан Гуль.

— Насекомых, сударь, насекомых! — сердито ответил кузен Бенедикт. — Что, по-вашему, я могу искать, если не насекомых?

— Насекомых? К сожалению, вам придется потерпеть: в открытом море вам вряд ли

удастся пополнить свою коллекцию.

— Почему же так, сударь? Разве нельзя себе представить, что на корабле окажется несколько экземпляров...

— Нет, кузен Бенедикт, вы ничего тут не найдете, — прервала его миссис Уэлдон. — Сердитесь не сердитесь на капитана Гуля, но он содержит свой корабль в такой безукоризненной чистоте, что все ваши поиски будут напрасны.

Капитан Гуть рассмеялся.

— Миссис Уэлдон преувеличивает, — сказал он. — Однако, мне кажется, вы действительно потеряете напрасно время, если будете искать насекомых в каютах.

— Знаю, знаю! — досадливо пожав плечами, воскликнул кузен Бенедикт. — Я уже обшарил все каюты сверху донизу...

— Но в трюме, — продолжал капитан Гуть, — вы, пожалуй, найдете несколько тараканов, если они вас, конечно, интересуют!

— Разумеется, интересуют! Как могут не интересоваться меня эти ночные прямокрылые насекомые, которые навлекли на себя проклятия Вергилия и Горация! — возразил кузен Бенедикт, гордо выпрямившись во весь рост. — Как могут не интересоваться меня эти близкие родственники «*Periplaneta orientalis*» и американского альбиноса, тараканы, обитающие...

— Грязнящие... — сказал капитан Гуть.

— Царящие на борту! — гордо поправил его кузен Бенедикт.

— Тараканье царство!

— О, сразу видно, что вы не энтомолог, сударь!

— Ни в какой мере!

— Послушайте, кузен Бенедикт, — улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, — надеюсь, вы не потребуете, чтобы из любви к науке мы безропотно отдали себя на съедение тараканам?

— Я ничего не требую, кузина! — ответил пылкий энтомолог. — Единственно, чего я добиваюсь, — это украсить свою коллекцию каким-нибудь редким экземпляром.

— Вы недовольны своими новозеландскими находками?

— Напротив, очень доволен, кузина. Мне посчастливилось поймать там экземпляр жука-стафилина, которого до меня находили только в Новой Каледонии, то есть на несколько сот миль дальше.

В эту минуту Динго, который все время играл с Джеком, подбежал к кузену Бенедикту.

— Поди прочь, поди прочь! — закричал тот, отталкивая собаку.

— О мистер Бенедикт! — воскликнул капитан Гуть. — Как можно любить тараканов и ненавидеть собак?

— Да еще таких хороших собачек! — сказал маленький Джек, обхватив обеими руками голову Динго.

— Да... может быть... — проворчал кузен Бенедикт. — Но это мерзкое животное обмануло мои надежды.

— Как, кузен Бенедикт! — воскликнула миссис Уэлдон. — Неужели вы и Динго собирались зачислить в отряд двукрылых или перепончатокрылых?

— Нет, конечно, — вполне серьезно ответил ученый. — Но ведь Динго, хоть он и принадлежит к австралийской породе собак, был подобран на западно-африканском побережье!

— Совершенно верно, — подтвердила миссис Уэлдон. — Том слышал, как об этом говорил капитан «Вальдека».

— Так вот... я думал... я надеялся... что на этом животном окажутся какие-нибудь насекомые, присущие только западно-африканской фауне...

— О небо! — воскликнула миссис Уэлдон.

— И я полагал, что, может быть, на нем найдется какая-нибудь особенно злая блоха еще неизвестного, нового вида...

— Слышишь, Динго? — сказал капитан Гуль. — Слышишь, пес? Ты не выполнил своих обязанностей!

— Но я напрасно вычесал ему шерсть, — продолжал с нескрываемым огорчением энтомолог, — на нем не оказалось ни одной блохи!

— Если бы вам удалось найти блох, надеюсь, вы бы немедленно уничтожили их? — воскликнул капитан.

— Сударь, — сухо ответил кузен Бенедикт, — вам не мешает знать, что сэр Джон Франклин^[21] никогда напрасно не убивал насекомых, даже американских комаров, укусы которых несравненно болезненнее блошиных укусов. Полагаю, вы не станете оспаривать, что сэр Джон Франклин в морском деле кое-что смыслил?

— Верно! — С поклоном ответил капитан Гуль.

— Однажды его страшно искусал москит. Но Франклин только дунул на него и, отогнав, учтиво сказал: «Пожалуйста, уйдите. Мир достаточно велик для вас и для меня!»

— Ага! — произнес капитан Гуль.

— Да, сударь!

— А знаете ли вы, господин Бенедикт, — заметил капитан Гуль, — что другой человек сказал это много раньше, чем Франклин?

— Другой?

— Да. Звали его дядюшка Тоби.

— Кто он? Энтомолог? — живо спросил кузен Бенедикт.

— О нет, стерновский дядюшка Тоби^[22] не был энтомологом, но это не помешало ему, без излишней, правда, учтивости, сказать мухе, которая жужжала около его носа: «Убирайся, бедняга! Свет велик, и мы можем жить, не стесняя друг друга».

— Молодчина этот дядюшка Тоби! — воскликнул купен Бенедикт. — Он умер?

— Полагаю, что да, — невозмутимо ответил капитан Гуль, — так как он никогда не существовал.

Все смеялись, глядя на кузена Бенедикта.

Такие дружеские беседы помогали коротать долгие часы затянувшегося плавания. Само собой разумеется, что в присутствии кузена Бенедикта разговор неизменно вращался вокруг каких-нибудь вопросов энтомологической пауки.

Море все время было спокойное, но слабый ветер еле надувал паруса шхуны-брига, и «Пилигрим» почти не подвигался на восток. Капитан Гуль с нетерпением ждал, когда же судно достигнет, наконец, тех мест, где подуют более благоприятные ветры.

Надо сказать, что кузен Бенедикт пытался посвятить Дика Сэнда в тайны энтомологии. Но юноша уклонился от этой чести; тогда ученый начал читать лекции неграм. Дело кончилось тем, что Том, Бат, Остин в Актеон стали убегать от кузена Бенедикта, как только он показывался на палубе. Почтенному энтомологу приходилось довольствоваться только одним слушателем — Геркулесом, у которого он обнаружил врожденную способность отличать паразитов от вилохвостых насекомых.

Великан негр жил теперь окруженный жуками-кожеедами, жужелицами, щелкунами, рогаками, жуками-могильщиками, долгоносиками, навозниками, божьими коровками, короедами, хрущами, зерновками. Он исследовал всю коллекцию кузена Бенедикта, который трепетал от страха, видя своих хрупких насекомых в толстых и крепких, как тиски, пальцах Геркулеса. Но великан ученик так внимательно слушал лекции, что профессор решил даже

рискнуть ради него своими сокровищами.

В то время как кузен Бенедикт занимался с Геркулесом, миссис Уэлдон учила чтению и письму маленького Джека, а его друг, Дик Сэнд, знакомил его с начатками арифметики.

Пятилетний ребенок легче усваивает знания, когда уроки похожи на занимательную игру. Миссис Уэлдон учила Джека чтению не по азбуке, а при помощи деревянных кубиков, на которых были нарисованы большие красные буквы. Малыша забавляло, что от сочетания их получаются слова. Сначала мать сама складывала какое-нибудь слово, затем, перемешав кубики, предлагала Джеку самостоятельно сложить то же слово.

Мальчику нравилось учиться играючи. Каждый день он подолгу возился со своими кубиками в каюте или на палубе, то складывал слова, то вновь перемешивал все буквы алфавита.

Эта игра послужила причиной происшествия, настолько необычайного и неожиданного, что о нем стоит рассказать подробнее.

Случилось это утром 9 февраля.

Джек полулежал на палубе и составлял из кубиков какое-то слово; старик Том должен был вновь составить это слово после того, как мальчик перемешает кубики. Соблюдая правила игры, Том закрыл глаза ладонью, чтобы не видеть, какое слово складывает Джек.

В наборе кубиков были не только заглавные и строчные буквы, но также и цифры, — таким образом, эта игра служила пособием для обучения не только чтению, но и счету.

Джек выстроил все кубики в один ряд и, нахмутив брови, выбирал нужные ему буквы. Работа нелегкая, и мальчик так увлекся ею, что не обращал внимания на Динго, который кружил возле него. Вдруг собака замерла на месте, уставившись на один кубик. Потом подняла переднюю правую лапу и завиляла хвостом. Затем схватила в зубы кубик, отбежала в сторону и положила его на палубу.

На этом кубике была изображена заглавная буква «С».

— Динго, отдай! — крикнул мальчик, испугавшись, что собака проглотит кубик.

Но Динго вернулся, взял еще один кубик и положил его рядом с первым.

На втором кубике было нарисовано заглавное «В».

Тут Джек вскрикнул.

На его крик прибежали миссис Уэлдон, капитан Гуль и Дик Сэнд, гулявшие по палубе.

Джек рассказал о том, что произошло.

Динго различал буквы! Динго умел читать! Да, да! Джек видел это собственными глазами.

Дик Сэнд пошел за кубиками, чтобы вернуть их Джеку. Динго встретил его рычаньем.

Тем не менее юноша поднял кубики с палубы и поставил их в выстроенную шеренгу. Динго опять бросился к ней, снова выбрал те же две буквы и отнес их в сторонку. Он лег и, положив лапы на кубики, вызывающе смотрел на людей, ясно показывая, что никому не намерен их отдать. Другие буквы алфавита его не занимали и как будто и не существовали для него.

— Как странно! — воскликнула миссис Уэлдон.

— Действительно, очень странно, — сказал капитан Гуль, пристально глядя на кубики.

— С, В, — прочитала миссис Уэлдон.

— С, В, — повторил капитан Гуль. — Те же буквы, что и на ошейнике Динго!

И, внезапно обернувшись к старому негру, он спросил:

— Том, вы, кажется, говорили, что эта собака лишь с недавних пор принадлежала капитану «Вальдека»?

— Да, сударь. Динго попал на «Вальдек» всего года два тому назад.

— Капитан «Вальдека» нашел его на западном побережье Африки?

— Да, сударь, близ устья Конго. Я не раз слышал, как капитан «Вальдека» говорил об этом.

— И никто не знает, кому раньше принадлежал Динго и как он попал в Африку?

— Никто, капитан. Ведь с собаками дело обстоит хуже, чем с брошенными детьми: документов у них нет никаких, да и рассказать они ничего не могут.

Капитан Гуль умолк и задумался.

— Разве эти две буквы что-нибудь говорят вам, капитан? — спросила миссис Уэлдон, решившись, наконец, нарушить молчание.

— Да, миссис Уэлдон. Они наводят меня на мысль... Л впрочем, может быть, это просто случайное совпадение.

— Какое?

— Может быть, в этих двух буквах есть смысл и они помогут выяснить судьбу одного отважного путешественника.

— Не понимаю. Что вы хотите сказать?

— Сейчас объясню, миссис Уэлдон. В тысяча восемьсот семьдесят первом году, то есть два года назад, один путешественник-француз отправился в Африку по инициативе Парижского географического общества, предпринимая попытку пересечь континент с запада на восток. Исходным пунктом его экспедиции как раз было устье реки Конго. Конечной точкой, по возможности, должен был быть мыс Дельгадо в устье реки Рувума, по течению которой путешественник намеревался спуститься. Этого человека звали Самюэль Вернон.

— Самюэль Вернон?! — повторила миссис Уэлдон.

— Да, миссис Уэлдон. Заметьте, что имя и фамилия начинаются как раз с тех букв, которые Динго выбрал из всего алфавита, и они же выгравированы на его ошейнике.

— В самом деле, — сказала миссис Уэлдон. — А что случилось с путешественником?

— Он отправился в экспедицию, — ответил капитан Гуль, — и с тех пор от него не было известий.

— Ни одной весточки? — спросил Дик Сэнд.

— Ни одной, — сказал капитан.

— Какой же из всего этого вывод вы делаете? — спросила миссис Уэлдон.

— Я полагаю, что Самюэлю Вернону не удалось добраться до восточного берега Африки. Либо он погиб в пути, либо его взяли в плен туземцы.

— Значит, эта собака...

— Эта собака могла принадлежать Самюэлю Вернону. Но если мое предположение правильное, Динго оказался счастливее своего хозяина: ему удалось вернуться назад к устью Конго, где его нашел капитан «Вальдека».

— А вы уверены, что француза-путешественника действительно сопровождала собака, или это только ваша догадка?

— Нет, миссис Уэлдон, это только моя догадка, — ответил капитан Гуль. — Зато бесспорным фактом является то, что Динго знает буквы «С» и «В», инициалы путешественника. Каким образом и где собака научилась различать эти две буквы, я, разумеется, не могу вам сказать. Но Динго отлично знает их. Глядите, он подталкивает кубики лапой, точно просит нас прочитать буквы.

И правда, поведение Динго нельзя было иначе истолковать.

— Разве Самюэль Верной один предпринял такую трудную экспедицию? — спросил Дик Сэнд.

— Не знаю, — ответил капитан Гуль. — Но весьма вероятно, что он взял с собой отряд

носильщиков-туземцев.

В эту минуту Негоро вышел из каюты на палубу. Сначала никто не обратил внимания на его приход, и поэтому никто не заметил странного взгляда, который португалец бросил на собаку, по-прежнему оберегавшую два кубика с буквами «С» и «В». Но Динго, увидев судового кока, яростно зарычал и оскалил зубы.

Негоро тотчас же ушел назад в каюту, но взгляд, который он бросил на собаку, и угрожающий жест, который вырвался у него, не предвещали Динго ничего хорошего.

— Здесь кроется какая-то тайна, — прошептал капитан Гуль, от глаз которого не ускользнула ни одна подробность этой краткой сцены.

— И все-таки странно, мистер Гуль, — заметил Дик Сэнд. — Как же это собака научилась различать буквы алфавита?

— И ничего тут нет странного! — заявил маленький Джек. — Мама часто рассказывала мне про собаку, которая умела читать и писать, как настоящий школьный учитель, и даже играла в домино.

— Дорогой мой мальчик, — улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, — собака Мунито, о которой я тебе рассказывала, совсем не была такой ученой, как тебе кажется. Если верить тому, что мне говорили, Мунито не умела отличить одну от другой буквы, из которых она составляла слова. Весь секрет ее «учености» заключался в замечательно остром слухе. Ее хозяин, ловкий американец, заметил это качество у Мунито, стал развивать его и в конце концов добился удивительных результатов.

— Как же он достиг этого, миссис Уэлдон? — спросил Дик Сэнд. Тайна ученой собаки заинтересовала его не меньше, чем Джека.

— Вот как, друг мой. Когда Мунито предстояло «работать» перед публикой, на столе расставляли кубики с буквами, вроде кубиков Джека. Собака ходила по столу в ожидании, пока из публики назовут слово, которое ей надлежало сложить. Обязательным условием было, чтобы это слово знал хозяин Мунито.

— Значит, в отсутствие хозяина... — начал юноша.

— ...собака ничего не могла сделать, — сказала миссис Уэлдон. — И вот почему. Буквы были расставлены на столе, собака расхаживала взад и вперед вдоль этого алфавита. Подойдя к букве, которая входила в заданное слово, она останавливалась, но не потому, что знала эту букву, а потому, что различала звук, не уловимый ни для кого другого; слышала, как американец щелкал зубочисткой, спрятанной в кармане. Это служило для нее сигналом, Мунито брала кубик и ставила его рядом с другим кубиком в определенном порядке.

— И в этом заключался весь секрет? — воскликнул Дик Сэнд.

— Да, Секрет, как видишь, несложный, — ответила миссис Уэлдон. — Впрочем, и большинство других фокусов обычно так же просты. Когда хозяина не было вблизи, Мунито теряла свой «дар». Поэтому-то меня так удивляет, что и в отсутствие Самюэля Вернона, — если только он действительно был хозяином собаки, — Динго сумел распознать эти две буквы.

— В самом деле, — заметил капитан Гуль, — это достойно удивления. Впрочем, здесь ведь собака не складывает из букв любое слово, по выбору публики: она выбирает только две буквы — всегда одни и те же. В конце концов собака, которая звонила у дверей монастыря, чтобы получить остатки обеда, предназначенные к раздаче нищим, или та собака, которая поочередно с другой через день должна была вращать вертел и отказывалась работать не в свою очередь, — быть может, эти собаки гораздо сообразительнее нашего Динго. Но не в этом дело. Перед нами неоспоримый факт: из всех букв алфавита Динго выбрал только две — «С» и «В». Других букв он, по-видимому, не знает. Из этого можно

сделать только один вывод, что существовали какие-то причины, которые заставили собаку запомнить именно эти две буквы.

— Ах, капитан Гуль, — вздохнул Дик Сэнд, — если бы Динго мог говорить! Он объяснил бы нам, что означают эти буквы и почему он точит зубы на нашего кока!

— Да еще какие зубы! — рассмеялся капитан Гуль, указывая на Динго, который в эту минуту зевнул, обнажив свои страшные клыки.

Легко себе представить, что этот странный случай с Динго не раз служил темой бесед, которые вели на корме «Пилигрима» миссис Уэлдон, капитан Гуль и Дик Сэнд. Молодой матрос инстинктивно не доверял Негоро, хотя поведение судового кока по-прежнему было безупречным. На баке, в помещении команды, тоже немало говорили о Динго, но пришли к другому выводу: он был признан учнейшим псом, который не только читает, но, может быть, и пишет лучше иного матроса. И если он еще не заговорил на человеческом языке, то только потому, что у пего, очевидно, имеются веские основания хранить молчание.

— Вот увидите, — ораторствовал рулевой Болтон, — в один прекрасный день этот пес подойдет ко мне и спросит: «Куда мы держим курс, Болтон? Какой ветер нынче дует? Норд-вест или вест-норд-вест?» И мне придется ответить.

— Мало ли есть говорящих животных, — рассуждал другой матрос, — сороки, попугаи!.. Почему бы и собаке не заговорить, если ей захочется? Кажется, клювом говорить труднее, чем пастью.

— Правильно, — подтвердил боцман Говик, — а все-таки говорящих собак никогда не бывало.

Команда «Пилигрима» чрезвычайно удивилась бы, узнав, что говорящие собаки существуют. У одного датского ученого была собака, которая отчетливо произносила слов двадцать. Но непроходимая пропасть отделяет такое умение от настоящей осмысленной речи. У собаки датского ученого голосовые связки были устроены так, что она могла издавать членораздельные звуки. Но смысл произносимых слов она понимала не больше, чем, скажем, попугаи, сойки или сороки. Для всех «говорящих» животных слова — это только разновидность пения или крика, — значение этих звуков остается для них непостижимым.

Как бы там ни было, но Динго стал героем дня на борту «Пилигрима». К чести его надо сказать, что он от этого не возгордился. Капитан Гуль неоднократно повторял опыт: он раскладывал деревянные кубики перед собакой, и Динго без ошибок и колебаний всякий раз вытаскивал два кубика с буквами «С» и «В», не обращая внимания на остальные буквы алфавита.

Несколько раз капитан этот опыт проделывал и при кузене Бенедикте. Но ученого занимали только насекомые, и поведение Динго нисколько не заинтересовало его.

— Не следует думать, — сказал он однажды, — что только собаки одарены подобной сообразительностью. Есть немало и других умных животных. Но и они, так же как и собаки, лишь подчиняются инстинкту. Вспомните хотя бы крыс, которые бегут с кораблей, обреченных на гибель; вспомните бобров; они предвидят подъем воды в реке и надстраивают свои платины; вспомните ослов, у которых замечательная память; вспомните, наконец, трех коней, принадлежавших Никомеду, Скандербегу и Оппиену, — они умерли от горя после смерти своих хозяев. Были и другие животные, которые делают честь всему миру животных. Известны случаи, когда на диво обученные птицы писали без ошибки слова под диктовку своего учителя, когда попугаи считали, сколько гостей в комнате, с точностью, которой позавидовал бы вычислитель Бюро долгот и широт. Разве не существовало попугая, за которого заплатили сто золотых, ибо он читал некоему кардиналу, своему хозяину, весь символ веры без запинки. Разве энтомолог не должен испытывать законного чувства гордости, когда видит, как простые насекомые дают доказательства высоко развитого интеллекта и убедительно подтверждают изречение: «In minimis maximus Deus»^[23]. Ведь муравьи могли бы поспорить со строителями наших больших городов. Я бесконечно горжусь

тем, что некоторые крохотные насекомые также обнаруживают развитой интеллект. Водяные пауки-серебрянки, не знающие законов физики, строят воздушные колокола, блохи везут экипажи, как заправские рысаки, выполняют строевые упражнения не хуже карабинеров, стреляют из пушек лучше, чем дипломированные артиллеристы, окончившие Вест-Пойнт^[24]. Нет, Динго не заслужил чрезмерных похвал. Если он так сведущ в азбуке — это не его заслуга: он принадлежит к еще не получившей своего места в зоологии породе *canis alphabeticus* — «собак-грамотеев», как видно, встречающихся в Новой Зеландии.

Но такие речи завистливого энтомолога нисколько не унизили Динго в общественном мнении, и на баке о нем по-прежнему говорили как о настоящем чуде.

Один лишь Негоро не разделял общего восхищения собакой. Быть может, он считал ее слишком умной. Динго относился к судовому коку все так же враждебно, и Негоро не преминул бы отплатить ему за это, если бы Динго не был способен «постоять за себя», во-первых, и если бы, во-вторых, он не стал любимцем всего экипажа.

Негоро теперь больше, чем когда-либо, избегал показываться на глаза Динго. Это не помешало Дику Сэнду заметить, что после случая с кубиками взаимная ненависть человека и собаки усилилась. В этом было нечто необъяснимое.

Десятого февраля томительные штили, во время которых «Пилигрим» не двигался с места, чередовались с порывами налетавшего встречного ветра. Но в этот день норд-ост заметно стих, и капитан Гуль стал надеяться на скорую перемену ветра. Он мечтал о северо-западном ветре, который позволил бы шхуне-бригу поднять все паруса. Из оклендского порта «Пилигрим» вышел всего девятнадцать дней тому назад. Задержка была не так уж велика, и при попутном ветре отлично оснащенная шхуна-бриг могла быстро наверстать потерянное время. Но желанная перемена ветра еще не наступила. Надо было ждать еще несколько дней.

По—прежнему океан простирался водной пустыней. Ни одно судно не заглядывало в эти широты. Мореплаватели покинули их. Китобои, охотившиеся в южных полярных морях, не собирались еще возвращаться на родину, и «Пилигрим», в силу чрезвычайных обстоятельств оставивший место охоты раньше времени, не мог надеяться на встречу с каким-нибудь кораблем, идущим к тропику Козерога.

Трансокеанские пакетботы, как уже говорилось, совершали рейсы между Америкой и Австралией под более низкими широтами.

Однако именно потому, что море было таким пустынным, оно особенно привлекало к себе внимание. Однообразное на взгляд поверхностного наблюдателя, оно представляется настоящим морякам, людям, которые умеют видеть и угадывать, бесконечно разнообразным. Неуловимая его изменчивость восхищает людей, обладающих воображением и чувствующих поэзию океана. Вот плывет пучок морской травы; вот длинная водоросль оставляет на поверхности воды легкий волнистый след; а вот волны колышут обломок доски, и так хочется отгадать, какое происшествие связано с этим обломком. Бесконечный простор дает богатую пищу воображению. В каждой из этих молекул воды, то поднимающихся в дымке пара к облакам, то проливающих дождем в море, заключается, быть может, тайна какой-нибудь катастрофы. Как надо завидовать тем пытливым умам, которые умеют выведывать у океана его тайны, подниматься от его вечно движущихся вод к небесным высотам.

Всюду жизнь — и под водой и над водой! Пассажиры «Пилигрима» наблюдали, как охотятся на маленьких рыбок стаи перелетных птиц, покинувших приполярные области перед наступлением зимних холодов. Дик Сэнд, перенявший у Джемса Уэлдона наряду со многими другими полезными навыками также и искусство меткой стрельбы, доказал, что он одинаково хорошо владеет ружьем и револьвером: юноша подстрелил на лету несколько птиц.

Над водой кружили буревестники — одни совершенно белые, другие с темной каймой на крыльях. Иногда пролетали стаи капских буревестников, а в воде проносились пингвины, у которых на земле такая неуклюжая и смешная походка. Однако, как отметил капитан Гуль, обрубки крыльев служат пингвинам настоящими плавниками, в воде птицы эти могут состязаться с самыми быстрыми рыбами, так что моряки иногда принимают их за тунцов. Высоко в небе реяли гигантские альбатросы, раскинув крылья в десять футов шириной. Они спускались на воду и клювом искали себе в ней пищу.

Эти непрестанно сменяющиеся картины представляют собой увлекательное зрелище. Только человеку, глубоко равнодушному к природе, море может показаться однообразным.

Днем 10 февраля миссис Уэлдон, прогуливаясь по палубе «Пилигрима», заметила, что поверхность моря внезапно стала красноватой. Казалось, вода окрасилась кровью. Сколько видел глаз, во все стороны простиралось это загадочное красное поле.

Дик Сэнд играл с маленьким Джеком недалеко от миссис Уэлдон, она сказала ему:

— Посмотри, Дик, что за странный цвет у моря. Откуда эта окраска? Может быть, тут какая-нибудь морская трава?

— Нет, миссис Уэлдон, — ответил юноша, — эту окраску воде придают мириады крохотных ракообразных, которые служат обычно пищей крупным морским млекопитающим. Рыбаки метко прозвали этих рачков «китовой похлебкой».

— Рачки! — сказала миссис Уэлдон. — Но они такие крохотные, что их, пожалуй, можно назвать морскими насекомыми! Кузен Бенедикт, наверное, с радостью включит их в свою коллекцию.

И миссис Уэлдон громко позвала:

— Кузен Бенедикт! Идите сюда. Кузен Бенедикт вышел из каюты почти одновременно с капитаном Гулем.

— Поглядите, кузен Бенедикт! Видите огромное красное пятно на море? — спросила миссис Уэлдон. — Ага! — воскликнул капитан Гуль. — Китовая похлебка! Вот удобный случай изучить весьма любопытных рачков, господин Бенедикт!

— Ерунда! — сказал энтомолог.

— Как «ерунда»?! — вскричал капитан. — Вы не имеете права проявлять такое равнодушие! Если не ошибаюсь, эти рачки относятся к одному из шести классов суставчатых и в качестве таковых...

— Ерунда! — повторил кузен Бенедикт, замотав головой.

— Однако! Такое равнодушие у энтомолога...

— Не забывайте, капитан Гуль, — прервал его кузен Бенедикт, — что я изучаю насекомых, в особенности шестиногих.

— Значит, вас эти рачки мало занимают, господин Бенедикт? Но если бы вы обладали желудком кита, как бы вы обрадовались этому пиру! Знаете, миссис Уэлдон, когда нам, китобоям, случается наткнуться в море на такую стаю рачков, мы спешим привести в готовность гарпуны и шлюпки. В таких случаях можно не сомневаться, что добыча близка...

— Но как могут такие крохотные рачки насытить огромного кита? — спросил Джек.

— Что ж тут удивительного, дружок? — ответил капитан Гуль. — Ведь готовят вкусные кушанья из манной крупы, из крахмала, из муки тончайшего помола. Так уж пожелала природа: когда кит плывет в этой красной воде, похлебка для него готова, — ему стоит только открыть свою огромную пасть. Мириады рачков попадают туда, и он закрывает рот. Тогда роговые пластинки, — так называемый «китовый ус», — которые щеткой свисают с его неба, выполняют роль рыбачьих сетей. Ничто не может ускользнуть из его рта, и масса рачков отправляется в обширный желудок кита так же просто, как суп в твой животик.

— Ты понимаешь, Джек, — добавил Дик Сэнд, — что господин кит не тратит времени на то, чтобы очищать от скорлупы каждого рачка в отдельности, как ты очищаешь креветок.

— В то время как огромный обжора лакомится своей «похлебкой», — сказал капитан Гуль, — кораблю легче подойти к нему, не возбуждая у кита тревоги. Самая подходящая минута пустить в ход гарпун...

В это мгновение, как бы в подтверждение слов капитана Гуля, вахтенный матрос крикнул:

— Кит на горизонте — впереди по левому борту! Капитан Гуль выпрямился во весь рост.

— Кит! — воскликнул он и, побуждаемый инстинктом охотника, побежал на нос.

Миссис Уэлдон, Джек, Дик Сэнд и даже кузен Бенедикт последовали за ним.

Действительно, в четырех милях, под ветром, в одном месте море как бы кипело. Опытный китобой не мог ошибиться: среди красных волн двигалось крупное морское млекопитающее. Но расстояние еще было слишком велико, чтобы можно было определить породу этого млекопитающего. Пород этих несколько, и каждая довольно резко отличается от других.

Может быть, это один из видов настоящих китов, за которыми главным образом и охотятся китобой северных морей? У настоящих китов нет спинного плавника, под кожей у них толстый слой жира. Длина настоящих китов иногда достигает восьмидесяти футов, но средняя их длина не больше шестидесяти футов. От одного такого чудища можно получить до ста бочек ворвани.

А может, это полосатик, принадлежащий к породе спиноперых китов, — одно уже это название должно, как-никак, внушать уважение энтомологу. У полосатиков — похожие на крылья спинные белые плавники длиной в половину туловища, это своего рода летающий кит.

Но это мог быть и большой полосатик, известный также под названием полосатика-горбача, у него тоже есть спинной плавник, а по длине он не уступает настоящим китам.

Пока еще нельзя было решить, к какому виду принадлежит кит, замеченный вахтенным.

Капитан Гуль и весь экипаж «Пилигрима» с жадностью следили за млекопитающим.

Если часовщик, глядя на стенные часы в чужой комнате, испытывает непреодолимую потребность их завести, то какое страстное желание загарпунить добычу охватывает китобоя при виде плавающего в океане кита? Говорят, охота на крупного зверя увлекает больше, чем охота на мелкую дичь. Если охотничий пыл тем сильнее, чем крупнее дичь, то что же должны ощущать ловцы слонов и китобой?

Экипаж «Пилигрима» волновался еще и потому, что судно возвращалось на родину с неполным грузом!..

Капитан Гуль пристально всматривался в даль. Кита еще трудно было рассмотреть на таком расстоянии, но искушенный глаз китобоя безошибочно улавливал некоторые признаки, различимые даже издали: по фонтанам, вырывавшимся из водометных отверстий кита, уже можно было определить, к какой породе он принадлежит.

— Это не настоящий кит! — воскликнул капитан Гуль. — У настоящих китов фонтаны выше и тоньше. И несомненно это не горбач! Когда фонтан вылетает с шумом, похожим на отдаленный гул канонады, можно с уверенностью сказать, что имеешь дело с горбачом. Но тут ничего такого нет. Прислушайтесь хорошенько. Тут фонтан производит шум совсем другого рода. Что ты скажешь об этом, Дик? — спросил капитан Гуль, обернувшись к юноше.

— Мне кажется, капитан, что это полосатик, — ответил Дик Сэнд. — Посмотрите, с какой силой взлетают в воздух фонтаны. И как будто водяных струй в них больше, чем пара.

Если я не ошибаюсь, эта особенность присуща полосатикам?

— Правильно, Дик! — ответил капитан Гуль. — Сомневаться уж не приходится! Там, в красной воде, плывет полосатик.

— Как красиво! — воскликнул маленький Джек.

— Да, голубчик! Подумать только, что это огромное животное спокойно кормится и даже не подозревает, что за ним наблюдают китобои!

— Мне думается, — скромно заметил Дик, — что это очень крупный экземпляр полосатика.

— Несомненно! — ответил капитан Гуль, у которого сверкали глаза от волнения. — Длины в нем по меньшей мере семьдесят футов.

— Здорово! — воскликнул боцман. — Загарпунить бы с полдюжины таких китов, и тогда полностью нагрузили бы все трюмы нашего корабля.

— Да, полдюжины вполне было бы достаточно, — со вздохом сказал капитан Гуль.

Чтобы лучше рассмотреть кита, он влез на бушприт.

— У нас пустуют двести бочек. Вот если поймать этого кита, — прибавил боцман, — сразу заполнили бы ворванью не меньше сотни бочек...

— Да... Не меньше сотни! — шептал капитан Гуль.

— Это правда, — подтвердил Дик Сэнд, — но напасть на такого огромного полосатика — дело далеко не легкое.

— Верно. Дело трудное, очень трудное. У больших полосатиков хвост чудовищной силы, и к ним надо приближаться очень осторожно. Самая крепкая шлюпка разлетается в щепки от удара их хвоста. Но ради такой поживы стоит рискнуть.

— Большой полосатик — большая добыча! — сказал один из матросов.

— И выгодная! — добавил другой.

— Жаль пройти мимо и не поздороваться с таким китом! — заключил третий.

Всей команде страстно хотелось поохотиться. Сколько ворвани было заключено в туше, плававшей на поверхности воды так близко, рукой подать! Казалось, стоило только подставить бочки — и ворвань польется в них широкой струей. Немного усилий — и трюм «Пилигрима» будет заполнен.

Взобравшись на ванты фок-мачты, матросы жадным взглядом следили за каждым движением кита, и нетерпеливые возгласы выдавали их чувства.

Капитан Гуль умолк и грыз от досады ногти.

Словно мощный магнит, полосатик притягивал к себе «Пилигрим» и весь его экипаж.

— Мама! Мама! — воскликнул вдруг маленький Джек. — Я хочу посмотреть, как устроен кит!

— Ах, ты хочешь посмотреть кита вблизи, дружок? Что ж, почему бы не доставить тебе такого удовольствия? Не правда ли, друзья? — обратился капитан Гуль к матросам, будучи уже не в силах противостоять соблазну. — Людей у нас маловато... Ну да как-нибудь справимся...

— Справимся, справимся! — в один голос закричали матросы.

— Мне не в первый раз придется выполнять обязанности гарпунщика, — продолжал капитан Гуль. — Посмотрим, не разучился ли я метать гарпун...

— Ура, ура, ура! — закричали матросы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Приготовления к охоте

Понятно, почему появление огромного морского животного привело в такое возбуждение экипаж «Пилигрима». Кит, плававший посреди красного водного поля, казался гигантским.

Добыть его и заполнить трюм корабля — искушение было велико! Могли ли китобои пропустить такой случай?

Миссис Уэлдон задала капитану Гулю вопрос: не опасна ли в таких условиях для команды и для пего самого охота на кита.

— Нет, миссис Уэлдон, — ответил капитан Гуль. — Опасности нет никакой. С одной шлюпкой мне не раз приходилось охотиться на китов, и не было случая, чтобы я не добился цели. Повторяю, никакая опасность не грозит нам, а следовательно, и вам.

Миссис Уэлдон успокоилась и прекратила расспросы.

Капитан Гуль тотчас же распорядился сделать все необходимые приготовления к охоте на полосатика. Он по опыту знал, что охота будет трудной, и решил принять все меры предосторожности.

На «Пилигриме» была шлюпка, установленная на кильблоках между грот-мачтой и фок-мачтой, затем три китобойные шлюпки: одна была подвешена с левого, другая с правого борта, а третья — на корме, за гака-бортом.

Обычно эти три китобойные лодки шли все разом в погоню за китами.

Но капитан Гуль мог выслать против полосатика только одну шлюпку. Как известно, при стоянке в Новой Зеландии вербовались матросы и гарпунщики, которые помогали постоянной команде «Пилигрима» во время промыслового сезона. Теперь же этой вспомогательной команды не было, и «Пилигрим» мог снарядить на охоту только пять матросов, то есть столько, сколько нужно для обслуживания одной шлюпки. От помощи Тома и его товарищей, которые поспешили предложить свои услуги, капитан Гуль должен был отказаться: управление шлюпкой во время охоты на кита под силу только опытным морякам. Неверный поворот руля или несвоевременный взмах-весла в момент нападения угрожают шлюпке гибелью.

С другой стороны, капитан Гуль не мог покинуть свое судно, не оставив на борту хотя бы одного опытного моряка: мало ли что могло случиться.

Но так как на китобойной шлюпке нужны сильные люди, капитану Гулю волей-неволей пришлось поручить судно Дику Сэнду.

— Дик, — сказал он, — оставляю тебя своим заместителем на время охоты. Надеюсь, что она будет непродолжительной.

— Есть, капитан! — ответил юноша.

Дику Сэнду самому хотелось принять участие в охоте, но он понимал, что на шлюпке больше пользы принесет опытный китобой, да, кроме того, лишь он один может заменить капитана Гуля на «Пилигриме». Поэтому он беспрекословно повиновался.

Итак, на охоту отправлялась вся команда «Пилигрима». Четверо матросов сядут на весла, а боцман Говик станет у кормового весла, заменяющего руль обычного типа. Руль не позволяет мгновенно выполнить маневры. Если во время охоты гребные весла сломаются, то кормовое весло в умелых руках может вывести шлюпку из-под ударов разъяренного кита.

Капитан Гуль займет место гарпунщика — ему не впервой была эта работа. Он должен был бросить гарпун, следить за разматыванием длинной веревки, закрепленной на конце гарпуна, и, наконец, добить раненого кита копьем, когда тот всплывет на поверхность

океана.

Иногда для китобойного промысла пользуются огнестрельным оружием. На борту корабля или на носу шлюпки устанавливается особая пушка, она стреляет разрывными пулями, которые кромсают тело кита, или же при помощи ее выбрасывают гарпун, к концу которого привязана веревка. Но на «Пилигриме» не было таких приспособлений. Кстати сказать, моряки не очень любят новшества, предпочитая этим дорогим и трудным для управления приборам простой гарпун и копье, которыми они владеют очень искусно. И капитан Гуль тоже пускался на охоту, снабженный только обычным холодным оружием китобоев.

Полосатик находился милях в пяти от «Пилигрима».

Погода как будто благоприятствовала охоте. Море было спокойно — значит, шлюпке легче будет маневрировать. Ветра почти не было, и не приходилось опасаться, что «Пилигрим» отнесет далеко в сторону, пока экипаж будет охотиться.

Штирбортную шлюпку спустили на воду, и четверо матросов заняли в ней места.

Боцман Говик сбросил им два гарпуна и несколько длинных копий с острыми наконечниками. К этим орудиям нападения он добавил пять бухт ^[25] гибкого и прочного троса, по шестьсот футов в каждой бухте. Когда одна бухта разматается, матросы подвязывают к концу троса вторую, третью и т. д. Но иногда и трех тысяч футов троса оказывается недостаточно, — так глубоко ныряет кит.

Гарпуны, копья и трос — все снаряжение для китобоев было уложено в порядке на носу лодки. Заняв свои места, Говик и четверо матросов ожидали только приказа отдать концы. Теперь осталось только одно свободное место на носу шлюпки, его должен был занять капитан Гуль.

Перед отправлением на охоту экипаж «Пилигрима» положил корабль в дрейф, то есть реи были обрасоплены так, что паруса оказывали взаимное противодействие и судно оставалось на месте почти неподвижно.

Перед тем как сесть в шлюпку, капитан Гуль бросил последний взгляд на шхуну. Паруса были надежно закреплены, снасти хорошо вытянуты. Дику Сэнду предстояло остаться одному на судне, быть может, в продолжение многих часов. Капитан хотел избавить его от необходимости переставлять паруса и маневрировать, если только не потребуют этого особые обстоятельства.

Удостоверившись, что все в порядке, капитан подозвал к себе юношу и сказал ему:

— Дик, оставляю тебя одного. Смотри в оба! Может быть, против ожидания, «Пилигриму» придется пойти нам навстречу, если мы уплывем слишком далеко, тогда Том и его товарищи помогут тебе поставить паруса. Ты хорошенько растолкуешь им, что надо делать, и я уверен, что они отлично справятся с работой.

— Капитан Гуль, — сказал старый Том. — Мистер Дик может рассчитывать на нас.

— Приказывайте, приказывайте! — воскликнул Бат. — Мы покажем, как мы умеем работать!

— Что тянуть? — спросил Геркулес, засучивая рукава.

— Пока что ничего, — улыбаясь, ответил юноша.

— Я готов! — сказал гигант.

— Погода сегодня отличная, — продолжал капитан Гуль, — да и ветер, надо полагать, не посвежеет. Но, что бы ни случилось, Дик, не спускай на воду шлюпку и не покидай судна!

— Есть, капитан!

— Если, преследуя кита, мы уйдем далеко в сторону и нужно будет, чтобы «Пилигрим» пошел за нами, я подам тебе сигнал: подниму вымпел на конце багра.

— Будьте покойны, капитан. Я глаз не спущу с вашей шлюпки, — ответил Дик Сэнд.

— Отлично, голубчик, — сказал капитан Гуль. — Побольше хладнокровия и храбрости! Помни, ты теперь помощник капитана. Смотри, Дик, не посрами своего звания. Никому еще не случалось носить его в твоём возрасте.

Дик не ответил, только улыбнулся и покраснел. Капитан Гуль понял значение этой улыбки и румянца.

«Какой славный мальчик! — подумал он. — Скромность и доброта-в этих двух словах весь характер Дика!»

Судя по прощальным наставлениям, легко было догадаться, что капитан Гуль неохотно покидает корабль даже на несколько часов, хотя никакой опасности не предвиделось. Но всесильная страсть охотника и, главное, горячее желание пополнить груз ворвани, чтобы выполнить обязательства, взятые на себя Джемсом Уэлдоном в Вальпараисо, — все это побуждало его отважиться на опасную экспедицию.

Спокойное море сулило легкую погоню за китом. Ни команда «Пилигрима», ни сам капитан не могли устоять перед искушением. К тому же китобойная экспедиция будет, наконец, окончена, — и это последнее соображение взяло верх над всем остальным в душе капитана.

Он решительно шагнул к штурм-трапу, спущенному в шлюпку.

— Счастливой охоты! — напутствовала его миссис Уэл-дон.

— Спасибо!

— Пожалуйста, капитан Гуль, не бейте больно этого бедного кита! — крикнул маленький Джек.

— Постараюсь, мой мальчик! — ответил капитан Гуль.

— Поймайте его тихонько!..

— Да... да... Я надену перчатки!

— Иногда на спинах этих млекопитающих находят довольно любопытных насекомых! — заметил кузен Бенедикт.

— Что ж, господин Бенедикт, — смеясь, ответил капитан Гуль, — никто не мешает и вам «поохотиться», когда наш полосатик будет пришвартован к борту «Пилигрима»!

И, повернувшись к Тому, он добавил:

— Том, я рассчитываю, что вы и ваши товарищи поможете нам разделать тушу... когда мы притащим кита к кораблю... Мы с ним живо управимся.

— К вашим услугам, господин капитан! — ответил старик негр.

— Спасибо! — сказал капитан Гуль. — Дик, эти славные люди помогут тебе выкатить на палубу пустые бочки, пока мы будем охотиться. И когда мы вернемся, работа пойдет быстро.

— Есть, капитан! Будет сделано!

Людям несведущим следует пояснить, что в случае удачной охоты убитого кита предстояло дотянуть на буксире до «Пилигрима» и крепко пришвартовать его к судну с правого борта. Тогда матросы, надев сапоги с шипами на подошвах, должны были взобраться на спину гиганта, рассечь слой покрывающего его жира на параллельные полосы от головы до хвоста, затем эти полосы разделить поперек на ломти толщиной в полтора фута, разрезать каждый на куски, уложить в бочки и спустить их в трюм.

Обычно китобойное судно по окончании охоты маневрирует так, чтобы скорее причалить к берегу и там довести до конца обработку туши. Экипаж сходит на берег и приступает к выплавке жира; растопившись на огне, китовый жир выделяет всю свою полезную часть, то есть ворвань^[26].

Но теперь капитан Гуль не мог бы после охоты повернуть обратно к суше, чтобы

закончить эту операцию. Он рассчитывал «выплавить» дополнительно добытый жир только в Вальпараисо. Ветер должен был вскоре измениться на западный, и капитан «Пилигрима» надеялся подойти к американскому побережью недели через три — за такой срок добыча не могла испортиться.

Наступил момент отплытия. Прежде чем лечь в дрейф, «Пилигрим» несколько приблизился к тому месту, где полосатик по-прежнему выдавал свое присутствие, выбрасывая фонтаном струи пара и воды.

Полосатик все плавал по обширному водному полю, красному от крохотных рачков, и, поминутно разевая широкую пасть, захватывал при каждом глотке мириады микроскопических существ.

По мнению опытных китобоев, следивших за ним, нечего было опасаться, что он попытается скрыться. Это, несомненно, был один из тех китов, которых гарпунщики называют «боевыми».

Капитан Гуль перелез через борт и по шторм-трапу спустился па нос шлюпки.

Миссис Уэлдон, Джек, кузен Бенедикт, Том и его товарищи в последний раз пожелали капитану удачи.

Даже Динго, поднявшись на задние лапы и выставив голову за борт, как будто прощался с экипажем.

Затем пассажиры «Пилигрима» перешли на нос, чтобы не упустить ни одной подробности увлекательной охоты.

Шлюпка отчалила, и равномерные сильные взмахи четырех весел быстро погнали ее вдаль от «Пилигрима».

— Дик, следи за всем, следи хорошенько! — в последний раз крикнул капитан Гуль юноше.

— Положитесь па меня, капитан.

— Следи, дружок, одним глазом за судном, а другим — за шлюпкой. Не забывай этого!

— Будет сделано, капитан, — ответил Дик и, подойдя к румпелю, встал возле него.

Легкое суденышко было уже на расстоянии в несколько сот футов от «Пилигрима». Капитан Гуль стоял на носу. Он еще что-то говорил, но уже голоса его не было слышно, и только по выразительным жестам капитана Дик понял, что тот повторяет свои наставления.

В эту минуту Динго, не отходявший от борта, жалобно завыл. Протяжный вой собаки обычно производит тяжелое впечатление на людей, склонных к суеверию. Миссис Уэлдон даже вздрогнула.

— Молчи, Динго! — сказала она, — Стыдись! Разве так провожают друзей на охоту! Ну-ка, залай повеселее!

Но Динго молчал. Сняв лапы с поручней, он медленно подошел к миссис Уэлдон и лизнул ей руку.

— Динго не машет хвостом, — прошептал Том. — Плохой знак!.. Плохой знак!

Вдруг Динго, охваченный сильнейшей и совершенно необъяснимой яростью, ошетинился и зарычал. Миссис Уэлдон обернулась. Негоро вышел из своей каюты. Видно, его заинтересовала предстоящая охота и он намеревался посмотреть на маневры шлюпки.

Динго кинулся к судовому коку, весь дрожа от совершенно явной и непонятной ненависти.

Негоро поднял с палубы вымбовку^[27] и стал в оборонительную позицию.

Собака бросилась на него и хотела вцепиться ему в горло.

— Динго, назад! — крикнул Дик Сэид. Покинув на мгновение свой наблюдательный пост, юноша бросился на бак. Миссис Уэлдон, со своей стороны, старалась успокоить собаку.

Динго нехотя повиновался и, глухо рыча, отошел к юноше.

Негоро не вымолвил ни слова, только сильно побледнел. Бросив на палубу вымбовку, он повернулся и ушел в свою каюту.

— Геркулес! — сказал Дик Сэнд. — Я поручаю вам следить за этим человеком.

— Буду следить, — просто ответил великан, сжимая огромные кулачищи.

Миссис Уздон и Дик Сэнд снова обратили взгляд к шлюпке, быстро удалявшейся от судна.

Теперь она казалась уже маленькой точкой среди бесконечного моря.

Опытный китобой, капитан Гуль не полагался на счастливый случай. Охота на полосатика — дело трудное, тут никакие меры предосторожности не будут лишними. И капитан Гуль не пренебрег ни одной из них.

Прежде всего он приказал рулевому подойти к киту с подветренной стороны и так, чтобы шум не выдал приближения охотников.

Говик повел шлюпку в обход границ красного поля, посреди которого плавал кит. Таким образом, охотники должны были его обогнуть.

Боцман был старым, опытным моряком и отличался редким хладнокровием. Капитан Гуль знал, что может всецело положиться на своего рулевого: он не растеряется в решительную минуту, быстро и точно выполнит нужный маневр.

— Внимание, Говик! — сказал капитан Гуль. — Попробуем застать полосатика врасплох. Постарайтесь незаметно подойти на такое расстояние, откуда можно уже бросить гарпун.

— Есть, капитан! — ответил боцман. — Если идти по краю красного поля, ветер все время будет в нашу сторону.

— Хорошо! — сказал капитан.

И, обращаясь к матросам, он добавил:

— Гребите без шума, ребята! Как можно меньше шума!

Весла, предусмотрительно обмотанные кожей, не скрипели в уключинах и бесшумно погружались в воду.

Искусно направляемая боцманом шлюпка подошла вплотную к полю красных рачков. Весла правого борта погружались еще в зеленую прозрачную воду, а по веслам левого борта уже стекали струйки красной, похожей на кровь жидкости.

— Вино и вода, — заметил один из матросов.

— Да, — ответил капитан Гуль, — но эта вода не утолит жажды, а вино не напоит пьяным! Ну, друзья, теперь помалкивайте! И приналягте на весла!

Шлюпка скользила по воде точно по слою масла — совершенно бесшумно. Полосатик не шевелился и как будто не замечал шлюпки, которая описывала круг, обходя его.

Следуя по этому кругу, шлюпка, разумеется, удалялась от «Пилигрима»; корабль казался все меньше и меньше.

Все предметы в океане, когда удаляешься от них, быстро уменьшаются в размерах, и это всегда производит странное впечатление, словно смотришь в перевернутую подзорную трубу. Оптический обман в данном случае, очевидно, объясняется тем, что на широком морском просторе не с чем сравнивать удаляющийся предмет.

Так было и с «Пилигримом» — он уменьшался на глазах с каждой минутой, и людям в шлюпке казалось, что он находится гораздо дальше, чем это было в действительности.

Через полчаса после того как шлюпка отвалила от корабля, она находилась как раз под ветром от кита, занимавшего теперь положение между шлюпкой и «Пилигримом». Настала пора подойти поближе к полосатику. Это нужно было сделать бесшумно. Быть может, удастся незаметно подойти к киту сбоку и бросить гарпун с близкого расстояния.

— Медленнее, ребята! — тихо скомандовал гребцам капитан Гуль.

— Кажется, наша рыбка что-то учуяла, — сказал Говик, — Дышит сейчас не так шумно, как раньше.

— Тише! Тише! — повторил капитан Гуль.

Через пять минут охотники были всего в одном кабельтове от кита.

Боцман Говик, стоя во весь рост на корме, направил шлюпку так, чтоб подойти к левому боку кита, стараясь, однако, держаться в некотором отдалении от страшного хвоста, ибо одного удара его было достаточно, чтоб сокрушить шлюпку.

Капитан Гуль стоял на носу шлюпки, расставив ноги для устойчивости, и держал в руке гарпун. Орудие это, брошенное его ловкой рукой, несомненно должно было крепко вонзиться в мясистую спину кита, горбом выступавшую из воды.

Рядом с капитаном в бадье лежала первая из пяти бухт каната, прочно привязанная к тупому концу гарпуна. Остальные четыре находились под рукою, чтобы без задержки подвязывать одну к другой, если кит уйдет на большую глубину.

— Готовься! — прошептал капитан Гуль.

— Есть! — ответил Говик, крепче сжав рулевое весло.

— Подходи!

Боцман выполнил команду, и шлюпка поравнялась с полосатиком. Едва ли разделяло их расстояние в десять футов.

Животное не шевелилось. Казалось, оно спало. Кит, застигнутый во время сна, легко становится добычей охотника. Иногда удается прикончить его с первого удара.

«Какая неподвижность! Что-то странно! — подумал капитан Гуль. — Вряд ли эта бестия спит... Нет, здесь что-то кроется!»

Такая же мысль мелькнула и у боцмана Говика, который старался рассмотреть другой бок кита, но это ему никак не удавалось.

Однако времени для размышлений не было: пришла пора действовать.

Ухватив гарпун посередине древка, капитан Гуль несколько раз взмахнул им, чтобы лучше прицелиться, и затем с силой бросил его в полосатика.

— Назад, назад! — крикнул он тотчас же. Матросы, дружно навалившись на весла, рванули шлюпку назад, чтобы вывести ее из-под ударов хвоста раненого кита.

В эту минуту возглас боцмана объяснил всем причину загадочного поведения полосатика, его длительную неподвижность.

— Детеныш! — воскликнул Говик.

Раненая самка, судорожно метнувшись, почти перевернулась на бок, и тогда моряки тоже увидели ее детеныша. Гарпун застиг их во время кормления.

Капитан Гуль знал: присутствие детеныша делает охоту опасной. Самка, несомненно, станет защищаться с удвоенной яростью, спасая не только себя, но и своего «малыша», если только так можно назвать животное длиною в двадцать футов.

Однако, вопреки опасениям капитана Гуля, полосатик не набросился сразу на шлюпку, и команде не пришлось рубить привязанный к гарпуну канат, чтобы бежать от разъяренного животного.

Напротив, как это часто бывает, кит нырнул и, описав в воде дугу, мощным рывком поднялся на поверхность и с невероятной быстротой поплыл. Детеныш последовал за маткой.

Капитан Гуль и боцман Говик успели рассмотреть кита, прежде чем он нырнул, и, следовательно, оценить его по достоинству. Полосатик оказался могучим животным длиной не меньше восьмидесяти футов. Желтовато-коричневая кожа его была испещрена множеством темно-коричневых пятен.

Было бы досадно после удачного начала отказаться от такой богатой добычи. Началось преследование. Шлюпка с поднятыми веслами стрелой неслась по волнам. Говик невозмутимо направлял ее следом за китом, несмотря на то что шлюпку отчаянно бросало из стороны в сторону.

Капитан Гуль, не спуская глаз со своей добычи, неустанно повторял:

— Внимание, Говик! Внимание!

Но и без этого предупреждения боцман был настороже.

Шлюпка шла медленнее кита, и бухта разматывалась с такой скоростью, что капитан Гуль опасался, как бы канат не загорелся от трения о борт лодки. Он поспешил поэтому наполнить морской водой бадью, в которой лежала бухта.

Полосатик, видимо, не собирался ни останавливаться, ни умерять быстроту своего бега. Капитан Гуль подвязал вторую бухту. Но и еехватило ненадолго. Через пять минут пришлось подвязать третью, которая тоже скоро размоталась под водой.

Полосатик стремглав неся вперед. Очевидно, гарпун не задел каких-нибудь важных для его жизни органов. Судя по наклону каната, можно было догадаться, что кит не только не собирается выйти на поверхность, но, наоборот, все глубже и глубже уходит в воду.

— Черт возьми! — воскликнул капитан Гуль. — Кажется, эта тварь намерена сожрать все пять бухт!

— И оттащит нас далеко от «Пилигрима», — добавил боцман Говик.

— А все-таки киту придется подняться на поверхность, чтобы набрать воздуха, — заметил капитан Гуль. — Ведь кит — не рыба: воздух ему нужен так же, как человеку.

— Он задерживает дыхание, чтобы быстрее плыть, — смеясь, сказал один из матросов.

В самом деле, канат продолжал разматываться с прежней быстротой. К третьей бухте вскоре пришлось привязать четвертую.

Матросы, уже подсчитавшие в уме свою долю барыша от поимки кита, приуныли.

— Вот проклятая тварь! — бормотал капитан Гуль. — Ничего подобного я не видел в своей жизни.

Наконец, и пятая бухта была пущена в дело. Она размоталась почти наполовину, и вдруг натяжение каната ослабло.

— Ура! — воскликнул капитан Гуль. — Канат провисает — значит, полосатик устал!

В эту минуту шлюпка находилась в пяти милях от «Пилигрима».

Капитан Гуль, подняв вымпел на конце багра, дал кораблю сигнал приблизиться.

Через мгновение он увидел, как на «Пилигриме» брасопили реи, наполняя паруса^[28]. Этот маневр Дик Сэнд с помощью Тома и его товарищей проделал четко и быстро.

Но ветер был слабый, он задувал порывами и очень быстро спадал. При этих условиях «Пилигриму» трудно было настигнуть шлюпку.

Тем временем, как и предвидел капитан Гуль, полосатик поднялся на поверхность океана подышать. Гарпун по-прежнему торчал у него в боку. Раненое животное некоторое время неподвижно лежало на воде, дожидаясь детеныша, который, должно быть, отстал во время этого бешеного бега.

Капитан Гуль приказал гребцам налечь на весла, и скоро шлюпка снова очутилась вблизи полосатика.

Двое матросов сложили весла и, так же как сам капитан, вооружились длинными копьями, которыми добивают раненого кита.

Говик насторожился. Минута была опасная: кит мог броситься на них, и нужно было держаться начеку, чтобы тотчас же отвести шлюпку на безопасное расстояние.

— Внимание! — крикнул капитан Гуль. — Цельтесь хорошенько, ребята, бейте без промаха! Ты готов, Говик?

— Я-то готов, капитан, — ответил боцман, — но меня смущает, что после такого бешеного бега наш полосатик вдруг затих!

— Мне это тоже кажется подозрительным.

— Надо поостеречься!

— Да. Однако не бросать же охоту! Вперед!

Капитан Гуль пришел в возбуждение.

Шлюпка приблизилась к киту, который только вертелся на одном месте. Детеныша возле него не было, и, может быть, мать искала его.

Вдруг полосатик взмахнул хвостовым плавником и сразу уплыл вперед футов на тридцать.

Неужели он снова собирался бежать? Неужели придется возобновить это бесконечное преследование?

— Берегись! — крикнул капитан Гуль. — Полосатик сейчас возьмет разгон и бросится на нас. Поворачивай, Говик! Поворачивай!

И действительно, полосатик повернулся головой к шлюпке. Затем, с силой ударяя по воде плавниками, ринулся на людей.

Боцман, верно рассчитав направление атаки, рванул шлюпку в сторону, и кит с разбегу проплыл мимо, не задев ее. Капитан Гуль и оба матроса воспользовались этим, чтобы всадить копьа в тело чудовища, стараясь задеть какой-нибудь важный для жизни орган.

Полосатик остановился, выбросил высоко вверх два окрашенных кровью фонтана и снова ринулся на шлюпку. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы не потерять головы при виде разъяренного гиганта. Но Говик опять успел отвести шлюпку в сторону и уклониться от удара.

Снова в тот миг, когда полосатик проносился мимо шлюпки, ему нанесли три глубокие раны. Кит с такой силой ударил своим страшным хвостом по воде, что поднялась огромная волна, как будто внезапно налетел шквал. Шлюпка чуть не перевернулась. Волна переплеснула через борт и наполовину затопила шлюпку.

— Ведра! Ведра! — крикнул капитан Гуль.

Матросы бросили весла и с лихорадочной быстротой стали вычерпывать воду. Тем временем капитан Гуль обрубил канат, теперь уже бесполезный, — обезумевшее от боли животное и не помышляло больше о бегстве. Кит в свою очередь нападал сам, его агония становилась страшной.

В третий раз полосатик повернулся к шлюпке. Но отяжелевшее от воды суденышко потеряло подвижность: оно не могло ни отступить, ни увернуться от нападения. Как ему теперь избежать грозящего удара? Уже нельзя было управлять им и тем более нельзя было спастись бегством.

Как ни усердно гребли матросы, теперь полосатик несколькими рывками мог настигнуть шлюпку.

Надо было прекратить нападение и подумать о самозащите. Капитан Гуль хорошо это понимал.

При третьей атаке Говику удалось только ослабить удар, но не избежать его. Полосатик задел шлюпку своим огромным спинным плавником. Толчок был так силен, что Говик опрокинулся на спину.

От того же толчка неверным стал прицел трех копий: на этот раз они не попали в цель.

— Говик! Говик! — крикнул капитан Гуль, который сам едва удержался на ногах.

— Здесь, капитан! — ответил боцман и, поднявшись, встал на свое место.

Но тут он увидел, что кормовое весло переломилось посередине. Он молча показал обломок капитану Гулю.

— Бери другое!

— Есть! — ответил Говик.

В эту минуту вода неподалеку от шлюпки словно закипела. В нескольких саженьях показался детеныш кита.

Полосатик его увидел и стремительно поплыл к нему.

С этой минуты полосатик должен был сражаться за двоих. Борьба становилась еще более ожесточенной.

Капитан Гуль бросил взгляд в сторону «Пилигрима» и отчаянно замахал вымпелом, поднятым на конце багра.

Но Дик Сэнд уже по первому сигналу капитана сделал все, что мог. Паруса на «Пилигриме» были поставлены, и ветер начал наполнять их. К несчастью, шхуна-бриг ничем больше не могла ускорить своего хода, на ней не было винтового двигателя. Что оставалось делать Дику? Спустить на воду еще одну шлюпку и спешить с неграми на помощь капитану? Но гребной шлюпке понадобилось бы немало времени, чтобы одолеть такое расстояние, да и, сам капитан запретил юноше покидать корабль, что бы ни случилось.

Все же Дик приказал спустить на воду кормовую шлюпку и повел ее за судном на буксире, чтобы капитан и его товарищи могли ею воспользоваться, если понадобится.

В это время, прикрывая своим телом детеныша, полосатик опять стремительно понесся прямо на охотников.

— Берегись, Говик! — в последний раз крикнул капитан Гуль.

Но рулевой теперь был безоружен. Вместо длинного кормового весла, которым можно было пользоваться как рычагом, у Говика было гребное, довольно короткое, весло.

Он попытался повернуть шлюпку.

Это было невозможно.

Матросы поняли, что они погибли. Все они вскочили на ноги и закричали. Быть может, ужасный крик этот донесся до «Пилигрима».

Страшный удар хвоста подбросил шлюпку, чудовищная сила взметнула ее на воздух. Расколовшись на три части, она упала в водоворот, поднятый китом.

Несчастные матросы, хотя все они были тяжело ранены, могли бы еще удержаться на поверхности. С «Пилигрима» видно было, как капитан Гуль помогал боцману Говику уцепиться за обломок шлюпки... Но кит в предсмертных судорогах яростно заколотил хвостом по воде.

В продолжение нескольких минут не было видно ничего, кроме бешено крутившегося водяного смерча, брызг и пены. Дик Сэнд бросился с неграми в шлюпку, но когда они достигли места сражения, там не было уже ничего живого. На поверхности красной от крови воды плавали только обломки шлюпки.

Скорбь и ужас — вот первые чувства, охватившие пассажиров «Пилигрима» при виде ужасной катастрофы. Всех потрясла гибель капитана Гуля и пятерых матросов. Быть свидетелями страшного бедствия, бессильными помочь погибающим товарищам!.. Дик и его спутники не могли даже подоспеть вовремя, чтобы вытащить из воды раненых, но еще живых людей, и, подняв их на борт, защитить корпусом корабля от ужасных ударов разъяренного кита.

Когда «Пилигрим» подплыл, наконец, к месту катастрофы, ничто уже не могло вернуть к жизни капитана Гуля и пятерых матросов, — океан поглотил их...

Миссис Уэлдон упала на колени и простерла руки к небу.

— Помолимся! — сказала она.

Маленький Джек, плача, опустился на колени рядом с матерью. Бедный ребенок все понял. Дик Сэнд, Нан, Том и остальные негры стояли, склонив голову. Все повторяли слова молитвы, которую миссис Уэлдон воссылала к богу, прося его беспредельного милосердия для тех, кто только что предстал перед ним.

Затем миссис Уэлдон, повернувшись к своим спутникам, сказала:

— А теперь, друзья мои, попросим у всевышнего силы и мужества для нас самих!

Ведь им так нужна была помощь всемогущего, ибо положение их было очень тяжелое.

Затерянный среди бескрайнего простора Тихого океана, в сотнях миль от ближайшей земли, корабль, лишившийся капитана и матросов, должен был стать беспомощной игрушкой ветров и течений.

Какой злой рок послал этого кита навстречу «Пилигриму»?

Какой злой рок побудил капитана Гуля, обычно такого осторожного и благоразумного, пуститься на охоту ради того, чтобы пополнить груз?

В истории китобойного промысла случаи, когда погибает весь экипаж шлюпки и никого не удастся спасти, насчитываются единицами.

Да, гибель капитана Гуля и его сотоварищей была страшным бедствием! На «Пилигриме» не осталось ни одного человека из команды. Остался в живых Дик Сэнд. Но ведь Дик был юношей пятнадцати лет, почти мальчиком. И этот мальчик должен был заменить теперь капитана, боцмана, весь экипаж!..

На борту судна находились пассажиры — мать с малым ребенком, их присутствие еще более осложняло положение.

Правда, было еще пятеро негров, и эти честные, храбрые и усердные люди готовы были выполнять любую команду, но ведь они ничего не понимали в морском деле.

Дик Сэнд долго неподвижно стоял на палубе. Скрестив на груди руки, он смотрел на воду, поглотившую капитана Гуля, его покровителя, человека, которого он любил как отца.

Потом он обвел взглядом горизонт. Он искал какое-нибудь судно, чтобы попросить у него помощи, содействия или хотя бы отправить с ним миссис Уэлдон.

Сам он не собирался покинуть «Пилигрим». О нет! Сначала он сделает все, чтобы довести судно до ближайшего порта. Но на другом корабле миссис Уэлдон и ее сын были бы в безопасности и Дику не приходилось бы тревожиться за жизнь этих двух существ, к которым он привязался всей душой.

Но океан был пустынен. После исчезновения полосатика вокруг «Пилигрима» были только небо да вода.

Дик Сэнд прекрасно знал, что «Пилигрим» находится в стороне от обычных путей

торговых судов и что все китобойные флотилии в это время года плавают еще далеко, занятые промыслом.

Он понимал, что опасности нужно глядеть прямо в глаза, не приукрашая свое положение. И, вознеся в глубине сердца молитву к небу о помощи и покровительстве, Дик глубоко задумался.

Какое же решение примет он?

В эту минуту на палубу вышел судовой кок, куда-то уходивший после катастрофы.

Негоро с величайшим вниманием следил за всеми перипетиями злосчастной охоты, но не промолвил ни слова, не сделал ни одного движения. Никто не мог сказать, какое впечатление произвело на него непоправимое несчастье. Если бы в такую минуту кому-нибудь пришла мысль понаблюдать за ним, то всякого бы поразило равнодушное выражение его лица, на котором ни один мускул не дрогнул. Он как будто и не слышал благочестивого призыва миссис Уэлдон, молившейся за утонувших, и не отозвался на него.

Негоро не спеша прошел на корму, где стоял Дик Сэнд, и остановился в трех шагах от юноши.

— Вы хотите поговорить со мной? — спросил Дик Сэнд.

— Нет, — холодно ответил кок. — Я хотел бы поговорить с капитаном Гулем или хотя бы с боцманом Говиком.

— Вы же знаете, что они погибли! — воскликнул Дик.

— Кто же теперь командир судна? — нагло спросил Негоро.

— Я! — не колеблясь, ответил Дик Сэнд.

— Вы?! — Негоро пожал плечами. — Пятнадцатилетний капитан!

— Да, пятнадцатилетний капитан! — ответил Дик, наступая на него.

Негоро попятился.

— На «Пилигриме» есть капитан, — сказала миссис Уэлдон. — Это Дик Сэнд. И не мешает всем знать, что новый капитан Дик Сэнд сумеет каждого заставить повиноваться ему.

Негоро поклонился, насмешливо пробормотав под нос несколько слов, которых никто не разобрал, и удалился на свой камбуз.

Итак, Дик Сэнд принял решение!

Тем временем ветер начал свежеть, и шхуна-бриг уже оставила позади обширное водное пространство, где кишели красные рачки.

Дик Сэнд осмотрел паруса, а затем обвел внимательным взглядом людей, стоявших на палубе. Юноша почувствовал, что, как ни тяжела ответственность, которую он принимал на себя, он не вправе от нее уклониться. Глаза всех путников были теперь устремлены на него, и, прочитав в них, что он может положиться на этих людей, юноша просто сказал, что и они могут положиться на него.

Дик не переоценивал своих сил. При помощи Тома и его товарищей он мог в зависимости от обстоятельств ставить или убирать паруса. Но он сознавал, что у него нет достаточных знаний, чтобы определять с помощью приборов место судна в открытом море.

Еще года четыре или пять, и Дик Сэнд основательно подготовился бы к трудной и увлекательной профессии моряка. Он научился бы обращаться с секстаном — прибором, при помощи которого капитан Гуль ежедневно измерял высоту светил, а по ней определял широту судна. Пользуясь хронометром, указывающим время Гринвичского меридиана, он высчитывал бы долготу по часовому углу. Солнце было бы его верным советчиком. Луна и планеты говорили бы ему: «Твой корабль находится в такой-то точке океана!» Совершеннейшие и непогрешимые часы, в которых циферблатом служит небосвод, а стрелками — звезды, ежедневно докладывали бы ему о пройденном расстоянии. По

астрономическим наблюдениям он мог бы ежедневно, как это делал капитан Гуль, определять с точностью до одной мили место «Пилигрима», курс судна и, курс, которого следует держаться.

А Дик Сэнд мог определять место судна лишь приблизительно, руководствуясь компасом и показаниями лага^[29] с поправками, вызванными дрейфом.

Однако Дик не испугался.

Миссис Уэлдон поняла все, что творилось в душе отважного юноши.

— Спасибо, Дик! — сказала она недрогнувшим голосом. — Капитана Гуля больше нет на свете, весь экипаж погиб вместе с ним. Судьба корабля в твоих руках. Я верю, Дик, ты спасешь корабль и всех нас!

— Да, миссис Уэлдон, — ответил Дик, — я постараюсь это сделать с помощью божьей.

— Том и его товарищи — славные люди. Ты можешь всецело положиться на них.

— Я знаю это. Я обучу их морскому делу, и мы вместе будем управлять судном. В хорошую погоду это нетрудно. Если же погода испортится... Ну что ж, мы преодолеем и дурную погоду, миссис Уэлдон, и спасем вас, маленького Джека и всех остальных! Я чувствую себя в силах это сделать! — И он повторил: — С божьей помощью.

— Ты знаешь, Дик, где сейчас находится «Пилигрим»? — спросила миссис Уэлдон.

— Это легко узнать, — ответил Дик. — Достаточно взглянуть на карту: капитан Гуль вчера нанес на нее нашу точку.

— А ты сможешь повести судно в нужном направлении?

— Надеюсь. Я буду держать курс на восток, на тот-пункт американского побережья, к которому мы должны пристать.

— Но ты, конечно, понимаешь, Дик, что после случившегося бедствия надо изменить наш первоначальный маршрут? Разумеется, «Пилигрим» не пойдет теперь в Вальпараисо. Ближайший американский порт — вот куда ты должен вести судно!

— Конечно, миссис Уэлдон, — ответил Дик. — Но тревожьтесь. Американский континент простирается так далеко на юг, что мы никак — его не минуем.

— В какой стороне он находится? — спросила миссис Уэлдон.

— Вон там... — сказал Дик, указывая рукой на восток, который он определил по компасу.

— Итак, Дик, теперь ведь безразлично, придет ли судно в Вальпараисо или в какой-нибудь другой американский порт. Единственная наша цель — добраться до суши!

— И мы доберемся до нее, миссис Уэлдон! — уверенно ответил юноша. — Я ручаюсь, что доставлю вас в безопасное место. Впрочем, я не теряю надежды, что вблизи от суши мы встретим какое-нибудь судно, совершающее каботажные рейсы^[30]. Видите, миссис Уэлдон, поднимается северо-западный ветер. Даст бог, он удержится, а тогда мы и оглянуться не успеем, как доберемся до берега. Поставим все паруса — от грота до кливера, в полетим стрелой!

Молодой матрос говорил с уверенностью бывалого моряка, знающего цену своему кораблю и не сомневающегося, что при любой скорости этот корабль не выйдет у него из повиновения.

Дик уже собирался созвать своих спутников, чтобы поставить паруса и стать самому за штурвал, но миссис Уэлдон напомнила ему, что прежде всего необходимо выяснить, где находится «Пилигрим».

Действительно, это была первоочередная задача. Дик сбегал в каюту капитана Гуля и принес оттуда карту, на которую было нанесено вчерашнее положение судна. Теперь он мог показать миссис Уэлдон, что «Пилигрим» находится под 43°35' южной широты и 164°13' западной долготы — за истекшие сутки он почти не двинулся с места.

Миссис Уэлдон склонилась над картой. Она пристально смотрела на коричневое пятно, изображавшее землю, по правую сторону океана. Это был материк Южной Америки, огромный барьер, протянувшийся от мыса Горн до берегов Колумбии и отгораживающий Тихий океан от Атлантического. При взгляде на разостланную карту, где уместался не только южноамериканский континент, но и весь океан, казалось, что земля совсем близко и пассажирам «Пилигрима» легко будет вернуться на родину. Это обманчивое впечатление неизменно возникает у всех, кто не привык к масштабам морских карт.

Увидев землю на листе бумаги, миссис Уэлдон вообразила, что и настоящая земля вот-вот предстанет перед ее глазами.

Между тем, если бы «Пилигрим» был изображен на этом листе бумаги в правильном масштабе, он оказался бы меньше самой малой инфузории. И тогда эта математическая точка, не имеющая ощутимого размера, оказалась бы такой же одинокой и затерянной на карте, каким был и «Пилигрим» среди бесконечного простора океана.

Дик был иного мнения, чем миссис Уэлдон. Он знал, что земля далеко, что много сотен миль отделяют ее от корабля. Но это не могло поколебать его решимость. Ответственность за судьбы людей преобразила Дика во взрослого мужчину.

Пришла пора действовать. Нужно было воспользоваться попутным северо-западным ветром, который с каждым часом становился все свежее. Перистые облака, плывшие высоко в небе, предвещали, что ветер не скоро спадет.

Дик Сэнд позвал Тома и его товарищей.

— Друзья мои, — сказал он, — на «Пилигриме» нет другого экипажа, кроме вас. Без вашей помощи я не могу выполнить ни одного маневра. Вы не моряки, конечно, но у вас умелые руки. Если вы не пожалеете труда, мы сумеем управлять «Пилигримом». От этого зависит наше спасение.

— Капитан Дик, — ответил Том, — мои товарищи и я сам охотно станем вашими матросами. В доброй воле у нас нет недостатка. Все, что могут сделать пять человек под вашим командованием, мы сделаем!

— Отлично сказано, старина Том! — воскликнула миссис Уэлдон.

— Однако мы должны соблюдать величайшую осторожность, — сказал Дик Сэнд. — Я не пойду ни на какой риск и зря не стану поднимать всех парусов. Пусть мы проиграем немного в скорости, зато выиграем в безопасности. Такое решение диктуют нам обстоятельства. Сейчас я укажу каждому из вас его обязанности. Сам я буду стоять у штурвала сколько хватит сил. Время от времени я позволю себе поспать часок-другой. Но, как ни короток будет мой сон, кому-нибудь из вас придется заменять меня. Хотите, Том, я обучу вас? Не так уж трудно вести корабль по компасу. При желании вы быстро научитесь держать судно на курсе.

— Я готов, капитан Дик, — ответил старый негр.

— Хорошо, — сказал юноша. — Пойдите до вечера со мной у штурвала, и, если я свалюсь от усталости, вы сегодня же с успехом замените меня на короткое время.

— А я? — спросил маленький Джек. — Разве я ничем не могу помочь моему другу Дику?

— Разумеется, дорогой мальчик! — ответила миссис Уэлдон, прижимая Джека к груди. — И тебя тоже научат управлять судном. Я уверена, что когда ты будешь стоять у штурвала, уж обязательно ветер будет попутный.

— Конечно, мама, конечно! — воскликнул мальчик, хлопая в ладоши. — Я тебе это обещаю!

— Да, — улыбаясь, сказал Дик, — старые моряки говорят, что хороший юнга приносит судну счастье и попутный ветер.

И, обращаясь к Тому и остальным неграм, Дик добавил:

— За дело, друзья! Пошли брасопить реи в полный бакштаг^[31]. Я покажу, что делать, а вы в точности выполняйте мои указания.

— Приказывайте, капитан Сэнд, — сказал Том, — мы готовы!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Следующие четыре дня

Итак, Дик Сэнд стал капитаном «Пилигрима». Не теряя времени, он решил поднять все паруса.

У пассажиров было только одно желание: поскорее добраться до Вальпараисо или до какого-нибудь другого порта на американском побережье. Дик Сэнд намеревался следить за направлением и скоростью хода «Пилигрима» и, вычислив среднюю скорость, наносить ежедневно на карту пройденный путь. Для этого достаточно было располагать компасом и лагом.

На судне как раз имелся патент-лаг с вертушкой и циферблатом. Стрелка на циферблате показывала скорость движения судна в течение какого-нибудь определенного промежутка времени. Патент-лаг мог сослужить большую службу; прибор был весьма прост, и обучить пользоваться им даже неопытных, новых матросов «Пилигрима» было нетрудно.

Но существовал один неустранимый источник ошибок в счислении — это океанские течения.

Лег и компас не учитывают скорости и направления течения. Только астрономические наблюдения позволяют определить точное место судна в открытом море. Но, к несчастью, молодой капитан еще не умел делать астрономических наблюдений.

Сперва у Дика Сэнда мелькнула мысль отвести «Пилигрим» обратно к берегам Новой Зеландии. Этот переход был бы короче. Вероятно, Дик так бы и поступил, если бы ветер, дувший все время навстречу судну, не сменился вдруг попутным. Поэтому легче было продолжать путь к Америке.

Ветер переменял направление почти на 180°; теперь он дул с северо-запада и как будто крепчал. Этим следовало воспользоваться, чтобы пройти при попутном ветре как можно дальше.

Дик Сэнд намеревался идти в полный бакштаг.

На шхуне — бриге фок-мачта несет четыре прямых паруса: фок — на мачте, выше — марсель на стеньге, затем на брам-стенге брамсель и бом-брамсель.

Грот — мачта несет меньше парусов: только косой грот, а над ним-топсель.

Между этими двумя мачтами на штагах, которые крепят грот-мачту спереди, можно поднять еще три яруса косых парусов-стакселей.

Наконец, на бушприте — наклонной мачте, торчащей впереди носа, — поднимают три кливера: наружный, внутренний и бом-кливер.

Кливер, стаксели, косой грот и топсель легко ставить и убирать прямо с палубы, не поднимаясь на реи. Но постановка парусов на фок-мачте требует морской сноровки. Для того чтобы произвести какой-нибудь маневр с этими парусами, нужно взобраться по вантам на стеньгу, брам-стенгу или бом-брам-стенгу. Лазать на мачту приходится не только для того, чтобы поднять или убрать парус, но и тогда, когда нужно уменьшить площадь, подставленную парусом ветру, — «взять рифы»^[32], как говорят моряки. Поэтому матросы должны уметь лазать по пертам^[33] — канатам, свободно подвязанным под реями, и работать одной рукой, держась другой за канат. Маневр этот опасен, особенно для непривычных людей. Не говоря уже о бортовой и килевой качке, которая ощущается тем сильнее, чем выше матрос поднимается на мачты, порыв мало-мальски свежего ветра, внезапно наполнившего паруса, может сбросить матроса за борт.

Итак, Тому и его товарищам предстояла опасная работа.

К счастью, ветер дул с умеренной силой. На морс не успело еще подняться волнение, и

качка была невелика.

Когда Дик Сэнд, по сигналу капитана Гуля, повел «Пилигрим» к месту катастрофы, на судне были подняты косой грот, кливер, фок и марсель. Чтобы сняться с дрейфа, нужно было перебрасовать все паруса на фок-мачте. Негры без особого труда помогли ему в этом маневре. А чтобы идти в полный бакштаг, теперь достаточно было поднять брамсель, бом-брамсель, топсель и стаксели.

— Друзья мои, — сказал молодой капитан своим помощникам, — исполняйте в точности все мои приказания, и дело у нас пойдет замечательно.

Стоя у штурвала, Дик Сэнд скомандовал;

— Том, травите шкот!

— Травить?

Том недоуменно взялся за трос, не зная, что с ним делать.

— Ну да, травите! Это значит — ослабить шкот! И вы, Бат, делайте то же самое! Так, хорошо! Теперь вытягивайте. Вытягивайте же, Бат!

— Вот так?

— Да, да! Очень хорошо! Геркулес, ваша очередь! Ну-ка понатужьтесь, здесь нужна сила!

Просить Геркулеса «понатужиться» было по меньшей мере неосторожно: великан рванул снасть с такой силой, что чуть не оторвал ее совсем.

— Не так сильно! — закричал Дик Сэнд улыбаясь. — Этак вы вырвете мачту из гнезда!

— Да ведь я только чуть-чуть потянул, — оправдывался Геркулес.

— Это называется «чуть-чуть»?... Вот что, Геркулес: вы уж лучше только делайте вид, что тянете. Этого будет достаточно. Внимание, друзья! Потравите еще... Ослабьте!.. Так... Крепите... Да крепите же!.. Не понимают! Ах, да привязывайте! Так, так! Хорошо! Дружнее! Выбирайте брасы!..

И все паруса фока, у которого с левой стороны брасы были ослаблены, медленно повернулись.

Ветер наполнил их, и судно рванулось вперед.

Затем Дик велел ослабить шкоты кливера и созвал после этого негров на корме.

— Отлично работали, друзья мои! — похвалил Дик Сэнд матросов. — А теперь займемся грот-мачтой. Только смотрите, Геркулес, ничего не рвите и не ломайте.

— Постараюсь, — кротко ответил великан, не решаясь дать твердое обязательство.

Второй маневр дался матросам уже легче. Косой грот был поставлен под нужным углом, он сразу наполнился ветром, и его мощное действие прибавилось к действию передних парусов.

Затем над косым гротом подняли топсель, и, так как он был просто взят на гитовы^[34], достаточно было подобрать фал, выбрать галс, а затем закрепить их. Но Геркулес, его друг Актеон, не считая маленького Джека, взявшегося помогать им, выбирали фал с такой силой, что он лопнул.

Все трое опрокинулись навзничь, к счастью не причинив себе ни малейшего вреда. Мальчик был в восторге.

— Ничего, ничего! — крикнул молодой капитан. — Свяжите концы фала и тяните, только послабее!

Наконец паруса были закреплены надлежащим образом, и Дику Сэнду не пришлось даже отойти от штурвала. Теперь «Пилигрим» быстро шел на восток, и оставалось следить за тем, чтобы судно не отклонялось от курса. Это было проще простого, так как ветер был умеренный и судно не рыскало.

— Отлично, друзья мои, — сказал Дик Сэнд. — Скоро вы станете настоящими моряками.

— Постараемся, капитан Сэнд, — ответил за всех старый Том.

Миссис Уэлдон тоже похвалила старательных матросов. Немало похвал заслужил и маленький Джек: ведь он трудился не покладая рук.

— Мне кажется, Джек, что это ты оборвал фал, — улыбаясь, сказал Геркулес. — Ты такой сильный! Не знаю, что бы мы делали без тебя!

Мальчик покраснел от удовольствия и крепко потряс руку своего друга Геркулеса.

Однако «Пилигрим» нес еще не все паруса. Не были подняты брамсель, бом-брамсель и стаксели. А между тем при ходе в бакштаг они могли значительно ускорить ход «Пилигрима». Дик Сэнд решил поднять и эти паруса.

Если стаксели можно было поставить без особенного труда, прямо с палубы, то с прямыми парусами фок-мачты дело обстояло хуже: чтобы поднять их, нужно было взобраться на реи. Не желая подвергать риску свою неопытную команду, Дик Сэнд сам занялся этим делом.

Он передал Тому штурвал и показал, как следует вести судно. Затем, поставив Геркулеса, Вата, Актеона и Остина у горденей брамселя и бом-брамселя, он полез на мачту.

Взобраться по выбленкам вант фок-мачты, достигнуть марса, добраться до рея — для Дика было сущей игрой. Подвижный и ловкий юноша мигом побежал по портам брам-реи и отдал сезни, стягивающие брамсель.

Потом он перебрался на бом-брам-рей^[35] и быстро распустил парус. Покончив с этим делом, Дик Сэнд соскользнул по одному из фордунов^[36] правого борта прямо на палубу.

Здесь по его указанию матросы растянули оба паруса, то есть притянули их шкотами за нижние углы к нокам^[37] ниже лежащих реев, и прочно закрепили шкоты.

Затем были подняты стаксели между грот-мачтой и фок-мачтой, и этим кончилась работа по подъему парусов.

Геркулес старался не тянуть снасти изо всех сил и ничего не разорвал на этот раз.

«Пилигрим» шел теперь на всех парусах.

Дик мог поставить еще лисели, но при таких условиях их было трудно ставить, еще труднее было бы быстро убрать их в случае шквала. Поэтому молодой капитан решил ограничиться уже поднятыми парусами.

Том получил разрешение отойти от штурвала, и Дик Сэнд снова стал на свое место.

Ветер свежел. «Пилигрим», слегка накренившись на правый борт, быстро скользил по морю. Плоский след, оставляемый им на воде, свидетельствовал об отличной форме подводной части судна.

— Вот мы и на правильном пути, миссис Уэлдон, — сказал Дик Сэнд. — Только бы, дай бог, удержался попутный ветер!

Миссис Уэлдон пожала руку юноше. И вдруг она почувствовала сильную усталость от всех пережитых за последние часы волнений, ушла в свою каюту и задремала. Это было какое-то тяжелое забытие, а не сон.

Новая команда шхуны-брига осталась на палубе. Негры-матросы несли вахту на баке, готовые по первому слову Дика Сэнда выполнить любую работу, переменить положение парусов. Но, пока сила и направление ветра не изменились, команде нечего было делать.

Однако чем же занят был в это время кузен Бенедикт?

Кузен Бенедикт изучал при помощи лупы членистоногое насекомое, которое ему, наконец, удалось разыскать на борту «Пилигрима». Это было простое прямокрылое; головка его исчезала под выступающим краем переднегрудия, усики были длинные, а кожистые передние крылья превратились в надкрылья. Насекомое это принадлежало к отряду тараканов и к виду американских тараканов.

Кузену Бенедикту посчастливилось сделать эту находку на камбузе, — он подоспел как раз вовремя: Негоро только что занес ноту, чтобы безжалостно раздавить драгоценное насекомое. Ученый с негодованием обрушился на португальца. Заметим, впрочем, что гнев кузена Бенедикта не произвел никакого впечатления на кока.

Знал ли кузен Бенедикт, какие события разыгрались после того, как капитан Гуль и его спутники отправились на злополучную охоту за полосатиком? Конечно, зная, Больше того: он был на палубе, когда «Пилигрим» подошел к месту катастрофы, где еще плавали обломки разбитой шлюпки. Следовательно, экипаж шхуны-брига погиб на его глазах.

Предположить, что эта катастрофа не огорчила его, значило бы обвинить кузена Бенедикта в жестокосердии. Чувство сострадания не было ему чуждо, он жалел несчастных охотников. Он скорбел также о том, что кузина его оказалась в тяжелом положении. Он подошел к миссис Уэлдон и пожал ей руку, как бы говоря! «Не бойтесь! Разве я не с вами? При мне вам не грозит ничто!»

Затем он вернулся в свою каюту. Вероятно, он намеревался хорошенько обдумать, какие могут быть последствия этого прискорбного события, и наметить план решительных действий.

Но по дороге он наткнулся на упомянутого уже таракана, и таракан целиком поглотил его внимание. Ведь кузен Бенедикт намеревался доказать, и вполне основательно, что, вопреки мнению некоторых энтомологов, нравы тараканов, принадлежащих к роду фораспеев, замечательных своей окраской, совершенно отличны от нравов тараканов обыкновенных, и теперь он принялся за исследование, мгновенно позабыв, что на свете существует шхуна-бриг «Пилигрим», что ею командовал капитан Гуль и что этот несчастный погиб вместе со всем своим экипажем. Он любовался своим тараканом, как будто это противное насекомое было редчайшим золотым жуком.

Жизнь на борту снова вошла в колею, хотя все еще долго пассажиры оставались под впечатлением страшной катастрофы, стоившей жизни шести человекам.

В первый день Дик Сэнд прямо разрывался на части: он стремился привести судно в полный порядок, чтобы быть готовым ко всяким неожиданностям. Негры-матросы усердно исполняли все распоряжения. К вечеру на борту «Пилигрима» уже царил образцовый порядок. Можно было надеяться, что и дальше все пойдет хорошо.

Негоро не пытался больше оспаривать авторитет пятнадцатилетнего капитана. Казалось, он безмолвно Признал Дика Сэнда начальством. Он по-прежнему много времени проводил на своем тесном камбузе и редко выходил на палубу.

Дик Сэнд твердо решил посадить Негоро под арест на все время плавания при малейшей попытке его нарушить дисциплину. По первому знаку молодого капитана Геркулес схватил бы кока за шиворот и отнес в трюм. Эта операция нисколько не затруднила бы великана. Старая Нан, умелая кухарка, отлично могла бы исполнять на камбузе обязанности кока. Очевидно, Негоро понимал, что он не является незаменимым, и, чувствуя, что за ним зорко следят, не желал навлечь на себя нареканий.

Ветер к вечеру усилился, но направление его оставалось неизменным, и до наступления ночи не пришлось переставлять паруса. Солидные мачты, железные крепления их, хорошее состояние всей оснастки корабля позволят сохранять такую большую парусность даже и при более сильном ветре.

К ночи корабли обычно уменьшают парусность главным образом за счет спуска верхних парусов — брамсея, бом-брамсея, топсея и других парусов. Тогда кораблю не страшны внезапно налетевшие шквалы. Но Дик Сэнд не стал принимать этих мер предосторожности: погода не предвещала никаких неприятных неожиданностей, и ему не хотелось уменьшать

скорость судна, пока оно не выбралось из этой пустынной части океана. Кроме того, молодой капитан намеревался простоять на вахте первую ночь и лично следить за всем.

Мы уже упоминали, что лаг и компас были единственными приборами, которыми Дик Сэнд мог пользоваться! для приблизительного счисления пути, пройденного «Пилигримом».

Молодой капитан приказал бросать лаг каждые полчаса и записывал показания прибора.

Что касается компаса, который называют также буссолью, то на борту их было два: один был установлен в нактоузе^[38], перед глазами рулевого. Его картушка, днем освещенная солнечным светом, а ночью двумя боковыми лампами, каждую минуту указывала направление, по которому следует судно.

Второй компас представлял собою перевернутую буссоль и был укреплен в каюте, которую занимал раньше капитан Гуль. Таким образом капитан, не выходя из каюты, мог всегда знать, ведет ли рулевой корабль точно по заданному курсу или, напротив, по неопытности или вследствие небрежности позволяет ему рыскать.

Все суда, совершающие дальние плавания, обычно имеют не меньше двух компасов, так же как они запасаются по меньшей мере двумя хронометрами. Время от времени, приходится сличать показания этих приборов, чтобы удостовериться, исправны ли они. «Пилигрим», как видим, не отставал в этом отношении от других судов.

Дик Сэнд предложил своему экипажу с величайшей осторожностью обращаться с обоими компасами, которые были ему так необходимы.

Но в ночь с 12 на 13 февраля, когда юноша нес вахту у штурвала, случилась беда с компасом, находившимся в капитанской каюте. Медный крючок, на котором он висел, вырвался из дерева, и компас упал на пол. Заметили это только на следующее утро.

Каким образом вырвался крючок?

Никто не мог объяснить, как произошло это несчастье. Оставалось предположить, что боковая качка постепенно расшатала крючок, а килевая, встряхивая прибор, довершила дело. Ночью было довольно сильное волнение. Но так или иначе, а второй компас разбился, и починить его было невозможно.

Дик Сэнд очень огорчился. Теперь он вынужден был доверяться показаниям компаса, заключенного в нактоузе. Никто не был ответственен за поломку второго компаса, и все же она могла иметь весьма неприятные последствия.

Дику Сэнду оставалось лишь принять меры к тому, чтобы оградить от всяких случайностей последний компас.

Если не считать этого происшествия, то на «Пилигриме» до сих пор все обстояло благополучно.

Видя, как спокоен Дик, миссис Уэлдон снова поверила в счастливый исход путешествия. Впрочем, она никогда не поддавалась отчаянию, ибо прежде всего полагалась на милость неба и черпала душевную бодрость в искренней пере и молитве.

Дик Сэнд распределил время так, что на его долю выпали ночные вахты у штурвала. Днем он спал пять-шесть часов, и, по-видимому, этот недолгий сон восстанавливал его силы, — он не чувствовал большой усталости. Когда молодой капитан отдыхал, у штурвала стоял Том или его сын Бат. Благодаря толковому руководству Дика они мало-помалу становились неплохими рулевыми.

Часто миссис Уэлдон беседовала с Диком. Юноша очень ценил советы этой отважной и умной женщины. Ежедневно он показывал ей на карте путь, пройденный «Пилигримом» за сутки, определяя его лишь по направлению судна и средней скорости его хода.

— Вот видите, миссис Уэлдон, — говорил он, — при таком попутном ветре перед нами скоро откроются берега Южной Америки. Я не решаюсь утверждать, но очень надеюсь, что

мы окажемся тогда близ Вальпараисо.

Миссис Уэлдон не сомневалась, что «Пилигрим» держит правильный курс и что попутный северо-западный ветер несет его к намеченной цели. Но каким еще далеким казался берег Америки! Сколько опасностей подстерегало судно на пути к суше, хотя бы от тех перемен, какими грозят и небо и море!

Беспечный, как все дети его возраста, Джек по-прежнему шалил, бегал по палубе, играл с Динго. Он замечал, конечно, что Дик уделяет ему теперь меньше времени, но миссис Уэлдон сумела внушить сыну, что не следует отрывать Дика от работы, и послушный мальчик не приставал больше к «капитану Сэнду».

Так текла жизнь на борту «Пилигрима». Негры все больше усваивали свое матросское ремесло и толково справлялись с делом. Старый Том выполнял обязанности боцмана, и, несомненно, сотоварищи сами выбрали бы его на эту должность. В те часы, когда молодежь капитан отдыхал, Том был начальником вахты; вместе с ним дежурили Бат и Остин; Актеон в Геркулес составляли вторую вахту под начальством Дика Сэнда. Таким образом, каждый раз один правил, а двое других несли вахту на носу.

Судно находилось в пустынной части океана, и здесь можно было не опасаться столкновения со встречным кораблем. Но Дик Сэнд требовал от вахтенных настороженной бдительности. С наступлением темноты он приказывал зажигать ходовые огни: зеленый фонарь по правому борту и красный — по левому, — требование, конечно, вполне разумное.

Ночь за ночью Дик Сэнд проводил у штурвала. Иногда он совсем изнемогал, чувствовал непреодолимую слабость, рука его почти инстинктивно правила тогда рулем. Усталость, с которой он не хотел считаться, брала свое.

В ночь с 13 на 14 февраля Дику пришлось разрешить себе несколько часов отдыха. У штурвала его заменил старик Том.

Небо сплошь затягивали облака; к вечеру, когда похолодало, они нависли очень низко. Было так темно, что с палубы нельзя было разглядеть верхние паруса, терявшиеся во мраке. Геркулес и Актеон несли вахту на баке.

На корме слабо светился нактоуз, и этот мягкий свет отражался в металлической отделке штурвала. Ходовые огни бросали свет лишь за борт, а палуба судна погружена была в темноту.

Около трех часов ночи со старым Томом, утомленным долгой вахтой, произошло что-то похожее на явление гипнотизма: глаза его, слишком долго устремлявшиеся на светящийся круг нактоуза, вдруг перестали видеть, и он оцепенел в сковавшей его дремоте. Он не только ничего не видел, но если бы даже его сильно ущипнули, он, вероятно, ничего не почувствовал бы.

Он не заметил, как по палубе скользнула какая-то тень.

Это был Негоро.

Судовой кок подкрался к компасу и подложил под нактоуз какой-то тяжелый предмет, который он принес с собой.

С минуту он смотрел на освещенную в нактоузе картушку и затем бесшумно исчез.

Если бы Дик Сэнд, сменивший поутру Тома, заметил предмет, положенный Негоро под нактоуз, он поспешил бы убрать его, потому что Негоро положил под компас железный брусок. Под влиянием этого куска железа показания компаса изменились, и вместо того, чтобы указывать направление на магнитный полюс, которое немного отличается от направления на полюс мира, стрелка указывала теперь на северо-восток; девиация компаса достигла четырех румбов^[39], то есть половины прямого угла.

Том через мгновение очнулся. Он бросил взгляд на компас... Ему показалось — могло ли

быть иначе? — что «Пилигрим» сошел с курса.

Том повернул штурвал и направил корабль прямо на восток... Так ему по крайней мере казалось.

Но вследствие отклонения стрелки, о котором вахтенный рулевой, конечно, и не подозревал, курс корабля, измененный на четыре румба, взят был теперь на юго-восток.

Таким образом, «Пилигрим» уклонился от заданного курса на 45°, продолжая нестись вперед с прежней скоростью.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Буря

За всю следующую неделю, с 14 по 21 февраля, на судне не произошло ничего примечательного. Северо-западный ветер все усиливался, и «Пилигрим» быстро продвигался вперед, делая в среднем по сто шестьдесят миль в сутки. Большого и нельзя было требовать от судна такого тоннажа.

Дик Сэнд предполагал, что шхуна-бриг приближается к водам, посещаемым трансокеанскими пароходами, которые поддерживают пассажирское сообщение между двумя полушариями.

Юноша все надеялся встретить один из таких пароходов и твердо решил либо переправить на него своих пассажиров, либо добиться у капитана помощи: получить на «Пилигрим» временное подкрепление из нескольких матросов, а может быть, и офицера. Зорким взглядом он неустанно всматривался вдаль и все не обнаруживал ни одного судна. Море по-прежнему оставалось пустынным.

Это не могло не удивлять Дика Сэнда. Молодой матрос, участвовавший уже в трех дальних плаваниях на китобойных судах, несколько раз пересекал эту часть Тихого океана, где, по его расчетам, находился сейчас «Пилигрим». При этом он неизменно встречал то американское, то английское судно, которые либо поднимались от мыса Горн к экватору, либо спускались к этой крайней южной точке американского континента.

Но Дик Сэнд не знал и не мог даже подозревать, что сейчас «Пилигрим» идет на более высокой широте, то есть гораздо южнее, чем он предполагал. Это обуславливалось двумя причинами.

Во— первых, течениями. Дик Сэнд имел лишь смутное представление об их скорости. Между тем течения здесь были сильные, и они незаметно для глаз, но непрерывно сносили корабль в сторону от курса, а Дик не мог установить это.

Во— вторых, компас, испорченный преступной рукой Негоро, давал неправильные показания, а Дик Сэнд не мог их проверить, так как второй компас был сломан.

Итак, молодой капитан считал — и не мог не считать, — что ведет судно на восток, в действительности же вел его на юго-восток.

Компас всегда находился перед его глазами. Лаг регулярно опускали за борт. Эти два прибора позволяли приблизительно определять число пройденных миль и вести судно по курсу. Но достаточно ли этого было?

Дик Сэнд всячески старался внушить бодрость миссис Уэлдон, которую иногда тревожили тяжелые мысли.

— Неделей раньше или недель позже, — говорил он ей, — но мы доберемся до американского побережья. И не так уж важно, в каком месте мы пристанем... Главное то, что мы все-таки выйдем на берег!

— Я не сомневаюсь в этом, Дик!

— Разумеется, миссис Уэлдон, я был бы куда спокойнее, если бы вас не было на борту, если бы мне приходилось нести ответственность только за экипаж, но...

— Но если бы случай не привел меня на борт, — ответила миссис Уэлдон, — если бы кузен Бенедикт, Джек, Нан и я не плыли на «Пилигриме», если бы в море не выбрали Тома и его товарищей, то ведь тебе, мой мальчик, пришлось бы остаться с глазу на глаз с Негоро... А разве ты можешь питать доверие к этому злому человеку? Что бы ты тогда сделал?

— Прежде всего, — решительно сказал юноша, — я лишил бы Негоро возможности вредить...

— И один управился бы с судном?

— Да, один... с помощью божьей.

Твердый и решительный тон юноши успокаивал миссис Уэлдон. И все же она не могла отделаться от тревожного чувства, когда смотрела на своего маленького сына. Мужественная женщина старалась ничем не проявлять своего беспокойства, но как щемило материнское сердце от тайной тоски!

Если молодой капитан еще не обладал достаточными знаниями по гидрографии, чтобы определять место своего корабля в море, зато у него было чутье истого моряка и «чувство погоды». Вид неба и моря, во-первых, и показания барометра, во-вторых, подготавливали его наперед ко всем неожиданностям.

Капитан Гуль, хороший метеоролог, научил его понимать показания барометра. Мы вкратце расскажем, как надо пользоваться этим замечательным прибором^[40].

«1. Когда после долгого периода хорошей погоды барометр начинает резко и непрерывно падать — это верный признак дождя. Однако если хорошая погода стояла очень долго, то ртутный столбик может опускаться два-три дня, и лишь после этого произойдут в атмосфере сколько-нибудь заметные изменения. В таких случаях чем больше времени прошло между началом падения ртутного столба и началом дождей, тем дольше будет стоять дождливая погода.

2. Напротив, если во время долгого периода дождей барометр начнет медленно, но непрерывно подниматься, можно с уверенностью предсказать наступление хорошей погоды. И хорошая погода удержится тем дольше, чем больше времени прошло между началом подъема ртутного столба и первым ясным днем.

3. В обоих случаях изменение погоды, происшедшее сразу после подъема или падения ртутного столба, удерживается весьма непродолжительное время.

4. Если барометр медленно, но непрерывно поднимается в течение двух-трех дней и дольше, это предвещает хорошую погоду, хотя бы все эти дни и лил, не переставая, дождь, и *vice versa*^[41]. Но если барометр медленно поднимается в дождливые дни, а с наступлением хорошей погоды тотчас же начинает падать, — хорошая погода удержится очень недолго, и *vice versa*

5. Весной и осенью резкое падение барометра предвещает ветреную погоду. Летом, в сильную жару, оно предсказывает грозу. Зимой, особенно после продолжительных морозов, быстрое падение ртутного столба говорит о предстоящей перемене направления ветра, сопровождающейся оттепелью и дождем. Напротив, повышение ртутного столба во время продолжительных морозов предвещает снегопад.

6. Частые колебания уровня ртутного столба, то поднимающегося, то падающего, ни в коем случае не следует рассматривать как признак приближения длительного; периода сухой либо дождливой погоды. Только постепенное и медленное падение или повышение ртутного столба предвещает наступление долгого периода устойчивой погоды.

7. Когда в конце осени, после долгого периода ветров и дождей, барометр начинает подниматься, это предвещает северный ветер в наступление морозов».

Вот общие выводы, которые можно сделать из показаний этого ценного прибора.

Дик Сэндотлично умел разбираться в предсказаниях барометра и много раз убеждался,

насколько они правильны. Каждый день он советовался со своим барометром, чтобы не быть застигнутым врасплох переменой погоды.

Двадцатого февраля юношу обеспокоили показания барометра, и несколько раз в день он подходил к прибору, чтобы записать колебания ртутного столба. Барометр медленно и непрерывно падал. Это предсказывало дождь. Но так как дождь все не начинался, Дик Сэнд пришел к выводу, что дурная погода продержится долго. Так и должно было произойти.

Но вместе с дождем в это время года должен был прийти и сильный ветер. В самом деле, через день ветер посвежел настолько, что скорость перемещения воздуха достигла шестидесяти футов в секунду, то есть тридцати одной мили в час^[42].

Молодому капитану пришлось принять некоторые меры предосторожности, чтобы ветер не изорвал паруса «Пилигрима» и не сломал мачты.

Он велел убрать бом-брамсель, топсель и кливер, но, сочтя это недостаточным, вскоре приказал еще опустить брамсель и взять два рифа на марселе.

Этот последний маневр нелегко было выполнить с таким неопытным экипажем. Но нельзя было останавливаться перед трудностями, и действительно они никого не остановили.

Дик Сэнд в сопровождении Бата и Остина взобрался на рей и, правда не без труда, убрал брамсель. Если бы падение барометра не было таким зловещим, он оставил бы на мачте оба рея. Но когда ветер переходит в ураган, нужно уменьшить не только площадь парусов, но и облегчить мачты: чем меньше они нагружены, тем лучше переносят сильную качку. Поэтому Дик спустил оба рея на палубу.

Когда работа была закончена — а она отняла около двух часов, — Дик Сэнд и его помощники взяли два рифа на марселе. У «Пилигрима» не было двойного марселя, какой ставят теперь на большинстве судов. Экипажу пришлось, как в старину, бегать по пертам, ловить хлопающий по ветру конец паруса, притягивать его и затем уже накрепко привязывать линиями^[43]. Работа была трудная, долгая и опасная; но в конце концов площадь марселя была уменьшена, и шхуна-бриг пошла ровнее.

Дик Сэнд, Бат и Остин спустились на палубу только тогда, когда «Пилигрим» был подготовлен к плаванию при очень свежем ветре, как называют моряки погоду, именуемую на суше бурей.

В течение следующих трех дней — 20, 21 и 22 февраля — ни сила, ни направление ветра заметно не изменились. Барометр неуклонно падал, и двадцать второго Дик отметил, что он стоит ниже двадцати восьми и семи десятых дюйма^[44].

Не было никакой надежды на то, что барометр начнет в ближайшие дни подниматься. Небо грозно хмурилось, пронзительно свистел ветер. Над морем все время стоял туман. Темные тучи так плотно затягивали небо, что почти невозможно было определить место восхода и захода солнца.

Дик Сэнд начал тревожиться. Он не покидал палубы, он почти не спал. Но силой воли он заставлял себя хранить невозмутимый вид.

Двадцать третьего февраля утром ветер как будто начал утихать, но Дик Сэнд не верил, что погода улучшится. И он оказался прав: после полудня задул крепкий ветер, и волнение на море усилилось.

Около четырех часов пополудни Негоро, редко покидавший свой камбуз, вышел на палубу. Динго, очевидно, спал в каком-нибудь уголке: на этот раз он, против своего обыкновения, не залаял на судового кока.

Молчаливый, как всегда, Негоро с полчаса простоял на палубе, пристально всматриваясь в горизонт.

По океану катились длинные волны. Они сменяли одна другую, но еще не сталкивались. Волны были выше, чем обычно бывают при ветре такой силы. Отсюда следовало заключить, что неподалеку на западе свирепствовал сильнейший шторм и что он в самом скором времени догонит корабль.

Негоро обвел глазами взбаламученную водную ширь вокруг «Пилигрима», а затем поднял к небу всегда спокойные холодные глаза.

Вид неба внушал тревогу.

Облака перемещались с неодинаковой скоростью — верхние тучи бежали гораздо быстрее нижних. Нужно было ожидать, что в непродолжительном времени воздушные потоки, несущиеся в небе, опустятся к самой поверхности океана. Тогда вместо очень свежего ветра разыграется буря, то есть воздух будет перемещаться со скоростью сорок три мили в час.

Негоро либо ничего не смыслил в морском деле, либо это был человек бесстрашный: на лице его не отразилось ни тени беспокойства. Больше того: злая улыбка скривила его губы. Можно было подумать, что такое состояние погоды скорее радует, чем огорчает его.

Он влез верхом на бушприт и пополз к бом-утлегарю. Казалось, что он силится что-то разглядеть на горизонте. Затем он спокойно слез на палубу и, не вымолвив ни слова, скрылся в своей каюте.

Среди всех этих тревожных предзнаменований одно обстоятельство оставалось неизменно благоприятным для «Пилигрима»: ветер, как бы силен он ни был, оставался попутным. Все на борту знали, что, превратись он даже в ураган, «Пилигрим» только скорее приблизится к американскому берегу. Сама по себе буря еще ничем не угрожала такому надежному судну, как «Пилигрим», и действительные опасности начнутся лишь тогда, когда нужно будет пристать к незнакомому берегу.

Эта мысль весьма беспокоила Дика Сэнда. Как поступить, если судно очутится в виду пустынной земли, где нельзя найти лоцмана или рыбака, знающего ее берега? Что делать, если непогода заставит искать убежище в каком-нибудь совершенно неизвестном уголке побережья? Без сомнения, сейчас еще не время было ломать себе голову над такими вопросами, но рано или поздно они могут возникнуть, и тогда нужно будет решать быстро.

Что ж, когда настанет час, Дик Сэнд примет решение!

В продолжение следующих тринадцати дней — от 24 февраля до 9 марта — погода почти не изменилась. Небо по-прежнему заволакивали тяжелые, темные тучи. Иногда ветер утихал, но через несколько часов снова начинал Дуть с прежней силой. Раза два-три ртутный столб в барометре начинал ползти вверх; но, поднявшись на несколько линий, снова падал. Колебания атмосферного давления были резкими, и это не предвещало перемены погоды к лучшему, по крайней мере на ближайшее время.

Несколько раз разражались сильные грозы; они очень тревожили Дика Сайда. Молнии ударяли в воду в расстоянии всего лишь одного кабельтова от судна. Часто выпадали проливные дожди, и «Пилигрим» теперь почти все время был окружен густым клубившимся туманом. Случалось, вахтенный часами ничего не мог разглядеть, и судно шло наугад.

Корабль хорошо держался на волнах, но его все-таки жестоко качало. К счастью, миссис Уэлдон прекрасно выносила и боковую и килевую качку. Но бедный Джек очень мучился, и мать заботливо ухаживала за ним.

Кузен Бенедикт страдал от качки не больше, чем американские тараканы, в обществе которых он проводил все свое время. По целым дням энтомолог изучал свои коллекции, словно сидел в своем спокойном кабинете в Сан-Франциско.

По счастью, и Том и остальные негры не были подвержены морской болезни: они по-

прежнему исполняли все судовые работы по указанию молодого капитана. А уж он-то сам давно привык ко всякой качке на корабле гонимом буйным ветром.

«Пилигрим» быстро несясь вперед, несмотря на малую парусность, и Дик Сэнд предвидел, что скоро придется еще уменьшить ее. Однако он не спешил с этим, пока не было непосредственной опасности.

По расчетам Дика, земля была уже близко. Он приказал вахтенным быть настороже. Но молодой капитан не надеялся, что неопытные матросы заметят издали появление земли. Ведь недостаточно обладать хорошим зрением, чтобы различить смутные контуры земли на горизонте, затянутом туманом. Поэтому Дик Сэнд часто сам взбирался на мачту и подолгу вглядывался в горизонт. Но берег Америки все не показывался. Молодой капитан недоумевал. По нескольким словам, вырвавшимся у него, миссис Уэлдон догадалась об этом.

Девятого марта Дик Сэнд стоял на носу. Он то смотрел на море и на небо, то переводил взгляд на мачты «Пилигрима», которые гнулись под сильными порывами ветра.

— Ничего не видно, Дик? — спросила миссис Уэлдон, когда юноша отвел от глаз подзорную трубу.

— Ничего, миссис Уэлдон, решительно ничего... А между тем ветер-кстати, он как будто еще усиливается — разогнал туман на горизонте...

— А ты по-прежнему считаешь, что теперь американский берег недалеко?

— Несомненно, миссис Уэлдон. Меня очень удивляет, что мы еще его не видим.

— Но корабль ведь все время шел правильным курсом?

— О да! Все время, с тех пор как подул северо-западный ветер, — ответил Дик Сэнд. — Если помните, это произошло десятого февраля, в тот злополучный день, когда погиб капитан Гуль и весь экипаж «Пилигрима». Сегодня девятое марта, значит, прошло двадцать семь дней!

— На каком расстоянии от материка мы были тогда? — спросила миссис Уэлдон.

— Примерно в четырех тысячах пятистах милях, миссис Уэлдон. Если что-нибудь другое и может вызывать у меня сомнения, то уж в этой цифре я уверен. Ошибка не может превышать двадцать миль в ту или другую сторону.

— А с какой скоростью шел корабль?

— С тех пор как ветер усилился, мы в среднем проходим по сто восемьдесят миль в день. Поэтому-то я и удивлен, что до сих пор не видно земли. Но еще удивительнее то, что мы за последние дни не встретили ни одного корабля, а между тем эти воды часто посещаются судами.

— Не ошибся ли ты в вычислении скорости хода? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет, миссис Уэлдон! На этот счет я совершенно спокоен. Никакой ошибки быть не может. Лаг бросали каждые полчаса, и я всякий раз сам записывал его показания. Хотите, я сейчас прикажу снова бросить лаг: вы увидите, что мы идем со скоростью десять миль в час, то есть с суточной скоростью свыше двухсот миль!

Дик Сэнд позвал Тома и велел ему бросить лаг. Эту операцию старый негр проделывал теперь с большим искусством. Принесли лаг. Том проверил, прочно ли он привязав к линю, и бросил его за борт. Но едва он вытравил двадцать пять ярдов^[45], как вдруг линь провис.

— Ах, капитан! — воскликнул Том.

— Что случилось. Том?

— Линь лопнул!

— Лопнул линь? — воскликнул Дик. — Значит, лаг пропал!

Старый негр вместо ответа показал обрывок линя. Несчастье действительно произошло. Лаг привязан был прочно, линь оборвался посередине. А между тем линь был скручен из

прядей наилучшего качества. Он мог лопнуть только в том случае, если волокна на месте обрыва основа-, тельно перетерлись. Так оно и оказалось, Дик Сэнд убедился в этом, когда взял в руки конец линия. «Но почему перетерлись волокна? Неужели от частого употребления лага?» — недоверчиво думал юноша и не находил ответа на этот вопрос.

Как бы там ни было, лаг пропал безвозвратно, и Дик Сэнд лишился возможности определять скорость движения судна. У него оставался только один прибор — компас. Но Дик не знал, что показания этого компаса неверны! Видя, что Дик очень огорчен этим происшествием: миссис Уэлдон не стала продолжать расспросы. С тяжелым сердцем она удалилась в каюту.

Но хотя теперь уже нельзя было определять скорость хода «Пилигрима», а следовательно, и вычислять пройденный им путь, однако и без лага легко было заметить, что скорость судна не уменьшается.

На следующий день, 10 марта, барометр упал до двадцати восьми и двух десятых дюйма^[46]. Это предвещало приближение порывов ветра, несущегося со скоростью около шестидесяти миль в час.

Безопасность судна требовала, чтобы площадь поднятых парусов была немедленно уменьшена, иначе судну грозила опасность.

Дик Сэнд решил спустить фор-брам-стенгу и грот-стенгу, убрать основные паруса и следовать дальше только под стакселем и зарифленным марселем.

Он вызвал Тома и всех его товарищей на палубу — этот трудный маневр мог выполнить только весь экипаж сообща. К несчастью, уборка парусов требовала довольно продолжительного времени, а между тем буря с каждой минутой все усиливалась.

Дик Сэнд, Остин, Актеон и Бат поднялись на реи. Том встал у штурвала, а Геркулес остался на палубе, чтобы травить шкоты, когда это понадобится. После долгих безуспешных попыток фор-брам-стенгу и грот-стенга были, наконец, спущены. Мачты так раскачивались и ветер задувал с такой бешеной силой, что этот маневр едва не стоил жизни смельчакам матросам — сотни раз они рисковали полететь в воду. Затем взяли рифы на марселе, фок убрали, и шхуна-бриг не несла теперь других парусов, кроме стакселя и зарифленного марселя.

Несмотря на малую парусность, «Пилигрим» продолжал быстро нестись по волнам.

Двенадцатого марта погода стала еще хуже. В этот день, взглянув на барометр, Дик Сэнд похолодел от ужаса: ртутный столб упал до двадцати семи и девяти десятых дюйма^[47].

Это предвещало сильнейший ураган. «Пилигрим» не мог нести даже немногих оставленных парусов.

Видя, что ветер, того и гляди, изорвет марсель, Дик Сэнд приказал убрать парус.

Но приказание его запоздало. Страшный шквал, налетевший в это время на судно, мигом сорвал и унес парус. Остина, находившегося на брам-рее, ударило свободным концом гордея. Он получил довольно легкий ушиб и мог сам спуститься на палубу.

Дика Сэнда охватила страшная тревога: по его расчетам с минуты на минуту должен был показаться берег, и он боялся, что мчавшееся с огромной скоростью судно с разбегу налетит на прибрежные рифы.

Он бросился на нос и стал вглядываться в даль. Однако впереди не было видно никаких признаков земли.

Дик вернулся к штурвалу. Через минуту на палубу вышел Негоро. Словно против воли, он вытянул руку, указывая на какую-то точку на горизонте. Можно было подумать, что он видит знакомый берег в тумане...

Снова злая усмешка мелькнула на лице португальца, и, не промолвив ни слова, он

вернулся в камбуз.

В этот день разразился ураган — самая ужасная форма бури. Воздушные потоки неслись теперь с юго-запада со скоростью девяносто миль в час.

Это был настоящий ураган, один из тех, которые швыряют на берег суда, стоящие в порту на якорях, срывают с домов крыши и валят на землю прочные строения. Таков был ураган, разрушивший 23 июля 1825 года Гваделупу.

Если ураганный ветер может сбросить с лафетов тяжелые орудия, то легко себе представить, как он швыряет судно, не имеющее другой точки опоры, кроме разбушевавшихся волн.

Но в этой подвижности и заключается для корабля единственная надежда на спасение. Корабль не пытается противостоять страшным порывам ветра, он уступает им, и, если только его конструкция прочна, он может устоять перед любым неистовством бури.

Так было и с «Пилигримом».

Через несколько минут после того, как ветер унес марсель, новый порыв изодрал в клочья стаксель. Ди Сэнд не мог поставить даже трисель, хотя этот маленький кусок прочной парусины значительно облегчил бы управление судном.

Все паруса на «Пилигриме» были убраны, но ветер давил на корпус судна, на мачты, на такелаж, и корабль мчался с огромной скоростью. Порой казалось даже, что он выскакивает из волн и мчится, едва касаясь воды. Судне отчаянно подбрасывало на громадных валах, катившихся по океану, и эта килевая качка была страшна.

Но волны угрожали судну и предательским ударом сзади, потому что целые горы воды неслись по морю, и скорее, чем шхуна-бриг. Когда корма недостаточно быстро поднималась на гребень набегавшего сзади вала, он грозил обрушиться на нее и утопить корабль. В этом-то и заключалась главная опасность для судов, убегающих от бури.

Но как бороться с этой опасностью? Ускорить ход «Пилигрима» было нельзя — ведь на судне все паруса были убраны, а поставить их — не уцелел бы даже крошечный лоскутик. Единственное, что оставалось делать, — это держать нос вразрез волне при посредстве руля, но судно часто не слушалось руля.

Дик Сэнд не отходил от штурвала. Он привязал себя веревкой, чтобы какая-нибудь шальная волна не смыла его в море. Том и Бат, также привязанные, стояли рядом, готовые прийти на помощь своему капитану. На носу дежурили, ухватившись за битенг^[48], Геркулес и Актеон.

Миссис Уэлдон, маленький Джек, старая Нан и кузен Бенедикт, повинаясь приказу Дика Сэнда, не покидали свои каюты. Миссис Уэлдон охотнее осталась бы на палубе, но Дик категорически воспротивился этому — он не мог позволить ей без нужды рисковать жизнью.

Все люки были наглухо задраены. Дик надеялся, что они выдержат даже в том случае, если, по несчастью, волна обрушится на судно. Но если они не выдержат тяжести воды, случится беда: корабль наполнится водой, потеряет плавучесть и пойдет ко дну. К счастью, «Пилигрим» был правильно нагружен, и, несмотря на страшную качку, груз в трюмах не сдвинулся с места.

Дик еще больше сократил часы, отведенные им для сна. Миссис Уэлдон начала даже тревожиться, как бы он не заболел от переутомления. Она настояла, чтобы Дик хотя бы ненадолго лег спать.

В ночь с 13 на 14 марта, в то время как Дик отдыхал, произошло следующее.

Том и Бат находились на корме. Негоро — он редко появлялся в этой части корабля —

неожиданно подошел к ним и даже попытался завести разговор. Но ни старин Том, ни его сын ничего не ответили ему.

Вдруг судно резко накренилось на борт. Негоро упал и, наверное, был бы снесен в море, если бы не успел уцепиться за нактоуз.

Том вскрикнул: он испугался за компас.

Дик Сэнд, расслышав сквозь сон этот крик, мгновенно выбежал на палубу и бросился на корму.

Но Негоро уже поднялся на ноги. В руках у него был железный брусок, который он вынул из-под нактоуза. Он выбросил этот брусок в воду, прежде чем Дик увидел его.

Значит, Негоро хотел, чтобы стрелка компаса снова указывала правильное направление? По-видимому, юго-западный ветер, гнавший теперь судно вперед, служил его тайным целям.

— Что случилось? — спросил юноша.

— Да вот проклятый кок упал на компас! — ответил Том.

В страшной тревоге Дик нагнулся к нактоузу — он был невредим, и компас, освещенный лампочками, по-прежнему покоился на двух концентрических кругах своего подвеса.

Молодой капитан вздохнул с облегчением. Если бы испортился единственный компас, это было бы непоправимым несчастьем.

Но Дик Сэнд не мог знать, что после того, как из-под нактоуза был убран железный брусок, стрелка компаса заняла вновь нормальное положение и указывала своим острием прямо на магнитный полюс.

Негоро нельзя было винить за то, что он упал на компас (это могло быть простой случайностью), но все же Дик Сэнд вправе был удивиться, застав его в такой поздний час на корме судна.

— Что вы делаете здесь? — спросил он.

— То, что мне нравится, — отвечал Негоро.

— Что вы сказали?... — сердито крикнул Дик.

— Я сказал, — спокойно ответил судовой кок, — что нет правила, которое запрещало бы гулять по корме.

— Такого правила не было, но с этого часа я его устанавливаю, — сказал Дик Сэнд. — Я запрещаю вам ходить на корму!

— Вот как! — насмешливо протянул Негоро.

И этот человек, обычно так хорошо владевший собой, сделал угрожающее движение.

Молодой капитан выхватил из кармана револьвер и прицелился в судового кока.

— Негоро, — сказал он, — знайте, что я никогда не расстанусь с револьвером и что при первом же случае нарушения дисциплины я прострелю вам голову!

Негоро вдруг почувствовал, что какая-то непреодолимая сила клонит его к палубе. Это Геркулес положил свою тяжелую руку ему на плечо.

— Капитан Сэнд, — сказал великан, — разрешите мне выбросить этого негодяя за борт? Акулы будут довольны. Они ведь ничем не брезгают.

— Нет, еще не время, Геркулес, — ответил Дик Сэнд.

Негоро выпрямился, когда гигант снял руку с его плеча. Проходя мимо Геркулеса, он пробормотал сквозь зубы:

— Погоди, проклятый негр, ты дорого заплатишь мне за это!

Направление ветра изменилось, по крайней мере так подумал Дик Сэнд, посмотрев на компас, — он перескочил сразу на четыре рубя. Юношу очень удивило, что такая резкая перемена никак не отразилась на море.

Судно шло прежним курсом, но волны, вместо того чтобы ударять в корму, били теперь

под углом в левый борт. Такое положение было опасным, и Дику Сенду пришлось, спасаясь от этих коварных ударов волн, изменить курс на четыре румба.

Тревожные мысли не давали покоя молодому капитану. Он спрашивал себя, не существовало ли связи между сегодняшним нечаянным падением Негоро и поломкой первого компаса. Зачем пришел на корму судовой кок? Что ему было делать там? Может быть, он почему-либо заинтересован в том, чтобы и второй компас пришел в негодность? Для чего это могло ему понадобиться? Дик не мог найти объяснения этой загадке. Ведь Негоро не меньше, чем все остальные, должен был желать поскорее добраться до американского материка.

Мисс Уэлдон, когда Дик Сенд рассказал ей об этом происшествии, заметила, что и она не доверяет Негоро, но не видит оснований подозревать его в преднамеренной порче навигационных приборов.

Все же осторожности ради Дик решил постоянно наблюдать за Негоро. Не довольствуясь этим, он переселил Динго на корму, зная что судовой кок избегает собаки. Но Негоро помнил запрет молодого капитана и больше не показывался на корме, где ему решительно нечего было делать по своим служебным обязанностям.

Всю неделю буря свирепствовала с прежней силой. Барометр упал еще ниже. С 14 по 26 марта ветер не спадал ни на минуту, так что нельзя было выбрать момента затишья, чтобы поставить паруса.

«Пилигрим» неся на северо-восток со скоростью не менее двухсот миль в сутки, а земля все не показывалась! Между тем эта земля — континент Америки — огромным барьером протянулась более чем на сто двадцать градусов между Тихим и Атлантическим океанами.

Дик Сенд спрашивал себя, не потерял ли он рассудка, не совершил ли он какой-нибудь ужасной ошибки в счислении — ошибки, вследствие которой «Пилигрим» уже много дней идет по неправильному курсу. Но нет, он не мог так ошибиться. Солнце, хоть и пряталось за тучами, неизменно всходило перед носом корабля и закатывалось позади кормы. Что же в таком случае произошло с землей, о которую его корабль мог разбиться? Куда девалась эта Америка, если ее нет здесь? Северная или Южная Америка — все было возможно в этом хаосе, — но к одной из двух должен был пристать «Пилигрим». Что произошло с начала этой ужасной бури? Что происходит сейчас, если этот берег — к счастью или несчастью путников — все не появлялся перед их глазами? И не следовало ли предположить, что компас обманул их? Ведь Дик не мог проверять его показания после того, как был испорчен второй компас. Предположение это все крепло у Дика, потому что только оно одно могло объяснить, почему до сих пор не видно никакой земли.

Все время, свободное от дежурства у штурвала, Дик внимательно изучал карту. Но сколько он ни вопрошал карту, он не находил объяснения непостижимой загадке.

Около восьми часов утра 26 марта произошло событие величайшей важности.

Вахтенный — это был Геркулес — вдруг закричал:

— Земля! Земля!

Дик Сэнд ринулся на бак. Геркулес не был моряком. Может быть, глаза обманывали его?

— Где земля? — крикнул Дик.

— Там! — ответил Геркулес, указывая рукой на едва различимую точку в северо-восточной части горизонта.

Голос его был едва слышен среди отчаянного рева ветра и моря.

— Вы видели землю? — переспросил юноша.

— Да! — ответил Геркулес, кивая головой. И он снова протянул руку, указывая на северо-восток юноша вперил глаза вдаль... и ничего не увидел.

В эту минуту, нарушая обещание, данное Дику, на палубу вышла миссис Уэлдон — она услышала восклицание Геркулеса.

— Миссис Уэлдон! — крикнул Дик.

Слов миссис Уэлдон нельзя было расслышать; она те же пыталась разглядеть землю, которую заметил Геркулес, и, казалось, вся жизнь ее сосредоточилась в этом взгляде.

Но, очевидно, Геркулес указывал неверное направление — ни миссис Уэлдон, ни Дик ничего не обнаружили на горизонте.

Но вдруг Дик в свою очередь вытянул руку вперед.

— Да! Земля! Земля! — крикнул он.

В просвете между тучами показалось что-то похоже на горную вершину. Глаза моряка не могли ошибиться — это была земля.

— Наконец-то, наконец-то! — повторял он вне себя радости.

Дик крепко ухватился за поручни; миссис Уэлдон поддерживал Геркулес, она не сводила глаз с земли, которую уже не чаяла увидеть.

Берег находился в десяти милях с подветренной стороны, по левому борту. Просвет между тучами увеличился, показался кусок неба. И теперь уже явственно можно было различить высокую вершину горы. Без сомнения, это был какой-нибудь мыс па американском континенте.

«Пилигрим», плывший с оголенными мачтами, не мог держать курс на этот мыс. Но судно неизбежно должно было подойти к земле — это стало вопросом нескольких часов. Было уже восемь часов утра; значит, до наступления полудня «Пилигрим» подойдет к самому берегу.

По знаку юного капитана Геркулес отвел в каюту миссис Уэлдон: в такую сильную качку она не могла бы сама пройти по палубе.

Постояв еще минутку на носу, молодой капитан вернулся к штурвалу, у которого стоял Том.

Наконец— то Дик увидел эту долгожданную и такую желанную землю! Почему же вместо радости он испытывал страх? Потому что появление земли под ураганным ветром перед быстро несущимся кораблем означало крушение со всеми его ужасными последствиями.

Прошло два часа. Скалистый мыс был уже виден на траверсе^[49].

В этот момент Негоро снова появился на палубе. Он пристально посмотрел на берег, кивнул головой с многозначительным видом человека, знающего то, чего не знают другие, и, пробормотав какое-то слово, которое никто не расслышал, тотчас же ушел на свой камбуз.

Дик Сэнд тщетно старался разглядеть за мысом низкую линию побережья.

На исходе второго часа мыс остался справа за кормой судна, но очертания берега все еще не обрисовались.

Между тем горизонт прояснился, и высокий американский берег, окаймленный горной цепью Анд, должен был бы отчетливо виднеться даже на расстоянии двадцати миль.

Дик Сэнд вооружился подзорной трубой и, медленно переводя ее, осмотрел всю восточную сторону горизонта.

Земли в виду не было.

В два часа пополудни замеченная утром земля исчезла бесследно позади «Пилигрима».

Впереди подзорная труба не могла обнаружить ни высоких, ни низких берегов.

Тогда Дик, громко вскрикнув, бросился вниз по трапу и вбежал в каюту, где находились миссис Уэлдон, маленький Джек, Нан и кузен Бенедикт.

— Остров! Это был остров! — воскликнул он. — Только остров!

— Остров, Дик? Но какой? — спросила миссис Уэлдон.

— Сейчас посмотрим по карте! — ответил юноша и, сбегав в каюту, он принес корабельную карту.

— Вот, миссис Уэлдон, вот! — сказал он, развернув карту. — Земля, которую мы заметили, может быть только этой точкой, затерянной среди Тихого океана. Это остров Пасхи. Других островов в этих местах нет.

— Значит, земля осталась позади? — спросила миссис Уэлдон.

— Да, нас уже далеко отнесло ветром... Миссис Уэлдон пристально всматривалась в едва заметную точку на карте — остров Пасхи.

— На каком расстоянии от американского берега находится этот остров?

— В тридцати пяти градусах.

— Сколько это миль?

— Около двух тысяч.

— Но, значит, «Пилигрим» почти не сдвинулся с места! Как могло случиться, что мы все еще находимся так далеко от земли?

— Миссис Уэлдон... — начал Дик Сэнд и несколько раз провел рукой по лбу, как бы для того чтобы собраться с мыслями. — Я не знаю... Я не могу объяснить... Да, не могу... Разве что компас у нас неисправен... Но этот остров может быть только островом Пасхи — ветер все время гнал нас к северо-востоку... Да, это остров Пасхи, и надо; бога благодарить, что мы, наконец, узнали, где мы находимся. Мы в двух тысячах миль от берега — что ж!.. Зато я теперь знаю, куда нас загнала буря! Когда она утихнет, мы высадимся на американском побережье. У нас есть надежда на спасение! По крайней мере теперь наш корабль не затерян в беспредельности Тихого океана.

Уверенность молодого капитана передалась всем окружающим. Даже миссис Уэлдон повеселела. Несчастливым путешественникам казалось, что уже все беды миновали и «Пилигрим» как будто находится близ надежной гавани и надо теперь только подождать прилива, чтобы войти в нее.

Остров Пасхи — его настоящее название Вай-Гу, или Рап-Нуи, — был открыт Давидом в 1686 году; его посетили Кук и Лаперуз. Он расположен под 27° южной широты и 112° восточной долготы. Так выяснилось, что шхуна-бриг на пятнадцать градусов уклонилась на север от своего курса. Дик Сэнд приписал это буре, которая гнала корабль на северо-запад.

Итак, «Пилигрим» все еще находился в двух тысячах миль от суши. Если ветер будет дуть с той же ураганной силой, судно пробежит это расстояние дней за десять и достигнет побережья Южной Америки. Но неужели за это время погода не улучшится? Неужели нельзя будет поднять паруса даже тогда, когда «Пилигрим» окажется в виду земли?

Дик Сэнд надеялся на это, он говорил себе, что ураган, бушующий уже много дней подряд, в конце концов утихнет. Появление острова Пасхи юноша считал счастливым предзнаменованием: ведь теперь он точно знал, в каком месте океана находится «Пилигрим». Это вернуло ему веру в самого себя и надежду на благополучный исход путешествия.

Да, словно по милости провидения, путники заметили среди беспредельного простора океана одинокий остров, малую точку, и это сразу подняло в них бодрость. Корабль их все еще был игрушкой ветра, но по крайней мере они плыли теперь не вслепую.

Прочно построенный и хорошо оснащенный «Пилигрим» мало пострадал от неистовых натисков бури. Он лишился только марсея и стаксея, но этот ущерб нетрудно будет возместить. Ни одна капля воды не просочилась внутрь судна сквозь тщательно законопаченные швы корпуса и палубы. Помпы были в полной исправности.

В этом отношении опасность не грозила «Пилигриму».

Но ураган все еще продолжал бушевать, и казалось — ничто не могло умерить ярость стихий. Молодой капитан в какой-то мере вооружил свое судно для борьбы с ними, но не в его силах было заставить ветер утихнуть, волны — успокоиться, небо — проясниться... На борту своего корабля он был первым после бога, а за бортом — один лишь бог повелевал ветрами и волнами.

Надеждам Дика как будто суждено было сбыться.

Уже на другой день, 27 марта, ртутный столбик барометра поднялся, правда, всего на несколько делений. Увеличение атмосферного давления было незначительным, но, обещало быть стойким. Буря, очевидно, шла на убыль, и хотя волнение на море было очень велико, ветер начал Опадать и поворачивать к западу.

Дик понимал, что еще рано думать о том, чтобы ставить паруса. Ветер сорвал бы даже самый малый клочок парусины. Все же молодой капитан надеялся, что не позже как через двадцать четыре часа можно будет поставить хотя бы один из стакселей.

И верно: ночью ветер заметно ослабел, да и качка уже не так свирепо встряхивала корабль, а ведь накануне она грозила разнести его на куски.

Утром на палубу начали выходить пассажиры. Они уже не опасались, что внезапно набежавшая волна смочит их за борт.

Миссис Уэлдон первая покинула каюту, где она по требованию Дика просидела взаперти все время, пока длилась буря. Она подошла к Дику.

Сверхчеловеческая сила воли этого юноши помогла ему преодолеть неслыханные трудности. Он стоял похудевший, побледневший, обветренный. Тяжелее всего в его возрасте были, может быть, бессонные ночи. Казалось, силы отважного юноши должны были ослабеть. Но нет, его мужественная натура устояла перед всеми испытаниями. Быть может, перенесенные лишения когда-нибудь и скажутся на нем. Но сейчас не время было сдаваться, говорил себе! Дик. И миссис Уэлдон видела, что он так же полон энергии, как и раньше. К тому же у смелого юноши появилась теперь уверенность в своих действиях — ее насильно не внушишь, а сколько она прибавляет силы!

— Дорогой мой мальчик, мой дорогой капитан! — сказала миссис Уэлдон, протягивая ему руку.

— Ах, миссис Уэлдон, — улыбаясь, ответил Дик, — вы не слушаетесь своего капитана. Ну зачем вы вышли на палубу? Я ведь просил вас...

— Да, я послушалась тебя, — призналась миссис Уэлдон, — но что-то подсказало мне, что буря проходит.

— В самом деле, погода улучшается, миссис Уэлдон, — ответил юноша. — Вы не ошиблись. Со вчерашнего дня столбик ртути в барометре не понизился. Ветер утихает, и мне кажется, что самое тяжелое уже позади.

— Дай бог, дорогой мой, дай бог! Но сколько ты выстрадал, бедный мальчик! Знаешь, ты вел себя как...

— Я только выполнил свой долг, миссис Уэлдон.

— Теперь тебе необходимо отдохнуть.

— Отдохнуть? — возразил юноша. — Я нисколько не нуждаюсь в отдыхе, миссис Уэлдон. Я чувствую себя великолепно и надеюсь продержаться до конца. Вы назначили меня капитаном «Пилигрима», и я сохраню это звание до тех пор, пока все пассажиры моего корабля не окажутся в безопасности!

— Дик, — сказала миссис Уэлдон, — ни я, ни мой муж никогда не забудем того, что ты сделал!

— Ну что вы... миссис Уэлдон! — пробормотал Дик. — Господь бог нам помог.

— Милый мой мальчик, я повторяю, ты вел себя как настоящий мужчина. Ты проявил себя умелым и достойным командиром судна. И в недалеком будущем, как только ты

закончишь свое образование, ты станешь капитаном судна, принадлежащего торговому дому Джемса Уэлдона. Я уверена, что мой муж скажет то же самое.

— Я... я... — начал Дик, и глаза его наполнились слезами.

— Дик, — продолжала миссис Уэлдон, — ты был нашим приемным сыном, а теперь ты поистине родной мой сын. Ты спас свою мать и своего маленького брата Джека! Дорогой мой, дай я тебя поцелую за мужа и за себя!

Миссис Уэлдон не могла сдержать свое волнение. Сердце этой мужественной женщины было переполнено, и слезы выступили у нее на глазах, когда она обнимала юношу. Что сказать о чувствах, которые испытывал Дик? Он рад был бы отдать жизнь за своих благодетелей, больше чем жизнь, и ради них он заранее принимал все испытания, которые готовит ему будущее.

После этого разговора Дик почувствовал себя сильнее. Он не сомневался, что сумеет привести судно в безопасный порт и спасти пассажиров. Только бы утих ветер, хотя бы настолько, чтобы можно было поставить паруса!

Двадцать девятого марта ветер стал слабее. Дик решил поставить фок и марсель, чтоб увеличить скорость хода своего судна и вести его по определенному направлению.

— Друзья мои, — сказал он матросам, поднявшись на палубу на заре этого дня. — Идите сюда. Мне нужна ваша помощь.

— Мы готовы, капитан Сэнд, — ответил за всех старик Том.

— Конечно, готовы! — добавил Геркулес. — В бурю нам нечего было делать, и я начал уже покрываться ржавчиной.

— А ты дул бы в паруса своим большим ртом, — сказал маленький Джек.

— Я уверен, ты можешь дуть так же сильно, как ветер.

— Вот замечательная мысль, Джек! — рассмеялся Дик Сэнд. — Как только наступит штиль, мы попросим Геркулеса надувать наши паруса.

— Прикажете только, капитан Сэнд, — ответил великан, надувая щеки, как Борей.

— Начнем с того, друзья мои, — сказал Дик, — что поставим новый марсель на смену изодранному бурей. Работа нелегкая, но ее нужно сделать.

— Сделаем! — ответил Актеон.

— А мне можно вам помогать? — спросил маленький Джек, всегда готовый трудиться вместе с матросами.

— Разумеется, Джек, — ответил Дик Сэнд. — Ты станешь за штурвал с нашим другом Батом и будешь помогать ему править.

Конечно, маленький Джек с гордостью принял свою новую должность помощника рулевого.

— А теперь, — продолжал Дик Сэнд, — за дело! Только помните, друзья: не рисковать собой без нужды!

Негры энергично взялись за дело под руководством молодого капитана. Надо было скатанный парус поднять на мачту и там привязать его к рею. Дело нелегкое. Но Дик Сэнд так умело распорядился работой, а матросы повиновались ему с таким усердием и готовностью, что по истечении часа парус был привязан, рей поднят и на марселе взяты два рифа.

Несмотря на сильный ветер, команда без особого труда подняла паруса, убранные перед бурей, и к десяти часам утра «Пилигрим» уже бежал под фоком, марселем и одним из кливеров.

Дик Сэнд из осторожности решил не ставить остальных парусов. Те, что были подняты, обеспечивали суточный пробег в двести с лишним миль, а этой скорости было достаточно, чтобы меньше чем в десять дней достигнуть американского континента.

Дик с удовлетворением подумал, что теперь «Пилигрим» перестал всецело зависеть от капризов ветра и волн. Он бежал с достаточной скоростью и в нужном направлении. Радость Дика должны понять все, кто хоть немного знает морское дело.

Молодой капитан вернулся к штурвалу и, поблагодарив маленького помощника рулевого, стал на свой пост.

На следующий день по небу все так же быстро неслись тучи, но между ними уже возникали широкие просветы, и лучи солнца пробивались сквозь них, золотя поверхность океана. Временами «Пилигрим» попадал в полосу солнечного света. Какое счастье — этот животворящий свет! Иногда набегавшие облака затемняли его, но ветер отгонял их к востоку, и солнце снова показывалось во всем своем блеске. Погода явно улучшалась.

На судне открыли все люки, чтобы проветрить помещения. Свежий, напоенный солью воздух ворвался в трюм, в кубрик, в кают-компанию. Мокрые паруса разложили для просушки на рострах^[50]. На палубе началась генеральная уборка. Дик Сэнд не мог допустить, чтобы его корабль пришел в порт грязным и неубранным. Достаточно было несколько часов ежедневной работы, чтобы, не переутомляя экипаж, привести судно в надлежащий вид.

Теперь на корабле уже не могли бросать лаг, Дик измерял скорость хода судна только по следу, оставляемому на поверхности океана. Способ этот был неточен, и все же Дик Сэнд не сомневался, что судно окажется в виду земли не позже как через неделю. Он сумел убедить в этом и миссис Уэлдон, показав ей на карте то место, где, по его предположениям, находился «Пилигрим».

— Хорошо, Дик, — сказала миссис Уэлдон. — Теперь скажи мне, к какому пункту побережья мы подойдем?

— Вот сюда, миссис Уэлдон, — ответил Дик, указывая на длинную полосу берега, тянущуюся от Перу до Чили. — Точнее указать я не могу. Глядите, вот остров Пасхи, который мы оставили на западе. Ветер не менял направления все последние дни, и, следовательно, мы должны увидеть землю вот здесь, на востоке. Вдоль этого побережья разбросано немало портов, но сказать с уверенностью, какой порт окажется ближе других, когда «Пилигрим» подойдет к земле, я сейчас не могу.

— Да это и неважно, Дик... Лишь бы добраться до какого-нибудь порта!

— Разумеется, миссис Уэлдон. Куда бы мы ни пришли, вы отовсюду сможете вернуться в Сан-Франциско. «Тихоокеанская мореходная компания» превосходно обслуживает это побережье. Ее пароходы заходят во все главные порты, а из них легко уж попасть в Калифорнию.

— Разве ты не собираешься привести «Пилигрим» обратно в Сан-Франциско? — спросила миссис Уэлдон.

— Ну конечно! Но только после того, как вы пересядете на какой-нибудь пассажирский пароход, миссис Уэлдон. Если нам удастся заполучить офицера и команду, мы отправимся в Вальпараисо, чтобы сдать груз ворвани, — несомненно, так поступил бы капитан Гуль. Оттуда мы пойдем в Сан-Франциско. Но для вас это было бы лишней задержкой, и как мне ни грустно расставаться с вами...

— Хорошо, Дик, — прервала его миссис Уэлдон. — Об этом мы еще поговорим. Скажи мне — раньше ты как будто боялся приблизиться к незнакомому берегу?...

— Я и сейчас боюсь, — признался юноша. — Но я надеюсь встретить в тех водах какое-нибудь судно. Меня, по правде сказать, очень удивляет, что этого еще не случилось... О, если бы показалось хоть какое-нибудь судно! Мы бы связались с ним, узнали точно, где находится «Пилигрим», и тогда можно было бы без опаски причалить к берегу.

— Разве в этих местах нет лоцманов, которые проводят суда в гавани? — спросила

миссис Уэлдон.

— Наверно, есть, — ответил Дик Сэнд, — Но они плавают у самого берега. Поэтому мы должны стараться подойти как можно ближе к земле.

— А если мы не встретим лоцмана? — спросила миссис Уэлдон. Она настойчиво допрашивала молодого капитана, чтобы выяснить, подготовился ли он ко всяким случайностям.

— В этом случае, миссис Уэлдон... если погода будет хорошая и ветер умеренный, я направлю судно вдоль берега и буду плыть до тех пор, пока не найду какого-нибудь безопасного места для высадки. Если же ветер снова посвежеет...

— Что тогда, Дик?

— Видите ли, если ветер прибьет «Пилигрим» к земле...

— То?... — спросила миссис Уэлдон.

— То я буду вынужден выбросить корабль на берег, — ответил юноша, и лицо его на мгновение омрачилось. — Но это в самом крайнем случае. Я надеюсь, что нам не придется прибегнуть к этому последнему средству. Вы не тревожьтесь напрасно, миссис Уэлдон: погода, по-видимому, улучшается. Не может быть, чтобы мы не встретили ни одного судна или лоцманского катера. Будем надеяться, что «Пилигрим» идет прямо к земле и скоро мы ее увидим.

Выбросить судно на берег! На такую последнюю крайность даже самые смелые моряки не решаются без трепета. Неудивительно, что Дик Сэнд также не хотел думать о ней, пока у него еще была надежда на иной исход.

В следующие дни погода была неустойчивой, и это очень тревожило молодого капитана. Ветер дул с неослабевающей силой, и падение ртутного столбика в барометре предвещало новый натиск урагана.

Дик Сэнд начал опасаться, что снова придется, убрав все паруса, бежать от бури. А ведь так важно было сохранить хотя бы один парус, и он решил не спускать марселя, пока не явится опасность, что его снесет ветер.

Чтобы укрепить мачты, он распорядился вытянуть ванты и фордуны. Это была необходимая предосторожность: положение «Пилигрима» стало бы чрезвычайно тяжелым, если бы он лишился своего рангоута^[51].

За последние дни барометр два раза делал скачок кверху — это заставляло опасаться резкой перемены в направлении ветра. Что делать, если ветер будет дуть с востока, прямо в лоб кораблю? Лавировать? Но если обстоятельства принудят его лавировать — какая задержка, какой риск снова быть отброшенным в открытое море!

К счастью, его опасения не оправдались. В продолжение нескольких дней ветер метался по румбам, перескакивая с севера на юг, но в конце концов снова задул с запада. Ветер был очень свежий и расшатывал рангоут.

Наступило 5 апреля. Уже прошло больше двух месяцев с тех пор, как «Пилигрим» покинул Новую Зеландию. В течение первых двадцати дней то штили, то встречные ветры препятствовали продвижению судна. Затем подул попутный ветер, и «Пилигрим» быстро стал приближаться к земле. Особенно велика была скорость хода во время урагана: Дик Сэнд считал, что судно проходило в среднем не менее двухсот миль в сутки. Почему же в таком случае оно до сих пор не достигло берега? Это было совершенно необъяснимо!

Один из матросов непрерывно высматривал сушу с высоты бом-брам-рея. Часто Дик Сэнд сам поднимался на мачту. Он подолгу смотрел в подзорную трубу, не мелькнет ли среди облаков темный контур какой-нибудь горы: цепь Анд, как известно, изобилует высокими вершинами, и с большого расстояния их нужно было искать на горизонте в поднебесье.

Много раз Том и его товарищи ошибались, принимая за сушу какое-нибудь отдаленное облако необычной формы. Случалось, что они упорно утверждали, будто действительно обнаружили землю, и признавали свою ошибку только тогда, когда очертания мнимой земли расплывались и она терялась бесследно среди других облаков.

Но 6 апреля сомнениям не осталось места.

Было восемь часов утра. Дик Сэнд только что взобрался на рей. Первые лучи солнца разогнали туман, и линия горизонта виднелась достаточно отчетливо.

Из уст Дика Сэнда вырвался, наконец, долгожданный возглас.

— Земля! Перед нами земля!

При этих словах все выбежали на палубу: маленький Джек, любопытный, как все дети; миссис Уэлдон, надеявшаяся, что возникшая вдали суша положит конец всем ее страданиям; Том и его товарищи, которым не терпелось ступить на свою землю; даже кузен Бенедикт, который мечтал обогатить свою коллекцию новыми насекомыми.

Один лишь Негоро не вышел на палубу.

Землю видели теперь все: одним острое зрение действительно позволяло различить ее, а другие так стосковались по земле, что принимали ее появление на веру.

Но юноша был опытным моряком, привыкшим всматриваться в морские дали. Он не мог ошибиться. И действительно, через час всем стало ясно, что на этот раз надежда их не обманула.

На востоке, на расстоянии около четырех миль, виднелся контур довольно низкого берега — таким по крайней мере он казался. Нависшие облака не позволяли разглядеть горную цепь Анд, которая тянется невдалеке от морского берега.

«Пилигрим» направлялся прямо к берегу, полоса его ширилась и приближалась с каждой минутой.

Через два часа судно было уже в трех милях от суши. Береговая линия замыкалась на северо-востоке довольно высоким мысом, у основания которого виднелось нечто вроде открытого рейда. На юго-востоке земля вдавалась в океан узкой и низменной косой.

У берега поднималась гряда невысоких утесов, на которых вырисовывались в небе деревья. Судя по характеру местности, эти утесы являлись только предгорьями высокой цепи Анд.

Ни человеческого жилья, ни порта, ни устья реки, где корабль мог бы найти безопасное убежище!

Ветер гнал «Пилигрим» прямо к земле. Уменьшенная парусность и сильный прижимной ветер не давали Дику возможности изменить курс и отойти в открытое море.

Впереди вырисовывалась длинная полоса прибрежных рифов. Над ними бурлило и пенилось море. Прибой, несомненно, был чудовищный. Видно было, как волны взлетают до середины высоты утесов.

Молодой капитан постоял некоторое время на носу, пристально всматриваясь в берег. Затем, не промолвив ни слова, он возвратился на корму и стал за штурвал.

Ветер все крепчал. Скоро шхуна-бриг оказалась всего лишь в одной миле от берега.

Тогда Дик Сэнд мог разглядеть маленькую бухту. Он решил направить в нее корабль. Но вход в бухту преграждал барьер подводных скал, между которыми пройти кораблю было очень трудно. Буруны указывали на малую глубину воды над всей полосой рифов.

В эту минуту Динго, бегавший взад и вперед по палубе, бросился на нос и, уставившись на землю, протяжно и жалобно завыл. Казалось, собака узнала этот берег и его вид разбудил в ней какие-то горестные воспоминания.

Услышав этот вой, Негоро вышел из своей каюты и, хотя имел все основания опасаться

соседства собаки, встал на баке, прислонившись к борту. Но Динго продолжал жалобно выть, глядя на берег и, к счастью для судового кока, не обращая на него никакого внимания.

Негоро смотрел на свирепые буруны без тени страха. Наблюдавшей за ним миссис Уэлдон показалось, однако, что в лицо ему бросилась краска и черты его исказились.

Быть может, Негоро знал этот берег, к которому ветер нес «Пилигрим»?

Дик Сэнд в это время передал штурвал старому Тому и пошел на нос, чтобы в последний раз посмотреть на постепенно открывавшийся вход в бухту. Через несколько минут он твердым голосом сказал:

— Миссис Уэлдон, у меня нет никакой надежды найти безопасное убежище для «Пилигрима». Не позже как через полчаса корабль, несмотря на все мои усилия, будет на рифах... Придется выброситься на берег. Мне не удалось привести «Пилигрим» в порт. Чтобы спасти вас, я должен погубить корабль. Иного выхода нет... и колебаться тут не приходится.

— Ты сделал все, что от тебя зависело, Дик? — спросила миссис Уэлдон.

— Все! — коротко ответил юноша.

И тотчас же он занялся приготовлениями к предстоящему опасному маневру.

Прежде всего он заставил миссис Уэлдон, Джека, кузена Бенедикта и Нан надеть спасательные пояса. Негры-матросы и сам Дик были искусными пловцами, но и они приняли меры на случай, если их толчком сбросит в море.

Геркулесу поручили помогать миссис Уэлдон. Молодой капитан взял на себя заботу о Джеке. Кузен Бенедикт, очень спокойный, вышел на палубу: на ремне через плечо у него висела металлическая коробка с насекомыми. Дик поручил его Бату и Актеону. Что касается Негоро, то поразительное его хладнокровие говорило о том, что он не нуждается ни в чьей помощи.

На всякий случай Дик Сэнд велел поднять на палубу десяток бочек с ворванью.

Если вылить китовый жир на поверхность воды, когда «Пилигрим» будет проходить сквозь буруны, это на миг успокоит волнение и облегчит кораблю проход через рифы. Дик решил не пренебрегать ничем, лишь бы спасти жизнь экипажа и пассажиров.

Покончив со всеми приготовлениями, юноша вернулся на корму и стал к штурвалу.

«Пилигрим» был теперь всего в двух кабельтовых от берега, иными словами-почти у самых рифов. Правый борт его уже купался в белой пене прибоя. Молодой капитан ждал, что с секунды на секунду киль судна наткнется на какую-нибудь подводную скалу.

Вдруг по цвету воды Дик догадался, что перед ним проход между рифами. Необходимо было смело войти и него, чтобы выброситься на мель как можно ближе к берегу.

Молодой капитан не колебался ни одной минуты. Он круто повернул штурвал и направил корабль в узкий извилистый проход.

В этом месте море бушевало особенно яростно. Волны стали заливать палубу.

Матросы стояли на носу возле бочек с жиром, ожидая приказа капитана.

— Лей ворвань! — крикнул Дик, — Живей!

Под слоем жира, который потоками лился на волны, море успокоилось, словно по волшебству, с тем чтобы через минуту забушевать с удвоенной яростью.

Но этой минуты затишья было достаточно, чтобы «Пилигрим» проскочил за линию рифов. Теперь его несло на берег.

Страшный толчок. Огромная волна подняла корабль и бросила его на камни. Мачты рухнули, но никого не поранило.

При ударе корпус судна получил пробоину, и в нее хлынула вода. Но до берега было меньше полкабельтова. До него легко было добраться по цепочке торчащих из воды черных камней.

Через десять минут после катастрофы все пассажиры и команда «Пилигрима» очутились на суше, у подножия прибрежного утеса.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Что делать?

Итак, после перехода, длившегося не менее семидесяти четырех дней, после упорной борьбы со штилями, противными ветрами и ураганом «Пилигрим» кончил тем, что выбросился на берег и разбился о рифы.

Однако миссис Уэлдон и ее спутники возблагодарили провидение, почувствовав себя бесконечно счастливыми, когда очутились на суше. Ведь они были на материке, а не на каком-нибудь злосчастном острове Полинезии, куда буря могла бы их забросить. В каком бы месте Южной Америки они ни высадились, все равно они без особого труда возвратятся на родину.

Но «Пилигрим» погиб безвозвратно: за несколько часов прибой разбросает во все стороны обломки его остова. Нечего и думать о спасении груза.

Если Дик Сэнду и не удалось сберечь корабль и доставить его владельцу, все же он вправе был гордиться тем, что целыми и невредимыми доставил на берег всех находившихся на борту, и среди них жену и сына Джемса Уэлдона.

В какой же части южноамериканского побережья потерпел крушение «Пилигрим»? На побережье Перу, как предполагал Дик Сэнд? Вполне возможно: ведь после того как корабль миновал остров Пасхи, экваториальные течения и ветры гнали его к северо-востоку. При этих условиях он, разумеется, мог с сорок третьего градуса южной широты, попасть на пятнадцатый градус.

Необходимо было как можно скорее установить, где именно потерпел крушение «Пилигрим». На побережье Перу много портов, городков и селений, и если предположение Дика Сэнда окажется правильным, легко будет добраться до какого-нибудь населенного пункта.

Крутой, но не слишком высокий берег у места крушения казался пустынным... Узкая песчаная полоса была усеяна черными обломками скал. Кое-где в скалах зияли широкие трещины, кое-где по более отлогим местам можно было взобраться на гребень утеса.

В четверти мили к северу скалы расступались, давая выход маленькой речке, которую с моря не было видно. Над речкой склонились многочисленные ризофоры — разновидность магового дерева, имеющая существенные отличия от своих индийских родичей.

Густой зеленый лес, начинавшийся у самого обрыва, тянулся вдаль, до линии гор, возвышавшихся на горизонте. Будь кузен Бенедикт ботаником, он пришел бы в восторг от бесконечного разнообразия древесных пород — тут росли высокие баобабы, которым раньше приписывали невероятное долголетие, а кору их сравнивали с египетским сиенитом, тут росли веерники, белые сосны, тамаринды, перечники и сотни других растений, не встречающихся в северной части Нового Света и непривычных для американцев.

Но любопытным обстоятельством было то, что среди этих древесных пород не встречалось ни единого представителя многочисленного семейства пальм, которое насчитывает более тысячи видов и распространено почти по всему земному шару.

Над берегом реяли стаи крикливых птичек — главным образом ласточек с иссиня-черным оперением и светло-каштановыми головками. Кое-где взлетали и куропатки — серые птицы со стройным телом и голой шейкой.

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд заметили, что птицы не очень боятся людей. Они позволяли приближаться к себе, не проявляя страха. Неужели они никогда не видели человека и не научились остерегаться его? Неужели тишину этого пустынного берега никогда еще не нарушали ружейные выстрелы?

У берега меж камней прогуливались неуклюжие птицы, принадлежащие к роду малых пеликанов. Они набивали мелкой рыбешкой кожистый мешок, который висит у них под нижней створкой клюва.

Над обломками «Пилигрима» уже кружились чайки, прилетевшие с океана.

Птицы, видимо, были единственными живыми существами, посещавшими эту часть побережья. Разумеется, здесь водилось также немало насекомых, представлявших интерес для кузена Бенедикта.

Однако ни у птиц, ни у насекомых не спросишь, что это за берег. Сообщить его название мог только какой-нибудь местный житель. А жителей-то как раз и не было. По крайней мере ни один из них не показывался.

Ни дома, ни хижины, ни шалаша. Ни один дымок не поднимался в воздух ни на севере — по ту сторону речки, ни на юге, ни в густом лесу, уходившем в глубь континента. Ничто не указывало, что этот берег когда-либо посещал человек.

Дика Сэнда это очень удивляло.

— Где же мы? Куда мы попали? Неужели не найдется человек, который мог бы нам это сказать?

Но такого человека не было: если бы какой-нибудь туземец находился вблизи, Динго поднял бы тревогу. Между тем собака бегала взад и вперед по песчаному берегу, обнюхивая землю и опустив хвост. Она глухо ворчала. Ее поведение казалось странным, но ясно было, что Динго не чуял ни человека, ни животного.

— Дик, посмотри-ка на Динго! — сказала миссис Уэлдон.

— Как странно! — промолвил юноша. — Можно подумать, что собака разыскивает чей-то след.

— Действительно странно, — прошептала миссис Уэлдон.

Затем, спохватившись, она добавила:

— Что делает Негоро?

— То же, что и Динго, — ответил Сэнд, — рыскает взад и вперед по берегу. Впрочем, здесь он волен поступать как ему угодно. Я уже не вправе отдавать ему приказания. Его служба кончилась после крушения «Пилигрима».

Негоро осматривал песчаную косу, речку и прибрежные скалы с видом человека, попавшего в знакомые, а забытые места. Бывал ли он здесь? Вероятно, он отказался бы ответить, если бы ему задали такой вопрос. Одна ко не стоило обращать внимания на этого необщительного португальца. Дик Сэнд следил за ним, пока Негоро шагал по направлению к речке, но как только он скрылся за прибрежными утесами, юноша перестал им интересоваться.

Динго злобно залаял, увидев Негоро, но тотчас же перестал.

Пора было подумать о том, что предпринять. Сначала, надо было найти какой-нибудь приют, чтобы отдохнуть и поесть. После этого можно будет держать совет и наметить план дальнейших действий.

Легче всего разрешился вопрос о пропитании. Кроме плодов и дичи, которыми изобиловала эта земля, потерпевшие крушение могли воспользоваться тем, что было в кладовых корабля. Прибой выбросил на обмелевшие с наступлением отлива рифы много разных предметов с погибшего судна. Том и его товарищи собрали несколько бочек с сухарями, коробки консервов, ящики с сушеным мясом. Вода не успела еще их испортить. Маленький отряд с избытком был обеспечен пищей на все время, какое понадобится, чтобы добраться до ближайшего селения! Запасы провизии были переправлены в сухое место в берегу, куда не мог достигнуть прилив.

В пресной воде также не было недостатка. Дик Сэнд попросил Геркулеса принести

немного воды из речки. Силач негр принес на плече полный бочонок. Хотя во время прилива море и заходило в устье речки, вода в ней в час отлива была пресная и вполне годная для питья.

Об огне не приходилось беспокоиться: если бы понадобилось развести костер, кругом было сколько угодно топлива — сучьев и высохших корней мангифер. Старик Том рьяный курильщик, захватил с собой герметически закрывавшуюся жестяную коробку с трутом. В любой момент он мог высечь искру при помощи огнива и кремня, подобранного на берегу моря.

Оставалось только отыскать убежище, где маленький отряд мог бы отдохнуть и переночевать перед выступлением в поход.

«Гостиницу» нашел маленький Джек. Бегая у подножия скал, мальчик случайно обнаружил просторную, гладко отполированную пещеру — один из тех гротов, какие море вымывает в скалах, когда волны прибоя налетают на них во время бури.

Мальчик радостно закричал и позвал мать полюбоваться своей находкой.

— Молодец, Джек! — сказала миссис Уэлдон. — Если бы мы были Робинзонами и принуждены были поселиться на этом берегу, мы непременно назвали бы грот твоим именем.

Пещера была небольшая: десять — двенадцать футов в глубину и столько же в ширину, но Джеку она казалась огромной. Потерпевшие крушение могли удобно в ней разместиться. Миссис Уэлдон и Нан с удовольствием отметили, что пещера совершенно сухая. Луна была в первой четверти, — следовательно, не приходилось опасаться особенно сильных приливов, которые могли дойти до подножия скал и до пещеры.

Итак, все необходимое для отдыха было налицо.

Через десять минут пассажиры «Пилигрима» уже лежали в гроте на подстилке из сухих водорослей. Даже Негоро пожелал присоединиться к ним и получить свою долю завтрака. Очевидно, он не решился пуститься в одиночку странствовать по глухому лесу, через который пробивалась извилистая речка.

Было около часа пополудни. Завтрак состоял из сухарей и сушеного мяса. Запивали его свежей водой с несколькими каплями рома — Бат среди продуктов нашел бочонок рома.

Негоро завтракал со всеми, но не вмешивался в общую беседу, в которой обсуждался план дальнейших действий. Однако, не подавая вида, он внимательно прислушивался к разговору и, без сомнения, делал из него какие-то выводы.

Динго, получивший свою долю пищи, караулил у входа в пещеру. С таким стражем можно было спокойно отдыхать. Ни одно живое существо не могло появиться на песчаном берегу без того, чтобы верный пес не поднял тревоги.

Миссис Уэлдон, посадив к себе на колени сонного Джека, заговорила первая.

— Дик, друг мой, — сказала она, — все мы благодарны тебе за преданность, которую ты проявил в эти трудные дни. Но освободить тебя от твоих обязанностей мы еще не можем. Ты должен быть нашим проводником на суше, как был нашим капитаном на море. Все мы доверяем тебе. Говори же: что нужно предпринять?

Миссис Уэлдон, Нан, старик Том и остальные негры не спускали глаз с Дика Сэнда. Даже Негоро пристально смотрел на него. Очевидно, португальца чрезвычайно интересовало, что же ответит юноша.

Дик Сэнд несколько минут размышлял. Потом он сказал:

— Прежде всего, миссис Уэлдон, нужно выяснить, где мы находимся. Я думаю, что наш корабль потерпел крушение у берегов Перу. Ветер и течения должны были унести его примерно к этим широтам. Быть может, мы находимся в одной из южных, наименее населенных провинций Перу, которые граничат с пампой. Я бы сказал даже, что это весьма

вероятно: ведь берег кажется совсем безлюдным. Если мое предположение правильно, нам, к несчастью, придется довольно долго идти до ближайшего поселения.

— Что же ты хочешь делать? — спросила миссис Уэлдон.

— Я считаю, что мы не должны покидать грот до тех пор, пока не выясним точно, где мы находимся. Завтра после отдыха двое из нас пойдут на разведку. Они постараются, не очень удаляясь от лагеря, разыскать туземцев выяснив у них все, что нас интересует, они вернутся назад. Не может быть, чтобы в радиусе десяти — двенадцати миль не нашлось людей.

— Неужели мы расстанемся? — воскликнула миссис Уэлдон.

— Это необходимо, — ответил юноша. — Если же не удастся ничего разузнать, если против ожидания окажется, что местность совершенно пустынна, что ж... тогда мы придумаем что-нибудь другое!

— А кто пойдет на разведку? — спросила миссис Уэлдон после минутного раздумья.

— Это мы сейчас решим, — ответил Дик Сэнд. Во всяком случае, вы, миссис Уэлдон, Джек, мистер Бенедикт и Нан не должны уходить из грота. Бат, Геркулес, Актеон и Остин могут остаться с вами, а Том и я отправимся на разведку. Вероятно, и Негоро предпочтет остаться здесь, — добавил юноша, глядя на судового кока.

— Вероятно, — уклончиво ответил тот.

— Мы заберем с собой Динго, — продолжал Дик, — он может сослужить нам хорошую службу.

Услышав свое имя, Динго показался у входа в грот и коротко залаял, словно выражая этим свое согласие.

Миссис Уэлдон задумалась. Разлука, даже самая непродолжительная, очень смущала ее. Весть о крушении «Пилигрима», возможно, уже облетела соседние туземные племена, появлявшиеся на этом берегу, в южной или северной его части; в любой час могли нагрянуть местные жители с намерением поживиться кое-чем с погибшего корабля, — стоило ли дробить силы отряда, если нужно будет отразить нападение.

Это замечание миссис Уэлдон следовало серьезно обсудить.

Однако у Дика Сэнда нашлись веские доводы против него. Индейцев нельзя сравнивать с африканскими или полинезийскими дикарями, говорил юноша, и нет оснований предполагать, что они способны совершить разбойничий набег. А пускаться в странствия по этой незнакомой местности, даже не представляя себе, в какой части Южной Америки она расположена и на каком расстоянии находится ближайшее поселение, — это значило бы напрасно расходовать силы. Слов нет, неприятно расставаться, но все же это лучше, нежели всем отрядом вслепую пускаться в поход через чащу девственного леса.

— И наконец, — закончил Дик свою речь, — я не допускаю и мысли, что мы расстанемся надолго. Если в продолжение двух дней Том и я не найдем какого-нибудь селения или туземца, мы вернемся в грот. Но этого быть не может! Я убежден, что мы не пройдем и двадцати миль в глубь страны, как уже определим ее географическое положение. Быть может, я ошибся в счислении, — в конце концов ведь я не делал астрономических наблюдений. Что, если мы находимся в других широтах?

— Да... ты, конечно, прав, мой мальчик, — грустно ответила миссис Уэлдон.

— А как вы относитесь к моему плану, господин Бенедикт? — спросил Дик Сэнд.

— Я? — переспросил энтомолог.

— Да. Каково ваше мнение?

— У меня нет своего мнения на этот счет, — ответа кузен Бенедикт, — я согласен со всем, что мне предложат и готов делать все, что мне прикажут. Если вы решите остаться

здесь на день-другой, я буду очень доволен: я воспользуюсь этим, чтобы изучить побережье... с точки зрения энтомолога, конечно.

— Итак, поступай, как знаешь, Дик, — сказала миссис Уэлдон. — Отправляйся на разведку с Томом, а мы будем дожидаться вас здесь.

— Решено! — сказал кузен Бенедикт самым спокойным тоном. — А я пойду знакомиться с местными насекомыми.

— Только, пожалуйста, не заходите далеко, господ Бенедикт, — сказал Дик Сэнд, — очень просим вас об этом.

— Не беспокойся, мой милый.

— А главное — не натравите на нас москитов! — добавил Том.

Через несколько минут, перекинув через плечо свою драгоценную жестяную коробку, энтомолог ушел.

Негоро вышел из грота почти одновременно с ним. Казалось, этот человек считал совершенно естественным всегда заботиться только о самом себе. Но в то время как кузен Бенедикт карабкался вверх по откосу, чтобы выбраться на опушку леса, Негоро не спеша направился к устью речки и зашагал вверх по ее течению.

Миссис Уэлдон, положив заснувшего ребенка на колени к Нан, вышла на песчаный берег. Дик Сэнд и негры последовали за нею.

Нужно было, пользуясь отливом, добраться до разбитого судна, где оставалось еще немало вещей, которые могли пригодиться маленькому отряду.

Рифы, у которых разбился «Пилигрим», были теперь обнажены. Посреди разных обломков высился остов корабля. Раньше море почти целиком закрывало его, и Дик Сэнд очень удивился тому, что судно было сейчас обнажено. Он знал, что на американском побережье Тихо океана не бывает сильных приливов и отливов. Юноша объяснил это странное явление сильным ветром, который дул к берегу.

Миссис Уэлдон и ее спутники испытывали тягостное чувство при виде своего корабля. На его борту они провели столько дней, пережили столько страданий! Больно сжималось сердце при взгляде на бедный, искалеченный корабль, без парусов и без мачт, лежавший на боку, как существо, лишенное жизни.

И, однако, необходимо было побывать на корабле раньше, чем океан довершит его разрушение.

Дик Сэнд и пятеро негров легко поднялись на палубу, цепляясь за снасти, которые свисали с бортов. Том, Геркулес, Бат и Остин занялись переноской хранившихся на камбузе съестных припасов и напитков, а Дик Сэнд отправился в главную кладовую. К счастью, вода не проникла в эту часть судна, корма его и после крушения выступала над водой.

Юноша нашел здесь четыре вполне исправных великолепных карабина оружейного завода Пурдей и К° и около сотни патронов, тщательно уложенных в патронташи. Маленький отряд был теперь вооружен и мог оказать сопротивление индейцам, если бы они вздумали напасть на него.

Дик Сэнд не позабыл захватить и карманный фонарик. К несчастью, географические карты, хранившиеся в каюте на носу, оказались попорченными водой, и пользоваться ими было невозможно.

Дик Сэнд взял также из арсенала «Пилигрима» шесть штук больших ножей, служащих для разделки китовых туш, — ножи должны были дополнить вооружение его спутников. Заодно он захватил еще одно безобидное оружие — игрушечное ружьецо, принадлежавшее маленькому Джеку.

Остальное имущество, находившееся на корабле, либо погибло при крушении, либо

было приведено водой в негодность. Впрочем, не было нужды перегружать отряд поклажей, если переход до ближайшего населенного места должен был продлиться всего несколько дней. Продовольствия и оружия было больше чем достаточно.

В последнюю минуту Дик Сэнд вспомнил, что миссис Уэлдон посоветовала забрать с корабля деньги. Он нашел всего лишь пятьсот долларов, между тем как одна миссис Уэлдон везла с собой гораздо большую сумму. Куда же они девались?

Только Негоро мог опередить Дика Сэнда в этих поисках. Один он мог взять деньги миссис Уэлдон и сбережения капитана Гуля. Никого другого нельзя было заподозрить в этой краже. И все же Дик Сэнд вначале колебался. Что он знал об этом человеке? Только то, что Негоро был замкнутым и нелюдимым, что чужое горе вызывало у него злую усмешку. Но значило ли это, что он был преступником? Дик не знал, что подумать. Но кого другого можно было заподозрить в похищении денег? Кого-нибудь из негров? Но это были честные люди, да к тому же они ни на секунду не отходили от миссис Уэлдон и Дика, а Негоро долго бродил по берегу. Нет, Негоро, и только Негоро, совершил кражу!

Дик Сэнд решил допросить Негоро, как только тот вернется, и в случае необходимости даже обыскать его. Этот вопрос он должен был выяснить до конца.

Солнце склонялось к закату. В эту пору года оно еще не перешло экватор, неся внешнее тепло и свет Северному полушарию, но день этот уже приближался. Солнце опускалось почти перпендикулярно к той линии, где небо соединяется с морем. Сумерки были короткими и очень скоро сменились полной темнотой. Это подтвердило предположение Дика Сэнда, что судно потерпело крушение где-то между тропиком Козерога и экватором.

Все вернулись в грот, где они должны были расположиться и отдохнуть несколько часов.

— Ночь будет бурной! — заметил старый Том, указывая на черные тучи, скопившиеся на горизонте.

— Да, — подтвердил Дик, — ветер, видно, разыграете не на шутку. Но что нам теперь до этого! Бедный корабль наш погиб, и бури уже не могут причинить нам вреда!

— Да поможет нам бог! — промолвила миссис Уэлдои.

Было решено, что всю ночь, которая обещала быть очень темной, негры по очереди станут сторожить у входа в грот. Кроме того, можно было смело рассчитывать на чутье Динго.

Возвратившись в грот, заметили, что кузена Бенедикта все еще нет.

Геркулес позвал его во всю силу своих богатырских легких, и тотчас же энтомолог спустился с крутого откоса рискуя сломать себе шею.

Кузен Бенедикт был взбешен. Он не нашел в лесу ни одного нового насекомого, ни одного, достойного занять место в его коллекции. Сороконожек, сколопендр и других многоногих было сколько угодно, даже слишком много, но кроме них — ничего! А ведь известно, что кузену Бенедикту не было никакого дела до многоногих!

— Стоило ли проехать пять, а может быть, и все шесть тысяч миль, — жаловался он, — попасть в сильнейшую бурю, потерпеть крушение, чтобы не найти ни одного из тех американских шестиногих, которые являются украшением всякого энтомологического музея?! Нет, нет, решительно игра не стоила свеч!

В заключение кузен Бенедикт заявил, что он и часа не останется на этом презренном берегу, и потребовал, чтобы все тотчас же пустились в путь.

Миссис Уэлдон успокоила этого большого ребенка. Она уверила его, что завтра он будет счастливее в своих поисках. Затем все вошли в грот, чтобы поспать до восхода солнца.

Тут Том заметил, что Негоро еще не вернулся, хотя уже наступила ночь.

— Где он пропадает? — спросила миссис Уэлдон.

— Нам до этого дела нет, — сказал Бат.

— Напротив, — возразила миссис Уэлдон, — я предпочла бы, чтобы этот человек все время был у нас на глазах.

— Вы правы, миссис Уэлдон, — сказал Дик Сэнд, — но если он добровольно покинул нас, я не представляю себе, как можно заставить его вернуться. Кто знает, нет ли у Негоро причин навсегда скрыться от нас.

И, отведя миссис Уэлдон в сторону, Дик поделился с ней своими подозрениями. Миссис Уэлдон несколько не была удивлена рассказом Дика. Она также подозревала бывшего судового кока и не сходилась с Диком лишь в одном: как держать себя с Негоро.

— Если Негоро вернется, — заметила она, — это значит, что он припрятал украденные деньги в надежном месте. Так как мы не можем поймать его с поличным, по-моему, лучше всего сделать вид, что мы не заметили покражи, и умолчать о наших подозрениях.

Миссис Уэлдон была права, и Дик согласился с ее мнением.

Между тем Геркулес несколько раз окликнул Негоро. Тот не отвечал: либо он зашел слишком далеко и не мог расслышать призывов, либо не хотел вернуться.

Негры несколько не сожалели о том, что избавились от португальца. Но, как правильно сказала миссис Уэлдон, Негоро был, пожалуй, менее опасен вблизи, чем вдали.

Как, однако, объяснить, что судовой кок осмелился в одиночку пуститься в путешествие по этой незнакомой местности?

Не заблудился ли он? Может быть, он искал и не нашел в кромешной тьме дорогу в грот?

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд не знали, что и подумать. Но как бы то ни было, обитатели грота не имели права, лишая себя столь необходимого отдыха из-за Негоро.

Вдруг Динго, бегавший по песчаному берегу, залился отчаянным лаем.

— Почему лает Динго? — спросила миссис Уэлдон.

— Сейчас узнаю, — ответил Дик Сэнд. — Может быть, Негоро возвращается?

Тотчас же Дик, Геркулес, Остин и Бат вышли из грота и направились к речке. Но они никого не увидели на берегу. Динго больше не лаял.

Дик Сэнд и его спутники вернулись в грот и постарались как можно лучше устроиться там на ночлег. Негры, распределили между собой дежурство, и все путники легли спать.

Не могла заснуть лишь одна миссис Уэлдон. Ей почему-то казалось, что этот долгожданный берег не оправдал — надежд, которые она возлагала на него, — не принес ни безопасности для ее близких, ни покоя для нее самой.

Наутро 7 апреля Остин, который нес караул в предрассветные часы, увидел, как Динго сердитым лаем бросился к речке. Тотчас же из грота выбежали миссис Уэлдон, Дик Сэнд и негры. Вероятно, что-то произошло.

— Динго учуял человека или какое-то животное, — сказал юноша.

— Во всяком случае, не Негоро, — заметил Том, — на него Динго лает с особенной злостью.

— Но куда же девался Негоро? — спросила миссис Уэлдон, бросив искоса на Дика взгляд, значение которого понял только он один. — И если это не Негоро, то кто бы это мог быть?

— Сейчас узнаем, миссис Уэлдон, — ответил Дик. И, обращаясь к Бату, Остину и Геркулесу, он добавил: — Возьмите ружья и ножи, друзья мои, и идите за мной.

По примеру Дика Сэнда каждый негр заткнул за пояс нож и взял ружье. Затем все четверо зарядила ружья и быстро двинулись к берегу речки.

Миссис Уэлдон, Том и Актеон остались у входа в грот, где под присмотром старой Нан спал маленький Джек.

Солнце только что взошло. Скалы, поднимавшиеся на востоке, еще скрывали его, и песчаное побережье было в тени. Но на западе до самого горизонта море уже сверкало под первыми солнечными лучами.

Дик Сэнд и его спутники быстро шли по берегу к устью речки.

Там они увидели Динго. Собака неподвижно стояла на месте, словно делала стойку, и лаяла не переставая. Ясно было, что она увидела или учуяла кого-то постороннего.

Старый Том был прав: Динго лаял не на Негоро, своего давнишнего врага. Какой-то человек спустился по откосу крутого берега. Очутившись на пляже, он медленно зашагал вперед, стараясь голосом и жестами успокоить Динго. Видно было, что он побаивается сердитого пса.

— Это не Негоро! — сказал Геркулес. — Мы ничего не потеряем от такой замены, — заметил Бат.

— Вероятно, это туземец, — сказал юноша. — Его приход избавит нас от неприятной необходимости разлучаться друг с другом. Наконец-то мы узнаем, где мы находимся!

И все четверо, закинув ружья за спину, быстро зашагали навстречу незнакомцу.

Незнакомец, увидев их, явно был весьма удивлен. Он как будто не ожидал встретить людей в этой части побережья. Вероятно, он еще не заметил обломков «Пилигрима», иначе появление на берегу моря жертв крушения показалось бы ему совершенно естественным. Кстати сказать, ночью прибой разломал на части корпус корабля, и теперь в море плавали только обломки его.

Заметив, что идущие навстречу люди вооружены, незнакомец остановился и даже сделал шаг назад. Ружье висело у него за спиной; он быстро взял его в руки и вскинул к плечу. Его опасения были понятны.

Но Дик Сэнд сделал приветственный жест. Незнакомец, несомненно, понял, что у пришельцев намерения мирные, и после некоторого колебания подошел к ним.

Дик Сэнд мог теперь рассмотреть его.

Это был рослый мужчина, лет сорока на вид, с сидящими волосами и бородой, с живыми, быстрыми глазами и загорелый почти до черноты. Такой загар бывает у кочевников, вечно странствующих на вольном воздухе по лесам и равнинам. Незнакомец носил

широкополую шляпу, куртку из дубленой кожи, похожую на камзол, и штаны; к высоким — до колен — кожаным сапогам были прикреплены большие шпоры, звеневшие при каждом шаге.

Дик Сэнд с первого взгляда понял — и так оно и оказалось, — что перед ним не коренной житель пампы. Это был скорее иностранец, сомнительный авантюрист, каких немало в отдаленных и полудиких краях. Судя о его манере держаться, словно навтыжку, и по рыжеватой бороде, он, вероятно, был по происхождению англосакс. Во всяком случае, он не был ни индейцем, ни испанцем.

Догадка перешла в уверенность, когда в ответ на английское приветствие Дика Сэнда незнакомец ответил на том же языке без какого бы то ни было акцента:

— Добро пожаловать, юный друг!

И, подойдя поближе, он крепко пожал руку Дика Сэнда.

Неграм, спутникам Дика, незнакомец только кивнул не сказав им ни слова.

— Вы англичанин? — спросил он у Дика.

— Американец, — ответил юноша.

— Южанин?

— Нет, северянин.

Этот ответ как будто обрадовал незнакомца. Он еще раз чисто по-американски, размашисто потряс руку Дик Сэнду.

— Могу ли я спросить вас, мой юный друг, каким разом вы очутились на этом берегу?

Но прежде чем Дик Сэнд успел ответить на вопрос, незнакомец сорвал с головы шляпу и низко поклонился.

Миссис Уэлдон, неслышно ступая по песку, подошел и остановилась перед ним.

Она сама ответила на вопрос незнакомца.

— Сударь, — сказала она, — мы потерпели крушение. Наш корабль вчера разбился о прибрежные рифы!

На лице незнакомца отразилось чувство жалости. Повернувшись лицом к океану, он искал взглядом следа крушения.

— От нашего корабля ничего не осталось, — сказа Дик. — Прибой разбил его в щепы этой ночью.

— И прежде всего мы хотим знать, — добавила миссис Уэлдон, — где мы находимся.

— На южноамериканском побережье, — ответил незнакомец. Казалось, вопрос миссис Уэлдон очень удивил его. — Неужели вы этого не знаете?

— Да, сударь, — ответил Дик Сэнд. — Мы сомневались в этом, потому что в бурю корабль мог отклониться в сторону от курса, а я не имел возможности определить его место. Но я прошу вас точнее указать, где мы. На побережье Перу, не правда ли?

— Нет, нет, юный друг мой! Немного южнее. Вы потерпели крушение у берегов Боливии^[52].

— Ах! — воскликнул Дик Сэнд.

— Точнее — вы находитесь в южной части Боливии, почти на границе Чили.

— Как называется этот мыс? — спросил Дик Сэнд, указывая на север.

— К сожалению, не знаю, — ответил незнакомец. — Я хорошо знаком с центральными областями страны, где мне часто приходилось бывать, но на этот берег я попал впервые.

Дик Сэнд задумался над тем, что услышал от незнакомца. В общем, он был не очень удивлен. Не зная силы течений, он легко мог ошибиться в счислении. Но ошибка эта оказалась не столь значительной. Дик, основываясь на том, что он заметил остров Пасхи, предполагал, что «Пилигрим» потерпел крушение где-то между двадцать седьмой и

тридцатой параллелью южной широты. Оказалось — на двадцать пятой параллели. Судно проделало длинный путь, и такая незначительная ошибка в счислении была вполне вероятной.

У Дика не было ни малейших оснований сомневаться в правдивости слов незнакомца. Узнав, что «Пилигрим» потерпел крушение в Нижней Боливии, Дик уже не удивлялся пустынности берега.

— Сударь, — сказал он незнакомцу, — судя по вашему ответу, я должен предположить, что мы находимся на довольно большом расстоянии от Лимы?

— О, Лима далеко... Лима там! — Незнакомец махнул рукой, указав на север.

Миссис Уэлдон, которую исчезновение Негоро заставило насторожиться, с величайшим вниманием следила за этим человеком. Но ни в его поведении, ни в его ответах она не заметила ничего подозрительного.

— Сударь, — начала она, — извините, если мой вопрос покажется вам нескромным. Ведь вы не уроженец Боливии?

— Я такой же американец, как и вы, миссис...

— Незнакомец умолк, ожидая, что ему подскажут имя.

— Миссис Уэлдон, — сказал Дик.

— Моя фамилия Гэррис, — продолжал незнакомец. Я родился в Южной Каролине. Но вот уже двадцать лет как я покинул свою родину и живу в пампе Боливии. Мне очень приятно встретить соотечественников!

— Вы постоянно живете в этой части Боливии, мистер Гэррис? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет, миссис Уэлдон, я живу на юге, на чилийской границе. Но в настоящее время я еду на северо-восток, в Атакаму.

— Значит, мы находимся недалеко от Атакамской пустыни? — спросил Дик Сэнд.

— Совершенно верно, мой юный друг. Эта пустыня начинается за горным хребтом, который виден на горизонте.

— Пустыня Атакама! — повторил Дик Сэнд.

— Да, мой юный друг, — подтвердил Гэррис. — Атакамская пустыня, пожалуй, самая любопытная и наименее исследованная часть Южной Америки. Эта своеобразная местность резко отличается от всей остальной страны.

— Неужели вы рискуете в одиночку путешествовать по пустыне? — спросила миссис Уэлдон.

— О, я уже не раз совершал такие переходы! — ответил Гэррис. — В двухстах милях отсюда расположена крупная ферма — гациенда Сан-Феличе. Она принадлежит моему брату. Я часто бываю у него по своим торговым делам и сейчас направляюсь к нему. Если вы пожелаете отправиться со мной — могу поручиться, что вас встретит там самый сердечный прием. Оттуда уже легко добраться до города Атакамы: мой брат с величайшей радостью предоставит вам средства передвижения.

Это любезное предложение, сделанное как будто от чистого сердца, говорило в пользу американца. Гэррис, ожидая ответа, снова обратился к миссис Уэлдон:

— Эти негры — ваши невольники? Он указал на Тома и его товарищей.

— В Соединенных Штатах нет больше рабов, — живо возразила миссис Уэлдон. — Северные штаты давно уничтожили рабство, и южанам пришлось последовать примеру северян.

— Ах да, верно, — сказал Гэррис. — Я и позабыл, война тысяча восемьсот шестьдесят второго года разрешила этот важный вопрос. Прошу извинения у этих господ, — добавил

Гэррис с оттенком иронии в голосе; так говорили с неграми американцы из южных штатов. — Но видя, что эти джентльмены служат у вас, я подумал...

— Они не служили и не служат у меня, сударь, — прервала его миссис Уэлдон.

— Мы почли бы за честь служить вам, миссис Уэлдон, — сказал старый Том, — Но — пусть это будет известно мистеру Гэррису — мы никому не принадлежим! Правда, я был рабом. Когда мне было шесть лет, меня захватили в Африке работорговцы и продали в Америку. Но мой сын Бат родился, когда я уже был свободным человеком, да и все мои спутники — дети свободных людей.

— С чем вас и поздравляю, — ответил Гэррис тоном, в котором миссис Уэлдон почудилась насмешка. — Впрочем, на земле Боливии нет рабов. Следовательно, вам нечего бояться, и вы можете путешествовать здесь с такой же безопасностью, как и по штатам Новой Англии^[53].

В эту минуту из грота вышел маленький Джек в сопровождении Нан. Мальчик протирает глазки.

Увидев мать, он бегом бросился к ней. Миссис Уэлдон нежно поцеловала сына.

— Какой славный мальчуган! — сказал американец, подходя к Джеку.

— Это мой сын, — ответила миссис Уэлдон.

— О миссис Уэлдон! Вы, верно, страдали вдвойне во время этих тяжких испытаний: за себя и за сына!

— Теперь это все в прошлом, мистер Гэррис. Благодарение богу, Джек цел и невредим, как и все мы.

— Разрешите поцеловать это прелестное дитя? — спросил Гэррис.

— Охотно, сударь.

Но, очевидно, мистер Гэррис не понравился маленькому Джеку — он только теснее прижался к матери.

— Вот как! — сказал Гэррис. — Ты не хочешь поцеловать меня, крошка? Значит, я кажусь тебе страшным?

— Извините его, сударь, — поспешила сказать миссис Уэлдон. — Джек очень застенчивый ребенок.

— Ну хорошо, позже мы с тобой познакомимся поближе, — ответил Гэррис.

— Когда мы придем в гациенду, там для тебя найдется славный пони, который поможет нам подружиться.

Но и упоминание о «славном пони» не смягчило маленького Джека.

Миссис Уэлдон поспешила переменить тему разговора — она боялась, что неприветливость Джека заденет человека, который так любезно предложил ей свои услуги.

Дик Сэнд раздумывал о приглашении Гэрриса идти с ним на гациенду Сан-Феличе. Оно пришлось очень кстати, но переход в двести миль то по лесам, то по голой равнине должен был очень утомить миссис Уэлдон и Джека: ведь никаких средств передвижения было.

Дик поделился своими сомнениями с Гэррисом и с интересом ждал его ответа.

— Действительно, это длинный переход, — сказал Гэррис. — Но в лесу, в сотне шагов от берега, меня ждет лошадь. Я охотно предоставляю ее в распоряжение миссис Уэлдон и ее сына. Мужчины пойдут пешком, но смею вас уверить, что и пеший переход не представит ни каких трудностей и не будет слишком утомителен. Кстати, когда я говорил о двухстах милях, я имел в виду путь вдоль извилистого берега: этим путем я только что прошел сам. Но если мы пойдем напрямик, через лес, дорога сократится по меньшей мере на восемьдесят миль. Делая в день до десяти миль, мы незаметно доберемся до гациенды.

Миссис Уэлдон поблагодарила американца.

— Если действительно хотите доказать свою благодарность, примите приглашение, которое я вам сделал — ответил Гэррис. — Мне, правда, еще ни разу не приходилось бывать в этом лесу, но я не сомневаюсь, что без труда найду дорогу: я ведь привык странствовать по лесам. Вот с продовольствием дело обстоит хуже. Я захватил собой в дорогу ровно столько провизии, сколько нужно мне одному, чтобы добраться до Сан-Феличе.

— Мистер Гэррис, — сказала миссис Уэлдон, — у нас к счастью, провизии больше чем достаточно, и мы охотно поделимся с вами.

— Вот и отлично, миссис Уэлдон! — воскликнул Гэррис. — Все устраивается как нельзя лучше, и, мне кажется, нам остается только двинуться в путь.

Гэррис пошел было к лесу, чтобы привести оставленную там лошадь, но Дик Сэнд остановил его новым и вопросом.

Юноше не улыбалась перспектива отойти от берега моря и углубиться в девственный лес, тянувшийся на сотни миль. Дик Сэнд был истым моряком, и ему не хотелось покидать побережья.

— Мистер Гэррис, — сказал он, — меня смущает этот переход в сто двадцать миль по Атакамской пустыне. Не лучше ли нам идти вдоль берега? На север или на юг — мне все равно, лишь бы добраться до ближайшего приморского города.

Гэррис слегка нахмурил брови.

— Юный друг мой, — сказал он, — как ни плохо я знаю это побережье, мне известно, что ближайший приморский город отстоит от нас в трехстах или четырехстах милях...

— К северу — это верно, — прервал его Дик, — но к югу?...

— А к югу, — возразил американец, — нужно будет спуститься до самого Чили. Следовательно, переход будет не короче. Кроме того, на вашем месте я постарался бы не приближаться к пампе Аргентинской республики. Сам я, к великому сожалению, не могу сопровождать вас туда...

— Разве корабли, следующие из Чили в Перу, не проходят в виду этого берега? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет, — ответил Гэррис. — Курс их проложен в открытом море. Вероятно, вы не встретили ни одного судна?

— Вы правы, — сказала миссис Уэлдон. — Итак, Дик, есть ли у тебя еще какие-нибудь вопросы к мистеру Гэррису?

— Только один, миссис Уэлдон, — ответил юноша, которому очень не хотелось соглашаться. — Я хотел бы узнать у мистера Гэрриса, в каком порту мы найдем судно, которое доставит нас в Сан-Франциско.

— Право, мой юный друг, я затрудняюсь ответить на этот вопрос, — сказал американец. — Я знаю только, что из гациенды Сан-Феличе мы найдем способ доставить вас в город Атакаму, а оттуда...

— Мистер Гэррис, — прервала его миссис Уэлдон, — не думайте, пожалуйста, что Дику не по душе ваше приглашение!

— Нет, миссис Уэлдон, нет! — воскликнул, юноша. — Я с благодарностью готов принять предложение мистера Гэрриса. Единственно, о чем я сожалею, это о том, что «Пилигрим» не потерпел крушения несколькими градусами севернее или южнее. Тогда бы мы были вблизи порта, нам легче было бы вернуться на родину и не пришлось бы злоупотреблять любезностью мистера Гэрриса.

— Помилуйте, я очень рад, — сказал Гэррис. — Ведь я вам уже говорил, что здесь редко удается встретить соотечественников. Для меня истинное удовольствие оказать вам эту услугу.

— Мы принимаем ваше предложение, мистер Гэррис, — ответила миссис Уэлдон. — Но все же я не хочу лишать вас лошади. Я хороший ходок...

— А я еще лучший, — с поклоном сказал Гэррис. — Я привык странствовать по пампе, и если наш отряд задержится в пути, то, смею думать, это произойдет не по моей вине. Нет, миссис Уэлдон, на лошади поедете вы и ваш маленький Джек. Впрочем, нет ничего невозможного в том, что дорогой мы встретим кого-либо из служащих гациенды. И если они будут ехать верхом, то охотно уступят нам своих лошадей.

Дик Сэнд видел, что, выдвигая новые возражения против предложения Гэрриса, он только огорчит миссис Уэлдон.

— Мистер Гэррис, — сказал он, — когда мы выступаем?

— Сегодня же, мой юный друг! — ответил Гэррис. Дождливый период начинается здесь в апреле, и надо постараться до его наступления прибыть в гациенду Сан-Феличе. Дорога через лес — кратчайшая и, пожалуй, самая безопасная. Кочевники-индейцы редко забираются в лес: они предпочитают грабить на побережье.

— Том и вы, друзья мои, — сказал Дик, обращаясь к неграм, — нам остается сейчас же заняться приготовлением к походу. Отберем из запаса провизии то, что всего легче нести, и все упакуем в тюки; поклажу мы распределим между собой.

— Мистер Дик, — сказал Геркулес, — если хотите, я один понесу весь груз.

— Нет, мой славный Геркулес, — ответил юноша, лучше поделить ношу между всеми.

— Вы, видно, силач, Геркулес, — сказал мистер Гэррис, оглядывая с головы до ног негра, словно тот был выставлен для продажи. — На африканских невольничьих рынках за вас дали бы немало.

— Не больше, чем я стою, — смеясь, ответил Геркулес. — Только покупателям пришлось бы здорово побегать, чтобы поймать меня.

Условившись обо всем, принялись за дело, чтобы ускорить выступление в поход. Сборы были непродолжительны, ведь путь от побережья до гациенды Сан-Феличе должен был отнять не больше десяти дней.

— Мистер Гэррис, прежде чем мы воспользуемся вашим гостеприимством, мы хотели бы видеть вас у себя в гостях, — сказала миссис Уэлдон. — Надеюсь, вы не откажетесь позавтракать с нами?

— С удовольствием, миссис Уэлдон, с удовольствием, — весело ответил Гэррис.

— Через несколько минут завтрак будет готов.

— Отлично, миссис Уэлдон. Я использую это время, чтобы сходить за лошадью. Она-то уже позавтракала.

— Разрешите сопровождать вас? — спросил Дик Сэнд американца.

— Если хотите, мой юный друг, — ответил Гэррис, — пойдете, я покажу вам нижнее течение этой реки.

И они ушли вдвоем.

Тем временем миссис Уэлдон послала Геркулеса на поиски энтомолога. Кузену Бенедикту было мало дела до того, что творилось вокруг. Он бродил по опушке леса в поисках редкостных насекомых, но ничего не нашел.

Геркулесу пришлось чуть не насильно привести его. Миссис Уэлдон сообщила кузену Бенедикту, что решено отправиться пешком через лес в глубь страны и что поход будет продолжаться дней десять.

Кузен Бенедикт ответил, что он готов отправиться в любую минуту. Он согласен пройти пешком через всю Америку из конца в конец, если только ему разрешат дорогой коллекционировать насекомых.

Затем миссис Уэлдон с помощью Нан приготовила вкусный и плотный завтрак. Он был отнюдь не лишним перед дальней дорогой.

Тем временем Гэррис и Дик прошли берегом к устью реки и поднялись на несколько сот шагов вверх по ее течению. Там они увидели привязанную к дереву лошадь, которая веселым ржанием приветствовала своего хозяина.

Это была прекрасная лошадь неизвестной Дику Сэнду породы. Но для опытного человека достаточно было кинуть взгляд на тонкую шею, маленькую голову, длинный круп, покатые плечи, почти горбоносую морду, чтобы узнать отличительные признаки арабской породы.

— Вы видите, мой юный друг, — сказал Гэррис, — какое это сильное животное. Вполне можно рассчитывать, что оно не подведет в дороге.

Гэррис отвязал лошадь, взял ее под уздцы и, шагая впереди Дика, пошел к гроту. Юноша следовал за ним, пристально всматриваясь, оглядывая лес и оба берега реки. Но он не заметил ничего подозрительного.

Уже подходя к гроту, он задал американцу вопрос, которого тот никак не мог ожидать.

— Мистер Гэррис, — спросил он, — не встретили ли вы этой ночью португальца по имени Негоро?

— Негоро? — переспросил Гэррис тоном человека, непонимающего, чего от него хотят. — Кто такой этот Негоро?

— Судовой кок «Пилигрима», — ответил Дик Сэнд. — Он куда-то исчез.

— Утонул? — спросил Гэррис.

— Нет, нет, — ответил юноша. — Вчера вечером он еще был с нами, а ночью ушел. Вероятно, он поднялся вверх по течению реки. Я потому и спрашиваю вас, что вы пришли с той стороны. Вы не встретили его?

— Я не встретил никого, — сказал американец. — Если ваш кок один забрался в лесную чащу, он рискует заблудиться... Впрочем, быть может, мы нагоним его дорогой.

— Да, может быть... — пробормотал юноша.

— Когда Дик Сэнд и Гэррис подошли к гроту, завтрак был уже готов. Как и вчерашний ужин, он состоял из всяких консервов и сухарей. Гэррис накинулся на еду с волчьим аппетитом.

— Я вижу, — сказал он, — что мы не умрем с голоду, дорогой. Но что будет с этим несчастным португальцем, о котором мне рассказал наш юный друг?

— А! — прервала его миссис Уэлдон. — Дик Сэнд уже сказал вам, что Негоро исчез? — Да, миссис Уэлдон, — ответил юноша. — Я хотел узнать, не встретил ли Негоро мистер Гэррис.

— Нет, не встретил, — сказал американец. — Не стоит думать об этом дезертире, лучше займемся нашими делами. Мы можем выступить в поход, миссис Уэлдон, когда вы пожелаете.

Каждый взял предназначенный ему тюк. Миссис Уэлдон при помощи Геркулеса уселась в седло. Маленький Джек, с игрушечным ружьем за плечами, сел впереди нее, даже не думая поблагодарить человека, который предоставил в его распоряжение такого великолепного коня.

Джек немедленно заявил матери, что он сам будет править лошадью «чужого господина».

Ему дали держать повод, и Джек сразу почувствовал себя признанным начальником отряда.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. В пути

Пройдя шагов триста по берегу реки, маленький отряд вступил под покров девственного леса, по извилистым тропинкам которого ему предстояло странствовать в течение десяти дней. Дик Сэнд не без страха посматривал на лесную чащу, хотя, собственно говоря, у него не было никаких оснований тревожиться.

Напротив, миссис Уэлдон — женщина и мать, которую неизвестные опасности должны были пугать вдвойне, — была совершенно спокойна. Она знала, что ни люди, ни звери, встречающиеся в области пампы, не опасны, — в этом заключалась первая причина ее спокойствия. Во-вторых, она верила, что с таким надежным проводником, каким ей казался Гэррис, нет риска заблудиться в лесу.

Впереди маленького отряда шли Дик Сэнд и Гэррис — один с длинноствольным ружьем, другой с карабином. За ними следовали Ват и Остин, также вооруженные карабинами и ножами.

Позади них ехали на лошади миссис Уэлдон и Джек.

За ними шли Том и старая Нан.

Арьергард составляли Актеон, вооруженный четвертым карабином, и Геркулес с топором за поясом.

Этот строй должен был по возможности соблюдаться в продолжение всего перехода.

Динго кружил возле отряда, то отставая, то забегая вперед. Дик Сэнд обратил внимание на то, что собака как будто бы все время ищет след. Динго вел себя очень странно с тех пор, как он попал на сушу после крушения «Пилигрима». Собака все время была в состоянии сильного возбуждения. Часто она глухо рычала, но и в этом рычании скорее слышалась жалоба, чем угроза. Странное поведение собаки заметили все путники, но никто не мог его объяснить.

Кузена Бенедикта, так же как и Динго, невозможно было заставить шагать в строю. Для этого его нужно было бы держать на привязи. С жестяной коробкой на боку, с сеткой в руке, с большой лупой, висевшей на груди, он рыскал по чаще, забирался в высокую траву в поисках прямокрылых, сетчатокрылых и прочих «крылых», рискуя, что его укусит какая-нибудь ядовитая змея.

В начале похода встревоженная миссис Уэлдон то и дело звала его. Но с энтомологом невозможно было сладить.

— Кузен Бенедикт, — сказала она ему наконец, — не искушайте моего терпения. В последний раз предлагаю вам никуда не отходить от нас!

— Позвольте, кузина, — возразил несговорчивый энтомолог, — а если я увижу насекомое...

— Если вы увидите насекомое, — сразу прервала ученого миссис Уэлдон, — вы оставите его в покое, иначе мне придется отобрать у вас ящик с коллекцией.

— Как отобрать у меня коллекцию?! — воскликнул кузен Бенедикт таким тоном, словно миссис Уэлдон угрожала вырвать ему сердце.

— Да! И, кроме ящика, сетку! — ответила неумолимая миссис Уэлдон.

— И сетку, кузина?! Может быть, и очки? Нет! Вы не посмеете! Вы не посмеете!

— Да. И очки! Благодарю вас, кузен Бенедикт. Вы мне напомнили, что я могу сделать вас слепым и хоть такие способом заставить вести себя разумно!

Эта тройная угроза усмирила непоседу кузена почти на целый час. А потом он снова стал отходить в сторону. Так как ясно было, что он все равно будет охотиться за насекомыми,

даже оставшись без очков, сетки и ящика, пришлось махнуть на него рукой и предоставить ему свободу действий. Геркулес обязался следить за кузенom Бенедиктом. Миссис Уэлдон уполномочила негра-великана поступать с кузенom Бенедиктом так же, как сам энтомолог поступал с редкими насекомыми. Иными словам ми, если бы понадобилось, Геркулес должен был поймать его и водворить на место так же деликатно, как сам кузен Бенедикт сделал бы это с редкостным чешуекрылым.

После такого распоряжения кузенom Бенедиктом перестали заниматься.

Маленький отряд, как видно из сказанного, был хорошо вооружен и готов ко всяким неожиданностям, хотя Гэррис и утверждал, что в этом лесу не приходится опасаться неприятных встреч, разве только с кочевниками-индейцами. Во всяком случае, принятых мер предосторожности было достаточно, чтобы держать всех встречных на почтительном расстоянии.

Тропинки, проложенные в густом лесу, походили скорее на звериные тропы, и продвигаться по ним было легко. Гэррис не ошибся, говоря, что при двенадцати часах ходьбы отряд будет делать в день в среднем от пяти до шести миль.

Погода стояла прекрасная. Солнце поднялось по безоблачному небу к зениту. Лучи его падали на землю почти отвесно. На открытой равнине жара была бы нестерпимая, но под непроницаемым зеленым сводом ее нетрудно было переносить. Гэррис не преминул обратить на это внимание своих спутников.

Большинство древесных пород в лесу было незнакомо миссис Уэлдон и ее спутникам, как белым, так и черным. Однако сведущий человек заметил бы, что при всех своих ценных качествах они не отличаются большой высотой.

Здесь росла баугиния, или «железное дерево», моломпи, сходная с индийским деревом птерокарпом, легкая и прочная древесина которого идет на выделку весел; из его ствола обильно сочилась камедь. Кое-где виднелись сумахи, иначе называемые «красильными желтниками», они содержат большое количество красящих веществ. Были тут и бакауты с толстыми стволами, футов по двенадцать в диаметре, но менее ценные, чем обыкновенные гваяковые деревья.

Дик Сэнд спрашивал у Гэрриса названия деревьев.

— Разве вам никогда не приходилось бывать в Южной Америке? — спросил тот, прежде чем ответить на вопрос юноши.

— Никогда, — сказал Дик Сэнд. — Я уже немало поездил по свету, но ни разу не бывал в этих местах. По правде говоря, я даже не сталкивался с людьми, которые хорошо знали бы побережье Южной Америки.

— А в Колумбии, Чили или Патагонии вы не бывали? — спросил Гэррис.

— Нет, никогда...

— И миссис Уэлдон тоже никогда не посещала этой части материка? — продолжал Гэррис. — Ведь американки такие неутомимые путешественницы...

— Нет, мистер Гэррис, — ответила молодая женщина. — Мой муж ездит по делам только в Новую Зеландию, поэтому и мне не довелось побывать в других местах. Никто из нас не знает Нижней Боливии.

— Что ж, миссис Уэлдон, вам и вашим спутникам предстоит познакомиться с удивительной местностью, природа которой резко отличается от природы Перу, Бразилии и Аргентины. Флора и фауна Боливии поразят любого естествоиспытателя. Вы можете только радоваться, что потерпели крушение в таких интересных местах. Вот уж действительно можно сказать: «Не было бы счастья, да несчастье помогло...»

— Я хочу верить, что привел нас сюда не случай, мистер Гэррис, а бог...

— Бог? Да, да, конечно, бог, — ответил Гэррис тоном человека, который не допускает вмешательства провидения в дела земные.

И так как никто из путешественников не знал этой страны, Гэррис любезно указывал им на различные образцы местной флоры и сообщал названия самых оригинальных деревьев в лесу. Кузен Бенедикт мог пожалеть, что интересуется только одной энтомологией. О, если бы он был еще и ботаник! Какое множество открытий и находок сделал бы он в этом лесу! Сколько здесь было растений, о существовании которых в тропических лесах Нового Света наука и не подозревала! Кузен Бенедикт мог бы навеки прославить свое имя. Но, к несчастью, он не любил ботанику и ничего в ней не понимал. Скажем больше: он даже испытывал отвращение к цветам — ведь некоторые разновидности цветов, говорил он, осмеливаются ловить насекомых и, замкнув их в свои венчики, отравляют своими ядовитыми соками.

Все чаще в лесу стали встречаться заболоченные места. Под ногами хлюпала вода. Сливаясь вместе, ее струйки питали притоки уже знакомой путешественникам речки. Некоторые притоки были так широки и полноводны, что приходилось искать брод, чтобы переправиться на другой берег.

Низкие и топкие берега речек густо заросли тростником. Гэррис сказал, что это папирус, и не ошибся в названии.

Миновав болота, путешественники снова вступили под сень высоких деревьев. Узенькие тропинки зазмеились в лесу.

Гэррис показал миссис Уэлдон и Дику на прекрасное эбеновое дерево, черная древесина которого красивее и тверже обычных сортов. Хотя отряд удалился уже на довольно большое расстояние от берега моря, в лесу росло много манговых деревьев. От корня и до ветвей их стволы были как мехом окутаны лишайниками. Манговые деревья дают густую тень, они приносят изумительно вкусные плоды, и все же, рассказывал Гэррис, ни один туземец не осмеливается разводить их. «Кто посадит манговое дерево, тот умрет», — гласило местное поверье.

Во второй половине дня после недолгого отдыха маленький отряд начал взбираться на пологие холмы, которые служили как бы предгорьями высокого хребта, тянувшегося параллельно берегу, и соединяли с ним равнину.

Здесь лес поредел, деревья уже не теснились сплошными рядами. Однако дорога не улучшилась: земля сплошь была покрыта буйными, высокими травами. Казалось, отряд перенесся в джунгли Восточной Индии. Растительность была не такой обильной, как в низовьях впадающей в океан речки, но все же более густой, чем в странах умеренного пояса Старого и Нового Света. Повсюду виднелись индигоноски^[54]. Это стручковое растение обладает необычайной жизнеспособностью. По словам Гэрриса, стоило земледельцу забросить поле, как тотчас же его захватывали индигоноски, к которым здесь относились с таким пренебрежением, как в Европе относятся к крапиве и чертополоху.

Но зато в лесу совершенно отсутствовали каучуковые деревья. А между тем «*Ficus prinioides*», «*Castillia elastica*», «*Cecropia peltata*», «*Cameraria latifolia*», и в особенности «*Suphonia elastica*», принадлежащие к различным семействам, в изобилии встречаются в южноамериканских лесах. К удивлению путешественников, они не находили ни одного каучуконоса.

А Дик Сэнд давно уже обещал показать своему другу Джеку каучуковое дерево. Мальчик, конечно, был очень разочарован: он воображал, что мячи, резиновые куклы, пищащие паяцы и резиновые шары растут прямо на ветвях этих деревьев.

Джек пожаловался матери.

— Терпение, дружок, — ответил Гэррис. — Мы увидим сотни каучуковых деревьев

вокруг гациенды.

— Они настоящие резиновые? — спросил маленький Джек.

— Самые настоящие. А пока что не хочешь ли попробовать вот эти плоды? Очень вкусные и утоляют жажду.

И с этими словами Гэррис сорвал с дерева несколько плодов, на вид таких же сочных, как персики.

— А вы уверены, что эти плоды не принесут вреда? — спросила миссис Уэлдон.

— Могу поручиться, миссис Уэлдон, — ответил Гэррис, — в доказательство я попробую их сам. Это плод мангового дерева.

И Гэррис вонзил в сочный плод свои крепкие белые зубы. Маленький Джек не заставил себя долго просить и последовал его примеру. Он заявил, что «груши очень вкусные», и дерево тотчас стали обирать. У этой разновидности манговых деревьев плоды созревают в марте и в апреле, тогда как у других — только в сентябре, и потому пришлось они очень кстати.

— Очень вкусно, очень вкусно, — с полным ртом говорил мальчик. — Но мой друг Дик обещал показать мне резиновое дерево, если я буду хорошо вести себя. Я хочу резиновое дерево!

— Потерпи немножко, сынок! — успокаивала мальчика миссис Уэлдон. — Ведь мистер Гэррис обещал тебе.

— Это не все, — не уступал Джек. — Дик обещал мне еще...

— Что же еще обещал тебе Дик? — улыбаясь, спросил мистер Гэррис.

— Птичку-муху!

— Увидишь и птичку-муху, мой мальчик! Только подальше... подальше отсюда! — ответил Гэррис.

Джек вправе был требовать, чтобы ему показали очаровательных колибри: ведь он попал в страну, где они водятся во множестве. Индейцы, которые умеют артистически плести перья колибри, наделили этих прелестных представителей пернатых поэтическими именами. Они называют колибри «солнечным лучом» или «солнечными кудрями». Для них колибри-«царица цветов», «небесный цветок, прилетевший с лаской к цветку земному», «букет из самоцветов, сверкающий при свете дня», и т. д. Говорят, что у индейцев есть поэтические названия для каждого из ста пятидесяти видов, составляющих чудесное семейство колибри.

Однако, хотя все путешественники согласно утверждают, что в боливийских лесах водится множество колибри, маленькому Джеку пришлось довольствоваться лишь обещаниями Гэрриса. По словам американца, отряд двигался еще слишком близко от берега океана, а колибри не любят пустынных мест на океанском побережье. Гэррис рассказывал Джеку, что эти птички не боятся людей; на гациенде Сан-Феличе только и слышен их крик «тэр-тэр» и хлопанье крылышек, похожее на жужжание прялки.

— Ах, как бы я хотел уже быть там! — восклицал маленький Джек.

Для того чтобы скорее добраться до гациенды Сан-Феличе, надо было поменьше останавливаться в пути. Поэтому миссис Уэлдон и ее спутники решили сократить время остановок.

Облик леса уже изменялся. Все чаще встречались широкие полянки. Сквозь зеленый ковер трав проглядывал розоватый гранит и голубоватый камень, похожий на ляпис-лазурь. Иные холмы покрывала сассапарель — растение с мясистыми клубнями. Непроходимые заросли ее временами заставляли путешественников с сожалением вспоминать об узких тропинках в лесной чаще, где все же легче было пробираться.

До захода солнца маленький отряд прошел приблизительно восемь миль. Этот переход

закончился без всяких приключений и никого не утомил. Правда, то был лишь первый день пути — следовало ожидать, что следующие этапы окажутся более трудными.

С общего согласия решено было остановиться на отдых. Разбивать лагерь по всем правилам не стоило на одну ночь, и путешественники расположились прямо на земле. Так как не приходилось опасаться нападения со стороны туземцев или диких зверей, то для охраны достаточно было выставить одного караульного, сменяя его каждые два часа.

Привал устроили под огромным манговым деревом; его раскидистые ветви, покрытые густой листвой, образовали как бы естественную беседку. В случае необходимости можно было бы укрыться в его листве.

Но как только прибыл маленький отряд, на верхушке дерева поднялся оглушительный концерт.

Манговое дерево служило насестом для целой стаи серых попугаев, болтливых, задорных и яростных пернатых, которые обычно нападают на других птиц. Было бы весьма ошибочно судить о них по их сородичам, которых в Европе содержат в клетках.

Попугаи подняли такой шум, что Дик Сэнд намеревался ружейным выстрелом заставить их замолчать или разлететься. Но Гэррис отговорил его от этого под тем предлогом, что в этих безлюдных местах лучше не выдавать своего присутствия звуком огнестрельного оружия.

— Пройдем без шума, и не будет никакой опасности, — сказал он.

Ужин был вскоре готов, не пришлось даже готовить продукты на огне: он состоял из консервов и сухарей. Ручеек, протекавший под травой, снабдил путников водой; ее пили, прибавляя в нее по несколько капель рома. Десерт в виде сочных плодов висел на ветках мангового дерева и был сорван, несмотря на пронзительные крики попугаев.

К концу ужина стало темнеть. Тени медленно поднимались от земли к верхушкам деревьев. Тонкая резьба листвы вскоре выделилась на более светлом фоне неба. Первые звезды казались яркими цветами, вспыхнувшими на концах верхних веток. Ветер с наступлением ночи утихать и не шелестел уже в ветвях. Умолкли даже попугаи. Природа отходила ко сну и призывала к тому же все живые существа.

Приготовление к ночлегу были очень несложными.

— Не развести ли нам на ночь костер? — спросил Дик Сэнд у американца.

— Не стоит, ответил Гэррис. — Ночи, к счастью, стоят теперь теплые, а крона этого гигантского дерева задерживает испарения. Таким образом, нам не грозит ни холод, ни сырость. Я повторяю, мой друг, то, что уже говорил: постараемся проскользнуть незамеченными. Не надо ни стрелять, ни разводить костров.

— Я знаю, — вмешалась в разговор миссис Уэлдон, — что нам нечего опасаться индейцев, даже тех кочевых лесных жителей, о которых вы нам говорили, мистер Гэррис... Но ведь есть и другие обитатели лесов: четвероногие... Не лучше ли отогнать их ярким костром?

— Миссис Уэлдон, местные четвероногие не заслуживают такой чести. Скорее они боятся встречи с человеком, нежели человек: встречи с ними.

— Мы ведь в лесу, — сказал маленький Джек, — а в лесах всегда водятся звери.

— Есть разные леса, дружок, так же как и звери бывают разные, — смеясь ответил ему Гэррис. — Вообрази, что ты находишься в обширном парке. Ведь недаром индейцы говорят о своей стране: «Es como el Pariso!» Она совсем как рай земной.

— А змей здесь нет? — спросил Джек.

— Нет, мой мальчик, — ответила миссис Уэлдон. — Тут нет никаких змей. Можешь спать спокойно.

— А львы? — спрашивал Джек.

— Никаких львов, мой мальчик, — ответил Гэррис.

— А тигры?

— Спроси у своей мамы, слыхала ли она, что в Южной Америке водятся тигры.

— Никогда, — ответила миссис Уэлдон. Кузен Бенедикт, присутствовавший при этом разговоре, заметил:

— Это верно, что в Новом Свете нет ни тигров, ни львов. Но зато здесь есть ягуары и кугуары.

— Они злые? — спросил маленький Джек.

— Ба! — сказал Гэррис. — Туземцы сражаются с ними один на один, а нас много, и мы хорошо вооружены. Ваш Геркулес мог бы голыми руками задушить сразу двух ягуаров, по одному каждой рукой.

— Смотри, Геркулес, не спи! — сказал маленький Джек. — И если зверь захочет укусить меня...

— То я сам его укушу, мистер Джек! — ответил Геркулес, оскалив два ряда великолепных зубов.

— Вы будете караулить, Геркулес, — сказал Дик Сэнд, — пока я не сменю вас, а меня потом сменят другие.

— Нет, капитан Дик, — возразил Актеон, — Геркулес, Бат, Остин и я справимся сами с караулом. Вам надо отдохнуть этой ночью.

— Спасибо, Актеон, — ответил Дик Сэнд, — но я должен...

— Ничего ты не должен, Дик! — заявила миссис Уэлдон. — Поблагодари этих славных людей и прими предложение.

— Я тоже буду караулить, — пробормотал маленький Джек, у которого уже слипались глаза.

— Ну разумеется, мой мальчик, — сказала мать, не желая противоречить ему, — ты тоже будешь караулить.

— Но если в этом лесу нет ни львов, ни тигров, — продолжал мальчик, — то есть волки?

— Не настоящие... — ответил американец. — Это особая порода лисиц, или, вернее, лесные собаки. Их называют гуарами.

— А гуары кусаются? — спросил Джек.

— Ваш Динго может проглотить крупного гуара в один прием.

— А все-таки, — отчаянно зевая, сказал Джек, — гуары — это волки, раз их называют волками.

И с этими словами мальчик спокойно уснул на руках у старой Нан, которая сидела, прислонившись к стволу мангового дерева. Миссис Уэлдон поцеловала спящего ребенка, улеглась на земле рядом с ним и скоро тоже сомкнула усталые глаза.

Через несколько минут после этого Геркулес привел на стоянку кузена Бенедикта, который пытался ускользнуть в лес, чтобы заняться ловлей «кокюйю» — светящихся мух, которыми щеголихи туземки украшают свои волосы, как живыми драгоценностями. Эти насекомые, излучающие довольно яркий синеватый свет из двух пятен, расположенных у основания щитка, весьма распространены в Южной Америке. Кузен Бенедикт надеялся наловить много таких светляков, но Геркулес воспротивился его поползновениям и, несмотря на протесты ученого, притащил его к месту привала. Геркулес был человеком дисциплинированным и, получив приказание, выполнял его по-военному. Так великан негр спас немало светящихся мух от заключения в жестяной коробке энтомолога.

Вскоре весь отряд, кроме Геркулеса, стоявшего в карауле, спал глубоким сном.

Путешественников и охотников, ночующих в тропическом лесу под открытым небом, обычно будит весьма неприятный концерт. В нем слышится и клохтанье, и хрюканье, и карканье, и лай, и визг, и насмешливое бормотанье, дополняющее эти разнообразные звуки.

Так приветствуют пробуждение дня обезьяны. В тропическом лесу можно встретить маленьких «марикину», «сагуина» с пестрой мордой, серого «моно», кожей которого индейцы прикрывают казенную часть своих ружей, «сагу», которых можно узнать по двум длинным пучкам шерсти, и много других представителей многочисленного семейства четвероруких.

Пожалуй, самыми любопытными из них являются ревуны, обезьяны с настоящей физиономией Вельзевула и длинным цепким хвостом, помогающим им держаться на деревьях.

Как только восходит солнце, самый старый из стаи затягивает мрачным голосом монотонную песню. Это баритон труппы. Молодые тенора подхватывают вслед за ним утреннюю симфонию. Индейцы говорят тогда, что ревуны «читают свои молитвы». Но в тот день обезьяны, по-видимому, не желали читать молитвы, так как их не было слышно, а между тем голоса их разносятся далеко, — такой сильный звук получается от быстрого колебания особой костной перепонки, которая образуется у ревунов от утолщения подъязычной кости.

Однако по какой-то неизвестной причине в то утро ни ревуны, ни другие обезьяны, обитавшие в огромном лесу, не дали своего обычного утреннего представления.

Такое поведение обезьян весьма огорчило бы индейцев-кочевников. Не потому, что они любят этот вид хорового пения, но они охотятся на обезьян и делают это потому, что ценят главным образом их мясо, действительно очень вкусное, особенно в копченом виде.

Дик Сэнд и его спутники не имели никакого понятия о привычках ревунов, иначе молчание обезьян привлекло бы их внимание. Путешественники проснулись один за другим. Ночь прошла спокойно, и несколько часов отдыха восстановили их силы.

Маленький Джек раскрыл глазки одним из первых. Увидев Геркулеса, он спросил, не съел ли тот ночью волка. Но оказалось, что ни один волк не появлялся вблизи привала, и Геркулес пожаловался Джеку на терзающий его голод.

Остальные путешественники тоже проголодались, и Нан стала готовить завтрак.

Меню было такое же, как и накануне за ужином. Но свежий утренний воздух возбудил у всех аппетит, и путники не были особенно привередливы. Все понимали, что нужно набраться сил для утомительного дневного перехода, и потому воздали честь завтраку. Даже кузен Бенедикт сообразил, — быть может, впервые в жизни, — что еда не бесполезный и не безразличный для жизни процесс. Однако он заявил во всеуслышание, что «приехал в эту страну отнюдь не для того, чтобы прогуливаться, засунув руки в карманы». И если Геркулес, продолжал он, осмелится и впредь мешать ему охотиться на светящихся мух и других насекомых, то Геркулесу это не пройдет даром!

Угроза, казалось, не произвела на великана большого впечатления. Но миссис Уэлдон отвела Геркулеса в сторону и посоветовала ему разрешить порезвиться этому большому ребенку, не выпуская, однако, его из виду.

— Не надо, — сказала она, — лишать кузена Бенедикта невинных удовольствий, столь естественных в его возрасте.

В семь часов утра маленький отряд тронулся в путь, направляясь на восток.

Установленный накануне походный порядок сохранялся и теперь.

Все так же дорога шла через лес. Жаркий климат и обилие влаги способствовали неистощимому плодородию почвы. Казалось, на этом обширном плоскогорье, расположенном на границе с тропиками, растительный мир южных стран представал во всей своей мощи. В летние месяцы солнечные лучи падали тут почти отвесно, в почвенанакапливались огромные запасы тепла, а подпочва всегда! оставалась влажной. И как великолепны были эти леса, сменявшие один другой, или, вернее, этот бесконечный лес.

Дик Сэнд не мог не заметить странного противоречия: по словам Гэрриса, путники находились в области пампы. Меж тем пампа на языке индейцев «кишна» означает «равнина». И Дик думал, что если память не изменяет ему, пампа — это обширные безводные и безлесные степи, где не встретишь камня, огромные ровные пространства, покрывающиеся в период дождей чертополохом. В жаркое время этот чертополох, разрастаясь, превращается в настоящий кустарник и образует непроходимые заросли. Есть в пампе и карликовые деревья и голые кусты колючек — и все это придает местности мрачный, унылый вид.

Но то, что Дик Сэнд видел вокруг с тех пор, как маленький отряд под водительством американца двинулся в путь, расставшись с побережьем, нисколько не походил на пампу. Непроходимый лес простирался во все стороны до самого горизонта. Нет, не такой представлял себе юноша пампу. Но, может быть, прав был Гэррис, когда говорил, что Атакамское плоскогорье — очень своеобразная область. Что знал о нем Дик? Только то, что Атакама — одна из обширнейших пустынь Южной Америки, что она тянется от берегов Тихого океана до подножия Анд.

В этот день Дик Сэнд задал американцу несколько вопросов по этому поводу и сказал, что его очень удивляет странный вид пампы. Но Гэррис рассеял сомнения юноши. Он сообщил ему множество сведений об этой части Боливии, обнаружив при этом отличное знание страны.

— Вы правы, мой юный друг, — сказал он Дику Сэнду, — настоящая пампа действительно соответствует тому описанию, какое вы вычитали в своих книгах. Это бесплодная равнина, путешествие по которой сопряжено с большими трудностями. Пампа несколько напоминает наши североамериканские саванны, с той лишь разницей, что саванны чаще бывают заболоченными. Да, именно такой вид имеет пампа Рио-Колорадо, льяносы Ориноко и Венесуэлы. Но здесь мы находимся в местности, вид которой даже меня приводит в изумление. Правда, я впервые иду тут кратчайшей дорогой и пересекаю Атакамское плоскогорье — обычно я избирал кружной путь. Но, хотя мне не приходилось бывать здесь раньше, я слышал, что Атакама совершенно не похожа на пампу. Между Западными Андами и средней, самой высокой частью Анд вы настоящей пампы и не увидите — чтобы в нее попасть, надо перевалить через хребет: она занимает восточную, равнинную часть материка, простирающуюся до самого Атлантического океана.

— Разве нам придется перевалить через Анды? — живо спросил Дик Сэнд.

— Нет, юный друг мой, нет, — улыбаясь, ответил американец. — Ведь я сказал: «нужно перевалить», я не сказал: «мы перевалим через горы». Не беспокойтесь, нам не придется выходить за пределы этого плоскогорья, а на нем самые высокие вершины не превышают полутора тысяч футов. При тех средствах передвижения, какими мы располагаем, было бы чистейшим безумием предпринимать поход через Анды. Я бы ни за что этого не допустил!

— Много проще было бы идти берегом, — сказал Дик Сэнд.

— О да, во сто раз проще, — согласился Гэррис. — Но ведь гациенда Сан-Феличе расположена по эту сторону Анд. Таким образом, в течение всего путешествия нам не представится серьезных препятствий.

— А вы не боитесь заблудиться в лесу? — спросил Дик Сэнд. — Ведь вы впервые путешествуете здесь.

— Нет, мой юный друг, не боюсь, — ответил Гэррис. — Я отлично знаю, что этот лес подобен безбрежному морю или, скорее, морскому дну, где даже моряк не смог бы определить своего положения. Но ведь я привык странствовать по лесам и умею находить в них дорогу. Я руководствуюсь при этом расположением ветвей на некоторых деревьях, направлением, в котором растут их листья, рельефом и составом почвы, а также множеством мелочей, которых вы не замечаете. Будьте покойны, я приведу вас и ваших спутников прямо в нужное нам место.

Обо всем этом Гэррис говорил очень уверенно.

Дик Сэнд и американец шли рядом впереди отряда дорогой они часто обсуждали подобные вопросы, и никто не вмешивался в их разговор. Если у юноши и оставались кое-какие сомнения, которые американцу не удавалось рассеять, то он предпочитал хранить их пока про себя.

Дни восьмого, девятого, десятого, одиннадцатого и двенадцатого апреля миновали без всяких происшествий. В среднем отряд проходил восемь-девять миль за двенадцать часов. Остальное время уходило на остановки для еды и на ночной отдых. Путники чувствовали некоторую усталость, но, в общем, состояние здоровья у всех было удовлетворительное.

Маленькому Джеку уже наскучило это однообразное странствование по лесу. Кроме того, взрослые не сдержали своих обещаний. Резиновые деревья и птицы-мухи — все это без конца откладывалось. Говорили, что покажут ему самых красивых попугаев на свете, — ведь они должны были водиться в этом лесу. Но где же они? Где зеленые попугаи, родиной которых были эти леса? Где расцвеченные во все цвета радуги араконги с голыми щеками и длинным хвостом, араконги, которые никогда не ступают лапками по земле; где камендеи, обитающие преимущественно в тропиках; где мелкие пестрые попугайчики с пушистым ошейником из перьев, — где все эти болтливые птицы, которые, по мнению индейцев, до сих пор говорят на языке давно вымерших племен?

Из всех попугаев Джеку показали только пепельно-серых жако с красным хвостом. Их было много под деревьями. Но этих жако мальчик видел и раньше. Их доставляют во все части света. На обоих континентах они прожужжали всем уши своей несносной болтовней, и из всего семейства попугаев они легче всех приучаются говорить.

Нужно сказать, что если Джек был недоволен, то у кузена Бенедикта тоже не было оснований радоваться. Правда, ему не мешали теперь рыскать по лесу. Но до сих пор ему все еще не удавалось разыскать ни одного насекомого, достойного занять место в его коллекции. Даже светящиеся жуки, которых тут должно было быть великое множество, словно составили заговор — ни один из них не появлялся вблизи отряда. Природа, казалось, издевалась над несчастным энтомологом, и неудивительно, что кузен Бенедикт все время был в отвратительном настроении. В течение следующих четырех дней отряд продолжал двигаться на северо-восток в тех же условиях. К 16 апреля путники прошли не менее ста миль от берегов океана. Если Гэррис не заблудился, гациенда Сан-Феличе, как он утверждал, была не более как в двадцати милях от того места, где в этот день остановились на ночлег. Следовательно, самое позднее через сорок восемь часов путешественники будут, наконец, под ее гостеприимным кровом и отдохнут, наконец, от своих трудов!

Несмотря на то, что плоскогорье Атакама, в средней его части, было пройдено почти из конца в конец, на протяжении всего этого длинного пути отряду не повстречался ни один туземец.

Дик Сэнд жалел, что «Пилигрим» не потерпел крушения в каком-нибудь другом месте.

Случись катастрофа южнее или севернее, миссис Уэлдон и ее спутники давно добрались бы уже до какой-нибудь плантации, поселка или города.

Но если эта область казалась покинутой людьми, то за последние дни маленькому отряду все чаще стали попадаться животные. По вечерам издалека доносился протяжный, жалобный вой каких-то зверей. Гэррис говорил, что это воет ленивец — крупный зверь-тихоход, весьма распространенный в этих лесных краях.

Шестнадцатого апреля в полдень, когда отряд расположился отдыхать, в воздухе прозвучал какой-то резкий свист. Миссис Уэлдон свист этот показался очень странным и встревожил ее.

— Что это такое? — спросила она, быстро поднявшись с земли.

— Змея! — вскричал Дик Сэнд.

И, схватив ружье, юноша заслонил собой миссис Уэлдон. В самом деле, какое-нибудь пресмыкающееся могло заползти в густую траву, окружающую место привала. Это мог быть «сукуру» — разновидность удава — гигантская змея, достигающая иногда сорока футов в длину.

Но Гэррис успокоил миссис Уэлдон. Он предложил Дику Сэнду и неграм, устремившимся было к юноше на помощь, сесть на свои места.

Американец сказал, что это не удав; удавы не свистят; звук этот издают совсем нестрашные четвероногие — их очень много в здешних краях!

— Успокойтесь, — добавил он, — и не пугайте безобидных животных.

— Но что это за животные? — спросил Дик Сэнд, не упуская случая разузнать у американца побольше подробностей об этой стране. Американец же рассказывал охотно, не заставляя себя просить.

— Это антилопы, мой юный друг, — ответил американец.

— О! Антилопы? Я хочу посмотреть на них! — воскликнул Джек.

— Это очень трудно, мой мальчик, — сказал Гэррис, — очень трудно.

— Может быть, все-таки мне удастся приблизиться к этим свистящим антилопам? — спросил Дик Сэнд.

— Вы не успеете сделать и трех шагов, — возразил американец, покачав головой, — как все стадо ударится в бегство. Не советую вам напрасно тратить силы.

Но у Дика Сэнда были основания настаивать на своем. Не выпуская ружья из рук, он скользнул в траву. В ту же секунду несколько грациозных антилоп с маленькими и острыми рогами вихрем пронеслись мимо привала. Их ярко-рыжая шерсть огненным пятном мелькнула на темном фоне деревьев.

— Вот видите, я предупреждал вас! — сказал Гэррис, когда юноша вернулся на свое место.

Антилопы исчезли с такой быстротой, что Дик Сэнд не успел разглядеть их. В тот же день на глаза отряду попало еще одно стадо каких-то животных. На этот раз ничто не мешало Дику смотреть на них, правда, с большого расстояния. Появление их вызвало довольно странный спор между Гэррисом и его спутниками. Около четырех часов пополудни маленький отряд ненадолго остановился на лесной полянке. Вдруг среди чащи, не больше чем в ста шагах, показалось стадо каких-то крупных животных. Они сразу же бросились прочь и умчались с молниеносной быстротой.

Несмотря на многократные предупреждения американца, Дик Сэнд вскинул ружье к плечу и выстрелил. Однако в тот момент, когда прозвучал выстрел, Гэррис толкнул ствол, и хотя Дик был метким стрелком, но на этот раз пуля не попала в цель.

— Не надо стрелять! Не надо стрелять! — проворчал Гэррис.

— Это были жирафы! — воскликнул Дик Сэнд, пропуская мимо ушей замечание американца.

— Жирафы! — воскликнул маленький Джек, приподнимаясь в седле. — Покажите мне жирафов!

— Жирафы? — переспросила миссис Уэлдон. — Ты ошибаешься, дорогой Дик. Жирафы не водятся в Америке.

— Ну конечно, в этой стране не может быть жирафов! — сказал Гэррис с недовольным видом.

— В таком случае, что же это за животное? — спросил Дик Сэнд.

— Не знаю, что и подумать, — ответил Гэррис. — Не обманулись ли вы, мой юный друг? Может быть, это были страусы?

— Страусы? — в один голос повторили миссис Уэлдон и Дик.

Они удивленно переглянулись.

— Да, да, обыкновенные страусы, — настаивал Гэррис.

— Но ведь страусы-птицы, — сказал Дик, — и следовательно, они двуногие...

— Вот именно, — подхватил Гэррис, — мне как раз и бросилось в глаза — эти животные, которые умчались с такой быстротой, были двуногие.

— Двуногие? — повторил юноша.

— А мне показалось, что это были четвероногие, — сказала миссис Уэлдон.

— И мне тоже, — заметил старый Том.

— И нам, и нам! — воскликнули Бат, Актеон и Остин.

— Четвероногие страусы! — расхохотался Гэррис. — Вот забавная игра природы!

— Поэтому-то мы и подумали, что это жирафы, а не страусы, — возразил Дик Сэнд.

— Нет, мой юный друг, нет! — решительно заявил Гэррис. — Вы плохо разглядели их. Это объясняется быстротой, с какой страусы убежали. И опытным охотникам иной раз случается ошибаться в таких случаях.

Объяснения американца были весьма правдоподобны. На далеком расстоянии крупного страуса нетрудно принять за жирафа. У того и другого очень длинная шея и голова запрокинута назад. Страус похож на жирафа, у которого, можно сказать, отрубили задние ноги. При быстром беге, когда они лишь промелькнут перед глазами, их можно перепутать. Главное же доказательство ошибки миссис Уэлдон и ее спутников было то, что жирафы не водятся в Америке.

— Если не ошибаюсь, то ведь и страусы тоже не водятся в Америке, — заметил Дик.

— Ошибаетесь, мой юный друг, — возразил Гэррис, — в Южной Америке водится одна разновидность страуса нанду. Его-то мы и видели.

Гэррис сказал правду.

Нанду — постоянный житель южноамериканских равнин. Это крупная птица, ростом около двух метров, с прямым клювом; оперение ее пушистое, крылья имеют синеватый оттенок. Ноги у нанду трехпалые, чем она существенно отличается от двухпалых африканских страусов пальцы снабжены когтями. Мясо молодых нанду очень вкусно.

Гэррис, хорошо знавший повадки этих птиц, поделился с Диком своими сведениями, кстати сказать, вполне точными. Миссис Уэлдон и ее спутникам пришлось признать, что они ошиблись.

— Возможно, что мы встретим еще стадо страусов, — продолжал Гэррис. — Постарайтесь получше рассмотреть их, чтобы впредь не ошибаться и не принимать птиц за четвероногих. А главное, мой юный друг, не забывайте моих советов и не стреляйте без крайней нужды, како бы животное вы ни встретили. Нам нет нужды охотиться ради

пропитания, и потому, я повторяю, не следует ружейными выстрелами оповещать всех о нашем пребывании в этом лесу.

Дик Сэнд ничего не ответил. Он глубоко задумался: сомнение снова зародилось в его уме...

На следующий день, 17 апреля, отряд с утра тронулся в путь. Гэррис утверждал, что не позже как через двадцать четыре часа путники будут уже под кровом гаценды Сан-Феличе.

— Там, миссис Уэлдон, — говорил он, — вам окажут сердечный прием, окружают заботами. Несколько дней отдыха восстановят ваши силы. Быть может, вы не найдете там той роскоши, к какой вы привыкли в Сан-Франциско, но все же вы убедитесь, что наши гациенды, даже в глухих уголках страны, не лишены комфорта. Мы вовсе уж не такие дикари.

— Мистер Гэррис, — ответила миссис Уэлдон, — мы бесконечно признательны вам за все, что вы для нас сделали. К сожалению, эта признательность — все, чем та можем вас отблагодарить, но, верьте, она исходит от чистого сердца! Да, пора было бы уже нам прибыть на место!..

— Вы очень устали, миссис Уэлдон?

— Не обо мне речь! — ответила миссис Уэлдон. — Но мой мальчик день ото дня хиреет. Каждый день в определенный час его лихорадит.

— Хотя климат этого плоскогорья считается здоровым, — сказал Гэррис, — но я слышал, что в марте и в апреле люди иногда заболевают здесь перемежающейся лихорадкой.

— К счастью, предусмотрительная природа поместила противоядие рядом с ядом, — заметил Дик Сэнд.

— Что вы хотите этим сказать, мой юный друг? — с недоумением спросил Гэррис.

— Разве здесь не растут хинные деревья? — ответил Дик.

— Ах да, — сказал Гэррис, — вы совершенно правы. Здесь родина хинных деревьев, кора их обладает драгоценными целебными свойствами, как противолихорадочное средство.

— Меня, по правде сказать, удивляет, что мы до сих пор не встретили ни одного хинного дерева, — добавил Дик Сэнд.

— Дело в том, мой юный друг, — сказал Гэррис, — что хинные деревья не так-то легко распознать. Это высокие деревья с крупными листьями и розовыми пахучими цветами. Но растут они обычно не группами, а поодиночке, затерянные среди других деревьев. Индейцы, занимающиеся сбором хинной коры^[55], узнают их только по вечнозеленой листве.

— Если вы заметите такое дерево, укажите мне его, мистер Гэррис, — попросила миссис Уэлдон.

— Разумеется, миссис Уэлдон, но в гациенде Сан-Феличе вы найдете запас сернокислого хинина — это средство еще лучше прекращает лихорадку, чем простая кора хинного дерева.

Последний день путешествия прошел без всяких приключений. Наступил вечер, и, по обыкновению, отряд остановился на ночлег. Все время погода стояла сухая и ясная; но сейчас, видимо, собирался дождь. Теплые испарения поднялись от земли и окутали лес непроницаемым туманом.

В этом не было ничего неожиданного, так как близилось начало дождливого периода. К счастью для маленького отряда, гациенда, гостеприимно предложенное убежище, была уже совсем недалеко. Оставалось потерпеть только несколько часов.

По приблизительным расчетам Гэрриса, в которых он исходил из количества времени, проведенного в пути, отряд находился не дальше как в шести милях от гациенды. Тем не менее на ночь были приняты все обычные меры предосторожности: Том и его товарищи должны были поочередно нести караул. Дик Сэнд настаивал на этом со всей решительностью. Больше чем когда-либо юноша хотел соблюдать осторожность. Страшное

подозрение сверлило его ум, но, пока оно не перешло в уверенность, Дик ни с кем не хотел об этом говорить.

Привал устроили в роще, у подножия гигантского дерева. Устав от долгого перехода, миссис Уэлдон и ее спутники скоро уснули, но вдруг их разбудил громкий крик.

— Кто кричит? — спросил Дик Сэнд, первым вскочивший на ноги.

— Это я... Это я крикнул! — ответил кузен Бенедикт.

— Что с вами?

— Меня кто-то укусил...

— Змея? — с ужасом спросила миссис Уэлдон.

— Нет, нет, не змея, а какое-то насекомое, — ответил кузен Бенедикт. — Подождите, вот оно, я его поймал.

— Так раздавите же его и не мешайте нам спать! — раздраженно сказал Гэррис.

— Раздавить насекомое? — вскричал кузен Бенедикт. — Как бы не так! Нет, я должен его рассмотреть!

— Какой-нибудь москит, — сказал Гэррис, пожимая плечами.

— Нет, — возразил кузен Бенедикт, — это муха... и весьма любопытная муха.

Дик Сэнд зажег свой ручной фонарик и подошел к кузену Бенедикту.

— Бог мой, что я вижу! — вскричал энтомолог. — Наконец-то я вознагражден за все невзгоды и разочарования! Ура! Я сделал великое открытие!

Кузен Бенедикт захлебывался от счастья. Он глядел на пойманную муху взглядом триумфатора. Казалось, он готов был ее расцеловать.

— Но что это такое? — спросила миссис Уэлдон.

— Двукрылое насекомое, кузина, и какое замечательное!..

Кузен Бенедикт показал всем бурую муху, размером меньше пчелы, с длинным хоботком и желтыми полосками на брюшке.

— Она не ядовитая? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет, кузина, человеку она не страшна. Но для животных, для антилоп, буйволов, даже для слонов это страшный враг! Ах, какая прелестная, восхитительная мушка!..

— Да скажите же нам, наконец, что это за муха? — воскликнул Дик Сэнд.

— Эта муха, — ответил энтомолог, — эта милая мушка, которую я держу в руке, называется [цеце^{\[56\]}](#). Этой мухой до сих пор по праву гордился только один континент! Ни один ученый не находил еще цеце в Америке.

Дик Сэнд не решился спросить кузена Бенедикта, в какой же части света до сих пор встречалась эта проклятая муха.

Все путешественники снова погрузились в сон, прерванный этим происшествием, но Дик Сэнд до самого утра не сомкнул глаз, несмотря на сильную усталость.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Страшное слово

Пора бы уже прибыть на место! Миссис Уэлдон изнемогала от усталости. Она не могла больше продолжать путешествие. Жалко было смотреть и на ее маленького сына. Личико Джека пылало во время приступов лихорадки и было бледнее мела, когда приступы кончались. Мать страшно тревожилась и, не доверяя ухода за ним даже старой Нан, не спускала теперь ребенка с рук.

Да, давно пора было прибыть на место! Если верить американцу, то в этот день 18 апреля маленький отряд к вечеру вступит за ограду гациенды Сан-Феличе.

Двенадцать дней странствований по тропическому лесу, двенадцать ночей, проведенных под открытым небом, — этого было достаточно, чтобы подорвать силы даже такой энергичной женщины, как миссис Уэлдон. А тут еще болезнь маленького Джека, лишенного необходимого ухода, отсутствие лекарства. Всякая мать на ее месте пришла бы в отчаяние.

Дик Сэнд, Нан, Том и его сотоварищи лучше переносили трудности и усталость. Запасы продовольствия, правда, подходили к концу, но до сих пор отряд не испытывал ни в чем нужды. Поэтому состояние их здоровья было удовлетворительно.

Что касается Гэрриса, то казалось, этот человек был создан для долгих путешествий по непроходимым дебрям и усталость не имела над ним власти.

Однако Дик заметил, что по мере приближения к гациенде Гэррис становился озабоченным и не таким разговорчивым, как раньше. Казалось, должно бы быть наоборот. Так по крайней мере думал юноша — он день ото дня все меньше доверял американцу. Одного не мог понять Дик: с какой целью стал бы их обманывать Гэррис? На этот вопрос юноша не находил ответа. Но он очень бдительно присматривал за своим проводником.

Очевидно, тот чувствовал, что Дик в чем-то подозревает его. Эта подозрительность «юного друга», быть может была одной из причин угрюмой озабоченности американца.

Отряд двинулся в путь. Лес поредел. Непроходимые чащи сменились небольшими рощами, между которыми лежали широкие поляны. Было ли это преддверием настоящей пампы, о которой говорил Гэррис?

Первые часы похода не дали Дику новых поводов для беспокойства. Но два обстоятельства поразили его. Сами по себе они не имели особого значения, но в тех условиях в каких находились путешественники, нельзя было пренебрегать даже мелочами.

Дик Сэнд обратил внимание на странное поведение Динго. Все эти дни собака бежала, опустив нос к земле, обнюхивая траву и кусты, как будто шла по следу. Она либо угрюмо молчала, либо оглашала воздух жалобным воем, в котором слышались не то боль, не то сожаление. Но в этот день лай собаки вдруг стал звонким, сердитым, временами даже яростным. Динго лаял теперь так же как на палубе «Пилигрима», когда там появлялся Негоро.

Смутное подозрение мелькнуло в уме Дика Сэнда. Оно перешло в уверенность, когда старик Том сказал ему:

— Вот странно, мистер Дик! Динго не обнюхивает больше травы, как все эти дни. Видите, он держит нос по ветру, шерсть на нем взъерошена, он сильно возбужден. Можно подумать, что он учуял...

— Негоро, не правда ли? — подхватил Дик. Юноша схватил за руку старого негра и сделал ему знак говорить тише.

— Да, Негоро, мистер Дик. Мне кажется, он идет вслед за нами...

— Я и сам так думаю, Том. Вероятно, сейчас он совсем близко от нас.

— Но зачем он это делает? — спросил Том.

— Быть может, Негоро не знает местности, — ответил Дик Сэнд. — Тогда вполне понятно, что он следует за нами по пятам. Либо...

— Либо что? — взволнованно спросил Том, глядя на Дика.

— Либо, напротив, он слишком хорошо знает местность, и тогда...

— Но как Негоро может знать эту страну? Ведь он никогда не бывал здесь!

— Никогда не бывал здесь?... — прошептал Дик. — Не знаю. Но одно совершенно бесспорно; Динго ведет себя так, как будто этот человек, которого он ненавидит, находится где-то рядом.

Он прервал свою речь и позвал собаку. Динго нехотя приблизился.

— Агу! — сказал Дик. — Негоро, Негоро, Динго! Агу его!

Собака яростно залаяла. Имя судового кока произвело на нее обычное впечатление, и она бросилась вперед, словно Негоро притаился за ближним кустарником.

Гэррис издали видел эту сцену. Он подошел к юноше.

— Что вы сказали Динго? — спросил он сквозь зубы.

— О, ничего особенного, — ответил шутливо старик Том. — Мы спрашивали у Динго, нет ли каких известий об одном нашем спутнике по кораблю, который куда-то запропастился.

— Ага, — сказал американец, — это тот португалец, судовой кок, о котором вы мне рассказывали?

— Да, — ответил Том. — Если судить по неистовому лаю Динго, этот человек должен быть где-то неподалеку.

— Как он мог добраться сюда? — спросил Гэррис. — Вы, кажется, говорили, что он никогда не бывал в Боливии?

— Если только он не скрыл этого от нас, — ответил Том.

— К чему бы он стал скрывать? — заметил Гэррис. — Впрочем, можно обыскать кустарник. Что, если бедняга нуждается в помощи? Что, если он попал в беду?...

— Нет, в этом нет нужды, — сказал Дик Сэнд. — Если Негоро сумел добраться сюда один, он может и выбрать отсюда без нашей помощи!

— Как хотите, — ответил Гэррис.

— Замолчи, Динго! — крикнул Дик Сэнд, чтобы прекратить неприятный разговор.

Второе наблюдение, которое сделал юноша, относилось к лошади американца.

По ее поведению незаметно было, что конюшня где-то близко. Лошадь не втягивала ноздрями воздуха, не ускоряла шага, не ржала — словом, ничем не проявляла нетерпения, свойственного лошадям, когда в конце долгого путешествия они чувят приближение отдыха. Лошадь Гэрриса, которая много раз бывала в гациенде, шла по тропинке так равнодушно, как будто эта гациенда находилась еще за сотни миль.

«Нет, если судить по лошади, не видно еще конца нашему странствию!» — думал юноша.

Накануне Гэррис утверждал, что маленький отряд находится всего в шести милях от гациенды; к пяти часам пополудни из этих шести миль, несомненно, уже было пройдено не меньше четырех. Однако лошадь все еще не учуяла конюшни, да и ничто вокруг не выдавало близости такой большой плантации, как гациенда Сан-Феличе.

Даже миссис Уэлдон, всецело поглощенная заботами о своем ребенке, удивлялась тому, что местность по-прежнему кажется пустынной и необитаемой. Ни одного туземца, ни одного слуги из гациенды, которая была так близко! Не заблудился ли Гэррис? Миссис Уэлдон отогнала эту мысль: новая задержка грозила гибелью ее маленькому Джеку...

Гэррис, как и прежде, шел впереди отряда. Но он всматривался в темные глубины леса, поворачивал голову то вправо, то влево с таким видом, словно он не очень был уверен в себе

и в дороге, по которой шел.

Миссис Уэлдон закрыла глаза, чтобы не видеть этого. За равниной, шириной в милю, снова показался лес, но не такой густой, как на западе; маленький отряд снова вступил под сень высоких деревьев.

В шесть часов вечера путники подошли к зарослям кустарников, сквозь которые, видимо недавно, прошло стадо каких-то крупных животных.

Дик Сэнд внимательно осмотрелся кругом.

На высоте, намного превышающей человеческий рост, ветви были обломаны. Трава на земле была примята, и местами на влажной почве виднелись следы больших ступней; такие следы не могли принадлежать ни ягуарам, ни кугуарам. Чьи же это ноги оставили такие следы? Может быть, тут проходил ленивец? И почему ветки обломаны так высоко?

Только слонам впору было проложить такую просеку в кустарнике и выбить такие огромные следы во влажной почве. Однако же слоны не водятся в Америке. Эти огромные животные не уроженцы Нового Света, и их никогда не пытались акклиматизировать там. Значит, догадку о том, что следы принадлежат слонам, нужно было отбросить как совершенно невероятную.

Дик Сэнд ни с кем не поделился мыслями, которые возникли у него при виде этих загадочных следов. Он даже не стал расспрашивать американца. Да и чего мог он ждать от человека, который пытался выдать жирафов за страусов? Гэррис придумал бы какое-нибудь фантастическое объяснение, но положение отряда от этого нисколько не изменилось бы.

Во всяком случае, Дик составил себе определенное мнение о Гэррисе. Он чувствовал, что это предатель. Дик дожидался только случая, чтобы сорвать с него маску, и все говорило юноше, что этот случай не заставит себя долго ждать.

Но какая тайная цель могла быть у Гэрриса? Какую участь готовил он доверившимся ему людям?

Дик Сэнд продолжал считать себя ответственным за судьбу своих спутников. Больше чем когда бы то ни было на нем лежала забота о спасении всех, кого — крушение «Пилигрима» выбросило на этот берег. Только он один мог спасти своих товарищей по несчастью: эту молодую мать, ее маленького сына, негров, кузена Бенедикта. Но если юноша мог попытаться что-то сделать как моряк, будучи на борту корабля, то что мог он предпринять перед лицом опасностей, которые предвидел, но не в силах был предотвратить?

Дик Сэнд не хотел закрывать глаза перед ужасной истиной, которая с каждым часом становилась все более ясной и неоспоримой. Пятнадцатилетнему капитану «Пилигрима» в минуту грозной опасности снова приходилось взять на себя трудную миссию командира и руководителя. Но Дик не желал раньше времени тревожить бедную мать Джека, — до тех пор пока не настанет пора действовать. И он ничего не сказал даже тогда, когда внезапно увидел впереди, на берегу довольно широкой речки, преградившей им дорогу, огромных животных, которые быстро двигались под прибрежными деревьями.

«Гиппопотамы! Гиппопотамы!» — хотелось ему крикнуть.

Но он промолчал. Дик шел в сотне шагов впереди отряда, и, кроме него, никто не заметил этих приземистых коротконогих и толстокожих животных бурого цвета. У них была большая голова и широкая пасть, обнажавшая огромные, более фута длиной, клыки.

Гиппопотамы в Америке?!

До вечера отряд шел вперед, но с большим трудом. Даже самые выносливые начинали отставать. Пора было бы прибыть на место! Или же следовало остановиться на ночлег.

Всецело поглощенная заботами о маленьком Джеке миссис Уэлдон, быть может, не замечала, как она утомлена, но силы ее были на исходе. Остальные участники похода

находились не в лучшем состоянии. И только один Дик не поддавался усталости: он черпал энергию и стойкость в сознании своего долга.

Около четырех часов пополудни старик Том нашел какой-то предмет, лежавший в траве. Это оказался нож странной формы с широким кривым лезвием и толстой рукояткой из куска слоновой кости, украшенной довольно грубой резьбой.

Том поднял нож и отнес его Дику Сэнду. Рассмотрев внимательно находку, юноша передал ее американцу.

— Видимо, туземцы недалеко, — сказал он.

— Действительно, — ответил Гэррис. — Однако...

— Однако? — повторил Дик Сэнд, глядя прямо в глаза Гэррису.

— Мы должны были бы уже подходить к гациенде, — нерешительно сказал Гэррис, — но я не узнаю местности...

— Вы заблудились? — живо спросил Дик.

— Заблудился? Нет. Гациенда должна быть не дальше как в трех милях. Чтобы сократить дорогу, я пошел напрямик, через лес... Кажется, я ошибся...

— Возможно, — сказал Дик Сэнд.

— Я думаю, лучше мне одному пойти вперед на разведку, — сказал Гэррис.

— Нет, мистер Гэррис, — решительно заявил Дик, — вам не следует разлучаться!

— Как хотите, — ответил американец. — Но имейте в виду, что ночью мне не найти дороги.

— Ну что ж! — воскликнул Дик. — Мы остановимся на ночлег. Миссис Уэлдон не откажется провести еще одну ночь под открытым небом, а завтра с наступлением дня мы снова тронемся в путь. Последние две-три мили можно будет пройти в час.

— Согласен, — сказал Гэррис.

В эту минуту Динго отчаянно залаял.

— Назад, Динго, назад! — крикнул Дик Сэнд. — Ты отлично знаешь, что там никого нет: ведь мы в пустыне!

Итак, решено было в последний раз заночевать в лесу, Миссис Уэлдон не произнесла ни слова, предоставляя своим спутникам самим решить, где устраивать привал. Маленький Джек, уснувший после приступа лихорадки, лежал у нее на руках.

Стали искать место, где бы расположиться на ночлег.

Дик выбрал для этого несколько больших деревьев, росших вместе. Старый Том направился было к ним, но внезапно остановился и вскрикнул:

— Смотрите! Смотрите!

— Что там такое, Том? — спросил Дик спокойным тоном человека, готового ко всяким неожиданностям.

— Там, там... — бормотал Том, — кровавые пятна... а на земле отрубленные руки...

Дик Сэнд бросился к дереву, на которое указывал Том. Затем, возвратившись назад, он сказал:

— Молчи, Том! Не говори никому!..

На земле действительно валялись отрубленные человеческие руки. Рядом с ними лежали обрывки цепей и сломанные колодки.

К счастью, миссис Уэлдон не видела этой страшной картины.

Гэррис стоял в стороне. Если бы кто-нибудь взглянул на него в эту минуту, то был бы поражен переменой, которая произошла в американце: его лицо дышало теперь неумолимой жестокостью.

Динго подбежал к окровавленным останкам и злобно зарычал.

Юноше стоило большого труда отогнать собаку. Между тем старик Том замер в неподвижности, как будто его ноги вросли в землю. Не в силах оторвать глаз от колодок и цепей, он судорожно стискивал руки и бормотал несвязные слова.

— Я уже видел... видел... когда был маленьким... цепи, я видел... колодки...

Смутные воспоминания раннего детства теснились в его голове. Он хотел вспомнить... Он готов был заговорить.

— Замолчи, Том! — сказал Дик Сэнд. — Молчи ради миссис Уэлдон! Ради всех нас, молчи!..

И юноша поспешил отвести в сторону старика негра.

Привал перенесли в другое место и все устроили для ночлега.

Старая Нан подала ужин, но никто к нему не притронулся: усталость превозмогла голод. Все чувствовали какое-то неопределенное беспокойство, близкое к страху.

Сумерки быстро сгущались, и вскоре наступила темная ночь. Небо затянули черные, грозные тучи. На западе, далеко на горизонте, в просветах между деревьями мелькали зарницы. Ветер утих, и ни один листок не шевелил на деревьях. Дневной шум сменился глубокой тишиной. Можно было подумать, что плотный, насыщенный электричеством воздух потерял звукопроводность.

Дик Сэнд, Остин и Бат караулили все вместе. Они напрягали зрение и слух, чтобы не пропустить какого-нибудь подозрительного шороха, увидеть малейший проблеск света. Но ничто не нарушало покоя.

Том, хотя и свободный от караула, не спал. Опустив голову, он сидел неподвижно, погруженный в воспоминания. Казалось, старый негр не мог оправиться от какого-то неожиданного удара.

Миссис Уэлдон укачивала своего ребенка, и все ее думы были только о нем.

Один лишь кузен Бенедикт спокойно спал, ибо не испытывал тревоги, томившей его спутников, и не предчувствовал ничего дурного.

Вдруг около одиннадцати часов вечера вдали раздал долгий и грозный рев и тотчас же вслед за ним пронзительный вой.

Том вскочил и протянул руку в направлении густой чащи, находившейся не больше чем в миле от привала.

Дик Сэнд схватил его за руку, но не мог помешать Тому крикнуть:

— Лев! Лев!

Старик негр узнал рыканье льва, которое ему приходилось слышать в детстве!

— Лев! — повторил он.

Дик Сэнд не в силах был больше сдерживать гнев. Он выхватил нож и бросился к тому месту, где расположился на ночь Гэррис.

Гэрриса уже не было, вместе с ним исчезла и его лошадь. Истина молнией озарила Дика Сэнда...

Отряд находился не там, где он думал.

«Пилигрим» потерпел крушение не у берегов Южной Америки. Дик определил в море положение не острова Пасхи, а какого-то другого острова, находившегося на западе от того континента, на котором они очутились, совершенно так же, как остров Пасхи расположен к западу от Америки.

Компас давал неверные показания, он был испорчен. Корабль, увлекаемый бурей, уклонился далеко в сторону от правильного курса. «Пилигрим» обогнул мыс Горн и из Тихого океана попал в Атлантический! Ошибочными были вычисления скорости хода «Пилигрима». Буря удвоила эту скорость.

Вот почему ни на побережье, ни в лесу путешественники не встретили ни каучуковых, ни хинных деревьев! Они растут в Южной Америке, но то место, куда судьба забросила путников, не было ни Атакамской равниной, ни боливийской пампой.

Нет сомнения — Дик видел жирафов, а не страусов. Дорогу в кустарнике протоптали слоны. У ручья Дик потревожил гиппопотамов. Муха, пойманная кузеном Бенедиктом, была страшной мухой цеце, от укусов которой гибнут вьючные животные в караванах.

И, наконец, сейчас рычал в темноте лев!

А колодки, цепи, нож странной формы — то были орудия работорговцев. Отрубленные руки — то были руки черных пленников.

Португалец Негоро и американец Гэррис, очевидно, сообщники!

Догадки Дика Сэнда превратились в уверенность, и страшные слова вырвались, наконец, из уст его:

— Африка! Экваториальная Африка! Страна работорговцев и рабов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Работоторговля! Все знают, что значит это страшное слово, которому не должно быть места в человеческом языке.

Позорная торговля людьми долгое время с большой выгодой для себя производилась европейскими странами владевшими колониями за океаном. Прошло уже много лет после запрещения работоторговли. Однако она все еще ведется, и притом в крупных размерах, — главным образом в Центральной Африке. В XIX веке некоторые государства, именующие себя христианскими, еще не поставили свою подпись под актом о запрещении работоторговли.

Многие полагают, что купля-продажа живых людей безвозвратно канула в прошлое, что больше ее не существует. Это заблуждение, и читателям необходимо это знать чтобы глубже понять вторую часть нашего повествования. Пусть все знают, что в Африке ведется охота на человека, грозящая обезлюдить весь материк. Пусть все узнают, какие варварские набеги делаются по сие время для того чтобы поставлять даровую рабочую силу — невольников в некоторые колонии, как полыхают огнем разграбленные деревни, сколько льется крови при таких набегах и кто извлекает из них прибыль.

Начало торговли невольниками-неграми было положено в XV веке, и вот при каких обстоятельствах она возникла. Изгнанные из Испании мусульмане обосновались по другую сторону пролива^[57] — на африканском побережье. Португальцы, которые в то время захватили это побережье, ожесточенно преследовали их. Некоторая часть беглецов была захвачена преследователями и доставлена в Португалию. Пленников обратили в рабов. Это были первые африканские рабы в Западной Европе с начала нашей эры.

Но пленные мусульмане в большинстве своем принадлежали к состоятельным семействам. Родственники пытались выкупить узников и предлагали много золота. Португальцы отказывались от самого богатого выкупа. Куда девать иностранное золото? Рабочая сила для нарождающихся колоний куда нужнее. Короче говоря, Португалии требуются рабы, а не золото.

Не получив возможности выкупить пленных родственников, богатые мусульмане предложили обменять их на большое количество африканских негров, которых было очень легко добыть. Португальцы приняли столь выгодное предложение. Так было положено начало торговле рабами в Европе.

В конце XVI века эта гнусная торговля получила широкое распространение, она не противоречила варварским нравам той эпохи. Все государства покровительствовали работоторговле, видя в ней верное средство быстрой колонизации своих отдаленных владений в Новом Свете.

Черные рабы могли жить и работать в таких местах, где европейцы, не привычные к тропическому климату, гибли бы тысячами. Поэтому специально построенные суда регулярно стали поставлять в американские колонии большие партии рабов-негров. Международная торговля людьми разрасталась, и вскоре на африканском побережье появились крупные агентства. «Товар» недорого стоил на своей родине и давал огромную прибыль.

Но как бы ни были нужны, со всех точек зрения, основанные заморские колонии, это не могло оправдать бесчеловечной торговли. Многие великодушные люди подняли свой голос, протестуя против купли-продажи людей. Во имя гуманности требовали они от европейских правительств закона об отмене рабства негров.

В 1751 году во главе аболиционистского движения стали квакеры. Это произошло в той

самой Северной Америке, где сто лет спустя вспыхнула война за отделение Юга от Севера, одним из поводов к которой служил вопрос об освобождении негров. Четыре северных штата — Виргиния, Коннектикут, Массачусетс, Пенсильвания — провозгласили отмену рабства и дали свободу черным невольникам, доставка которых на территорию этих штатов стоила им больших денег.

Но компания, начатая квакерами, не ограничивалась пределами нескольких северных штатов Нового Света. И по другую сторону Атлантического океана (особенно во Франции и Англии) усилились нападки на защитников рабства и привлечение сторонников правого дела.

«Да погибнут скорее колонии, чем принцип!» - таков был благородный лозунг, прозвучавший по всему Старому Свету, и он приобрел действенную силу в Европе, вопреки крупным политическим и экономическим интересам, связанным с этим вопросом. Толчок был дан.

В 1807 году Англия запретила торговлю рабами в своих колониях, и Франция последовала ее примеру в 1814 году. Две могущественные нации заключили договор о запрещении работорговли, который был подтвержден Наполеоном во время Ста дней^[58].

Однако это была чисто теоретическая декларация. Невольничьи корабли по-прежнему бороздили моря и выгружали в колониальных портах свой груз «черного дерева».

Нужны были более практические меры, чтобы положить конец этому злу. Соединенные Штаты в 1820 году, Англия в 1824 году приравняли работорговлю к пиратству и объявили, что с работорговцами будут поступать как с пиратами. Это означало, что пойманным с поличным работорговцам угрожает немедленная казнь. Франция вскоре примкнула к этому договору. Но южные американские штаты, испанские и португальские колонии не присоединились к акту об отмене рабства негров. С большой выгодой для себя они продолжали торговать черными невольниками, несмотря на то что право досмотра кораблей получило международное признание. Впрочем, этот досмотр обычно ограничивался проверкой документов подозрительных судов.

Однако закон об отмене рабства негров не имел обратной силы. Закон запрещал приобретать новых рабов, но старым невольникам он не возвратил свободы.

Англия первая подала пример. 14 мая 1833 года была издана декларация об освобождении всех негров в британских колониях, и в августе 1838 года шестьсот семьдесят тысяч черных невольников получили свободу.

Десятью годами позже, в 1848 году, французская республика освободила рабов в своих колониях — всего двести шестьдесят тысяч негров.

В 1859 году война, вспыхнувшая между федералистами и конфедералистами Соединенных Штатов, закончила дело уничтожением рабства негров, и во всей Северной Америке черные невольники получили свободу.

Итак, три великие державы завершили это гуманное дело. Ныне работорговля производится лишь в испанских и португальских колониях и на Востоке для удовлетворения хозяйственных потребностей в турецких и арабских владениях. Хотя Бразилия не освободила своих прежних невольников, однако она не допускает появления новых, и дети негров рождаются в ней свободными людьми.

Но во Внутренней Африке не прекращаются кровопролитные войны. Туземные царьки продолжают охотиться на людей, и в результате этих междоусобий целые племена попадают в рабство.

Невольничьи караваны следуют по двум направлениям: первый путь лежит на запад, к португальской колонии — Анголе, второй — на восток, к Мозамбику. Только небольшая часть несчастных невольников добирается живой до этих конечных пунктов следования

караванов. Отсюда уцелевших отправляют кого на остров Кубу, кого на Мадагаскар, кого в арабские или турецкие провинции в Азии, в Мекку или в Маскат.

Английские и французские сторожевые суда не могут помешать этой торговле: при огромной протяженности береговой линии трудно установить бдительный надзор.

Возникает вопрос: так ли уж велик размах этого гнусного экспорта?

Да, очень велик. По самым осторожным подсчетам не менее восьмидесяти тысяч рабов приводят на побережье, и это, видимо, только десятая часть туземцев, уцелевших после избиения.

Там, где происходила эта омерзительная бойня, остаются лишь вытоптанные поля, дымящиеся развалины опустевших селений. Там реки несут по течению трупы и дикие звери завладевают всей местностью.

Ливингстон, идя по следам этих кровавых набегов, не узнавал провинций, в которых он побывал несколькими месяцами раньше. Его свидетельство подтверждают все остальные путешественники — Грант, Спик, Бертон, Камерон, Стенли, — посетившие лесистое плоскогорье Центральной Африки — главную арену кровавых войн туземных царьков. То же зрелище безлюдья, опустошения и разгрома являют собой некогда цветущие селения в районе Больших озер, во всей обширной области, поставляющей «черный товар» на занзибарский рынок, в Борну, и в Феццане, и южнее — вдоль берегов Ньяссы и Замбези, и западнее — в районе верховий Заира, который пересекает отважный Стенли. Неужели работорговля в Африке прекратится лишь тогда, когда будет уничтожена вся черная раса. Неужто африканским неграм уготована та же судьба, какая постигла австралийских туземцев.

Но рынки испанских и португальских колоний закроются когда-нибудь, их больше не будет — цивилизованные народы не могут дольше допускать работорговлю!

Да, конечно, и ныне, в 1878 году, мы должны увидеть как освободят всех рабов, которыми еще владеют люди в христианских государствах. Тем не менее еще долгие годы мусульманские страны будут, вероятно, продолжать этот торг, который сокращает население африканского континента. В эти страны теперь и направляется наибольшая часть вывозимых из Африки невольников; число туземцев, оторванных от родины и отправленных на восточное побережье, превосходит ежегодно сорок тысяч. Задолго до египетской экспедиции негры Сеннаара тысячами продавались неграм Дарфура, и наоборот. Даже генерал Бонапарт закупил немало негров, из которых он набрал солдат и составил из них отряды наподобие мамелюков. Прошло уже четыре пятых XIX века, а работорговля в Африке не уменьшилась. Даже наоборот.

И действительно, исламизм благосклонно относится к работорговле. Ведь нужно было, чтобы черный раб заменил в мусульманских странах прежнего белого невольника. И работорговцы любого происхождения занимаются этой отвратительной торговлей в широком масштабе. Они доставляют таким образом добавочное население угасающим расам, которые обречены на вымирание, так как не трудятся и поэтому не возрождаются. Эти рабы, как во времена Бонапарта, часто становятся солдатами. У некоторых народов верховья Нила они составляют половину войск африканских царьков. При этих условиях их участь немногим хуже участи свободных людей. Но если раб не становится солдатом, он превращается в ходячую монету, даже в Египте и в Борну офицерам и чиновникам платят этой монетой. Гийом Лежан рассказывает об этом как свидетель-очевидец.

Таково состояние работорговли в настоящее время.

Нельзя замалчивать постыдное снисхождение к торговле людьми, какое проявляют многие представители европейских держав в Африке. Ведь это неоспоримый факт: в то время как патрульные суда крейсируют вдоль африканских берегов Атлантического и Индийского

океанов, внутри страны, на глазах у европейских чиновников, широко развернулся торг людьми. Здесь идут один за другим караваны захваченных невольников, в определенные сроки происходят массовые избиения, во время которых убивают десять негров, чтобы одного обратить в рабство.

Так обстоят дела в Африке и по сей день.

Теперь будет понятно, почему Дик Сэнд с таким ужасом воскликнул:

— Африка! Экваториальная Африка! Страна работорговцев и рабов!

И он не ошибся.

Это действительно была Африка, где неисчислимые опасности грозили ему самому и всем его спутникам.

Но в какую часть африканского континента необъяснимая роковая случайность забросила их? Несомненно в западную, и это отягощало положение. Скорее всего «Пилигрим» потерпел крушение именно у побережья Анголы, куда приходят караваны работорговцев из внутренних областей Экваториальной Африки.

Действительно, это было побережье Анголы, тот край, который несколько лет спустя ценой невероятных усилий пересекли Камерон на юге и Стенли на севере. Из этой обширной территории, состоящей из трех провинций — Бенгелы, Конго и Анголы, — в то время была исследована только прибрежная полоса — она тянется от Нурсы на юге до Заира на севере. Два важнейших населенных пункта на этом побережье служат портами. Это — Бенгела и Сан-Паоло-де-Луанда, столица колонии, принадлежащей Португалии.

Внутренние области Экваториальной Африки в то время почти не были исследованы. Лишь немногие путешественники отваживались углубляться в эти места. Сырые и жаркие края, где свирепствует лихорадка, где живут дикари, из которых иные до сих пор являются людоедами, непрестанные войны между племенами — вот что представляет собой Ангола, одна из самых опасных областей Экваториальной Африки. Подозрительное отношение работорговцев ко всякому чужаку, пытающемуся проникнуть в тайну их бесчестной торговли, еще больше усложняет задачу путешественников, предпринявших поход в Анголу.

Тюккей в 1816 году поднялся вверх по течению Конго, за водопады Иеллала. Но ему удалось пройти не более двухсот миль. В такой небольшой экспедиции невозможно было сколько-нибудь серьезно изучить страну, однако она стоила жизни большей части ее участников.

Тридцать семь лет спустя доктор Ливингстон прошел от мыса Доброй Надежды до верховья Замбези. Отсюда в ноябре 1853 года со смелостью, которая осталась непревзойденной, он пересек Африку с юга на северо-запад, переправился через Куанго — один из притоков Конго — и 31 мая 1854 года прибыл в Сан-Паоло-де-Луанда. Ливингстон проложил первую тропинку в неизведанных дебрях обширной португальской колонии.

Восемнадцать лет спустя двое отважных исследователей пересекли Африку с востока на запад. Преодолев неслыханные трудности, оба вышли на побережье Ангола: один — в южной, другой — в северной его части.

Первым этот переход совершил лейтенант английского флота Верней-Ловетт Камерон. В 1872 году возникли предположения, что экспедиция американца Стенли, высланная на поиски Ливингстона в область Больших озер терпит бедствие. Лейтенант Камерон вызвался отправиться по следам Стенли. Предложение было принято. Камерон выступил в поход из Занзибара; его сопровождали доктор Диллон, лейтенант Сесиль Мерфи и Роберт Моффа, племянник Ливингстона. Перейдя Угого, они встретили печальный караван: верные слуги несли тело Ливингстона к восточному берегу. Камерон все же продолжал свое путешествие к западу, поставив себе целью во что бы то ни стало пересечь материк от океана к океану.

Через Унияниембе, Угунду он дошел до Кагуэле, где нашел дневники Ливингстона.

Камерон переплыл озеро Танганьiku, одолел горы Бамбаре, переправился через Луалабу, но не мог спуститься вниз по течению этой реки. Затем он посетил области, опустошенные недавними войнами, обезлюдившие после набегов работорговцев: Килембу, Уруа, верховье Ломане Улуду, Ловале, прошел через Кванзу и девственные леса в которые Гэррис завел Дика Сэнда и его спутников. Энергичный лейтенант Камерон увидел, наконец, волны Атлантического океана. Это путешествие от Занзибара до Сан-Фелиппе в Бенгеле длилось три года и четыре месяца и стоило жизни двум спутникам Камерона — доктору Диллону и Роберту Моффа.

На этом пути открытий американец Генри Стенли вскоре сменил англичанина Камерона. Известно, что этот неустрашимый корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд», отправившийся на поиски Ливингстона, нашел его 30 октября 1871 года у Уджиджи, на берегу озера Танганьика.

Путешествие, удачно совершенное во имя человеколюбия, Стенли решил продолжить в интересах географической науки и подробно исследовать берега Луалабы, с которыми в первое путешествие ознакомился лишь мельком. Камерон еще странствовал в дебрях Центральной Африки, когда Стенли в ноябре 1874 года выступил из Багамойо на восточном побережье. Через год и девять месяцев, 24 августа 1876 года, он покинул опустошенный эпидемией оспы Уджиджи и после семидесятичетырехдневного перехода достиг Ньянгве, большого невольничьего рынка, где уже до него побывали Ливингстон и Камерон. В Ньянгве Стенли был свидетелем ужаснейшего кровавого набег отрядов занзибарского султана на области Марунгу и Маниуема.

Отсюда Стенли предпринял исследование берегов Луалабы и прошел до самого ее устья. В его экспедицию входили сто сорок носильщиков, нанятых в Ньянгве, и девятнадцать лодок. С первых же шагов отряд Стенли должен был сражаться с людоедами из Угусу. Лодки пришлось тащить на руках, чтобы обойти непроходимые пороги реки. У экватора, в том месте, где Луалаба изгибается к се-веро-северо-востоку, пятьдесят четыре лодки, в которых было несколько сот туземцев, напали на маленькую флотилию Стенли; ему удалось обратить их в бегство.

Затем отважный исследователь поднялся до второго градуса северной широты и установил, что Луалаба не что иное, как верховье Заира, или Конго, и, следуя по ее течению, можно выйти к берегу океана. Этот путь Стенли и выбрал. Дорогой ему почти каждый день приходилось отбивать нападения прибрежных племен. 3 июня 1877 года во время перехода через пороги Массаса погиб один из его спутников Фрэнсис Покок. 18 июня лодка Стенли, подхваченная потоком, понеслась прямо к водопаду Мбело, и только каким-то чудом он спасся от смерти.

Наконец 6 августа Генри Стенли прибыл в селение Ни-Санда, находившееся в четырех днях пути от берега океана. Через два дня он был в Банца-Мбуко. Здесь его ждали припасы, посланные навстречу экспедиции двумя торговцами из Эмбомы; в этом маленьком прибрежном городке Стенли, наконец, разрешил себе отдохнуть. Трудности и лишения перехода через весь африканский материк, отнявшего у Стенли два года и десять месяцев жизни, преждевременно состарили этого еще молодого человека (ему было тридцать пять лет). Зато течение реки Луалабы было исследовано им до Атлантического океана. Было установлено, что наряду с Нилом, главной северной артерией Африки, и Замбези, главной восточной ее артерией, на западе африканского континента течет третья в мире по величине река, длиною в две тысячи девятьсот миль. Река эта, носящая в разных частях своего течения названия — Луалаба, Заир и Конго, — соединяет область Больших озер с Атлантическим

океаном.

Экспедиции Стенли и Камерона прошли вдоль северной и южной границ Анголы. Сама же область в 1873 году, то есть в то время, когда «Пилигрим» потерпел крушение, была еще почти не исследована. Об Анголе знали только то, что она представляет собой главный невольничий рынок на западе Африки и что центрами работорговли в ней являются Бихе, Касонго и Казонде.

И в эти— то гибельные места, затерянные в сотне миль от океанского побережья, Гэррис завлек Дика Сэнда и его спутников: женщину, измученную горем и усталостью, умирающего ребенка и пятерых негров, обреченных стать добычей алчных работорговцев.

Да, это была Африка, а не Южная Америка, где ни туземцы, ни звери, ни климат ничем не угрожали путникам, где между хребтом Анд и океанским побережьем протянулась благодатная полоса земли, где разбросано множество поселений, в которых миссионеры гостеприимно предоставляют приют каждому путешественнику. Как далеко были Перу и Боливия, куда буря, наверное, принесла бы «Пилигрим», если б злодейская рука не изменила его курс, и где потерпевшие крушение нашли бы столько возможностей возвратиться на родину.

Но они очутились в Африке, в страшной Анголе, да еще в самой глухой ее части, куда не заглядывали даже португальские колониальные власти. Они попали в дикий край, где под свист бича надсмотрщиков тянулись караваны рабов.

Что знал Дик об этой стране, куда забросила его измена? Очень немного. Он читал сообщения миссионеров XVI и XVII веков, читал о путешествиях португальских купцов, которые ездили из Сан-Паоло-де-Луанда по Занру. Наконец, он был знаком с отчетом доктора Ливингстона о его поездке 1853 года. Этих немногих сведений было достаточно, чтобы человеку, менее мужественному, чем Дик, внушить ужас.

Действительно, положение было страшное.

Два человека сошлись в лесу в трех милях от места ночлега отряда, руководимого Диком Сэндом. Свидание это было заранее условлено между ними.

Эти два человека были Гэррис и Негоро. В дальнейшем читатель узнает, как встретились на побережье Анголы прибывший из Новой Зеландии португалец и американец, которому по делам работорговли часто приходилось объезжать эту область Западной Африки.

Гэррис и Негоро уселись у корней огромной смоковницы, на берегу быстрого ручья, струившего свои воды между зарослями папируса.

Они только что встретились и теперь рассказывали Друг другу о случившемся за последнее время.

— Итак, Гэррис, — сказал Негоро, — тебе не удастся завлечь еще дальше в глубь Анголы отряд «капитана» Сэнда — ведь так они называют этого пятнадцатилетнего мальчишку.

— Нет, приятель, дальше затащить их не могу, — ответил Гэррис. — Хорошо еще, что мне удалось заманить их на сотню миль от побережья! Последние дни «мой юный друг» Дик Сэнд не спускал с меня глаз. Его подозрения сменились уверенностью. Честное слово...

— Еще сотня миль, Гэррис, и эти люди наверняка попали бы в наши руки. Впрочем, и так мы постараемся не упустить их.

Гэррис пожал плечами.

— Куда они денутся? — сказал он. — Понимаешь, Негоро, я вовремя унес ноги! Я читал во взгляде «моего юного друга» горячее желание послать мне полный заряд свинца прямо в грудь, а надо тебе сказать, я совершенно не перевариваю сливовых косточек, которые отпускают в оружейных лавках по двенадцать штук на фунт.

— Понятно! — сказал Негоро. — У меня самого счеты с этим юнцом.

— Что ж, у тебя теперь есть возможность уплатить ему по всем счетам сполна и даже с процентами! В первые дни похода мне нетрудно было выдавать Анголу за Атакамскую пустыню — я ведь был там однажды. Но потом малыш Джек стал требовать «резиновых деревьев» и птичку-муху; его мамаше понадобилось хинное дерево, а верзиле кузену — светящиеся жуки. Честное слово, я истощил всю свою изобретательность! После того как я сумел, правда с великим трудом, уверить их, что перед ними не жирафы, а страусы, я уж не знал, что и придумать. Да и «мой юный друг», как я заметил, больше не верил моим объяснениям, особенно после того как мы напали, на следы слонов. А тут еще откуда ни возьмись гиппопотамы! Понимаешь, Негоро, гиппопотамы и слоны! В Америке они так же неуместны, как честные люди в бенгелской каторжной тюрьме. Затем старого негра угораздило найти под деревом цепи и колодки, сброшенные, очевидно, каким-то бежавшим невольником. И наконец, где-то невдалеке зарычал лев. Согласись сам, не мог же я их уверить, что это мурлычет домашняя кошка! Мне оставалось только вскочить в седло и ускакать.

— Понимаю, — ответил Негоро. — И все же я предпочел бы, чтобы они забрались еще хоть на сотню миль в глубь страны.

— Я сделал все, что мог, милейший, — возразил Гэррис. — Кстати сказать, хорошо, что ты шел в почтительном отдалении от нас. Они как будто догадывались о твоём присутствии. И знаешь, там была одна собачка — Динго... Она как будто не особенно расположена к тебе. Что ты ей сделал? — Пока еще ничего, — ответил Негоро, — но в скором времени обязательно всажу ей пулю в башку.

— Такой же гостинец и ты получил бы от Дика Сэнда, если б он заметил тебя на расстоянии выстрела. Я должен признаться, «мой юный друг» — замечательный стрелок. И в

своём роде он молодчина.

— Каким бы молодцом он ни был, Гэррис, он дорого заплатит за свою дерзость, — ответил Негоро; лицо его выражало неумолимую жестокость.

— Хорошо, — прошептал Гэррис, — видно, ты, мой дорогой, остался таким же, каким я тебя знал. Путешествия не испортили тебя!

После минутного молчания американец снова заговорил.

— Кстати, Негоро, — сказал он, — когда мы с тобой так неожиданно встретились недалеко от места крушения корабля, у устья Лонги, ты успел только попросить меня завести этих милых людей как можно дальше в глубь воображаемой Боливии. Но ты ни словом не обмолвился о том, что делал последние два года. А два года в нашей бурной жизни — долгий срок, приятель. С тех пор как старый Альвец послал тебя из Кассана во главе невольничьего каравана, о тебе не было никаких вестей. Признаться откровенно, я думал, что у тебя были неприятности с английскими патрульными судами и что в результате тебя вздернули на рее.

— Чуть-чуть не кончилось этим, Гэррис.

— Ничего, не беспокойся, Негоро. Виселицы тебе все равно не миновать.

— Спасибо!

— Что поделаешь, — ответил Гэррис с философским равнодушием. — Это неизбежный риск в нашем деле. Раз уж занимаешься работорговлей на африканском побережье, не рассчитывай на мирную и безболезненную кончину. Значит, тебя поймали?

— Да.

— Англичане?

— Нет. Португальцы.

— До или после сдачи груза?

— После, — ответил Негоро после некоторого колебания. — Португальцы теперь делают вид, что они против работорговли, после того как очень недурно на ней нажились. На меня донесли, следили за мной, поймали меня...

— И приговорили?

— К пожизненному заключению на каторге в Сан-Паоло-де-Луанда.

— Тысяча чертей! — воскликнул Гэррис. — Каторга! Совершенно неподходящее место для таких людей, как мы с тобой. Мы ведь привыкли к жизни на вольном воздухе! Пожалуй, я предпочел бы виселицу.

— Повешенный бежать не может, тогда как с каторги...

— Тебе удалось бежать?

— Да, Гэррис. Ровно через пятнадцать дней, после того как меня привезли на каторгу, мне удалось спрятаться в трюме английского корабля, отправлявшегося в Окленд, в Новую Зеландию. Бочка с водой и ящик с консервами, между которыми я забился, снабжали меня едой и питьем в продолжение всего перехода. Я ужасно страдал в темном, душном трюме. Но нечего было и думать выйти на палубу, пока судно находилось в открытом море: я знал, что стоило мне высунуть нос из трюма, как меня тотчас же водворят обратно и пытка будет продолжаться, с той лишь разницей, что она перестанет быть добровольной. Кроме того, по прибытии в Окленд меня сдадут английским властям, а те закуют меня в кандалы, отправят обратно в Сан-Паоло-де-Луанда или, чего доброго, вздернут, как ты выражаешься. По всем этим соображениям я предпочел путешествовать инкогнито.

— И без билета, — со смехом воскликнул Гэррис. — Фи, приятель, и тебе не стыдно? Ехать «зайцем», да к тому еще на готовых харчах.

— Да, — вздохнул Негоро, — но тридцать дней провести взаперти в тесном трюме...

— Ну все это уже позади, Негоро! Итак, ты поехал в Новую Зеландию, в страну маори? Но ты ведь там не остался. Как же ты ехал обратно? Опять в трюме?

— Нет, Гэррис. Сам понимаешь, там у меня была только одна мысль: вернуться в Анголу и снова взяться за свою прибыльную торговлю.

— Да, — заметил Гэррис, — мы свое ремесло любим... по привычке.

— Однако я полтора года...

Негоро вдруг прервал рассказ. Схватив Гэрриса за руку, он стал напряженно вслушиваться.

— Гэррис, — сказал шепотом, — мне слышался какой-то шорох в зарослях папируса!

— Посмотрим, что там такое, — прошептал Гэррис, хватая ружье и готовясь стрелять.

Они поднялись, настороженно озираясь и прислушиваясь.

— Ничего нет, это тебе почудилось, — сказал Гэррис. — Просто ручеек вздулся после дождей и журчит сильнее, чем обычно. За эти два года ты, приятель, отвык от лесных шумов. Но это не беда, скоро ты опять привыкнешь. Ну, рассказывай дальше о своих приключениях. А затем мы потолкуем о будущем.

Негоро и Гэррис снова сели у подножия смоковницы, и португалец продолжал прерванный рассказ:

— Полтора года я прозябал в Окленде. Когда корабль прибыл, я сумел незаметно выбраться из трюма и выйти на берег. Но карманы у меня были пусты, хоть выверни, — ни единого доллара. Чтобы не умереть с голоду, мне пришлось браться за всякую работу...

— Да что ты, Негоро! Неужели ты работал, словно какой-нибудь честный человек?

— Работал, Гэррис.

— Бедняга.

— И все это время я искал способ выбраться из этого проклятого места. А случай все не представлялся. Наконец в Оклендский порт пришло китобойное судно «Пилигрим».

— То самое, что разбилось у берегов Анголы?

— То самое. Миссис Уэлдон с сыном и кузеном Венедиктом вздумали отправиться на нем в качестве пассажиров. Мне нетрудно было получить службу на корабле: ведь я бывший моряк, служил вторым помощником капитана на невольничьем корабле. Я пошел к капитану «Пилигрима», но матросы ему были не нужны. К счастью для меня, судовой кок только что сбежал. Плох тот моряк, который не умеет стряпать. Я отрекомендовался опытным ноком. За неимением лучшего капитан Гуль нанял меня. Спустя несколько дней «Пилигрим» отчалил от берегов Новой Зеландии...

— Но, — прервал его Гэррис, — насколько я понял из слов «моего юного друга», «Пилигрим» вовсе не намеревался плыть к берегам Африки. Каким же образом судно попало сюда?

— Дик Сэнд, вероятно, до сих пор этого не понимает, — ответил Негоро, — и вряд ли вообще когда-либо поймет. Но тебе, Гэррис, я охотно объясню, как это произошло, а ты, если хочешь, можешь повторить мой рассказ своему «юному другу».

— Как же, не премину! — с хохотом сказал Гэррис. — Рассказывай, приятель, рассказывай!

— «Пилигрим», — начал Негоро, — направлялся к Вальпараисо. Нанимаясь на судно, я думал только добраться до Чили. Ведь Чили на полпути между Новой Зеландией и Анголой, и я приблизился бы на несколько тысяч миль к западному побережью Африки. Но в пути обстоятельства изменились. Через три недели после выхода из Окленда капитан Гуль и все матросы погибли во время охоты на кита. На борту «Пилигрима» осталось только два моряка: молодой матрос Дик Сэнд и судовой кок Негоро.

— И ты вступил в должность капитана судна? — спросил Гэррис.

— Сначала у меня мелькнула такая мысль. Но я видел, что мне не доверяют. На корабле было пятеро негров, все пятеро — силачи, и притом свободные люди. При этих, условиях мне все равно не удалось бы стать хозяином на борту. По зрелом размышлении я решил остаться на «Пилигриме» тем, кем был, то есть судовым коком.

— Значит, это чистая случайность, что корабль прибило к берегам Африки?

— Нет, Гэррис, — возразил Негоро, — случайной была только наша с тобой встреча: твои торговые дела привели тебя как раз в то место побережья, где потерпел крушение: «Пилигрим». Перемена же курса судна и его появление у берегов Анголы — дело моих рук! Твой «юный друг» — сущий младенец в мореходстве: он умел определять место своего корабля в открытом море только при посредстве лага и компаса. И вот в один прекрасный день лаг пошел ко дну. А в другую не менее прекрасную ночь я подложил под нактоуз железный брусок и тем отклонил стрелку компаса. «Пилигрим», подхваченный сильной бурей, сбился с курса... Дик Сэнд не мог понять, почему так затянулся наш переход. Впрочем, на его месте стал бы в тупик самый опытный моряк. Мальчик и не подозревал, что мы обогнули мыс Горн, но я, Гэррис, я видел его в тумане. Вскоре после этого я убрал железный брусок, и стрелка компаса приняла нормальное положение. Судно, гонимое сильнейшим ураганом, стремглав понеслось на северо-восток и разбилось у африканского берега, как раз в тех местах, куда я хотел попасть.

— И как раз в это время, — подхватил Гэррис, — случай привел меня на этот берег, — словно нарочно, чтобы встретить тебя и послужить проводником твоим симпатичным спутникам. Они были уверены в том, что находятся в Америке, и мне легко было выдать Анголу за Нижнюю Боливию... Между ними и в самом деле есть некоторое сходство.

— Да, они действительно приняли Анголу за Боливию. Так же как твой «юный друг», Дик Сэнд, принял за остров Пасхи остров Тристан-да-Кунья.

— Подобную ошибку сделал бы и всякий другой на его месте, Негоро.

— Знаю, Гэррис. Я воспользовался этой ошибкой Дика Сэнда. И благодаря этому миссис Уэлдон и ее спутники ночуют под открытым небом в сотне миль от берега, в Экваториальной Африке, куда я и хотел их завести.

— Но теперь-то они знают, где находятся.

— Какое это имеет сейчас значение?! — воскликнул Негоро.

— Что ты собираешься сделать с ними? — спросил Гэррис.

— Что сделаю, то и сделаю, — ответил Негоро. — Расскажи-ка мне сначала, как поживает наш хозяин Альвец. Ведь я не видел старика больше двух лет.

— О, старый пройдоха чувствует себя как нельзя лучше! — ответил Гэррис. — Он очень обрадуется тебе.

— Он по-прежнему живет в Бихе? — спросил Негоро.

— Нет, приятель, вот уж год, как он перевел свою «контору» в Казонде.

— И дела хорошо идут?

— О да, тысяча чертей! — воскликнул Гэррис. — Дела идут хорошо, хотя с каждым днем торговать невольниками становится все труднее, особенно на этом побережье. Португальские власти с одной стороны, английские сторожевые суда — с другой всячески препятствуют вывозу рабов. Только в одном месте, на юге Анголы, в окрестностях Моссамедеса, можно более или менее спокойно грузить черный товар. Поэтому теперь все бараки до отказа набиты невольниками, мы ожидаем корабли, которые переправят их в испанские колонии. Об отправке груза через Бенгелу и Сан-Паоло-де-Луанда говорить не приходится, губернатор и чиновники не хотят и слышать об этом. Старый Альвец

подумывает о том, чтобы переселиться во внутренние области Африки. Он намерен снарядить караван в сторону Ньянгве и Танганьики, где можно выгодно обменять дешевые ткани на слоновую кость и рабов. Пока неплохо идет торговля с Верхним Египтом и Мозамбиком — он снабжает невольниками Мадагаскар. Но я боюсь, что придет время, когда работорговлей нельзя будет заниматься. Англичане с каждым днем укрепляются во Внутренней Африке. Миссионеры залезают все глубже и ополчаются против нас. Ливингстон — разрази его гром — закончил исследование области озер и теперь направится, говорят, в Анголу. Да еще говорят, что какой-то лейтенант Камерон намерен пересечь весь материк с востока на запад. Опасаются также, как бы не вознамерился проделать то же самое и американец Стенли. Все эти исследователи могут сильно повредить нам, Негоро, и если бы мы хорошенько понимали свои интересы, ни один из этих незваных гостей не вернулся бы в Европу и не стал бы рассказывать о том, что он имел дерзость увидеть в Африке.

Услышь кто-нибудь беседу этих негодяев, он мог бы подумать, что тут разговаривают два почтенных коммерсанта, сетуя на заминку в торговых делах, вызванную кризисом. Кому пришло бы в голову, что речь у них идет не о мешках кофе, не о бочках сахара, а о живых людях. Торговцы невольниками уже не отличают справедливого от несправедливого, у них нет ни чести, ни совести, нравственное чувство совершенно отсутствует, а если оно и было у них когда-нибудь, то давно они растеряли его участвуя в страшных зверствах работорговли.

Гэррис был прав в своих опасениях, так как цивилизация постепенно проникает в дикие области по следам тех отважных путешественников, имена которых неразрывно связаны с открытиями в Экваториальной Африке. Такие герои, как Дэвид Ливингстон прежде всего, а за ним Грант, Сник, Бертон, Камерон, Стенли, оставят по себе неизгладимую память как благодетели человечества.

Из разговора с Негоро Гэррис узнал, как тот жил последние два года, и с удовольствием отметил, что бывший агент работорговца Адьеца, бежавший из каторжной тюрьмы в Луанде, несколько не изменился, ибо по-прежнему был способен на любое преступление. Гэррис не знал только, что именно задумал его сообщник в отношении потерпевших крушение на «Пилигриме». Он спросил Негоро:

— А теперь скажи, как ты собираешься разделаться со своими бывшими спутниками?

Негоро ответил, не задумываясь. Видно было, что план давно созрел в его голове:

— Одних продам в рабство, а других... Португалец не закончил фразу, но угрожающее выражение его лица говорило яснее слов.

— Кого ты собираешься продать? — спросил Гэррис.

— Негров, которые сопровождают миссис Уэлдон, — ответил Негоро. — За старика Тома, пожалуй, не много выручишь, но остальные четверо — крепкие молодцы, и на рынке в Казонде за них дадут хорошую цену.

— Правильно, Негоро! — сказал Гэррис. — Четверо эдоровяков негров, привычных к работе, не похожи на этих животных, которых доставляют из Внутренней Африки! Само собой разумеется, что их можно продать с большой выгодой. Негр, родившийся в Америке, — редкий товар на рынках Анголы. Но, — продолжал он, — ты забыл сказать мне, не было ли на «Пилигриме» наличных денег?

— Пустяки! Мне удалось прикарманить всего несколько сот долларов. К счастью, у меня есть кое-какие виды на будущее...

— Какие, дружище? — с любопытством спросил Гэррис.

— Разные, — отрезал Негоро.

Казалось, он сожалел о том, что сболтнул лишнее.

— Остается, значит, прибрать к рукам этот ценный товар? — заметил Гэррис.

— Разве это так трудно? — спросил Негоро.

— Нет, дружище. В десяти милях отсюда на берегу Кванзы стоит лагерем невольничий караван, который ведет араб Ибн-Хамис. Он ждет только моего возвращения, чтобы пуститься в путь в Казонде. Караван идет в сопровождении отряда туземных солдат, достаточно многочисленного, чтобы захватить в плен Дика Сэнда и его спутников. Если «моему юному другу» придет мысль направиться к реке Кванзе...

— А если ему не придет такая мысль? — перебил Гэрриса Негоро.

— Наверное придет! — ответил Гэррис. — Мальчик умен, но не подозревает об опасности, которая подстерегает его там. Дик Сэнд, конечно, не захочет возвращаться к берегу той дорогой, по какой мы шли. Он понимает, что неминуемо заблудится в лесу. Поэтому он будет стремиться дойти до какой-нибудь реки, впадающей в океан, и попробует спуститься вниз по течению на плоту. Другого спасения для его отряда нет. Я знаю мальчика, он именно так и поступит.

— Да... пожалуй, — сказал Негоро после недолгого раздумья.

— Ну какие там «пожалуй» — непременно так сделает! — воскликнул Гэррис. — Я так уверен в этом, словно «мой юный друг» сам мне назначил свидание на берегу Кванзы.

— Значит, нам следует немедленно пуститься в путь, — сказал Негоро. — Я тоже знаю Дика Сэнда. Он не потеряет напрасно ни одного часа, а мы должны опередить его.

— Что ж, в путь так в путь!

Гэррис и Негоро уже собрались уходить, как вдруг опять услышали тот же подозрительный шорох в зарослях папируса, который и раньше беспокоил португальца.

Негоро замер на месте, схватив Гэрриса за руку. Вдруг донесся приглушенный лай, и из зарослей выбежала большая собака. Шерсть ее была взъерошена, пасть широко раскрыта. Она готова была броситься на людей.

— Динго! — вскричал Гэррис.

— О, на этот раз он не уйдет от меня! — ответил Негоро.

И в ту секунду, когда собака бросилась на него, португалец вырвал у Гэрриса ружье, вскинул его к плечу и выстрелил.

Раздался жалобный вой, и Динго исчез в густом кустарнике, окаймлявшем речку. Негоро поспешно спустился к самой воде.

Капельки крови запятнали несколько стеблей папируса, и кровавая полоса протянулась по прибрежной гальке.

— Наконец-то мне удалось расчитаться с этим проклятым псом! — воскликнул Негоро. Гэррис молча наблюдал эту сцену.

— Как видно, Негоро, — сказал он, — собака давно точила на тебя зубы.

— Точила, Гэррис. Ну теперь она от меня отстанет.

— А почему она так ненавидит тебя, приятель?

— У нас с ней старые счеты, — уклончиво сказал Негоро.

— Старые счеты? Какие же? — переспросил Гэррис. Негоро не ответил. Гэррис решил, что португалец скрыл от него какие-то прошлые свои похождения, но не стал о них допытываться.

Через несколько минут сообщники уже шли вниз по течению ручья, направляясь через лес к Кванзе.

«Африка!.. Экваториальная Африка... а не Америка?»

Эти слова, говорившие о несомненной и грозной очевидности, все время звучали в ушах Дика Сэнда.

Перебирая в памяти события последних недель, юноша тщетно искал ответы на вопросы: каким образом «Пилигрим» очутился у этих опасных берегов? Как случилось, что он обогнул мыс Горн и перешел из одного океана в другой? Только теперь Дик мог отдать себе отчет, почему несмотря на быстрый ход корабля, так долго не показывалась земля: пройденное «Пилигримом» расстояние было вдвое больше того перехода, какой он должен был совершить, чтоб достичь берегов Америки.

— Африка!.. Африка!.. — повторял Дик Сэнд.

Эпизод за эпизодом он восстанавливал в памяти все обстоятельства загадочного плавания. Дик вспомнил, как разбился запасной компас, как пропал лаг из-за оборвавшейся веревки. И вдруг его осенила догадка: компас был намеренно испорчен!..

«На корабле, — думал он, — остался только один компас. Мне не с чем было сверить его показания. Однажды ночью меня разбудил крик старого Тома... Я застал на корме Негоро... Он оступился и упал на нактоуз... Не повредил ли он компас при падении?»

Словно луч света сверкнул в уме Дика Сэнда. Он ощупью подходил к разгадке тайны. Дик начинал понимать, насколько подозрительным было поведение Негоро. Он чувствовал руку Негоро в целом ряде несчастных «случайностей», которые сперва погубили «Пилигрим», а теперь угрожали гибелью и всем его пассажирам.

Но кто он, этот негодяй! Он утверждал, что никогда не был моряком, — правда ли это? Только опытный моряк мог задумать и осуществить гнусный план, который привел судно к берегам Африки.

Во всяком случае, если в прошлом и оставались невыясненными некоторые обстоятельства, то в настоящем все было ясно. Юноша хорошо знал, что находится в Экваториальной Африке и, вероятно, в самой опасной ее части — в Анголе, в сотне миль от морского берега... Для него стало несомненным, что Гэррис оказался предателем. И вполне естественной, логичной была мысль, что американец и португалец с давних пор знакомы друг с другом; случай свел их на этом побережье, и они совместно составили заговор против пассажиров «Пилигрима»...

Непонятым было только одно: что задумали эти негодяи? Можно было предположить, что Негоро не прочь захватить в плен Тома и его товарищей, чтобы продать их в рабство в этой стране работорговли. Понятно было, что португалец хочет отомстить ему, Дику Сэнду, за старые «обиды», хотя юный капитан обращался с ним как он того заслуживал. Но миссис Уэлдон, но Джек? Что намеревается сделать этот негодяй с матерью и ее маленьким сыном?

Если бы Дику Сэнду удалось подслушать беседу Гарриса с Негоро, он знал бы, какие опасности угрожают миссис Уэлдон, пятерым неграм и ему самому.

Положение было ужасным, но юноша не потерял мужества. Он был капитаном на море, он останется капитаном и на суше. Его долгом было — спасти миссис Уэлдон, маленького Джека и остальных людей, чью судьбу небо вверило ему. Он только приступил к выполнению своей задачи. И он ее выполнит.

В продолжение двух или трех бессонных часов Дик Сэнд размышлял, взвешивая и перебирая в уме все то хорошее и дурное — увы, последнего было больше! — что сулило будущее. Затем он поднялся на ноги, полный спокойствия и твердой решимости.

Первые лучи солнца уже осветили верхушки деревьев; все спали, кроме Дика и старого Тома.

Молодой капитан подошел к негру.

— Том, — тихо сказал он, — вы слышали рычание льва, вы видели цепи и колодки работорговцев. Значит, вы знаете что мы находимся в Африке?

— Да, капитан, знаю.

— Так вот, Том, ни слова об этом ни миссис Уэлдон, ни вашим товарищам! Никто, кроме нас, не должен ничего знать. Мы не станем пугать никого.

— Да... правильно, мистер Дик... — ответил Том.

— Том, — продолжал юноша, — мы должны удвоить бдительность. Мы во вражеской стране. Страшная страна и страшные враги!.. Нашим спутникам мы скажем, что Гаррис изменил нам, — этого достаточно, чтобы они были настороже. Пусть они думают, что нам угрожает нападение туземцев.

— Вы можете, мистер Дик, всецело положиться на моих товарищей! Они люди отважные и преданы вам.

— Знаю. И знаю, что я могу положиться на ваш здравый смысл и опытность, Том. Ведь вы не откажетесь помочь мне?

— Всегда и во всем, капитан.

Дик объяснил Тому свои намерения, и старик одобрил их. К счастью, измена Гэрриса обнаружилась раньше, чем он успел осуществить свой план, поэтому Дику Сэнду его спутникам не угрожала непосредственная опасность. Неожиданная находка колодок и цепей, брошенных бежавшими невольниками, а затем рычание льва выдали нечестную игру американца. Гэррис понял, что он разоблачен, и убежал прежде, чем маленький отряд, который он вел, дошел до того места, где на него должны были напасть. Поведение Динго свидетельствовало о том, что Негоро все последние дни шел по пятам за своими бывшими спутниками. Очевидно, он уже успел встретиться с Гэррисом, и сейчас они вместе разрабатывают план дальнейших действий. Дик полагал, что нападут на их отряд лишь через несколько часов, и решил воспользоваться этим сроком.

План его заключался в том, чтобы как можно скорее вернуться на побережье — у юноши были все основания думать, что это побережье Анголы, — двинуться по нему на север или на юг и дойти до ближайшей португальской фактории, где его спутники окажутся в безопасности и будут ждать возможности вернуться на родину.

Но каким путем идти к берегу? Возвращаться назад по уже пройденной дороге? Дик Сэнд не считал это целесообразным. Гэррис не ошибался, когда утверждал, что юноша предпочтет избрать более короткий путь.

Действительно, было бы по меньшей мере неосмотрительно возвращаться старой дорогой через лес — они пришли бы всего-навсего на то же место, откуда отправились. Да и Негоро со своими сообщниками пошел бы прямо за ними. Единственный способ уйти, не оставляя следов, это спуститься по реке. Кроме того, тогда можно было бы меньше опасаться нападения хищных зверей, которые до сих пор, по счастью, не подходили к ним близко. На реке не так страшна была бы и встреча с дикарями. На прочном плоту, хорошо вооруженные, Дик Сэнд и его спутники могли бы с успехом защищаться.

Такой способ передвижения был бы удобен для миссис Уэлдон и маленького Джека — ведь их обоих так измучила дорога, а лошади Гэрриса теперь не было. Конечно, если бы решили двигаться лесом, то для миссис Уэлдон и больного ребенка сплели бы из ветвей носилки и носильщики нашлись бы. Но тогда два негра из пяти были бы заняты этой работой, а Дик Сэнд предпочитал, чтобы у всех его товарищей руки были свободны на

случай внезапного нападения.

Да и спускаясь на плоту по течению реки, юноша чувствовал бы себя в своей стихии!

Оставалось узнать, есть ли поблизости полноводная река. Дик Сэнд предполагал, что река найдется, и вот почему он так думал.

Река, впадавшая в Атлантический океан в том самом месте, где произошло крушение «Пилигрима», не могла течь издалека. С севера и с востока горизонт замыкала довольно близкая горная цепь, которую вполне можно было принять за Анды. Следовательно, река или текла с этих высот, или русло ее загибалось к югу, — в обоих случаях она была где-то недалеко. Возможно, что, не доходя до этой большой реки (она имела право называться большой, ибо прямо впадала в океан), встретится какой-нибудь из ее притоков и маленький отряд сможет проехать по нему на плоту. Словом, невдалеке, несомненно, был какой-нибудь водный путь. И Дик Сэнд вспомнил, как действительно на протяжении последних миль перехода изменился характер местности: склоны гор стали пологими, а земля влажной. Во многих местах в траве змеились ручейки, что указывало на изобилие подпочвенные вод. В последний день пути отряд шел вдоль подмытого берега одного из таких ручейков — воды его окрасились в красный цвет от окиси железа. Нетрудно было снова его разыскать. Конечно, спуститься на плоту по этому узкому и порожиному ручью было бы невозможно. Но, следуя по его берегу, отряд, несомненно, дошел бы до более полноводной реки, в которую он впадает.

И, посоветовавшись со стариком Томом, Дик принял этот простой план.

С наступлением утра путники проснулись один за другим. Миссис Уэлдон передала на руки Нан еще спящего маленького Джека. В промежутках между приступами лихорадки ребенок был такой бледный, что на него больно было смотреть.

Миссис Уэлдон подошла к Дику Сэнду.

— Дик, — сказала она, поглядев вокруг, — где Гэррис? Я его не вижу.

Юноша не хотел разуберять своих спутников, что они находятся на земле Боливии. Но измену американца он не собирался скрывать. Поэтому он, не колеблясь, сказал:

— Гэрриса нет здесь больше.

— Он поехал вперед? — спросила миссис Уэлдон.

— Он бежал, миссис Уэлдон, — ответил Дик Сэнд. — Гэррис оказался предателем. Он действовал заодно с Негоро, и они сговорились завлечь нас сюда.

— С какой целью? — взволнованно спросила миссис Уэлдон.

— Не знаю, — ответил Дик Сэнд. — Но я знаю, что нам нужно немедленно вернуться к берегу океана.

— Этот человек... предатель? — проговорила миссис Уэлдон. — Я предчувствовала это! И ты думаешь, Дик, что у него сговор с Негоро?

— Вероятно, миссис Уэлдон. Негоро шел все время по нашим следам. Очевидно, случай свел этих двух мошенников и...

— И я надеюсь, что они не расстанутся до тех пор, пока не попадутся мне под руку, — вмешался в разговор Геркулес. — Я стукну их друг о дружку — да так, что у них головы разобьются! — добавил гигант, размахивая огромными кулачищами.

— Но что делать с Джеком? — вскричала вдруг миссис Уэлдон. — Мне так хотелось скорее попасть в гациенду Сан-Феличе! Ведь мальчику нужен уход!..

— Джек поправится, когда мы выйдем к берегу, там воздух здоровее, — сказал старик Том.

— Дик, — снова заговорила миссис Уэлдон, — уверен ли ты, что Гэррис изменил нам?

— Да, миссис Уэлдон, — коротко ответил юноша, желавший избежать объяснений по

этому поводу.

И, пристально глядя на старого негра, он добавил:

— Этой ночью Том и я открыли его измену. Если бы он не ускакал на своей лошади, я убил бы его!

— Значит, эта гациенда... эта ферма...

— Здесь нет ни гациенды, ни фермы, ни деревни, ни поселка, — ответил Дик Сэнд. — Миссис Уэлдон, я повторяю, нам нужно немедленно вернуться на берег океана.

— Той же дорогой, Дик?

— Нет, миссис Уэлдон. Мы спустимся вниз по реке на плоту. Течение доставит нас к морю. Это безопасный и неусттомительный путь. Надо пройти еще несколько миль пешком, и я не сомневаюсь, что...

— О, я полна сил, Дик! — воскликнула миссис Уэлдон, стараясь придать себе бодрый вид. — Я могу идти. Я понесу своего сына...

— А мы-то на что, миссис Уэлдон? — возразил Бат. — Мы понесем вас обоих!

— Да, да, — подхватил Остин. — Возьмем две жерди, переплетем их ветками, сделаем подстилку из листьев...

— Благодарю вас, друзья мои, — ответила миссис Уэлдон, — но я предпочитаю идти пешком... И я пойду! В дорогу!

— В дорогу! — повторил Дик Сэнд.

— Дайте мне Джека, — сказал Геркулес, — Я устану, когда мне нечего нести.

И великан так бережно взял спящего ребенка на руки, что тот даже не проснулся.

Оружие было приведено в боевую готовность. Остатки провизии сложили в один тюк. Актеон легко взбросил этот тюк себе на спину; таким образом, у его товарищей руки оказались свободны.

Кузен Бенедикт первым был готов к походу, его длинные стальные ноги не знали усталости. Заметил ли он, что Гэррис исчез? Было бы опрометчиво утверждать это. Кузену Бенедикту и вообще-то не было никакого дела до Гэрриса, а сейчас тем более, так как его постигло самое страшное из несчастий, какие только могут обрушиться на энтомолога. Бедняга потерял очки и увеличительное стекло!

Ученый не знал, что Бат нашел оба драгоценных прибора в высокой траве, на месте привала, но по совету Дика Сэнда спрятал их. Таким образом, можно было надеяться, что большой ребенок будет вести себя смирно в дороге, так как он не видел, как говорится, дальше своего носа. Ему указали место между Актеоном и Остином и строго-настрого велели не отходить от них. Бедный кузен Бенедикт не пробовал даже возражать, он покорно поплелся за своими спутниками, как слепой за поводырем.

Маленький отряд не прошел и пятидесяти шагов, как, вдруг старик Том остановился.

— А Динго? — воскликнул он.

— Верно! Динго нет, — отозвался Геркулес. И он громко позвал собаку. Раз, другой, третий... Ответом ему было молчание.

Дик Сэнд жалел о пропаже собаки, которая всегда могла поднять тревогу в случае неожиданной опасности.

— Не побежал ли Динго следом за Гэррисом? — спросил Том.

— За Гэррисом? Нет... — ответил Дик Сэнд. — Но он мог напасть на след Негоро. Он чуял, что португалец идет за нами.

— Этот проклятый повар убьет ее, как только увидит, — воскликнул Геркулес.

— Если только Динго раньше не загрызет его самого! — возразил Бат.

— Может быть, — сказал Дик Сэнд. — Но мы не можем задерживаться из-за собаки. Если Динго жив, он так умен, что сумеет разыскать нас. Вперед, друзья!

Стояла сильная жара. С самой зари горизонт был затянут тучами. Парило — чувствовалось, что надвигается гроза. Похоже было на то, что без раскатов грома день не обойдется. К счастью, в лесу, хотя он и поредел, еще было сравнительно прохладно. То здесь, то там среди зарослей открывались обширные поляны, покрытые жесткой и высокой травой. Во многих местах на земле валялись огромные окаменевшие стволы — признак почвы каменноугольной формации, что часто встречается на африканском материке. На зеленом ковре лесных лужаек пестрели розовые ветки и яркие краски цветов — желтый и синий имбирь, светлые лобелии, багряные орхидеи; над цветами реяли тучи насекомых, переноса из чашечки в чашечку оплодотворяющую пыльцу.

Кругом уже не было непроницаемой чащи, но породы деревьев поражали разнообразием. Здесь росли масличные пальмы, из которых добывают ценное масло, весьма ценимое в Африке, кусты хлопчатника, образующие живую изгородь высотой футов в десять. Из их волокнистых стеблей вырабатывают хлопок с длинными шелковистыми нитями, почти такой же, как хлопок Фернамбука. Из стволов копала, сквозь дырки, проточенные хоботками насекомых, сочилась ароматная смола, стекая на землю, где она застывала на потребу туземцам. Росли тут и лимонные деревья, и дикие гранаты, и двадцать других древесных пород — все свидетельствовало о поразительном плодородии этого плоскогорья Центральной Африки. Кое-где в воздухе разливался приятный тонкий аромат ванили, и нельзя было обнаружить, от какого дерева он исходит.

Все эти деревья и кусты ласкали взгляд свежей зеленью, несмотря на то что стояло засушливое время года и только редкие грозовые ливни орошали плодородную почву.

Пора лихорадок была в самом разгаре, но, как заметил Ливингстон, больной может избавиться от — лихорадки, покинув место, где заразился ею. Дик Сэнд знал это указание великого путешественника и надеялся, что оно подтвердится на маленьком Джеке. Когда обычный час приступа миновал, а мальчик продолжал спокойно спать на руках у Геркулеса, Дик поделился своими надеждами с миссис Уэлдон.

Отряд поспешно и осторожно двигался вперед. Местами земля хранила свежие следы проходивших в лесу людей или зверей. И там, где в кустарниках ветки были раздвинуты, поломаны, удавалось идти быстрее. Но чаще путникам приходилось прокладывать себе дорогу, преодолевая бесчисленные препятствия. Тогда, к великому огорчению Дика, маленький отряд подвигался вперед убийственно медленно. Перевитые лианами деревья стояли как мачты корабля со спутанным такелажем. Ветви некоторых, кустов походили на кривые дамасские клинки, с той лишь разницей, что лезвия этих клинков были утыканы шипами. Змеевидные лианы длиной в пятьдесят — шестьдесят футов стлались по земле, и горе путнику, неосторожно наступившему на них: острые, как иглы, колючки больно вонзались в ногу. Бат, Остин, Актеон топором прокладывали дорогу сквозь заросли. Лианы росли везде, обвивали деревья от самой земли до верхушек и свешивались с них длинными гирляндами.

Животные и птицы, населяющие эту часть Анголы, были не менее своеобразны, чем ее растительный мир. Множество птиц порхало под зелеными сводами леса. Но нетрудно догадаться, что люди, стремившиеся как можно скорее и незаметнее проскользнуть по лесу, не пытались подстрелить их. Были тут большие стаи цесарок, рябчики, к которым трудно приблизиться, и те птицы, которых в Северной Америке называют «вип-пурвил» — эти три, слога точно воспроизводят их крик. Дик Сэнд и Том могли бы подумать, что находятся в

какой-нибудь области Нового Света. Но, увы, они знали, где оказались. По счастью, дикие звери, столь опасные в Африке, не появлялись вблизи маленького отряда.

Путники опять видели жирафов, которых Гэррис, конечно, постарался бы выдать за страусов (на этот раз безуспешно); но эти быстрые животные моментально исчезли, испуганные появлением каравана в их безлюдных лесах; несколько раз в течение дня на горизонте поднималось к небу густое облако пыли — это стада буйволов бежали с шумом, похожим на грохот нагруженных тяжелой кладью телег.

Дик Сэнд вел свой отряд вдоль берега ручья, стремясь достичь какой-нибудь полноводной реки. Ему хотелось поскорее спуститься со своими спутниками по быстрому течению вод, бегущих к побережью. Он рассчитывал, что опасности и усталость при этом будут не столь велики.

К полудню отряд прошел три мили без единой неприятной встречи. О Гэррисе и Негоро не было ни слуху ни духу. Динго также не появлялся.

Отряд остановился в густой бамбуковой роще, чтобы отдохнуть и поесть. За завтраком не слышно было разговоров. Миссис Уэлдон снова взяла на руки сына. Она не сводила с него глаз. Есть она не могла.

— Вам непременно нужно поесть, миссис Уэлдон, — сказал Дик Сэнд.

— Что с вами будет, если вы потеряете силы? Надо есть! Мы скоро снова двинемся в путь, найдем реку и тогда уж без всякого труда поплывем к океану.

Миссис Уэлдон смотрела Дику прямо в глаза, когда он говорил это. Во взоре юноши светились несокрушимая воля и мужество. Глядя на него, глядя на пятерых негров, таких преданных и стойких людей, миссис Уэлдон почувствовала, что она не имеет права отчаиваться. Да и почему бы ей терять надежду? Ведь она думала, что находится на гостеприимной земле. Измена Гэрриса не пугала миссис Уэлдон, так как она не представляла себе тяжелых последствий этого предательства.

Дик Сэнд, догадываясь о мыслях этой женщины, должен был делать над собой усилие, чтобы выдержать ее взгляд, не отведя своих глаз в сторону.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. По трудным дорогам Анголы

В этот миг маленький Джек проснулся и обвил ручонками шею матери. Глаза у него были ясные. Лихорадка не возвращалась.

— Тебе лучше, дорогой? — спросила миссис Уэлдон, прижимая больного сына к сердцу.

— Да, мама, — ответил Джек. — Только пить хочется. Мать могла дать мальчику только холодной воды.

— Где мой друг Дик? — спросил он, с удовольствием выпив несколько глотков.

— Я здесь, Джек, — ответил Дик Сэнд, взяв ребенка за руку.

— А мой друг Геркулес?

— Здесь Геркулес, — ответил гигант, улыбаясь Джеку своей доброй улыбкой.

— А лошадка? — продолжал он допрос.

— Лошадки-то и нет, мистер Джек! Убежала! Теперь я буду твоей лошадкой. Разве ты не хочешь, чтобы я тебя катал?

— Хочу, — ответил ребенок. — Но как же я буду править? У тебя ведь нет уздечки.

— Это не беда, я возьму в рот узду, — сказал Геркулес, широко раскрывая рот, — а ты можешь дергать за поводья, сколько тебе угодно.

— Нет, я буду тянуть потихоньку.

— Напрасно! У меня рот крепкий.

— А где же ферма мистера Гэрриса? — спросил мальчик.

— Скоро мы будем там, Джек, — ответила миссис Уэлдон. — Да, скоро, скоро...

— Не пора ли в путь? — спросил Дик Сэнд, чтобы прекратить этот разговор.

— Да, Дик, пора! — ответила миссис Уэлдон.

После недолгих сборов отряд тронулся в путь, сохраняя свой прежний походный строй. Чтобы не отдаляться от берегов ручейка, пришлось углубиться в лесную чащу. Когда-то здесь были проложены тропинки, но теперь они по выражению туземцев, «умерли», то есть заросли колючками, кустарником и лианами. Около мили отряд пробирался сквозь непролазную их чащу и потратил на это три часа. Негры работали без отдыха, прокладывая дорогу. Передав маленького Джека на руки старой Нан, Геркулес также принялся за это дело, да еще как! Он шумно вдыхал воздух, взмахивал топором, и в чаще возникала просека, словно выжженная огнем.

К счастью, вскоре миновала надобность в этой утомительной работе: в лесу открылся широкий проход; наискось пересекая заросли, он вел к ручью и следовал вдоль берега. То была слоновая тропа; вероятно, сотни слонов имели обыкновение спускаться к водопою по этой части леса. Большие впадины, вдавленные ногами огромных животных, испещряли землю, размякшую во время дождей, на рыхлом, сыром ее слое легко отпечатывались их широкие следы. Вскоре оказалось, что тропой этой пользовались не только слоны. Не раз проходили их дорогой и люди, брели не по своей воле, а как скот, который безжалостные погонщики ударами бичей гонят на бойню. Во многих местах на земле виднелись кости и целые человеческие скелеты, обглоданные дикими зверями. На некоторых еще держались, кандалы.

В Центральной Африке немало есть длинных дорог, словно вехами отмеченных человеческими останками. Невольничьи караваны совершают иногда переходы во много сотен миль. Несчастные рабы тысячами умирают в пути под кнутами свирепых надсмотрщиков, гибнут от неимоверной усталости и лишений, от болезней. А сколько человек убивают сами надсмотрщики, когда караван начинает испытывать нехватку в

съестных припасах! Да, да! Если рабов нечем кормить, их расстреливают из ружей, закалывают ножами, рубят саблями. Такие кровавые расправы совсем не редкость.

Итак, слоновая тропа была дорогой невольничьих караванов. На протяжении мили Дику Сэнду и его спутникам то и дело попадались человеческие кости. Приближение людей испугивало больших козодоев. Птицы тяжело взлетали и кружили в воздухе.

Миссис Уэлдон смотрела вокруг, но, казалось, ничего не видела. Дик Сэнд дрожал при мысли, что она начнет расспрашивать его: юноша надеялся привести отряд на берег океана, не признаваясь своим спутникам в том, что изменник Гэррис завлек их в Экваториальную Африку. К счастью, миссис Уэлдон не отдавала себе отчета в том, что происходило вокруг. Она снова взяла на руки сына, и спящий ребенок поглотил все ее внимание. Нан шла рядом с нею, и ни старая негритянка, ни ее хозяйка не задали Дику тех вопросов, которых он так боялся.

Старик Том шел, опустив глаза к земле. Он слишком хорошо знал, почему тропа усеяна человеческими костями.

Товарищи Тома озирались по сторонам с изумленным видом. Им казалось, что они идут по бесконечному кладбищу, где землетрясение разворотило могилы. Но и они ни о чем не спрашивали.

Между тем берега ручья раздались вширь, а русло заметно углубилось. Поток катился уже не так стремительно. Можно было надеяться, что либо сам ручей скоро станет судоходным, либо он приведет путников к какой-нибудь большой реке, несущей свои воды в Атлантический океан.

Юноша твердо решил, невзирая ни на какие трудности, следовать вдоль ручья. Поэтому он без колебания покинул тропу, когда она отошла в сторону от берега.

Маленькому отряду снова пришлось пробираться сквозь нерасторжимые сплетения лиан и кустарника.

Чуть не каждый шаг нужно было отвоевывать топором. Но все же заросли не были похожи на лесную чащу, примыкавшую к океанскому побережью: деревья здесь росли реже. Над высокими травами временами поднимался бамбук. О присутствии здесь отряда путников можно было судить лишь по колыхавшимся верхушкам стеблей, да иногда из них выглядывала голова Геркулеса.

Около трех часов дня путники, наконец, выбрались из лесу. Облик местности резко изменился. Впереди растилась бескрайняя равнина, вероятно вся затоплявшаяся разливами рек во время периода дождей. Болотистая почва густо поросла мхами, кое-где над их зеленым ковром покачивались грациозные папоротники. Иногда земля поднималась крутым бугром, и на склонах его выступали пласты темного гематита, там должны были быть богатые залежи какой-нибудь руды.

Дик Сэнд вовремя вспомнил, что в книгах Ливингстона упоминаются такие болотистые равнины. Отважный исследователь несколько раз попадал в предательские топи, где с оглядкой нужно делать каждый шаг, чтобы не увязнуть в трясине.

— Внимание, друзья! — сказал Дик, становясь во главе отряда, — Пробуйте ногой землю, прежде чем сделать шаг!

— Как странно! — заметил Том. — Земля как будто размокла от дождей, а между тем все последние дни дождя не было.

— Не было, а скоро, наверно, пойдет. Надвигается гроза, — ответил Бат.

— Значит, надо торопиться, — сказал Дик Сэнд, — и пройти это болото прежде, чем разразится гроза. Геркулес, возьмите Джека на руки! Бат и Остин, держитесь около миссис Уэлдон, поддерживайте ее, если понадобится. А вы, мистер Бенедикт... Позвольте, что вы

делаете, мистер Бенедикт?

— Я проваливаюсь, — просто ответил кузен Бенедикт.

Он погрузился в болото с такой быстротой, словно под его ногами внезапно раскрылся трап. Бедняга попал в трясину и до пояса провалился в топкую грязь. Ему протянули руку, и он выбрался на поверхность, покрытый тиной но очень довольный тем, что не повредил свою драгоценную жестяную коробку энтомолога. Актеон пошел рядом с незадачливым ученым и получил задание оберегать его от нового падения.

Кузен Бенедикт неудачно выбрал яму, в которую провалился. Когда его вытащили, из жидкой грязи поднялось множество пузырьков газа, распространявшего зловонный, удушливый запах. Ливингстону не раз случалось проваливаться по грудь в болото. Он говорил, что эта пористая черная земля, из которой при каждом шаге брызжут струйки воды, похожа на гигантскую губку. Эти топи весьма опасны для путников.

Дику Сэнду и его спутникам пришлось около полумили шагать по такой губчатой почве. В одном месте миссис Уэлдон по колени увязла в тине. Тогда Геркулес, Бат и Актеон, желая избавить ее от новых, еще более неприятных неожиданностей, сделали из бамбука носилки и уговорили миссис Уэлдон сесть на них. На руки ей дали маленького Джека и поспешили как можно скорее пройти это страшное болото.

Идти было трудно. Актеону пришлось все время поддерживать кузена Бенедикта. Том вел старую Нан — без его помощи она непременно увязла бы в болоте. Остальные негры несли носилки. Дик Сэнд шел впереди отряда, выбирая дорогу. Это оказалось нелегким делом. Всего лучше было идти по закраинам болота, покрытым густой и жесткой травой. Но и здесь точка опоры часто оказывалась шаткой, и нога проваливалась в топь до колена.

Наконец к пяти часам пополудни трясина осталась позади. Путники ступили на глинистую землю; но под тонким слоем твердого грунта чувствовалась болотистая подпочва. Видно, равнина была расположена ниже уровня соседних рек, и воды их просачивались в пористую землю.

Жара стояла палящая. Было бы невозможно перенести ее, если бы между землей и жгучими лучами солнца не протянулась завеса темных грозowych туч. В отдалении уже сверкала молния и глухо рокотал гром. С минуты на минуту могла разразиться страшная африканская гроза. Сильнейший ливень, порывы ураганного ветра, которые валят самые крепкие деревья, непрерывное сверкание молнии — такова картина этой грозы. Дик Сэнд знал это и, естественно, очень тревожился. Отряд не мог провести ночь под открытым небом: равнине грозило затопление. Но Дик не видел впереди ни одного бугра, где можно было бы найти пристанище от наводнения.

Нельзя было вырыть себе убежище и в земле — в двух футах от ее поверхности оказалась бы вода.

Как отыскать убежище в этой пустынной и голой котловине, где нет ни одного дерева, ни одного куста?

На севере виднелась гряда невысоких холмов, замыкавших собой котловину. Там, на фоне светлой полосы, отделявшей линию горизонта от темного навеса туч, отчетливо вырисовывались силуэты нескольких деревьев.

Дик Сэнд не знал, найдется ли на этих холмах убежище от грозы. Но по крайней мере путникам там не угрожало наводнение.

— Вперед, друзья мои, вперед! — повторял юноша. — Еще какие-нибудь три мили, и мы выберемся из опасной впадины.

— Живей, вперед! — крикнул Геркулес.

Этот славный человек рад был бы посадить себе на плечи всех своих товарищей и

вынести их из ложины.

Слова Дика Сэнда подбодрили путников, и, невзирая на усталость, они зашагали вперед даже быстрее, чем в начале пути.

Отряд был еще в двух милях от цели, когда разразилась гроза. К счастью, дождь начался не сразу после того, как первые вспышки молнии сверкнули в насыщенных электричеством тучах. Солнце еще не скрылось за горизонтом, но кругом стало совсем темно. Темный купол грозовых туч медленно спускался; казалось — вот-вот он рухнет на землю и все затопит ливень. Красные и синие зигзаги молний бороздили небосвод в тысяче мест, опутывая равнину сетью огней.

Каждую секунду путников могла поразить молния. На голой равнине, где не было ни одного деревца, группа людей рисковала притянуть электрические разряды.

Джек, которого разбудило грохотанье грома, уткнулся личиком в грудь Геркулеса. Бедный мальчик боялся грозы, но, не желая огорчать мать, старался скрыть свой страх. Геркулес шел широким шагом и утешал ребенка как умел.

— Не бойся, малыш, не бойся, — повторял он. — Если гром приблизится к нам, я сломаю его пополам одной рукой. Я ведь сильнее грома!

И мальчик успокаивался, чувствуя, как силен его защитник.

С минуты на минуту должен был начаться дождь, и тогда из низко нависших туч на землю прольются потоки воды. Что станет с миссис Уэлдон и маленьким Джеком, если до начала ливня не найдется хоть какое-нибудь убежище?...

Дик Сэнд подошел к Тому.

— Что делать? — спросил он.

— Идти вперед, — ответил старик. — Дождь превратит эту котловину в непроходимую топь. Здесь оставаться нельзя.

— Разумеется, Том, разумеется, но надо найти хоть какой-нибудь приют. Хоть бы хижина какая попалась!..

Дик Сэнд вдруг умолк.

Ослепительно яркая молния осветила всю равнину от края до края.

— Что это там виднеется в четверти мили отсюда? — воскликнул Дик.

— И мне показалось там что-то... — ответил старик Том, закивав головой.

— Лагерь? Не правда ли?

— Да, как будто лагерь... Но лагерь туземцев. При новой вспышке молнии удалось лучше рассмотреть этот лагерь. На равнине симметричными рядами расположилось около сотни палаток конической формы и высотой от двенадцати до пятнадцати футов. Но людей в лагере не было видно. Где же они? Если обитатели лагеря спрятались от грозы в палатки, маленькому отряду следовало бы как можно скорее бежать подальше, невзирая ни на какую бурю. Если же лагерь был покинут людьми, он мог послужить убежищем для путников. «Я выясню это!» — сказал себе Дик Сэнд. Обратившись к старому Тому, он приказал:

— Не двигайтесь с места! Я пойду на разведку.

— Позвольте кому-нибудь сопровождать вас, мистер Дик, — попросил старый Том.

— Нет, Том, я пойду один. Я незаметно подкрадусь к лагерю. Ждите меня!

Маленький отряд, во главе которого шли Дик Сэнд и Том, остановился. Юноша исчез в темноте, казавшейся непроницаемой в промежутках между вспышками молний.

На землю упали первые крупные капли дождя.

— Куда ушел Дик? — спросила миссис Уэлдон, подходя к старому негру.

— Мы увидели какой-то лагерь, миссис Уэлдон, — ответил Том. — Лагерь, а может быть, деревню. Наш капитан решил пойти на разведку, прежде чем вести нас туда.

Миссис Уэлдон удовлетворилась этим ответом.

Через несколько минут Дик Сэнд вернулся.

— Идите за мной! — радостно воскликнул он.

— В лагере никого нет? — спросил Том.

— Это не лагерь, — ответил юноша, — и не деревня. Это просто муравейники.

— Муравейники? — вскричал кузен Бенедикт, сразу оживившись.

— Да, мистер Бенедикт, но муравейники вышиной по меньшей мере в двенадцать футов.

Мы попробуем укрыться в них.

— Но в таком случае это, должно быть, постройки тропических термитов, — сказал кузен Бенедикт. — Эти насекомые-строители умеют воздвигать монументальные сооружения, которые сделали бы честь любому архитектору.

— Термиты это или нет, но придется выселить их, мистер Бенедикт, и занять их место.

— Они сожрут нас! И будут правы.

— В дорогу! В дорогу!.. — скомандовал Дик.

— Да погодите же! — прибавил кузен Бенедикт. — Я думал, что такие муравейники встречаются только в Африке.

— В дорогу! — сердито крикнул Дик Сэнд; он боялся что миссис Уэлдон обратит внимание на последние слова энтомолога.

Все поспешно последовали за Диком Сэндом. Поднялся бешеный ветер. Крупные капли дождя забарабанили по земле. Буря разыгрывалась не на шутку.

Вскоре путники добрались до ближайшего термитника. Им предстояло либо примириться с соседством грозных термитов, либо изгнать их из жилья.

В нижней части этого конуса, сооруженного из особой красноватой глины, было оставлено узкое отверстие, которое Геркулес в несколько минут расширил ножом до таких размеров, что в него мог пролезть даже такой крупный человек, как он.

К крайнему удивлению кузена Бенедикта, ни один из многих тысяч термитов, которые должны были занимать муравейник, не показывался. Неужто этот конус покинут владельцами?

Когда Геркулес кончил свою работу, Дик Сэнд и его спутники поочередно проскользнули внутрь постройки, и Геркулес вполз последним. В ту же минуту дождь полил с такой силой, словно хотел погасить молнии.

Но теперь уже нечего было бояться неистовства стихий. Счастливый случай привел путников в убежище более надежное, чем палатка, чем даже хижина туземца.

Лейтенант Камерон, восхищаясь тем, что маленькие насекомые умеют строить такие огромные сооружения, говорил, что искусство термитов заслуживает большего удивления, чем искусство древних египтян, воздвигнувших пирамиды.

— Чтобы сравниться с термитами, — говорил он, — людям нужно было бы построить по меньшей мере гору Эверест, одну из высочайших вершин Гималаев.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Лекция о термитах, прочитанная в термитнике

Для Дика Сэнда и его спутников было большим счастьем, что, по воле providения, они нашли это убежище. Через несколько минут гроза разбушевалась с яростью, неведомой в умеренном климате.

Дождь не падал отдельными каплями, а лил струями. Временами потоки воды низвергались на землю сплошной стеной, как Ниагара. Словно в небесах перевернулся кверху дном необъятный бассейн и вся вода сразу хлынула на землю. Такой ливень мгновенно превращает равнины в озера, а ручейки в бурные потоки; реки выходят из берегов и затопляют огромные пространства. В отличие от зон умеренного пояса, где сила грозы обратно пропорциональна ее продолжительности, в Африке сильнейшие грозы часто длятся по нескольку дней. Как может скопиться в тучах столько электричества? Откуда берется столько водяных паров? Трудно понять это, однако ж бывает именно так — мы как будто переносимся в поразительную, диллювиальную эпоху.

К счастью, толстые своды термитника оказались непроницаемыми для ливня, в этом отношении они не уступали даже прочным хаткам бобров. Обрушья на них целый водопад, и то ни одна капля воды не проникла бы внутрь конуса.

Как только путешественники заняли термитник, они первым делом ознакомились с его устройством. При свете фонарика они увидели, что постройка представляет собой конус внутри вышиной в двенадцать футов и диаметром у основания в одиннадцать футов. Толщина стен достигала одного фута, и по ним лепились в несколько этажей камеры, отделенные друг от друга промежутками.

Может показаться невероятным, что полчища ничтожных насекомых строят такие монументальные сооружения, тем не менее это неоспоримо: поселения термитов существуют и довольно часто встречаются во внутренних областях Африки. Голландский путешественник прошлого века Смитмен поместился с четырьмя своими спутниками на верхушке одного из таких конусов. Ливингстон видел в Лундэ несколько термитников из красной глины высотой в пятнадцать и двадцать футов. В Ньянгве лейтенант Камерон не раз принимал издали скопище таких муравейников за военный лагерь; он обнаружил исполинские термитники, целые здания, достигавшие сорока и пятидесяти футов высоты. То были огромные округлые конусообразные сооружения, какие возводят в Южной Африке, а по бокам у них высились узкие пристройки вроде колоколен собора. Какие же термиты умеют строить такие удивительные здания?

— Воинственные термиты, — не колеблясь, ответил кузен Бенедикт, как только ознакомился с материалом, из которого был выстроен муравейник.

Стены, как мы уже говорили, были построены из красноватой глины. Если бы они были слеплены из серой или черной земли, то постройку их следовало бы приписать «термитам кусающимся» («termes mordah»), или «термитам ужасным» («termes atroh»). Как видите, у этих насекомых малоуспокоительные названия, и они могли нравиться только такому страстному энтомологу, как кузен Бенедикт.

В пустой центральной части конуса, которую сначала занял маленький отряд, не хватило бы места для всех, но в камерах, расположенных ярусами, свободно могли уместиться люди среднего роста. Вообразите ряд открытых ящиков, в глубине этих ящиков миллионы ячеек, которые прежде были заняты термитами, и вы легко представите себе внутреннее устройство муравейника. Ящики располагались ярусами, один над другим, как койки в паровой каюте.

На верхних койках разместились миссис Уэлдон, маленький Джек, Нан и кузен Бенедикт. Пониже устроились Остин, Бат и Актеон. Дик Сэнд, Том и Геркулес остались в самой нижней части конуса.

— Друзья мои, — сказал юноша двум неграм, — вода начинает заливать пол. Надо сделать насыпь из глины. Откалывайте глину с нижней части стен. Но только осторожнее, не завалите входа — тогда прекратится доступ воздуха и мы задохнемся.

— Мы ведь проведем здесь только одну ночь, — ответил старый Том.

— Ну так что же? Нужно воспользоваться случаем и отдохнуть хорошенько. Ведь за десять дней мы в первый раз ночуем под крышей.

— Десять дней! — повторил Том.

— Кроме того, — продолжал Дик Сэнд, — возможно, что мы задержимся здесь на день-другой; термитник как будто представляет надежное убежище. А я тем временем пойду посмотрю, далеко ли река, которую мы ищем. Я думаю даже, что нам лучше не покидать наше пристанище, пока мы не построим плот. Нам тут не страшна гроза. Итак, за работу! Сделаем насыпь и утрамбуем пол.

Приказание Дика Сэнда тотчас же было выполнено. Геркулес обрушил топором нижний ярус камер и навалил глину на пол термитника, подняв таким образом пол почти на целый фут над болотистой почвой, на которой стоял конус. Дик Сэнд следил за тем, чтобы входное отверстие, через которое поступал воздух, осталось открытым.

Путешественники могли только радоваться, что термиты покинули свое жилище. Ведь если бы в постройке осталась хотя бы часть многотысячного ее населения, люди уже не в силах были бы занять ее.

Давно ли термитник оставлен хозяевами или эти прожорливые насекомые только что покинули его? Задаться таким вопросом было далеко нелишне.

Кузена Бенедикта чрезвычайно удивило то, что термиты покинули свой дом, и вскоре он убедился, что это произошло недавно. Спустившись на пол, он, вооружившись фонарем и стал осматривать самые потаенные закоулки конуса. Ему удалось обнаружить «главный склад» термитов, то есть место, где эти трудолюбивые насекомые хранят свои продовольственные запасы.

Этот склад помещался в нижнем ярусе, близ «королевской» ячейки, которую разрушил топор Геркулеса, так же как и ячейки, предназначенные для личинок. Кузен Бенедикт нашел здесь несколько капель еще не успевшей затвердеть камеди — значит, термиты совсем недавно доставили ее на склад.

— Нет, нет! — воскликнул ученый, словно возражая какому-то оппоненту. — Нет, эту постройку хозяева покинули совсем недавно.

— Кто же спорит с вами, господин Бенедикт? — сказал Дик Сэнд. — Когда бы термиты ни покинули свое жилище — год тому назад или сегодня, — для нас важно лишь одно: нам его уступили.

— Нет, подожди, — возразил кузен Бенедикт, — очень важно узнать, почему термиты ушли отсюда. Ведь вчера, а может быть, и сегодня утром, эти хитроумные сетчатокрылые еще жили здесь: видите, даже камедь не успела затвердеть...

— Но какое нам до этого дело, господин Бенедикт? спросил Дик Сэнд.

— Только инстинкт мог заставить термитов покинуть свое жилище. Посмотрите: в ячейках не осталось ни одного насекомого! Больше того, они заботливо унесли все личинки до последней. Так вот, я повторяю: все это произошло не без причины — предусмотрительные насекомые чувствовали приближение грозной опасности.

— Быть может, они предвидели, что мы вторгнемся в их жилище? — смеясь, сказал

Геркулес.

— Вот как? — воскликнул кузен Бенедикт, которого задела за живое шутка славного негра. — Неужели вы считаете себя сильнее этих храбрых насекомых? Несколько тысяч термитов быстро превратили бы вас в обглоданный скелет, если бы нашли ваш труп на своем пути.

— Велика хитрость — обглодать мертвеца! — ответил Геркулес, не желавший сдаваться. — А живого Геркулеса им не съесть! Я легко раздавлю сотню тысяч термитов!..

— Вы раздавите сто тысяч, двести тысяч, пятьсот тысяч, миллион, — живо возразил кузен Бенедикт, — но не миллиард! А миллиард термитов съест вас, живого или мертвого, обгложет до последней косточки!

Во время этого спора, который на первый взгляд мог показаться праздным, Дик Сэнд задумался. Замечание кузена Бенедикта произвело на него большое впечатление. Он не сомневался, что ученый, отлично знающий повадки насекомых, не ошибся в своих предположениях. Если инстинкт побудил термитов покинуть их городок, — значит, пребывание в нем действительно грозило какой-то опасностью.

Но так как нечего было и думать уйти из этого убежища в минуту, когда гроза бушевала с небывалой яростью, Дик Сэнд не стал ломать голову над тем, что казалось совершенно необъяснимым, и только заметил:

— Вы сказали, что термиты оставили в муравейнике свои запасы продовольствия, господин Бенедикт? Это напоминает мне, что свой-то провиант мы принесли с собой. Предлагаю поужинать. Завтра, когда гроза пройдет, мы решим, что делать дальше.

Тотчас занялись приготовлением ужина. Как ни велика была усталость путешественников, она не ослабила их аппетита. Консервам, которых должно было хватить еще на два дня, был оказан отличный прием. Сухари еще не успели отсыреть, и в продолжение нескольких минут только и слышно было, как они хрустят на крепких зубах Дика Сэнда и его товарищей. А мощные челюсти Геркулеса работали как настоящие жернова мельницы.

Но миссис Уэлдон едва притронулась к еде, и то лишь потому, что Дик просил ее об этом. Дику показалось, что мужественная женщина чем-то глубоко озабочена и более печальна, чем во все предшествующие дни. А между тем маленький Джек чувствовал себя лучше. Приступы лихорадки больше не повторялись, и теперь он спокойно спал на глазах у матери в ячейке термитника, где ему устроили мягкую постель из одежды. Дик Сэнд не знал, чему приписать уныние миссис Уэлдон.

И без слов ясно, что кузен Бенедикт воздал должное ужину. Не следует, однако, думать, что ученого занимало качество или количество кушаний, которые он поглощал. Нисколько! Он был просто рад случаю во время ужина прочитать спутникам лекцию о термитах. Ах, если бы в покинутой постройке остался хоть один термит, один-единственный!..

— Эти изумительные насекомые, — начал ученый-энтомолог свою речь, мало заботясь о том, слушают ли его товарищи, — принадлежат к сетчатокрылым: сажки у них длиннее головы, челюсти сильно развиты, нижние крылья по большей части одинаковой длины с верхними. В состав этого интереснейшего отряда входят пять групп: скорпионовые мухи, муравьиные львы, золотоглазки, веснянки и термиты. Не может быть никаких сомнений в том, что насекомые, жилище которых мы — быть может, совершенно напрасно — заняли, принадлежат к последней из перечисленных групп.

Дик Сэнд с этой минуты начал внимательно слушать лекцию кузена Бенедикта.

Уж не догадался ли энтомолог после находки поселения термитов, что путешественники находятся в Африке? Это было вполне возможно, хотя ученый вряд ли представлял себе,

какая роковая случайность забросила его вместо одного материка на другой. Поэтому Дик с большой тревогой слушал его лекцию.

А кузен Бенедикт, оседлав любимого конька, понесся во всю прыть.

— Для термитов, — сказал он, — характерны лапки с четырьмя суставами и замечательно сильные роговидные челюсти. Есть порода мантисп, порода рафиди, порода термитов, известных под названием белых муравьев, к ним относятся термит «роковой», термит с желтым щитком, термит, убегающий от света, термит кусающий, разрушитель...

— А какие термиты построили этот конус? — спросил Дик Сэнд.

— Конечно, тот вид, который известен науке под названием «воинственных термитов», — ответил кузен Бенедикт таким тоном, словно говорил о македонянах или о каком-нибудь другом античном племени, славившемся воинской доблестью. — Да-с, воинственные термиты разного размера! Разница между Геркулесом и карликом была бы меньше, чем между самым большим и самым маленьким из этих насекомых. Есть между ними «рабочие» — термиты длиною в пять миллиметров и «солдаты» — длиною в десять миллиметров, самцы и самки длиною в двадцать миллиметров, встречается и чрезвычайно любопытная порода термитов — «сифафу», длиною в полдюйма, у них челюсти как клещи, а голова больше тела, как у акул! Это акулы среди насекомых, и при схватке между сифафу и акулой я не держал бы пари за акулу!

— Где обычно водятся воинственные термиты? — спросил Дик.

— В Африке, — ответил кузен Бенедикт, — в Центральной Африке и в южных ее областях. Ведь Африка — прославленная страна муравьев. Стоит прочесть, что писал о муравьях Ливингстон в последних своих заметках, доставленных Стенли.

Доктору Ливингстону посчастливилось несравненно больше, чем нам с вами: ему довелось быть свидетелем великого сражения между двумя армиями муравьев — черных и красных. Красные муравьи, которых называют «драйвере», а туземцы именуют «сифафу», победили. Побежденные черные муравьи, «чунгу», после мужественного сопротивления вынуждены были покинуть поле битвы. Но они отступили в полном порядке, захватив с собою личинки. Ливингстон утверждает, что никогда ни люди, ни животные не проявляют такого воинственного пыла. Перед сифафу отступает даже самый храбрый человек, ибо своими сильными челюстями эти термиты мгновенно вырывают у врага куски живого тела. Сифафу боятся и бегут от них даже львы и слоны. Ничто не может остановить натиск армии сифафу — ни деревья, на которые они легко взбираются до самой верхушки, ни ручьи, — они переходят через них по своеобразным висячим мостам, образованным их сцепившимися телами. А как многочисленны полчища термитов! Другой исследователь Африки, дю Шеллю, в течение двенадцати часов наблюдал прохождение одной нескончаемой колонны термитов. Впрочем, что удивительного в том, что они шествуют мириадами? Эти насекомые поразительно плодовиты, самка воинственного термита может снести в день до шестидесяти тысяч яичек! Туземцы употребляют в пищу этих сетчатокрылых. Подумайте, друзья мои, что может быть вкуснее печеных термитов!

— А вы едали их, мистер Бенедикт? — спросил Геркулес.

— Пока нет. Но я буду их есть!

— Где?

— Здесь!

— Но ведь мы не в Африке! — поспешно сказал Том.

— Нет... Нет... — ответил кузен Бенедикт. — А между тем до сих пор ученые встречали воинственных термитов и их поселения только на Африканском континенте. Ах уж эти путешественники! Они не умеют смотреть. Впрочем, тем приятнее. Я уже обнаружил муху

цеце в Америке! Моя слава еще больше возрастет оттого, что я первый нашел на американском континенте и воинственных термитов. Какой материал для сенсационной статьи! Что там статья — для толстого тома с вкладными листами таблиц и цветных рисунков! Весь ученый мир Европы будет потрясен.

Ясно, что кузен Бенедикт и не подозревал горькой правды. Бедняга ученый и его спутники, исключая Дика Сэнда и старого Тома, как и следовало ожидать, все еще верили, что они в Америке.

Должны были произойти другие, несравненно более важные события, чтобы вывести их из заблуждения.

Было уже девять часов вечера, когда кузен Бенедикт кончил свою речь. Заметил ли он, что большинство слушателей, лежавших в глиняных ячейках, заснуло под его энтомологические рассуждения? Вряд ли. Но кузену Бенедикту и не нужны были слушатели. Он говорил для себя. Дик Сэнд не задавал ему больше вопросов и лежал неподвижно, хотя и не спал. Геркулес боролся со сном дольше других, но вскоре усталость сомкнула ему глаза, он уснул и уже ничего не слышал.

Кузен Бенедикт еще некоторое время разглагольствовал. Но, наконец, его самого начала одолевать дремота, и он забрался в ячейку верхнего яруса, которую облюбовал для себя.

В термитнике воцарилась тишина, а за глиняными его стенами все также бушевала буря, грохотал гром и сверкали молнии. Ничто, казалось, не указывало на то, что гроза близится к концу.

Фонарь погасили. Внутри конуса все погрузилось в темноту. Усталые путники крепко спали. Одному лишь Дику Сэнду, несмотря на крайнее утомление, было не до сна. Заботы не давали ему покоя. Он все думал о своих спутниках, о том, как их спасти. С крушением «Пилигрима» жестокие их испытания не кончились. Иные, самые ужасные страдания ждут их, если они попадут в руки туземцев.

Но как избежать этой опасности, самой страшной из всех, угрожавших маленькому отряду на пути к берегу океана? Несомненно, Гэррис и Негоро со злым умыслом завели путешественников в дебри Анголы. Но что задумал негодяй португалец? К кому и за что питал такую черную ненависть? Юноша убеждал себя, что Негоро ненавидит только его одного. Еще и еще раз он перебирал в памяти все события, которыми ознаменовалось плавание «Пилигрима»: встречу с потерпевшим крушение судном, спасение негров, охоту на кита, гибель капитана Гуля и всех матросов... Дик Сэнд вспомнил, как он, пятнадцатилетний юноша, должен был принять командование судном, на котором вскоре из-за преступных махинаций Негоро не оказалось ни компаса, ни лага; вспомнилось ему, как в споре с Негоро он своей властью, властью капитана, принудил его подчиниться, пригрозив мерзавцу заковать его в кандалы или всадить ему пулю в лоб. Ах, почему он не сделал этого? Если бы он тогда же покончил с Негоро и выбросил его труп за борт, не было бы этих ужасных катастроф...

Картины пережитых бедствий сменяли одна другую.

Он вспомнил крушение «Пилигрима». Вспомнил, как появился предатель Гэррисон и как мнимая Боливия постепенно и с полной очевидностью превратилась в Анголу, страшную Анголу, с ее убийственными лихорадками, дикими зверями и людьми, которые были опаснее зверей! Удастся ли маленькому отряду избежать столкновения с теми и другими на пути к океану? Удастся ли ему, Дику, осуществить свой план — добраться до морского берега на плоту по реке, которую он надеялся найти? Будет ли этот способ передвижением менее утомительным и более безопасным, чем пеший поход?

Дик гнал от себя сомнения. Он знал, что ни Джек, ни миссис Уэлдон не выдержат нового

перехода в сто миль по этой негостеприимной стране среди непрестанных опасностей.

«Какое счастье, — думал он, — что миссис Уэлдон и остальные не подозревают, как опасно наше положение! Только старик Том и я знаем, что Негоро завел корабль к берегам Африки, а его сообщник Гэррис заманил нас в глубь Анголы!»

Чье— то дыхание коснулось лба Дика Сэнда. Нежная рука оперлась на его плечо. Взмолнованный голос, прервав его тяжелые мысли, прошептал ему на ухо:

— Я все знаю, мой бедный Дик! Но господь может спасти нас. Да будет воля его!

Дик Сэнд не смог выговорить ни слова в ответ на это неожиданное признание. Но миссис Уэлдон и не ждала ответа. Она вернулась на свое место рядом с маленьким Джеком; юноша не посмел удержать ее.

Итак, миссис Уэлдон все знала...

По— видимому, события последних дней посеяли в ее уме сомнения, и одного слова «Африка», произнесенного кузеном Бенедиктом, было достаточно, чтобы эти сомнения превратились в уверенность.

«Миссис Уэлдон все знает! — говорил себе Дик Сэнд. — Что ж, пожалуй, это к лучшему. Она не теряет бодрости духа — значит, мне и подавно нельзя впадать в отчаяние!»

Теперь Дик с нетерпением ждал рассвета. Как только забрезжит заря, он отправится на разведку в окрестности поселка термитов и разыщет реку, которая доставит маленький отряд к берегам Атлантического океана. У Дика было предчувствие, что такая река протекает где-нибудь неподалеку. Теперь всего важнее было избежать встречи с туземцами — Гэррис и Негоро, может быть, уже направили их по следам путешественников.

До рассвета было еще далеко. Ни один луч света не проникал внутрь конуса. Раскаты грома, глухо доносившиеся сквозь толстые стены, свидетельствовали о том, что гроза все еще не утихает. Прислушавшись, Дик различил шум непрекращающегося ливня. Но тяжелые капли падали не на твердую землю, а в воду. Дик сделал из этого вывод, что вся равнина затоплена.

Было около одиннадцати часов вечера. Дик Сэнд почувствовал, что какое-то оцепенение, предвестник крепкого сна, овладевает им. Что ж, можно хоть отдохнуть немного. Но тут у него мелькнула мысль, что наваленная на полу глина, намекнув, может закрыть вход, преградить доступ свежему воздуху, и десять человек, разместившиеся в конусе, рискуют задохнуться от избытка углекислоты.

Дик Сэнд соскользнул на пол, глина, сбитая с первого этажа ячеек, повысила его уровень. Эта глиняная площадка была совершенно сухая; отверстие было все открыто, воздух свободно проникал внутрь конуса, а вместе с ним и отблески сверкавших молний, и оглушительные раскаты грома, и плеск проливного дождя.

Все было в порядке. Казалось, никакая опасность непосредственно не угрожает людям, заменившим в термитнике колонию сетчатокрылых. Дик Сэнд решил дать себе несколько часов отдыха, чувствуя, что силы оставляют его. Но из осторожности он лег у входа на насыпь. Здесь он первым мог поднять тревогу, если бы что-нибудь случилось. Здесь его разбудят первые лучи зари, и он тотчас же отправится на разведку.

Положив ружье рядом с собой, Дик лег, прислонившись головой к стене, и заснул.

Он не мог бы сказать, долго ли длился его сон, Разбудило его прикосновение чего-то холодного. Он вскочил на ноги. К ужасу своему, он увидел, что вода заливают термитник. Вода прибывала с такой быстротой, что в несколько секунд уровень ее поднялся до нижних ячеек, где спали Том и Геркулес.

Дик Сэнд разбудил их и рассказал о новой опасности.

Том зажег фонарь и осветил вокруг.

Достигнув уровня приблизительно в пять футов, вода перестала прибывать.

— Что случилось, Дик? — спросила миссис Уэлдон.

— Пустяки, — ответил юноша. — Нижняя часть конуса затоплена. Должно быть, вследствие ливня река вышла из берегов и разлилась по равнине.

— Отлично! — воскликнул Геркулес. — Это значит, что река действительно близко.

— Да, — сказал Дик Сэнд, — и по течению этой реки мы спустимся к побережью. Не беспокойтесь, миссис Уэлдон, вода не поднимается выше, и верхние ярусы останутся сухими.

Миссис Уэлдон не ответила. Что касается кузена Бенедикта, то он спал как настоящий термит.

Пятеро негров молча глядели на воду, отражавшую свет фонаря, ждали распоряжений Дика Сэнда, который измерял высоту наводнения.

Юноша приказал положить оружие и провизию в ячейку верхнего яруса, чтобы их не подмочило.

— Вода проникла через входное отверстие? — спросил Том.

— Да, — ответил Дик Сэнд, — и теперь она не пропускает снаружи воздух.

— Давайте сделаем новое отверстие в стене, выше уровня воды, — предложил старый негр.

— Пожалуй... Нет, Том. Если у нас здесь уровень воды только пять футов, это не значит, что снаружи она не поднялась выше... Вероятно, там уровень достигает семи-восьми футов, а возможно, и больше.

— Вы так думаете, мистер Дик?

— Я думаю, Том, что вода, проникнув в конус, сжала заключавшийся в нем воздух, и теперь этот сжатый воздух не дает ей подняться выше. Но если мы прорубим отверстие в стене, воздух вырвется наружу, давление упадет, и уровень воды снаружи и внутри конуса сравняется. Если же уровень воды снаружи стоит выше, чем здесь, то вода будет подниматься до тех пор, пока ее снова не остановит сжатие воздуха. В этом конусе мы — как рабочие в водолазном колоколе.

— Что же нам делать? — спросил Том.

— Сначала хорошенько обдумать, а потом уж действовать, — ответил Дик Сэнд. — Неосторожность может стоить нам жизни.

Это замечание было совершенно верным. Дик был прав также, когда сравнивал затопленный разливом термитник с водолазным колоколом. Но в водолазном колоколе воздух беспрестанно обновляется при посредстве специальных насосов. Водолазы свободно дышат и не испытывают других неудобств, кроме тех, какие связаны с длительным пребыванием в камере, где воздух находится под большим давлением. В конусе же к этим неудобствам присоединилось то, что вода заняла около трети объема помещения, а воздух мог обновиться только в том случае, если будет пробито в стене отверстие, сообщающееся с атмосферой. Но пробивать такое отверстие — это значило подвергнуться риску, о котором говорил Дик Сэнд, и, быть может только ухудшить положение.

Пока что уровень воды внутри конуса оставался неизменным. Повыситься он мог только в двух случаях: во-первых, если в стене будет пробита дыра и окажется, что снаружи вода стоит выше, чем внутри конуса, во-вторых если уровень половодья поднимется еще выше. В обоих случаях вода оставит внутри термитника только небольшое пространство, в котором отравленный выдыхаемой углекислотой воздух будет сжат еще больше.

Дику пришла в голову мысль, что разлив может сорвать с места конус, что было бы крайне опасно для всех находящихся в нем. «Нет, — решил он, — этого не может быть: постройки у термитов чрезвычайно прочные, не хуже, чем у бобров».

Итак больше всего следовало опасаться, что гроза затянется надолго и, следовательно, усилится наводнение. Если уровень половодья на равнине достигнет тридцати футов, то есть поднимется на восемнадцать футов над верхушкой конуса, воздух внутри него будет находиться под давлением почти в одну атмосферу.

А между тем у Дика Сэнда были основания опасаться, что наводнение усилится. Ведь подъем воды зависел не только от этого невероятного ливня, — возможно, что какая-нибудь из протекавших поблизости рек вышла из берегов и затопила эту котловину. В таком случае следует допустить предположение, что конус весь целиком находится под водой и из него уже нельзя выбраться, даже пробив верхушку, что сделать не очень трудно.

Дик Сэнд, крайне встревоженный, спрашивал себя, как поступить: ждать или, выяснив, как обстоит дело, скорее найти выход из положения?

Было три часа утра. В конусе все молча прислушивались к отзвукам грозы, глухо доносившимся снаружи. Непрестанный гул и треск свидетельствовали о том, что борьба стихий не кончилась.

Старик Том обратил внимание на то, что уровень воды продолжает понемногу подниматься.

— Да, я тоже это заметил, — сказал Дик Сэнд. — Воздух не может вырваться отсюда, а вода все-таки поднимается. Значит, и снаружи вода прибывает и просачивается сюда.

— К счастью, подъем чуть заметный, — сказал Том.

— Но неизвестно, когда он прекратится, — ответил Дик Сэнд.

— Капитан Дик, — сказал Бат, — если хотите, я попробую выбраться из термитника. Я нырну и попробую вылезти через отверстие...

— Лучше я сам попытаюсь это сделать, — ответил Дик.

— Нет, нет! — горячо возразил Том. — Пусть лучше мой сын попытается. Вы вполне можете положиться на его ловкость. А если ему не удастся вернуться... Ваше присутствие здесь необходимо. — И шепотом старик добавил: — Не забывайте о миссис Уэлдон и маленьком Джеке!..

— Хорошо, — сказал Дик. — Ступайте, Бат. Если конус затоплен, и не думайте возвращаться. Мы тогда постараемся выбраться тем же путем, что и вы. Но захватите с собой топор и, если верхушка термитника выступает над водой, рубите ее. Мы услышим стук, это послужит нам сигналом, мы начнем ломать кровлю изнутри. Понятно?

— Понятно, — ответил Бат.

— Ну, иди, сынок, — сказал Том, пожимая ему руку. Бат сделал глубокий вдох и, набрав запас воздуха в легкие, нырнул.

Глубина воды в конусе превышала пять футов. Перед Батом стояла нелегкая задача: найти под водой выходное отверстие, пролезть сквозь него и подняться на поверхность. Все это нужно было сделать за несколько секунд.

Прошло полминуты. Дик решил, что негр уже выбрался наружу, как вдруг из воды показалась голова Бата.

— Ну что? — спросил Дик Сэнд.

— Отверстие завалило глиной, — ответил Бат, переведя дыхание.

— Отверстие завалено! — повторил Том.

— Да, — сказал Бат. — Очевидно, вода размыва глину. Я ощупал рукой стены — отверстия больше нет.

Дик Сэнд покачал головой. Маленький отряд был герметически закупорен в этом конусе. Да еще весьма возможно, что термитник затоплен разливом.

— Если старого отверстия нет, нужно сделать новое, — сказал Геркулес.

— Погодите! — воскликнул Дик, удерживая Геркулеса, который взял топор и собрался уже нырнуть.

Юноша крепко задумался и после долгого молчания сказал:

— Нет, мы сделаем другое. Ведь вопрос заключается вот в чем: покрывает ли вода

термитник или нет? Просверлив скважину в верхушке конуса, мы получим ответ на этот вопрос. Но если конус затоплен, воздух моментально вырвется наружу, вода заполнит все пространство и мы погибнем. Тут нужна осторожность...

— Но и мешкать нельзя, — заметил старый Том.

В самом деле, вода в конусе продолжала понемногу подниматься. Уровень ее достиг шести футов. Миссис Уэлдон, Джек, кузен Бенедикт и Нан укрылись в верхнем ярусе ячеек, до которого вода еще не дошла; все остальные путники были уже по пояс в воде.

Надо было поскорее испробовать предложенный Диком способ. Юноша решил просверлить скважину в стене на расстоянии одного фута от поверхности воды, то есть в семи футах от пола. Если в отверстие ворвется наружный воздух, значит, конус выступает над водой. Напротив, если окажется, что отверстие просверлено ниже уровня разлива, вода в конусе начнет подниматься. Тогда, быстро заткнув скважину, нужно будет сверлить новую, футом выше, и так далее. Если окажется, что и отверстие в верхушке конуса не сообщается с воздухом, значит, вода на равнине стоит выше пятнадцати футов и все поселение термитов затоплено. А в этом случае Дику Сэнду и его спутникам грозила самая ужасная и мучительная гибель — медленная смерть от удушья.

Дик Сэнд знал все это, но хладнокровие ни на мгновение не покидало его. Он заранее учел все возможные последствия принятого им решения. Но бездействовать дальше было опасно: и без того воздух внутри конуса был уже настолько испорчен, что путешественникам стало трудно дышать, а свободное пространство все уменьшалось.

Лучший инструмент, который Дик Сэнд мог выбрать, чтобы просверлить отверстие в стене, был ружейный шомпол с винтовой нарезкой на конце; при быстром вращении он вгрызался в глину как бурав, диаметр отверстия получался очень незначительный, но воздух мог проникнуть и через такую узкую дырочку.

Геркулес, подняв фонарь, светил Дику Сэнду. В запасе было еще несколько свечей, и сверлильщик мог не бояться, что он окажется в темноте.

Через минуту просверлили стену насквозь. Тотчас же послышался глухой шум, похожий на звук, с каким пузырьки воздуха пробиваются сквозь толщу жидкости. Воздух вырывался из конуса, а вода быстро прибывала и остановилась на уровне сделанного отверстия. Значит, его просверлили слишком низко, и оно вышло наружу под водой...

— Придется повторить! — хладнокровно сказал Дик Сэнд и поспешно заткнул отверстие комком глины.

Подъем воды прекратился, но уровень ее успел повыситься примерно на восемь дюймов. Это значило, что на столько же уменьшился объем, занятый воздухом. Дыхание становилось затрудненным, так как кислорода в воздухе осталось мало. Пламя в фонаре стало красным и постепенно тускнело.

Дик Сэнд принялся сверлить второе отверстие, на фут выше первого. Если и эта попытка окончится неудачей, вода внутри конуса поднимется еще выше... Но надо было рискнуть!

В то время как Дик Сэнд буравил стену в новом месте, послышался голос кузена Бенедикта:

— Так вот оно что! Теперь все понятно!

Геркулес направил луч света на кузена Бенедикта. Лицо энтомолога выражало глубокое удовлетворение.

— Да, да... Понятно, почему эти умные насекомые покинули свое жилище! — говорил кузен Бенедикт. — Они предчувствовали наводнение! О, это инстинкт, это инстинкт, друзья мои! Термиты хитрее нас! Гораздо хитрее!

И, высказав таким образом свое отношение к событиям, кузен Бенедикт умолк.

В это мгновение Дик Сэнд, просверлив скважину в стене, потянул к себе шомпол. Снова слышалось то же бульканье. Вода поднялась еще на один фут. Значит, это отверстие оказалось ниже уровня разлива!

Положение было поистине ужасным. Миссис Уэлдон к ногам которой уже подступила вода, взяла на руки сына. Все задыхались в тесном пространстве, у всех шумело в ушах и учащенно билось сердце, фонарь почти не давал света.

— Неужели весь конус находится под водой? — прошептал Дик Сэнд.

Чтобы выяснить это, нужно было просверлить третью скважину — в самой верхушке конуса. Удушье, смерть — вот что грозило путешественникам, если последняя попытка окажется такой же бесплодной, как две предыдущие. Остаток воздуха вырвется наружу, и вода заполнит весь конус.

— Миссис Уэлдон, — сказал Дик, — вы знаете, в каком мы положении. Если мы будем медлить, мы задохнемся. Если и последняя попытка кончится неудачей, вода нас затопит. Спасти мы можем только в том случае, если верхушка конуса выступает из воды. Я предлагаю рискнуть... Согласны ли вы?

— Я согласна, Дик, — просто ответила миссис Уэлдон.

В эту минуту огонь в фонаре погас от недостатка кислорода. Наступил полнейший мрак. Миссис Уэлдон, Джек и кузен Бенедикт, сидевшие в верхнем ярусе ячеек, в испуге прижались друг к другу.

Геркулес уцепился за одну из боковых перегородок. Только голова его выступала из воды. Дик Сэнд взобрался к нему на плечи и стал сверлить шомполом отверстие в самой верхушке конуса. Здесь пласт глины был толще и тверже. Шомпол с трудом уходил вглубь. Дик продолжал сверлить с лихорадочной быстротой. Он был охвачен ужасной тревогой, ибо сквозь узкую скважину через несколько мгновений в конус ворвется либо свежий воздух, а с ним жизнь, либо вода, а с ней смерть!

Вдруг слышался пронзительный свист. Сжатый воздух с силой вырвался наружу... Но сквозь отверстие блеснул свет. Вода внутри конуса поднялась еще на восемь дюймов и остановилась на этом уровне. Очевидно, между уровнями воды снаружи и внутри термитника установилось равновесие.

Итак, верхушка конуса поднималась над водой. Путешественники были спасены!

В термитнике раздалось неистовое «ура», и в хоре голосов громовыми раскатами звучал мощный бас Геркулеса.

Тотчас же были пущены в ход ножи и топор. Пролом в верхушке конуса быстро расширялся, пропуская свежий воздух и первые лучи восходящего солнца. Все надеялись, что, как только с конуса сойдут верхушку, легко будет вскарабкаться на стену и тогда решить, как добраться до ближайшей высоты, недосягаемой для наводнения.

Дик первым высунул голову наружу. Из груди его вырвался крик. И тут же раздался свист, хорошо знакомый путешественникам по Африке, — свист летящей стрелы.

Дик Сэнд скользнул вниз, но он успел разглядеть в ста шагах от поселения термитов лагерь туземцев.

Близ конуса, по затопленной равнине, плавали длинные пироги. В пирогах сидели туземные воины. С одной из этих лодок и пустили целую тучу стрел, когда юноша выглянул из конуса.

В двух словах Дик Сэнд рассказал все это своим товарищам. Схватив ружья, Дик, Геркулес, Актеон и Бат выбрались из отверстия и стали стрелять по этой лодке.

Пули их настигли нескольких туземцев. Дикие вопли и беспорядочная стрельба из ружей были ответом на залп наших путников. Но что могли сделать Дик Сэнд и его товарищи,

горсточка храбрецов, против сотни воинов, окруживших их со всех сторон?

Термитник был взят приступом. Миссис Уэлдон, ее сына, кузена Бенедикта схватили и бросили в одну из пирог. Они не успели даже попрощаться, не успели пожать в последний раз руки друзьям, с которыми их разлучили. Несомненно, африканцы действовали согласно заранее полученным распоряжениям. Дик Сэнд видел, как пирога поплыла к лагерю туземцев и скрылась там.

Самого Дика, Нан, старика Тома, Геркулеса, Бата, Актеона и Остина бросили во вторую пирогу, которая поплыла в другую сторону.

Двадцать воинов сидели в этой пироге, а вслед за ней еще плыли пять больших пирог. Всякая попытка к сопротивлению была обречена на неудачу, но все-таки Дик Сэнд и его товарищи пытались бороться. Они ранили нескольких африканских солдат и безусловно заплатили бы жизнью за свою дерзость, если бы воины не получили, строгого приказа доставить их живыми.

Переезд длился всего несколько минут. Но в тот момент, когда пирога причалила к земле, Геркулес оттолкнул державших его воинов и выскочил на берег. Двое туземцев бросились к нему, но великан взмахнул своим ружьем, как палицей, и оба преследователя упали с проломленными черепами.

Через минуту, счастливо избежав града пуль, Геркулес скрылся в лесу. А Дика Сэнда и его спутников туземцы перетащили на берег и заковали в цепи, как рабов...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Лагерь на берегу Кванзы

После наводнения, превратившего в озеро котловину, где находилось поселение термитов, вид местности изменился до неузнаваемости. Лишь конусообразные верхушки двух десятков термитников поднимались над поверхностью воды в этом своеобразном бассейне.

Ливень вызвал стремительный подъем уровня воды во всех притоках Кванзы, и ночью река вышла из берегов.

Кванза, одна из крупнейших рек Анголы, впадает в Атлантический океан в ста милях от места крушения «Пилигрима».

Эту реку пришлось пересечь лейтенанту Камерону несколько лет спустя, прежде чем достичь Бенгелы. Кванзе самой природой предназначено стать внутренним водным путем в этой части португальской колонии. Пароходы уже поднимаются по ее нижнему течению, и не пройдет и десяти лет, как они поплывут к ее верховью. Дик Сэнд поступил вполне правильно, когда искал на севере судоходную реку. Ручеек, вдоль которого он вел свой отряд, впадал непосредственно в Кванзу. Если бы не внезапное нападение туземцев, которого Дик Сэнд не мог предвидеть, он нашел бы реку в расстоянии одной мили от поселка термитов. Маленький отряд погрузился бы на плот, который нетрудно было соорудить, и благополучно добрался бы до португальских поселений в низовьях Кванзы.

Туда часто заходят пароходы, и там путешественники были бы в полной безопасности. Но судьба распорядилась иначе.

Замеченный Диком лагерь туземцев был разбит на холме по соседству с термитником, оказавшимся роковой западней для путешественников. На вершине холма росла огромная смоковница. Под ее раскидистыми ветвями свободно могло бы уместиться пятьсот человек. Кто не видел этих африканских деревьев-гигантов, тот не может себе представить, насколько они велики. Ветви их образуют густую чащу, в которой можно затеряться. Широкий пейзаж дополняли баньяны — деревья, у которых семена не обрастают мякотью.

Под сенью смоковницы расположился, как в укромном убежище, целый невольничий караван, тот самый, о котором Гэррис говорил Негоро. Агенты работорговца Аль-веца гнали невольников в Казонде, на главный рынок черного товара. Оттуда этих несчастных, вырванных из родных селений, отправляли в бараки на западное побережье или в Ньянгве, в область Больших озер. В Ньянгве образовывались новые караваны, следовавшие на север — в Верхний Египет или на восток — в фактории Занзибара.

В лагере Дик Сэнд и его спутники тотчас превратились в рабов. Со стариком Томом, его сыном, с Остином, с Актеоном и с бедняжкой Нан, хотя они и не были африканцами, стали обращаться так же, как с туземными невольниками. Новых пленников обезоружили, несмотря на отчаянное их сопротивление, разбили на пары и каждой паре надели на шею длинную, в шесть футов, колодку с раструбами на концах в форме римской цифры V. Раструбы рогатины, плотно охватывавшие шею, замыкались железной скобой. Ужасные ошейники вынуждали невольников идти гуськом, не уклоняясь ни на шаг ни вправо, ни влево. Помимо этой рогатины, несчастных сковывали еще попарно тяжелой цепью, опоясывавшей им бедра. У невольников оставались свободными руки — но только для ношения тяжестей и ноги — только для ходьбы, а не для побега... И в таком положении они должны были брести под палящим солнцем целые сотни миль, подстегиваемые кнутом надсмотрщика — хавильдара. Дик и его товарищи, обессиленные только что выдержанной борьбой, больше не оказывали сопротивления. Отчего им не удалось убежать, как Геркулесу? Но, при всей могучей силе

беглеца, что ждало его в этой ужасной стране? На что он мог надеяться, когда против него были и голод, и дикие звери, и туземцы? Быть может, скоро он будет завидовать своим товарищам, попавшим в неволю! А между тем пленники не могли рассчитывать ни на какое снисхождение со стороны начальников каравана. Эти последние — арабы и португальцы — говорили между собой на каком-то своем языке, а с невольниками объяснялись только угрожающими жестами и окриками.

Дик Сэнд был белым, и работорговцы не решались обращаться с ним как с остальными. Его обезоружили, ноцепей не надели и не соединили рогатиной ни с кем из невольников. Зато к нему приставили специального надсмотрщика, который не спускал с него глаз. Дик Сэнд озирался по сторонам, ожидая, что сейчас покажутся Негоро или Гэррис, но они не появлялись. И все же Дик ни на минуту не сомневался, что эти двое негодяев причастны к нападению на его отряд.

Ему пришла в голову мысль, что миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта отделили от остальных пленники по распоряжению американца или португальца. Не видя в лагере ни того, ни другого, Дик подумал, что оба сообщника сопровождают свои жертвы. Куда же они отвели миссис Уэлдон? Как собираются поступить с ней? Мучительная тревога за миссис Уэлдон и ее близких не давала Дику покоя и заставляла забывать о собственных бедах.

Караван, расположившийся на отдых под гигантской смоковницей, насчитывал в своем составе не менее восьмисот человек, среди них около пятисот невольников обоего пола, двести солдат-туземцев и около сотни носильщиков, надсмотрщиков и агентов работорговца.

Надсмотрщики были набраны из арабов и португальцев. Трудно представить себе, как жестоко эти люди обращались с невольниками. Они избивали их по всякому поводу, а тех, кто заболел, кто терял силы, не выдержав истязаний, приканчивали ударом ножа или пулей, ибо их уже нельзя было продать. Невольников держали в повиновении зверской жестокостью. В результате такого обращения редкий караван доходил до конца хотя бы с половиной живого «груза». Остальные устилали своими костями караванные пути из внутренних областей Африки к берегу океана; лишь немногим удавалось в дороге бежать.

Легко представить себе нравственный облик европейцев (по большей части португальцев), сопровождавших невольничьи караваны в качестве агентов работорговца. Это были подонки общества, выброшенные из своей страны, преступники, беглые каторжники, бывшие владельцы невольничьих кораблей, ускользнувшие от виселицы. Таким человеческим отребьем были и Негоро и Гэррис. Они служили у одного из крупнейших работорговцев Центральной Африки Хозе-Антонио Альвеца, — хорошо известного всем мелким торговцам «черным товаром»; лейтенант Камерон сообщил о нем любопытные сведения.

Для конвоя невольников работорговцы вербовали солдат большею частью среди туземцев. Но охота на людей не являлась монополией работорговцев. Негритянские царьки тоже устраивали кровавые набеги на своих соседей и с той же целью; побежденных-мужчин, женщин и детей — победители продавали работорговцам за несколько ярдов коленкора, за порох, за ружья, за розовые или красные бусы, а в голодные годы, говорит Ливингстон, даже за горсть маиса.

Отряд солдат, сопровождавший караван Альвеца, являл собой типичный образец наемного африканского войска. Это было сборище полуголых чернокожих бандитов, вооруженных кремневыми ружьями, у которых длинный ствол был окован медными кольцами. С такой охраной агентам работорговца было нелегко справиться. Эта банда всегда очень неохотно подчинялась приказам. Она сама назначала часы выступления в поход и

остановки для отдыха. Несговорчивых агентов охрана быстро вынуждала к уступкам угрозой покинуть караван.

Тяжелую кладь каравана несли на плечах сами невольники — мужчины и женщины, но работоторговцы все же нанимали некоторое количество носильщиков — «пагазисов». Им доверяли тюки с особенно ценным товаром, главным образом со слоновой костью. Иной раз попадались огромные слоновые бивни весом до ста шестидесяти фунтов, и для переноски каждого из них требовалось по два носильщика. Из прибрежных факторий слоновую кость отправляли на рынки в Хартум, Занзибар и Наталь. Труд носильщиков оплачивался по прибытии к месту назначения несколькими метрами хлопчатобумажной ткани, называемой «мерикани», пригоршней каури^[59], порохом, ниткой бус, а иногда — невольником, если у работоторговца не было других ценностей или если он не рассчитывал много выручить за этого невольника.

В числе пятисот невольников каравана Альвеца было очень мало пожилых людей. Обычно во время набега на развалинах горящего селения беспощадно убивали всех пленников старше сорока лет: рынок предъявлял спрос только на молодых здоровых невольников, невольниц и на детей. Не больше десятой части побежденных оставалось в живых после таких кровавых побоищ. Этим объясняется, почему так страшно обезлюдела Экваториальная Африка, где обширные области обращены в пустыню.

Какое страшное зрелище представляло собой это человеческое стадо! Полуголые невольники, едва прикрытые лоскутом «мбузу» — жесткой ткани из древесной коры, женщины все в язвах от ударов бича, измученные, истощенные дети с окровавленными ногами, — матери старались нести их на руках, несмотря на свою тяжелую ношу, — скованные люди с колодками на шее, которые были еще мучительнее каторжных кандалов.

Эти несчастные, еле живые люди с неслышным голосом, эти «скелеты из черного дерева», как сказал о них Ливингстон, могли бы разжалобить своим обликом даже дикого зверя. Но надсмотрщиков-арабов это зрелище нисколько не трогало, а надсмотрщики-португальцы, по словам Камерона, были еще более жестоки, чем арабы^[60].

За пленниками был установлен строжайший надзор как во время похода, так и на стоянках. Дик Сэнд понял, что нечего думать о побеге. Но как же тогда найти мисис Уэлдон. Никаких сомнений не могло быть: Негоро участвовал в захвате матери и сына. Какую цель преследовал португалец, разлучая потерпевших крушение и на «Пилигриме», Дик Сэнд не знал еще. Но ведь Негоро был способен на любое преступление, и сердце юноши обливалось кровью при мысли об опасностях, угрожающих миссис Уэлдон.

«Ах! — повторял он. — Подумать только, что я мог пристрелить и того и другого негодяя и не сделал этого!»

Снова и снова юношу осаждали мучительные мысли. От каких страшных несчастий избавила бы людей заслуженная казнь Гэрриса и Негоро. От каких тяжких горестей избавила бы она по крайней мере тех, с кем эти торговцы человеческим мясом обращаются как с рабами. Миссис Уэлдон и маленький Джек совершенно беспомощны и одиноки. Кузен Бенедикт — для них не опора. Хорошо, если он сумеет позаботиться хоть о самом себе. Наверное, всех троих уже отправили в какой-нибудь глухой угол Анголы. Но кто понесет в дороге больного мальчика?

«Мать, — говорил себе Дик, — мать! Она возьмет Джека на руки и будет нести его до полного изнеможения, пока не упадет на дороге... Она сделает то же, что делают несчастные рабыни... И как эти рабыни, она умрет в пути... Ах, дал бы мне господь только очутиться лицом к лицу с этими палачами...»

Но Дик сам был пленником. Он был одной из голов этого стада, которое надсмотрщики

гнали в глубь Африки. Он не знал даже, ведут ли Негоро и Гэррис сами ту партию невольников, в которую включили их жертвы. Теперь уже нет Динго, некому отыскать след Негоро и поднять тревогу при его приближении. Только один Геркулес мог прийти на помощь несчастной миссис Уэлдон. Да разве можно надеяться на чудо?

И все же Дик, как утопающий за соломинку, цеплялся за эту надежду. Дик считал, что он хорошо знает Геркулеса и может не сомневаться, что, оставшись на свободе, Геркулес сделает все доступное силам человеческим для спасения товарищей и особенно миссис Уэлдон. Геркулес, наверное, идет вслед за пленницей и уже нашел способ дать ей знать, что помощь близка. А может быть, Геркулес задался целью сначала освободить его, Дика Сэнда, чтобы затем уже вдвоем идти на выручку миссис Уэлдон?

Дик живо представлял себе, как ночью Геркулес пробирается в лагерь невольничьего каравана. Он обманул бдительность стражи: такой же черный, как остальные рабы, незаметно вмешался в их толпу. Вот он подползает к Дику, освобождает его и увлекает за собой в лес... Вот они оба на свободе!.. Чего только не сделают они для освобождения миссис Уэлдон!..

Река дает им возможность спуститься к побережью, и Дик Сэнд, лучше зная теперь все трудности, стоящие на пути к спасению, успешнее осуществит свои планы, которые расстроило нападение туземцев.

Так юноша переходил от отчаяния к надежде. Он не поддавался унынию, его энергичная натура не хотела покоряться несчастной доле. Дик Сэнд готов был воспользоваться малейшей возможностью, чтобы начать борьбу.

Прежде всего следовало узнать, куда направлялся невольничий караван. Возможно, что конечным пунктом! маршрута была одна из факторий Анголы, до которой оставалось всего несколько дневных переходов. Но если караван шел во внутренние области Экваториальной Африки, то впереди лежали еще сотни и сотни миль пути. Главный невольничий рынок находился в Ньянгве, в области Больших озер, по которой путешествовал тогда Ливингстон. Ньянгве лежит на меридиане, который делит Африку на две почти равные части. Но от лагеря на берегу Кванзы до Ньянгве было очень далеко, — путь должен был длиться много месяцев.

Неудивительно, что Дика так заботил вопрос, куда направляется караван: ведь из Ньянгве не стоило даже пытаться бежать. Если бы миссис Уэлдон, Дику, Геркулесу и прочим неграм посчастливилось вырваться из плена, они все равно погибли бы в долгом пути где-нибудь между областью Больших озер и берегом океана.

Но скоро Дик Сэнд успокоился: очевидно, партия должна была скоро прибыть на место. Не понимая языка, на котором говорили между собой начальники каравана, — то была смесь арабского языка с каким-то из африканских наречий, — он все же заметил, что они часто называют один из местных невольничьих рынков. Речь шла о Казонде, и Дик знал, что это место-центр работорговли в Анголе. В Казонде, думал Дик, решится участь всех пленников, они попадут там в руки местного царька или же в руки работорговца. И он не ошибся.

Дик Сэнд, прилежно изучавший географию, знал, что расстояние от Сан-Паоло-де-Луанда до Казонде не превышает четырехсот миль. Следовательно, лагерь на Кванзе отстоял от этого невольничьего рынка не больше как в двухстах пятидесяти милях. Дик высчитал это приблизительно, основываясь на переходе, совершенном его маленьким отрядом под водительством Гэрриса. В обычных условиях такой путь можно пройти за десять — двенадцать дней. Но так как караван уже был обессилен пройденной дальней дорогой, то Дик считал, что потребуется не менее трех недель на переход от Кванзы до Казонде.

Дику очень хотелось поделиться своими догадками со старым Томом и его товарищами. Для них было бы некоторым утешением узнать, что караван не загонят в дебри Экваториальной Африки, в те страшные края, откуда нет никакой надежды выбраться. Но как

передать эту приятную весть? Достаточно было бы бросить мимоходом несколько слов. Удастся ли это сделать?

Четверо пленных негров находились на правом фланге лагеря. Они были скованы попарно: Актеон с Остином, Том с Батом — отец и сын случайно оказались вместе. К пленникам были приставлены специальный надсмотрщик и стража — человек десять солдат.

Дик, свободный от оков, решил подойти поближе к своим товарищам, которые сидели на земле не дальше чем в пятидесяти шагах от него. Он стал осторожно приближаться к ним.

Вероятно, старый Том угадал намерение Дика — он что-то шепнул своим товарищам, и те, прекратив разговор, стали внимательно следить за Диком. Они не могли двинуться с места, но ничто не мешало им смотреть и слушать.

Вскоре Дик незаметно прошел половину расстояния. Он мог уже крикнуть Тому название города, куда направляется караван, и сколько приблизительно может продлиться дорога. Но ему хотелось поговорить с товарищами и условиться, как держать себя во время этого путешествия. Поэтому он продолжал с равнодушным видом двигаться вперед. Сердце его бешено стучало — только несколько шагов отделяло его теперь от цели... Но вдруг надсмотрщик, словно разгадав его замысел, с воплем бросился ему наперерез. Солдаты, которых всполошил крик надсмотрщика, тотчас же подбежали и грубо оттолкнули Дика. Вслед за тем Тома и его спутников погнали в противоположный конец лагеря.

Вне себя от гнева Дик Сэнд бросился на надсмотрщика. Он пытался выхватить у него из рук ружье и, когда это не удалось, оторвал ствол от ложа. Но солдаты гурьбой напали на него и отняли обломок ружья. Разъяренные, они растерзали бы юношу на части, если бы не вмешался один из начальников каравана — высокий араб с очень злым лицом. Это был тот самый Ибн-Хамис, о котором Гэррис говорил с Негоро.

Араб произнес несколько слов — Дик, конечно, не понял их значения, — и солдаты, послушно оставив свою жертву, отошли в сторону.

Пленникам, очевидно, запрещали общаться друг с другом. Но, с другой стороны, страже, несомненно, было строго приказано сохранить Дику жизнь. Кто мог отдать такие приказания, кроме Гэрриса или Негоро?

Это было утром 19 апреля. Раздался хриплый звук рога и вслед за ним грохот барабанов. Отдых кончился. Лагерь снимался с места. Через мгновение все — начальники, солдаты, носильщики и невольники-были уже на ногах. Невольники разобрали тюки с поклажей и выстроились в колонну, впереди которой встал надсмотрщик с развернутым пестрым знаменем.

Дан был сигнал к выступлению.

Послышалась негромкая песня. Но пели не победители, а побежденные. И в песне этой звучала наивная вера угнетенных и угроза палачам-угнетателям:

«Вы гоните меня в рабство — сила на вашей стороне. И я скоро умру. Но мертвый я избавлюсь от ярма, и тогда я приду и убью вас!»

Гроза прошла, но небо все еще хмурилось. В Экваториальной Африке в апреле начинается второй период дождливого сезона, так называемая «мазика». В это время дожди льют чаще всего по ночам — в продолжение двух а иногда и трех недель. Для невольничьего каравана это было новым и тяжким испытанием.

Ранним пасмурным утром караван покинул место привала и, отойдя от берега Кванзы, направился прямо на восток.

Пятьдесят солдат шагали впереди, по сотне с обеих сторон колонны, а остальные конвоиры составляли арьергард. При таких условиях было бы трудно бежать, даже если бы люди и не были скованы. Ряды невольников сменялись. Женщины, дети, мужчины, подростки шли попеременно, а надсмотрщики бичами подгоняли их. Были там несчастные матери, которые кормили на ходу грудного младенца, а на свободной руке несли второго ребенка. Иные женщины волочили за собой по жесткой колючей траве голых и босых детей.

Начальник каравана, тот самый араб Ибн-Хамис, который накануне вмешался в столкновение Дика с надсмотрщиком, зорко следил за своим стадом: он прохаживался вдоль колонны, то пропуская ее вперед, то вновь становясь во главе ее. Ибн-Хамиса и его помощников мало занимали страдания пленников, но они не могли не считаться со «своими» людьми: все время то солдаты вымогали увеличения пайка, то носильщики требовали более частых остановок. На этой почве возникали споры и грубая перебранка. Надсмотрщики вымещали свою злобу на несчастных невольниках. Всю дорогу не смолкал ропот солдат и носильщиков, угрозы и брань хавильдаров, крики истязуемых невольников. Шагавшие в последних рядах ступали по земле, орошенной кровью рабов, идущих впереди...

Дику так и не удалось переговорить со своими товарищами, потому что их вели под усиленным конвоем в первых рядах каравана. Они шли гуськом, пара за парой, отделенные друг от друга рогатинами, не позволяющими шевельнуть головой. Бичи надсмотрщиков полосовали их спины так же часто, как спины и всех остальных несчастных.

Бат в паре с отцом шел впереди, осторожно ступая, чтобы не тряхнуть рогатиной и не причинить боли Тому. Время от времени, когда хавильдар не мог слышать его, он шепотом старался ободрить старика. Когда он замечал, что Том устал, он старался замедлить шаг. Бедный малый даже не мог повернуться назад и посмотреть на отца. У Тома было хоть то утешение, что он видел сына, но старику приходилось горько расплачиваться за эту радость: сколько раз слезы катились из его глаз, когда бич надсмотрщика оставлял кровавые полосы на спине Бата, и эти удары были для отца больнее, чем если бы плоть обрушивалась на него самого.

Актеон и Остин, скованные друг с другом, следовали за ними в нескольких шагах и подвергались таким же истязаниям. Как завидовали они Геркулесу! Какие бы опасности ни угрожали ему в этих диких местах, он был свободен и мог бороться за свою жизнь!

В первые же минуты плена старый Том поведал своим товарищам горькую правду. С глубоким изумлением узнали Бат, Остин и Актеон, что они находятся в Африке, что их привело сюда и завлекло в глубь страны вероломство предателей Негоро и Гэрриса и что им нечего рассчитывать ни на какое снисхождение со стороны людей, к которым они попали в плен.

Со старухой Нан обращались не лучше, чем с остальными пленными. Она шагала в середине каравана, в группе невольниц. Ее сковали цепью с молодой матерью, у которой было двое детей — грудной младенец и мальчик трех лет, едва научившийся ходить. Нан

взяла на свое попечение этого мальчика. Мать не посмела даже поблагодарить ее и только подняла на Нан глаза, в которых блеснули слезы. Ребенок не поспевал за взрослыми, и длинный переход наверняка убил бы его. Нан взяла его на руки, чтобы избавить его от усталости и беспощадного бича надсмотрщика. Это была тяжелая ноша для старухи и она боялась, что сил ее хватит ненадолго.

Нан несла маленького негретенка и думала о Джеке. Она представляла себе мальчика на руках у матери. Каково-то ей, бедняжке!.. Джек похудел за время болезни, но все же слабенькой миссис Уэлдон, наверно, трудно нести его. Где она теперь? Что с ней? Свидится ли с ней когда-нибудь ее старая нянька?

Дика Сэнда вели в арьергарде. Со своего места он не мог видеть ни Тома, ни его спутников, ни старой Нан — голова длинной колонны была видна ему, лишь когда проходили через какую-нибудь равнину.

Дик шагал, погружившись в грустные думы, и только окрики надсмотрщиков отрывали его от этих мыслей. Он не думал ни о самом себе, ни о предстоящих трудностях пути, ни о пытках, которые, быть может, уготовил для него Негоро. Его всецело поглощала забота о миссис Уэлдон. Дик не отрывал глаз от земли: он пристально вглядывался в каждую помятую травинку, в каждую сломанную веточку — он искал какой-нибудь след, говоривший о том, что здесь проходила миссис Уэлдон. Дик знал, что другого пути от Кванзы до Казонде нет. Значит, если миссис Уэлдон также отправили в Казонде — а это предположение было весьма вероятным, — она неминуемо должна была пройти здесь. Юноша дорого бы дал за какое-нибудь указание на ее судьбу.

Таково было телесное и душевное состояние Дика Сэнды и его товарищей.

Как ни велика была их тревога за собственную участь, как ни велики были их страдания, они не могли без содрогания глядеть на мучения окружавшей их толпы изнуренных рабов, не могли не испытывать возмущения при виде зверской жестокости надсмотрщиков, но, увы, они не в силах были хоть чем-нибудь помочь невольникам и оказать сопротивление их палачам.

На двадцать с лишним миль к востоку от Кванзы тянется сплошной лес. Деревья здесь растут не так густо, как в прибрежных лесах, — быть может, стада слонов вытаптывают молодые побеги, а может быть, их уничтожают личинки многочисленных насекомых. Идти по такому лесу было легче, чем пробираться сквозь заросли кустарников. Тут в изобилии рос хлопчатник кустами высотой в семь-восемь футов; из хлопка вырабатывают обычные в этих краях ткани с черными и белыми полосами. В некоторых местах тропа углублялась в настоящие джунгли, где и рабы и стража утопали в высокой растительности.

Из всех местных животных только у слонов и жирафов головы поднимались выше этих тростников, похожих на бамбук, этих трав, у которых стебли имеют дюйм в диаметре.

Агантам надо было великолепно знать местность, чтобы не заблудиться там.

Караван выступал на заре и безостановочно подвигался вперед до полудня. В полдень делали остановку на один час. На привале развязывали тюки с маниоккой^[61], и хавильдары раздавали невольникам по пригоршне муки. Если солдаты по пути успевали разграбить какую-нибудь деревню, к этому скудному завтраку добавлялись два-три батата^[62] и кусочек мяса — козлятины или телятины.

Но отдых был так краток и даже невозможен в дождливые ночи, а долгие переходы были так изнурительны, что большинство невольников почти не прикасалось к еде. Не прошло и восьми дней после того, как караван покинул берега Кванзы, а уже двадцать невольников пали без сил, и в пути и стали добычей хищных зверей, кравшихся по следам каравана. Львы, пантеры и леопарды кружили возле каравана, поджидая обреченные жертвы,

и каждый вечер после захода солнца их рычание раздавалось так близко от лагеря, что ежеминутно можно было ждать нападения.

Прислушиваясь к рычанию хищных зверей, звучащему в темноте особенно грозно. Дик Сэнд с ужасом думал об опасностях, на каждом шагу угрожавших Геркулесу в этих тропических лесах. И, однако, если бы ему самому представилась возможность бежать, он воспользовался бы ею не колеблясь.

Здесь мы приводим отрывки из записной книжки Дика Сэнда. Эти строки он писал в пути между Кванзой и Казонде. Чтобы пройти расстояние в двести пятьдесят миль понадобилось двадцать пять переходов — на языке работорговца «переход» означает ежесуточный путь в десять миль с дневной остановкой и привалом на ночлег.

«25 и 26 апреля. Проходили мимо негритянской деревни, окруженной изгородью из кустарников вышиной в восемь — десять футов. Поля засеяны маисом, бобами, сорго и арахисом. Двух жителей схватили и заковали. Пятнадцать убитых; население разбежалось.

27 апреля. Переправились через быструю, довольно широкую речку. Мост — из стволов деревьев, связан между собой лианами. Некоторых свай не хватает. Две женщины, соединенные одной колодкой, оступились и упали в воду. Одна из них несла ребенка. Тотчас же вода забурлила и окрасилась кровью. Крокодилы прячутся под настилом моста; рискуешь угодить ногой прямо в открытую пасть.

28 апреля. Шли лесом. Множество высоких баугиний. Это дерево португальцы называют „железным“. Сильный дождь. Почва размокла. Дорога очень трудная. Видел в середине каравана старую Нан. Она несет маленького негритенка, хотя сама еле волочит ноги. Невольница, скованная с нею, хромает, и кровь течет из ее плеча, рассеченного ударом кнута.

На ночь бивуак был разбит под гигантским баобабом и нежно-зеленой листвой и белыми цветами.

Ночью долго рычали львы и леопарды. Солдат убил из ружья пантеру. Что-то с нашим Геркулесом?...

29 и 30 апреля. Первые предвестники африканской „зимы“. Обильная роса. Дождливый сезон начинается в ноябре и кончается в последних числах апреля. Все равнины еще затоплены разливами. Восточные ветры дуют с такой силой, что захватывает дыхание; они несут с собой болотную лихорадку.

Где же миссис Уэлдон? Где кузен Бенедикт? Никаких следов. А между тем их могли отправить только в Казонде! Должно быть, они проделали тот же путь, что и наш караван, но опередили нас. Меня мучает тревога. Наверное, маленький Джек снова заболел лихорадкой в этой нездоровой местности. Жив ли он?...

1—6 мая. В продолжение нескольких дней мы шли по заболоченной местности, где стоят еще не просохшие лужи. Повсюду вода, в иных местах по пояс... Тысячи пиявок присасываются к телу. И все-таки надо идти. Кое-где на кочках, выступающих из воды, растут лотосы, папирусы. На болотах какие-то водяные растения с большими, как у капусты, листьями. Люди спотыкаются, наткнувшись на их корни, и часто падают.

В этих местах множество рыбы, целые мириады, туземцы приносят на продажу корзины, битком набитые рыбой.

Трудно, а часто и невозможно найти место для ночлега. Во все стороны простирается затопленная равнина. Приходится шагать в темноте. Наутро в караване недосчитываются многих невольников. Когда же конец страданиям? Люди падают и уже не могут подняться на ноги. Да и зачем?... Пробыть несколько лишних мгновений под водой — вот и избавление!.. Никогда уже не настигнет тебя во мраке палка надсмотрщика. Но что станет с миссис Уэлдон и ее сыном? Я не вправе покинуть их. Я выдержу все испытания. Это мой долг!

Ночью раздались душераздирающие крики!

Солдаты наломали смолистых веток, торчавших из воды, и зажгли их. Факелы эти тускло светили в темноте.

Вот причина услышанных криков: крокодилы напали на караван. Двенадцать или пятнадцать чудовищ вынырнули откуда-то из темноты и, схватив несколько детей и женщин, утащили их в воду, в свои „кладовые“. Так Ливингстон называет те глубокие ямы, куда эти животные складывают свою жертву после того, как утопят ее, ибо крокодил съедает добычу только тогда, когда она уже достаточно разложилась.

Меня крокодил только задел чешуей и сразу содрал кожу с ноги. Но одного подростка-невольника рядом со мной он вырвал из колодки, переломив ее пополам. Как закричал несчастный мальчик! Сколько ужаса и боли было в его вопле! Я все еще слышу его...

7 и 8 мая. Подсчитали потери минувшей ночи. Не хватает двадцати человек. На рассвете я стал искать глазами Тома и его товарищей. Какое счастье — они живы! Впрочем, счастье ли это? Не лучше ли было бы в один миг избавиться от всех страданий?

Том идет в первых рядах каравана. У поворота дороги на какую-нибудь секунду колодка накренилась, и это позволило Тому оглянуться назад. Наши взгляды встретились.

Напрасно ищу глазами старую Нан, не погибла ли она прошлой ночью?...

Наконец, затопленная равнина осталась позади. Двадцать четыре часа мы шагали по воде. Теперь лагерь разбит на холме. Солнце обсушило нас. Мы поели немного. Но какой жалкий завтрак после такого перехода! Несколько зерен маиса, пригоршня муки из маниоки — вот и все. Вода мутная, грязная, а приходится ее пить. Сколько из этих расprostертых на земле невольников не найдут в себе сил подняться?

Не может быть, чтобы миссис Уэлдон и Джека заставили так мучиться! Нет, господь над нею смилостивился, их наверняка повели в Казонде другой дорогой. Несчастливая мать не вынесла бы таких страданий!

В караване несколько человек заболело оспой — туземцы называют ее „ндуэ“. Больные не могут идти дальше. Что с ними сделают? Неужели бросят здесь?

9 мая. На заре тронулись в путь. Отставших нет. Хавильдары сумели бичами поднять на ноги изможденных и больных. Невольники — это товар. Это деньги. Покамест в них теплится хоть искорка жизни, хавильдары заставят их идти.

Меня окружают живые скелеты. У них не хватает сил даже на то, чтобы громко стонать.

Наконец я увидел старую Нан. Больно глядеть на нее! Ребенок, которого она несла на руках, исчез. Нет и ее соседки. Нан теперь одна. Без колодки ей легче идти. Но цепь по-прежнему опоясывает ее бедра. Свободный конец она перекинула через плечо.

Мне удалось незаметно приблизиться к ней. Что это? Она не узнает меня? Неужели я так изменился?

— Нан, — позвал я ее.

Бедная старуха долго вглядывалась в меня и, наконец, сказала:

— Это вы, Дик? Я... я... скоро умру...

— Нет, нет! Мужайтесь, Нан! — ответил я и потупил глаза. Она так ослабела и так была измучена, что мне страшно стало смотреть на этот бескровный призрак.

— Да, я умру, скоро умру... — повторила Нан. — Не увижу больше моей дорогой хозяйки... моего маленького Джека!.. Господи! Господи, сжался надо мной!

Я хотел поддержать старую Нан, она вся дрожала в своих лохмотьях. Я бы рад был, если бы меня приковали к ней, чтобы уменьшить тяжесть цепи, которую Нан несла одна после смерти своей спутницы.

Но сильная рука оттолкнула меня в сторону, а несчастную Нан удар бича загнал обратно

в толпу невольников. Я хотел броситься на обидчика, но вдруг рядом со мной очутился Ибн-Хамис. Не промолвив ни слова, араб схватил меня за руку и не отпускал, пока весь караван не прошел мимо. Когда я очутился на прежнем своем месте, в хвосте колонны, он сказал:

— Негоро!

Негоро? Значит, это по приказу Негоро со мной обращаются иначе, чем с моими товарищами по несчастью?

Какую же участь уготовил мне португалец?

10 мая. Прошли сегодня мимо двух горящих деревень. Хижины пылают. На деревьях, пощажённых пожаром, висят трупы. Жители бежали. Поля опустошены. Деревни подверглись набегу. Убили двести человек, но работоторговцы получают десяток невольников...

Спускается вечер. Караван остановился. Лагерь разбит под большими деревьями. Опушка леса, словно кустарником, окаймлена высокой травой.

Вчера ночью, сломав колодки, бежало несколько пленников. Их поймали и наказали с беспримерной жестокостью. Сегодня хавильдары и солдаты караулят особенно строго.

Наступила ночь. Кругом рычат львы и воют гиены. Вдали слышна шумная возня гиппопотамов. Вероятно, там озеро или река. Несмотря на усталость, я не могу заснуть. Мысли не дают покоя. Мне чудится движение в высокой траве. Наверное, какой-нибудь хищный зверь. Осмелится ли он ворваться в лагерь?

Настораживаю слух. Ничего. Нет, какое-то животное пробирается сквозь камыши! Я безоружен, но я буду защищаться! Я закричу, позову на помощь. Моя жизнь нужна миссис Уэлдон, моим товарищам!

Вглядываюсь в темноту. Луны сегодня нет. Ночь беспросветно черна. Вот среди папирусов сверкнуло два огонька — это глаза леопарда или гиены. Они исчезли. Появились снова...

Трава шуршит. Зверь бросается на меня! Я хочу крикнуть, поднять тревогу.

К счастью, я удержался от крика.

Не верю глазам своим! Это Динго! Динго рядом со, мной?! Славный Динго! Как он нашел меня? Какой изумительный инстинкт! Нет, одним инстинктом не объяснить этой чудесной преданности... Динго лижет мне руки. О славный пес, единственный мой друг! Значит, они не убили тебя!

Я ласкаю Динго. Он готов залаять, но я успокаиваю его. Никто не должен знать, что он здесь. Пусть идет следом за караваном. Кто знает, может быть... Но почему это Динго так упорно трется шеей о мои руки? Он как будто говорит мне: „Ищи! Ищи же!“ Я ищу и ощупью нахожу что-то на ошейнике... Это тоненькая камышинка, воткнутая в пряжку ошейника, на котором вырезаны загадочные буквы „С“ и „В“.

Осторожно высвобождаю камышинку. Ломаю ее! Там записка!

Но я не могу прочесть ее в такой темноте. Нужно дождаться дня... Я хотел бы удержать при себе Динго, но славный пес как будто рвется прочь. Он понимает, что поручение, данное ему, выполнено...

Я отпускаю его, и одним прыжком он бесшумно исчезает в траве. Только бы он — упаси боже! — не попался льву или гиенам!

Динго, разумеется, вернется к тому, кто его послал. Записка, которую все еще нельзя прочитать, жжет мне руки. Кто ее написал? Миссис Уэлдон? Геркулес? Каким образом преданный пес встретился с ними? Ведь мы считали его мертвым?

Что в этой записке? План избавления или только весточка от дорогих друзей?

Что бы там ни было, но это происшествие радостно взволновало меня. Может быть, бедствиям конец?

Ах, скорее бы настал день!

Я жадно вглядываюсь в небо на горизонте, подстерегая первые лучи рассвета. Я не могу сомкнуть глаз. Вдали по-прежнему слышен рев хищников. Бедный мой Динго, удалось ли тебе избежать встречи с ними?

Наконец занимается день. В тропиках светает быстро. Я свертываюсь клубком, чтобы незаметно прочитать записку, как только станет светло.

Пробую читать...

Еще темно, ничего не видно.

Наконец — то! Я прочел. Записка написана Геркулесом.

Несколько строк набросаны карандашом на клочке бумаги:

„Миссис Уэлдон и маленького Джека посадили на китанду. Гэррис и Негоро сопровождают их. С ними господин Бенедикт. Они опередили караван на три-четыре дня пути. Мне не удалось поговорить с ними. Я нашел Динго. В Динго кто-то стрелял. Он был ранен, но теперь здоров. Мужайтесь и надейтесь, Дик. Я думаю о вас всех и бежал для того, чтобы быть вам полезным.

Геркулес“.

Значит, миссис Уэлдон и ее сын живы! Слава богу, что они не с нами: они не вынесли бы этой мучительной дороги! Китанда — это гамак, сплетенный из сухой травы и подвешенный к двум длинным бамбуковым шестам. Такие китанды двое носильщиков несут на плечах. Они покрыты пологом из легкой ткани. Итак, миссис Уэлдон и Джека несут на китанде. Зачем они нужны Гэррису и Негоро? Эти негодяи, очевидно, направляют их в Казонде. Да, да, несомненно. Я разыщу их там! Какую радостную весть принес мне славный Динго! Забываешь страдания последних дней.

11—15 мая. Караван продолжает свой путь. С каждым днем пленникам все труднее и труднее... Большинство оставляет за собой кровавые следы. Я подсчитал, что до Казонде осталось не меньше десяти переходов. Сколько человек перестанет страдать, прежде чем мы достигнем цели? Но я должен дойти живым! Я дойду! Я дойду!

Это ужасно! В караване есть несчастные, у которых все тело представляет сплошную кровавую рану. Веревки, которыми они связаны, врезаются прямо в обнаженное мясо.

Одна мать несет на руках трупик своего ребенка, умершего вчера от голода!.. Она не хочет с ним расстаться!

Дорога позади нас усеяна трупами. Эпидемия оспы вспыхнула с новой силой.

Мы прошли мимо дерева, у подножия которого лежало несколько трупов. Они были привязаны к дереву. Это были невольники, с которыми за что-то расправились жестоким способом. Привязали их к дереву и оставили умирать с голоду.

16—24 мая. Силы мои на исходе, но я не позволю слабости сломить себя. Я должен дойти. Дожди совершенно прекратились. Переходы под палящим солнцем, которые работоторговцы называют „тиркеза“, с каждым днем становятся все труднее. Надсмотрщики подгоняют нас, а дорога поднимается в гору довольно круто.

Вчера пробирались через заросли „ньясси“ — высокой и жесткой травы. Стебли исцарапали мне все лицо, колючие семена проникли под рваную одежду и нестерпимо жгут кожу. К счастью, сапоги у меня крепкие и еще держатся.

Хавильдары начинают выбрасывать из каравана больных и ослабевших: нам грозит нехватка продовольствия, а солдаты и носильщики взбунтовались бы, если бы их пайки урезали. Вожаки каравана отыгрываются на невольниках.

— Тем хуже для них, пусть жрут друг друга! — сказал начальник.

Некоторые молодые, на вид здоровые невольники внезапно падают мертвыми. Я вспоминаю, что и Ливингстон описывал такие случаи. „Эти несчастные, — писал он, — вдруг начинают жаловаться на боль в сердце. Они прикладывают руку к груди и падают мертвыми. Я думаю, что умирают от разрыва сердца. Сколько я мог заметить, это особенно часто случается со свободными людьми, неожиданно обращенными в рабство: они не подготовлены к таким испытаниям“.

Сегодня хавильдары зарубили топорами человек двадцать невольников, которые обессилели настолько, что уже не могли плестись за караваном. Ибн-Хамис видел эту бойню и не прекратил ее. Это было ужасное зрелище.

Упала с рассеченным черепом и старая Нан. Я споткнулся на дороге о ее труп. Я не могу даже похоронить ее.

Из числа пассажиров, уцелевших после крушения на „Пилигриме“, ее первую призвал к себе бог. Бедная, добрая Нан.

Каждую ночь я жду Динго. Но славный пес не появляется больше. Не случилось бы с ним несчастья! А может быть, сам Геркулес попал в беду? Нет... нет! Не хочу верить этому! Геркулес молчит, потому что ему нечего мне сообщить. Кроме того, ему приходится быть очень осторожным и не рисковать ничем...»

Двадцать шестого мая караван прибыл в Казонде. Только половина всего количества захваченных невольников. Остальные погибли в дороге. Однако работорговцы все же рассчитывали на значительный барыш: спрос на рабов не убывал, и цены на невольничьих рынках Африки стояли высокие.

Ангола в то время вела крупную торговлю неграми. Однако португальские власти в Сан-Паоло-де-Луанда и Бенгеле были бессильны, так как караваны с невольниками стали направлять через внутренние, недоступные и дикие области материка.

Бараки на побережье были до отказа набиты черными пленниками. Немногие невольничьи корабли, которым удавалось благополучно проскочить мимо патрульных судов, стерегущих африканское побережье, не могли забрать весь груз «черного товара», предназначенный к вывозу в Америку, в колониальные владения Испании.

Казонде, расположенный в трехстах милях от устья Кванзы, считался одним из крупнейших «лакони» — невольничьих рынков Анголы. Купля-продажа людей производилась обычно на «читоке» — главной площади города. Здесь была «выставка товара», и отсюда же трогались в путь караваны, следующие к Большим озерам.

Как все города Центральной Африки, Казонде разделялся на две части. В торговой части помещались жилые дома туземных, арабских и португальских купцов, а также бараки для их невольников; вторую часть составляла резиденция туземного царька. Обычно это был свирепый коронованный пьяница, правящий при помощи устрашения и существующий главным образом за счет щедрых приношений работорговцев.

Весь торговый квартал Казонде принадлежал в то время Хозе-Антонио Альвецу — тому самому работорговцу Альвецу, о котором шла речь у Негоро с Гэррисом, они были только его приказчиками.

В Казонде помещалась главная контора Альвеца, а отделения ее были открыты в Бихе, Касанге и Бенгеле. Через несколько лет после упоминаемых здесь событий Камерон побывал в бенгельском отделении конторы Альвеца и описал его.

По обеим сторонам главной улицы торгового квартала Казонде тянулись «тембе» — одноэтажные глинобитные домики с плоскими крышами; квадратные их дворики служили загонами для скота. В конце главной улицы находилась большая площадь — читока, окруженная невольничьими бараками. Высоко над домами поднимались пышные кроны великолепных смоковниц; вдоль улиц росли высокие пальмы, похожие на поставленные торчком метелки. На улицах в отбросах копошились стервятники, занятые санитарным обслуживанием городка. Таков был торговый квартал.

Невдалеке от города протекает Лухи — еще не исследованная речка, являющаяся, вероятно, одним из притоков Конго, хотя бы вторичным.

Прилегающая к торговому кварталу «резиденция» царька представляла собой скопище жалких лачуг, раскинувшихся почти на квадратную милю. Некоторые хижины были обнесены тростниковыми изгородями, другие — густо обсажены кустарником, а иные обходились и вовсе без ограды. Между плантациями маниоки, за частоколом, окруженным живой изгородью из папируса, стояло на отдельном поле десятка три лачуг для невольников царька, несколько хижин для его жен и королевский «тембе», чуть повыше и просторнее других. Вот и все. Муани-Лунга, царьку Казонде, было лет под пятьдесят. Владения его, уже достаточно разоренные его предшественниками, под его управлением пришли в окончательный упадок. У него было сейчас лишь около четырех тысяч солдат, тогда как у португальцев-

работоторговцев число наемников достигало двадцати тысяч. Царек не имел возможности, как в добрые старые времена, приносить жертву богам по двадцать пять — тридцать рабов ежедневно. Разврат и злоупотребление спиртными напитками превратили этого еще нестарого человека в дряхлую развалину, в злобного, выжившего из ума маньяка. Ради каприза он увечил и калечил своих рабов, военачальников и министров: он отрезал одному нос или уши, другому ногу, а третьему руку. Подданные с нетерпением ожидали его смерти, и весть о ней была бы принята с радостью.

Только одному человеку во всем Казонде смерть Муани-Лунга причинила бы ущерб — Хозе-Антонио Альвецу. Работоторговец отлично ладил со спившимся владыкой и, пользуясь дружбой с ним, хозяйничал во всей области. После смерти короля престол должен был перейти к его первой жене, королеве Муане. Альвец опасался, что ее не признают и что соседний царек, один из властителей Оукусу, воспользуется смутой и захватит владения Муани-Лунга. Этот царек был моложе, энергичнее и уже завладел несколькими деревнями, подвластными правителю Казонде; к тому же он вел дела с конкурентом Альвеца, крупным работоторговцем Типо-Типо, чистокровным арабом, — вскоре Камерону пришлось встретиться с ним в Ньянгве.

Пока что истинным властителем этого края был Хозе-Антонио Альвец, ибо он всецело подчинил себе одуревшего негритянского царька, потакая его страстям, ловко пользуясь его пороками.

Хозе— Антонио Альвец, человек уже пожилой, не принадлежал к «мсунгу», то есть к белой расе, португальским у него было только имя, принятое им, конечно, из коммерческих соображений. Альвец был негром по имени Кенделе. Он родился в Дондо, на берегу Кванзы, начал свою карьеру агентом у работоторговца. Теперь этот старый негодяй, называвший себя честнейшим человеком на свете, стал одним из крупнейших торговцев черными невольниками. В 1874 году Камерон встретил в Килембо, столице Кассона, этого самого Альвеца и вместе с его караваном прошел всю дорогу до Бихе — то есть семьсот с лишним миль.

По прибытии в Казонде партию рабов привели на главную площадь.

Было 26 мая. Таким образом, расчеты Дика Сэнда оправдались. Путешествие продолжалось тридцать восемь дней со времени выхода из лагеря, расположенного на берегах Кванзы. Пять недель самых ужасных мучений, какие только может выдержать человек! Был полдень, когда вошли в Казонде. Забили барабаны, загудел рог, затрещали ружейные выстрелы: солдаты, сопровождавшие караван, стреляли в воздух, и слуги Хозе-Антонио Альвеца восторженно отвечали им. Все эти бандиты обрадовались встрече с приятелями после четырехмесячной разлуки. Наконец-то они могут отдохнуть и вознаградить себя за потерянное время развратом и пьянством.

До Казонде дошло только двести пятьдесят невольников. Полумертвых от усталости, еле волочивших ноги пленников прогнали, как стадо, по улицам города и заперли в бараках, которые американский фермер признал бы негодными даже для хлева. В бараках в ожидании ярмарки уже сидело тысячи полторы рабов. Ярмарка должна была открыться через день на главной площади.

С прибытием новой партии в бараках стало еще теснее. Тяжелые колодки с невольников сняли, но от цепей не освободили.

Носильщики остановились на площади и сложили на землю свой ценный груз — слоновую кость, предназначенную для продажи в Казонде. Когда им выдадут плату — несколько ярдов коленкора или другой ткани чуть подороже, — они отправятся искать караван, нуждающийся в их услугах.

Итак, старый Том и его спутники избежались от колодок, которые мучили их в продолжение пяти недель. Бат, наконец, мог обнять своего отца. Товарищи по несчастью обменялись рукопожатиями. Перемолвившись несколькими словами, они замолчали. Да и о чем им было говорить. Жаловаться, сетовать на судьбу? Бата, Актеона, Остина — сильных молодых людей, привычных к тяжелому физическому труду, — усталость не могла сломить. Но старый Том совершенно выбился из сил. Если бы караван задержался в пути еще день-другой, труп Тома бросили, бы на съедение хищным зверям, как труп бедной Нан.

Всех четверых втолкнули в тесный сарайчик и дверь тотчас же заперли снаружи на замок. Подкрепившись скудной пищей, пленники стали ждать прихода работаровца. Они наивно надеялись, что Альвец освободит их узнав, что они американские граждане.

Дика Сэнда оставили на площади под надзором приставленного к нему хавильдара.

Наконец — то он в Казонде! Он не сомневался, что миссис Уэлдон, маленький Джек и кузен Бенедикт давно уже находятся здесь. Он высматривал их на всех улицах, по которым проходил караван, оглядел все тембе и всю читоку, почти пустую в тот час.

Но миссис Уэлдон нигде не было.

«Неужели ее не привели в Казонде? — спрашивал себя Ддк. — Где же она в таком случае? Нет, Геркулес не мог ошибиться! Неизвестно, какие планы у Гэрриса и Негоро, но я уверен, что они доставили ее сюда. Однако и их тоже что-то не видно...»

Жгучая тревога охватила Дика Сэнда. Миссис Уэлдон могли держать взаперти — этим объяснялось то, что Дику не удалось увидеть ее. Но где Гэррис, где Негоро? Они, особенно португалец, не стали бы медлить и откладывать свидание с юным капитаном, который теперь был всецело в их власти. Нет, они тотчас же пришли бы, чтобы насладиться своим торжеством, чтобы поиздеваться над Диком, помучить его, чтобы отомстить ему наконец. Почему же их не видно? Неужели их нет в Казонде? Но в таком случае, значит, и миссис Уэлдон находится не в Казонде, а в каком-нибудь другом пункте Центральной Африки? Если б с появлением Гэрриса и португальца Дику Сэнду грозила пытка, и то он с нетерпением ждал бы их. Ведь если они в городе, то, значит, и миссис Уэлдон и маленький Джек находятся здесь.

Динго не появлялся с тех самых пор, как принес Дику записку Геркулеса. Таким образом, юноша не мог отослать с ним заготовленный ответ. А в этом ответе Дик поручал Геркулесу следовать за миссис Уэлдон, не терять ее из виду и по возможности сообщать ей обо всем, что происходит. Динго уже однажды пробрался в лагерь, почему бы Геркулесу не послать его вторично? Но, быть может, верный пес погиб, исполняя это поручение? Или миссис Уэлдон повезли дальше, по какой-нибудь фактории в глубине лесистого плоскогорья, и Геркулес, как это сделал бы и сам Дик, вместе с Динго идет по ее следам?

Мысли эти неотступно преследовали юношу.

Как поступить, если выяснится, что ни миссис Уэлдон, ни ее похитителей нет в городе? Дик настолько сжился с надеждой, быть может обманчивой, встретить в Казонде миссис Уэлдон, что теперь, не видя ее нигде, был потрясен, пережил минуты отчаяния, с которым не мог совладать.

«К чему жить, — думал, — если не можешь помочь людям, которых любишь? Нет, лучше умереть, чем влачить такое жалкое существование!»

Но, думая так, Дик ошибался в себе. Под ударами тяжких испытаний мальчик стал взрослым. У таких мужественных людей, как Дик, отчаяние — лишь временная дань слабости натуры человеческой.

Вдруг по пустынной площади разнеслись звуки фанфар и громкие крики. Дик Сэнд, уныло сидевший на пыльной земле, мгновенно вскочил на ноги. Всякое новое происшествие

могло навести его на след тех, кого он искал. Уныния как не бывало, Дик снова был готов к борьбе.

— Альвец! Альвец! — кричали солдаты и туземцы, толпой валившие на площадь.

Наконец — то появится человек, от которого зависела судьба стольких несчастных людей. Быть может, Гэррио и Негоро сопровождают его. Пятнадцатилетний капитан стоял, выпрямившись во весь рост и широко раскрыв глаза; ноздри его раздувались; он ждал: если эти двое предателей появятся перед ним — он твердо и прямо глянет им в лицо. Капитан «Пилигрима» не дрогнет перед бывшим судовым коком!

В конце главной улицы показались носилки-китанда с заплатанным пологом из дешевой выцветшей ткани, обшитой ошипанной бахромой. Из носилок вылез старый негр.

Это был работорговец Хозе-Антонио Альвец. Несколько слуг подбежали к нему с низкими поклонами.

Вслед за Альвecem из носилок вылез его друг метис Коимбра, сын правителя Бихе. По словам лейтенанта Камерона, этот друг Альвеца был самым отъявленным негодяем во всей области. Это был лупоглазый детина с желтым одутловатым лицом, с нечесаной гривой жестких курчавых волос. Что-то в нем было нечистое и отталкивающее. В рваной рубашке, в сплетенной из травы юбке, в обтрепанной соломенной шляпе он был похож на уродливую старую ведьму. Коимбра был наперсником и доверенным лицом Альвеца, организатором набегов на мирные селения и достойным вождем шайки разбойников, обслуживавшей работорговца.

Что касается Альвеца, то он в своей одежде, похожей на карнавальный турецкий наряд, был, пожалуй, не так отвратителен, как его наперсник, но ни в коем случае не мог внушить высокого представления о владельцах факторий, ведущих оптовую работорговлю.

К большому разочарованию Дика Сэнда, Гэрриса и Негоро не оказалось в свите Альвеца. Неужели нужно было оставить надежду встретиться с ними в Казонде.

Между тем начальник каравана Ибн-Хамис обменялся рукопожатиями с Альвecem и Коимброй. Те горячо поздравили его с успешным завершением похода. Правда, при вести о гибели половины каравана невольников Альвец поморщился. Но, в общем, дело было не так уж плохо: вместе с тем «черным товаром», который содержался в бараках, у работорговца оставалось достаточно невольников, чтобы удовлетворить спрос внутреннего рынка. И Альвец даже повеселел, подсчитав в уме, какое количество слоновой кости он сможет получить в обмен на рабов, сколько может выторговать меди, которую вывозят в Центральную Африку в форме «ханн», похожих на андреевский крест.

Работорговец поблагодарил надсмотрщиков и приказал тотчас же расплатиться с носильщиками.

Хозе — Антонио Альвец и Коимбра говорили на порту-гальско-африканском жаргоне, который вряд ли был бы понятен уроженцу Лиссабона и уж, разумеется, был совсем непонятен Дику Сэнду. Но он догадывался, что «почтенные негоцианты» говорят о нем и его спутниках, которых предательством обратили в невольников и пригнали сюда с караваном. Догадка его превратилась в уверенность, когда по знаку Ибн-Хамиса один из хавильдаров направился к сараю, где были заперты Том, Остин, Бат и Актеон.

Всех четырех подвели к Альвeceu.

Дик Сэнд незаметно подошел поближе. Он не хотел упустить малейшей подробности этой сцены.

Лицо Хозе-Антонио озарилось довольной улыбкой, когда он увидел великолепное сложение и могучие мускулы молодых негров. Несколько дней отдыха и обильная пища должны восстановить их силы. На Тома он взглянул лишь мельком: преклонный возраст

лишал старого негра всякой ценности. Но за трех остальных можно было взять хорошую цену.

Собрав в памяти те несколько английских слов, которым он научился у американца Гэрриса, старик Альвец, гримасничая, иронически поздравил своих новых невольников с благополучным прибытием.

Том сделал шаг к Альвецу и, указывая на своих товарищей и на самого себя, сказал:

— Мы свободные люди... граждане Соединенных Штатов!

Очевидно, Альвец понял его. Он скривил лицо в веселую улыбку и, кивнув головой, ответил:

— Да... да... Американцы!.. Добро пожаловать!.. С приездом!

— С приездом, — повторил за ним Коимбра.

С этими словами он подошел к Остину и, словно барышник, покупающий на ярмарке лошадь, начал ощупывать ему грудь, плечи, бицепсы. Но в тот момент, когда он попытался раскрыть Остину рот, чтобы удостовериться, целы ли у него зубы, сеньор Коимбра получил такой здоровенный удар кулаком, какого до него, вероятно, не получал ни один сын властителя.

Наперсник Альвеца отлетел на десять шагов. Несколько солдат бросились к Остину, и он дорого заплатил бы за свою дерзость, если бы Альвец не остановил солдат. Работорговец от души расхохотался, увидев, что его дорогой друг Коимбра лишился двух из уцелевших у него шести зубов. Альвец отличался веселым нравом, и эта сцена очень его позабавила. Кроме того, он не хотел, чтобы солдаты попортили ценный товар.

Он успокоил разъяренного Коимбру. С трудом поднявшись на ноги, тот вернулся на свое место возле работорговца и погрозил кулаком отважному Остину.

В это время хавильдары подтолкнули Дика Сэнда к Альвецу. Работорговец, очевидно, знал, кто этот юноша, как он попал в Анголу и каким образом очутился пленником в караване Ибн-Хамиса. Он посмотрел на него довольно злобно и пробормотал по-английски:

— Ага, маленький янки!

— Да, янки! — ответил Дик Сэнд. — Что вы собираетесь делать со мной и моими спутниками?

— Янки, янки! Маленький янки, — повторил Альвец. Он не понял или не хотел понять вопроса, который юноша задал ему. Дик повторил свой вопрос. Видя, что работорговец не собирается отвечать, он обратился к Коимбре, в котором он, несмотря на его ужасный вид, угадал европейца. Но Коимбра только угрожающе замахнулся кулаком и обратил в сторону свою опухшую от алкоголя рожу.

Тем временем Альвец оживленно беседовал с Ибн-Хамисом. Видимо, они говорили о чем-то, что имело непосредственное отношение к Дику и его друзьям. «Кто знает, — подумал юноша, — какие планы у Альвеца? Удастся ли нам еще свидеться и обменяться хоть несколькими словами!»

— Друзья мои, — сказал он вполголоса, как будто разговаривая сам с собой, — слушайте меня. Геркулес прислал мне с Динго записку. Наш товарищ шел следом за караваном. Гэррис и Негоро увезли миссис Уэлдон, Джека и господина Бенедикта. Куда? Не знаю. Но, может быть, они в Казонде. Терпите и мужайтесь, а главное, будьте готовы воспользоваться малейшим случаем к побегу! Да смилостивится над нами бог!

— А Нан? — спросил старый Том.

— Нан умерла!

— Первая жертва...

— И последняя, — ответил Дик Сэнд. — Мы сумеем... В это мгновение тяжелая рука

легла на плечо юноши, и хорошо знакомый голос вкрадчиво произнес:

— Ага, если не ошибаюсь, это вы, мой юный друг? Как я рад видеть вас!

Дик Сэнд живо обернулся. Перед ним стоял Гэррис.

— Где миссис Уэлдон? — вскричал Дик, наступая на американца.

— Увы, — ответил Гэррис с деланным огорчением, — несчастная мать! Могла ли она пережить...

— Умерла? — крикнул Дик. — А сын ее?

— Бедный мальчик, — ответил Гэррис тем же тоном, — он не перенес этих тяжких испытаний...

Те, кого Дик любил, умерли... Можно представить себе, что испытал в эту минуту юноша. В порыве неудержимого гнева, охваченный жаждой мщения, он бросился на Гэрриса, выхватил у него из-за пояса нож и всадил ему в сердце по самую рукоятку.

— Проклятие! — вскричал Гэррис, падая на землю. Это было его последнее слово. Когда к нему подбежали, он был уже мертв.

Порыв Дика Сэнда был так стремителен, что никто из окружающих не успел вмешаться. Но тотчас же несколько туземцев набросились на юношу и зарубили бы его, если бы не появился Негоро.

По знаку португальца туземцы отпустили Дика. Затем они подняли с земли и унесли труп Гэрриса. Альвец и Коимбра требовали немедленной казни Дика Сэнда, но Негоро тихо сказал им, что они ничего не потеряют, если подождут немного. Хавильдарам было приказано увести юношу и беречь его как зеницу ока.

Дик Сэнд не видел Негоро с тех пор, как маленький отряд покинул побережье. Он знал, что этот негодяй — единственный виновник крушения «Пилигрима». Казалось бы, юный капитан должен был ненавидеть Негоро еще больше, чем его сообщника. Но после того как Дик нанес удар американцу, он не удостоил Негоро ни единым словом.

Гэррис сказал, что миссис Уэлдон и ее сын погибли. Теперь ничто больше не интересовало Дика. Ему стала безразличной даже собственная участь. Хавильдары потащили его. Куда? Дику было все равно...

Юношу крепко связали и посадили в тесный сарай без окон. Это был карцер, куда Альвец запирали рабов, приговоренных к смертной казни за бунт или другие проступки. Здесь Дик был отгорожен глухими стенами от всего мира. Он и не сожалел об этом. Он отомстил за смерть тех, кого любил, и теперь казнь не страшила его. Какая бы участь его ни ожидала, он был готов ко всему.

Легко догадаться, почему Негоро помешал туземцам расправиться с Диком: он хотел перед казнью подвергнуть юношу жестоким пыткам, на которые так изобретательны дикари. Пятнадцатилетний капитан был во власти судового кока. Теперь не хватало только Геркулеса, чтобы месть Негоро была полной.

Через два дня, 28 мая, открылась ярмарка — «лакони», на которую съехались работорговцы из всех факторий Внутренней Африки и множество туземцев из соседних с Анголой областей. Лакони — не только невольничий торг, это вместе с тем и богатейший рынок всех продуктов плодородной африканской земли, с которыми стекались туда люди, производившие их.

С самого раннего утра на обширной читоке царил неопишное оживление. Четыре-пять тысяч человек толпились на площади, не считая рабов Хозе-Антонио Альвеца, среди которых были и Том с товарищами. На этих несчастных именно потому, что они чужестранцы, спрос, несомненно, должен был быть особенно велик.

Альвец был самой важной персоной на ярмарке. Он ходил по площади со своим другом Коимброй, предлагая работорговцам из внутренних областей партии невольников. Среди покупателей было много туземцев, были метисы из Уджиджи — торгового города, расположенного у озера Танганьика, и несколько арабских купцов, больших мастеров в области работорговли.

Там было много туземцев, детей, мужчин и женщин, необычайно ревностных торговков, которые по своим торгашеским талантам превзошли бы и торговки белой расы. Ни один рынок большого европейского города, даже в день ежегодной ярмарки, не шумит и не волнуется так, как этот африканский базар, нигде не совершается столько сделок. У цивилизованных народов стремление продать, пожалуй, преобладает над желанием купить. У африканских дикарей и предложение и спрос одинаково возбуждают страсти. Для туземцев лакони — большой праздник, и ради этого торжества они самым парадным образом

разукрасились (слово «нарядились» тут было бы неуместным). Главное украшение местных щеголей и щеголих составляли их прически. Иные мужчины заплели косы и уложили их на макушке высоким шиньоном; другие поделили волосы на несколько тоненьких косичек, свисавших наперед, как крысиные хвостики, а на макушку водрузили пышный султан из красных перьев; третьи соорудили из волос изогнутые рога и, обильно умастив их жиром, обмазали для прочности красной глиной, словно суриком, растертым на масле, которым смазывают машины, — и все эти прически из собственных и фальшивых волос были украшены множеством железных и костяных шпилек и палочек; некоторые франты, не довольствуясь этими украшениями, унижали свои курчавые волосы разноцветными стеклянными бусинками — «софи» и в середину сложного пестрого узора воткнули нож для татуировки с резной костяной рукояткой.

Прически женщин состояли из бесчисленных хохолок, кудряшек, жгутиков, образующих запутанный и сложный рельефный рисунок, или из свисавших на лицо длинных прядей, круто завивавшихся штопором. Только несколько молодых и более миловидных женщин ограничились тем, что просто зачесали волосы назад, предоставив им ниспадать на спину, как у англичанок, или подстригли челку на лбу по французской моде. И почти все женщины обильно смазывали свою шевелюру жирной глиной и блестящей красной «нкола» — смолистым соком сандалового дерева, так что издали казалось, будто головы туземных франтих покрыты черепицей.

Не следует, однако, думать, что парадный наряд туземцев ограничивался только роскошной прической. К чему человеку уши, если в них нельзя продевать палочек, вырезанных из драгоценных древесных пород, медных колец с ажурной резьбой, плетеных цепочек из маисовой соломы или, наконец, тыквенных бутылочек, заменяющих табакерки? Не беда, что мочки ушей вытягиваются от этого груза и почти достигают плеч.

Африканские полуголые дикари не знают, что такое карманы, поэтому носят в ушах мелкие обиходные предметы — ножи, трубки, все то, что цивилизованные люди носят в карманах.

Что касается шеи, запястий рук, икр и лодыжек, то, с точки зрения дикарей, эти части тела самой природой предназначены для ношения медных или бронзовых обручей, роговых браслетов, украшенных блестящими пуговицами, ожерелий из красных бус, называемых «саме-саме», или «талака», которые были тогда в большой моде у африканцев. И с этими блестящими драгоценностями, в изобилии выставленными на всеобщее обозрение, местные богачи походили на ходячую разукрашенную раку для мощей.

Кроме того, если природа наделила людей зубами, то разве не для того, чтобы они вырывали себе два-три передних зуба или же подтачивали их, загибали их наподобие острых крючков, как у гремучих змей? А если природа дала им ногти на пальцах, то разве не для того, что-, бы отращивать их так, что становится почти невозможным действовать рукой?

Точно так же и кожа, черная или коричневая, прикрывающая человеческое тело, тоже, конечно, существует для того, чтобы ее украшали «теммбо» — татуировкой, изображающей деревья, птиц, месяц, полную луну, или разрисовывали теми волнистыми линиями, в которых Ливингстон нашел некое сходство с рисунками древних египтян. Татуировка запечатлевалась навсегда при помощи голубоватой краски, которую вводили в надрезы на теле, и узор, украшавший отцов, в точности воспроизводили на телах детей — по нему сразу можно было узнать, к какому роду-племени принадлежит человек. Что же делать, если вы не можете нарисовать его на дверцах кареты ввиду ее отсутствия!

Такое важное место занимают украшения в моде африканцев. Что же касается самой одежды, то у мужчин она состоит просто из передника из кожи антилопы, спускающегося от

бедер до колен, или из пестрой юбки, сплетенной из травы. Одежда женщины также состояла только из зеленой юбки, расшитой разноцветными шелками, бисером или ракушками и стянутой поясом из бус. Некоторые женщины вместо юбки носили передник из «ламбы» — весьма ценимой в Занзибаре ткани, сплетенной из трав и окрашенной в синий, черный и желтый цвета.

Но роскошные уборы были доступны только богатым туземцам. Прочие — носильщики и невольники — были одеты куда скромнее, — иначе говоря, ходили почти голые.

Переноской тяжестей здесь преимущественно были заняты женщины. Они стекались на ярмарку с огромными корзинами за спиной, придерживая их ремнем, охватывавшим лоб; выбрав место на площади, они выгружали свой товар и, поставив пустые корзины набок, садились в них на корточки.

Все продукты этой изумительно плодородной земли были в изобилии представлены на ярмарке. Здесь продавался рис, который приносит урожай сам-сто; маис, дающий три жатвы в восемь месяцев и двести зерен на каждое посеянное зерно; кунжут, перец из области Уруа, более острый, чем знаменитый кайенский; маниока, сорго, мускатные орехи, пальмовое масло. На большую площадь согнали сотни коз, свиней, овец, и тонкорунных и курдючной породы, очевидно завезенных из татарских степей, сюда нанесли множество живой и битой птицы, рыбы. Разнообразные, очень ровно вылепленные гончарные изделия привлекали глаз своей яркой раскраской. По площади сновали мальчишки, визгливыми голосами выкрикивавшие названия всяких соблазнительных напитков. Они продавали банановое вино, крепкую настойку — «помбе», «малофу» — сладкое пиво, изготовленное из бананов, и прозрачную хмельную медовую воду.

Но главными товарами на рынке в Казонде были слоновая кость и ткани, тысячи кип всевозможных тканей: «мерикани» — небеленый миткаль производства Салемских фабрик в Массачусетсе, «каники» — голубая хлопчатобумажная ткань шириной в тридцать четыре дюйма, «сохари» — плотная материя в синюю и белую клетку с красной каймой, оттененной голубыми полосками, и, наконец, дорогостоящая «диули» — зеленый, красный и желтый суратский шелк, — отрез его в три ярда стоит не меньше семи долларов, а если он заткан золотом — доходит до восьмидесяти долларов.

Слоновую кость в Казонде доставляли из всех факторий Центральной Африки, и отсюда она уже расходилась в Хартум, Занзибар и в Наталь; многие купцы занимались только этой отраслью африканской торговли.

Трудно себе представить, сколько слонов нужно убить, чтобы добыть те пятьсот тысяч килограммов слоновой кости, которые ежегодно требуют европейские и, в частности, английские рынки. Только для удовлетворения нужд одной английской промышленности ежегодно нужно убивать сорок тысяч слонов^[63].

С одного только западного берега Африки вывозят сто сорок тонн этого ценного товара. Средний вес пары слоновых бивней — двадцать восемь фунтов, а в 1874 году цена на них доходила до полутора тысяч франков, но бывают экземпляры, весящие сто шестьдесят и более фунтов. И как раз на рынке в Казонде знатоки могли бы найти великолепную слоновую кость — плотную и полупрозрачную, легко поддающуюся обработке, и, когда с бивня снимали тонкий верхний слой темноватого оттенка, обнажалась белая сердцевина, не желтеющая с течением времени, не в пример слоновой кости, поступающей из других мест. Как же рассчитывались между собой покупатели и продавцы при совершении сделок? Какими денежными единицами они пользовались? Как известно, для работорговцев единственным мерилем ценности были невольники. У туземцев деньгами считались стеклянные бусы, фабрикующиеся в Венеции: молочно-белые бусы — «качоколо», черные —

«бубулу» и розовые «сикундеречеч». Обычная мера этих бус — «фразилах» — весит семьдесят фунтов. Ожерелье из десяти рядов бисера, или «хете», дважды обвивавшее шею, называлось «фундо». Фундо — это целый капитал. Ливингстон, Камерон и Стенли, отправляясь в экспедиции в глубь Африки, всегда брали с собой большой запас этой «монеты». Наряду со стеклянными разноцветными бусами на африканских рынках имеют хождение «писэ» — занзибарская монета в четыре сантима, и «виунга» — ракушки, встречающиеся на восточном побережье. Для племен, у которых сохранилось людоедство, известную ценность представляют также человеческие зубы, и на ярмарке можно было видеть ожерелья из человеческих зубов на шее у какого-нибудь туземца, который, надо полагать, сам же и съел бывших обладателей этих зубов. Но в последние годы такой вид денег начинает выходить из употребления.

Таков был вид читоки в ярмарочный день. К полудню общее возбуждение возросло необычайно и шум стал оглушительным. Словами не передать ярости продавцов, которым не удавалось всучить свой товар покупателям, и гнева покупателей, с которых продавцы запрашивали слишком дорого. То и дело в этой возбужденной, вопящей толпе возникали драки, и никто не унимал дерущихся — стражи было слишком мало.

Вскоре после полудня Альвец приказал привести на площадь невольников, назначенных для продажи. Толпа сразу увеличилась почти на две тысячи человек. Многие из этих несчастных провели в бараках по несколько месяцев. Длительный отдых и удовлетворительная пища вернули благообразный вид этой партии «товара» и повысили его рыночную ценность. Другое дело вновь прибывшие: у них был очень изнуренный и болезненный вид. Если бы Альвец продержал и эту партию месяц-другой в бараках, он, несомненно, продал бы ее по более высокой цене. Но спрос на невольников был так велик, что работорговец рассчитывал продать их как они есть.

Это было большим несчастьем для Тома и трех его спутников. Хавильдары тоже погнали их в стадо, которое заполнило читоку.

Все четверо по-прежнему были скованы цепями, но взгляды их красноречивее слов говорили, какая ярость и возмущение владеют ими.

— Мистера Дика здесь нет! — сказал Бат, обведя глазами обширную площадь.

— Понятно, — ответил Актеон. — Они не смеют продать его в рабство.

— Но они могут убить его, и убьют непременно! — сказал Том. — А мы можем только надеяться на то, что нас купит всех вместе какой-нибудь работорговец. Хоть бы не разлучаться!

— Ох, как страшно подумать, отец, что ты будешь далеко от меня... Ты... старик... станешь рабом... — рыдая, воскликнул Бат.

— Нет, — ответил Том. — Нет, они не разлучат нас, и, быть может, нам удастся...

— Если бы еще Геркулес был с нами! — сказал Актеон.

Но великан не подавал о себе вестей. С тех пор как он прислал Дику записку, о нем не было ни слуху ни духу. Стоило ли завидовать Геркулесу? О да! Даже в том случае, если он погиб! Ведь он умер как свободный человек, защищая свою жизнь. Ведь он не знал тяжких цепей неволи.

Между тем торг открылся. Агенты Альвеца проводили — по площади группы невольников — мужчин, женщин, детей; им не было дела до того, не разлучают ли они мужа с женой, отца с сыном или мать с дочерью. Для этих людей невольники были домашним скотом, не больше... Тома и его товарищей водили от покупателя к покупателю. Агент, шедший впереди, выкрикивал цену, назначенную Альвецем за всю группу. Купцы — арабы или метисы из центральных областей — подходили и внимательно осматривали «товар». Они

с удивлением замечали, что молодые товарищи Тома не похожи на негров, пригнанных с берегов Замбези или Луалабы: черты, отличительные для африканских негров, изменились у них в Америке со второго поколения, а по развитию и физической силе они стояли гораздо выше. Поэтому цена им была больше, перекупщики ощупывали их мускулы, оглядывали их со всех сторон, смотрели им в рот, точь-в-точь как барышники, покупающие на ярмарке лошадей. Они швыряли на дорогу палку и приказывали бежать за ней, чтобы проверить таким образом, может ли невольник быстро бегать.

Так осматривали и проверяли всех невольников. Никто не был освобожден от этих унижительных испытаний. Не следует думать, что несчастные были равнодушны к такому обращению. Нет, все они испытывали чувство стыда и обиды за поруганное человеческое достоинство, и только дети еще не понимали, какому унижению их подвергают. Невольников при этом и осыпали ругательствами и били. Уже успевший напиться Коимбра и агенты Альвеца крайне жестоко обращались с рабами, а у новых хозяев, которые купят их за слоновую кость, коленкор или бусы, их ждала, быть может, еще более горькая жизнь. Разлучая мужа с женой, мать с ребенком, работоторговцы не позволяли им даже попрощаться. Они виделись в последний раз на ярмарочной площади и расставались навсегда.

В интересах этой особой отрасли коммерции рабов разного пола направляют по различным направлениям. Обыкновенно купцы, торгующие невольниками-мужчинами, не покупают женщин. Дело в том, что спрос на невольниц предъявляет главным образом мусульманский Восток, где распространено многоженство. Поэтому женщин направляют на север Африки и обменивают их там на слоновую кость. Невольники же мужчины используются на тяжелых работах в испанских колониях или поступают на продажу в Маскате и на Мадагаскаре. Поэтому мужчин отправляют на запад или восток, в прибрежные фактории. Прощание мужей с женами сопровождается душераздирающими сценами, потому что расстаются они навеки и знают, что умрут, не свидевшись больше друг с другом.

Том и его спутники должны были подвергнуться общей участи. Но, по правде сказать, это их не страшило. Для них даже было бы лучше, если бы их вывезли в одну из рабовладельческих колоний. Там по крайней мере у них явилась бы некоторая надежда восстановить свои права. Если же, наоборот, их вздумали бы оставить в какой-нибудь области Центральной Африки, им нечего было и мечтать о возвращении себе свободы.

Случилось так, как они хотели. У них даже было почти неожиданное утешение — их продали в одни руки. На эту «партию» из четырех негров нашлось много охотников. Работоторговцы из Уджиджи спорили из-за них. Хозе-Антонио Альвец потирал от удовольствия руки. Цена на «американцев» поднималась. Покупатели чуть не дрались из-за рабов, каких еще не видавали на рынке в Казонде. Альвец, конечно, не рассказывал, где он добыл их, а Том и его товарищи не могли протестовать.

В конце концов они достались богатому арабскому купцу. Новый хозяин намеревался через несколько дней отправить их к озеру Танганьика, где главным образом проходят караваны невольников, и оттуда переправить в занзибарские фактории.

Дойдут ли они живыми до места назначения? Ведь им предстояло пройти полторы тысячи миль по самым нездоровым и опасным областям Центральной Африки, где шли к тому же непрестанные войны между вождями различных племен.

Хватит ли на это сил у старого Тома? Или он не выдержит мучений и умрет дорогой, как несчастная Нан?...

Но все — таки четверо друзей не были разлучены! От этого сознания даже цепь, сковывавшая их, как будто становилась легче.

Новый хозяин — араб — велел отвести купленных невольников в отдельный барак. Он

заботился о сохранности «товара», который сулил немалый барыш на занзибарском рынке.

Тома, Бата, Остина и Актеона тотчас же увели с площади. Поэтому они не увидели и не узнали, каким неожиданным происшествием закончилась ярмарка в Казонде.

Около четырех часов пополудни в конце главной улицы слышался грохот барабанов, звон цимбал и других африканских музыкальных инструментов. Возбуждение толпы в это время достигло предела. Долгие часы споров, драк и криков не приглушали звонких голосов и не утомили неистовых торговцев. Еще не все невольники были проданы.

Покупатели перебивали друг у друга партии рабов с таким пылом, перед которым меркнет даже азарт лондонских биржевых маклеров в день крупной игры на повышение.

Но при звуках этого внезапно начавшегося нестройного концерта все сделки были отложены, и крикуны могли перевести дыхание.

Его величество Муани-Лунга, король Казонде, почтил ярмарку своим посещением. Его сопровождала довольно многочисленная свита из жен, «чиновников», солдат и рабов. Альвец и прочие неготорговцы поспешили ему навстречу. Они не скупились на почтительные приветствия, зная, что коронованный пьянчуга весьма чувствителен к лести.

Старый паланкин, в котором принесли Муани-Лунга остановился посреди площади, и царек, поддерживаемый десятком услужливых рук, ступил на землю.

Муани— Лунга было пятьдесят лет, но по виду ему можно было дать все восемьдесят, и походил он на дряхлую, облезлую гориллу. На голове у него красовалось некое подобие тиары, отделанной когтями леопарда, покрашенными киноварью, и пучками белой шерсти. Это была корона властителей Казонде. Две вышитые жемчугом юбки из кожи антилопы «куду», более заскорузлые, чем фартук кузнеца, опоясывали бедра короля. Его грудь была разукрашена сложным узором татуировки, свидетельствовавшим о древности королевского рода; если верить этим указаниям, родословная королевского дома Муани-Лунга терялась во тьме веков. На лодыжках, на запястьях, на обоих предплечьях короля звенели медные браслеты с инкрустацией из стеклянных бус, а обут он был в сапоги выездного лакея с желтыми отворотами, — их поднес ему в дар Альвец лет двадцать тому назад. В левой руке король держал палку с круглым серебряным набалдашником, а в правой — хлопушку от мух, с рукояткой, унизанной жемчугом. Парадный наряд короля довершался вздымавшимся над его головой старым зонтом, испещренным разноцветными заплатами, как штаны Арлекина, лупой, висевшей на шее, и очками, украшавшими нос, — предметами, о которых сокрушался кузен Бенедикт, — их обнаружили в кармане Бата, и Альвец преподнес их его величеству Муани-Лунга.

Таков был этот негритянский монарх, державший в страхе область окружностью в сто миль.

Уже по той причине, что он занимал королевский престол, Муани-Лунга полагал, что происходит «прямо с небес», а тех своих подданных, которые осмеливались бы усомниться в этом, он отправил бы на тот свет удостовериться в справедливости его утверждения. Муани-Лунга заявлял также, что по своей божественной природе он свободен от всех земных потребностей. Если он ест, то лишь потому, что это ему нравится, а пьет только ради удовольствия. Кстати сказать, невозможно было пить больше, чем Муани-Лунга. Его министры, его чиновники, закоренелые пьяницы, казались трезвенниками по сравнению с ним. Его величество был проспиртован насквозь и непрестанно вливал в себя горячительные напитки: крепкое пиво, настойку «помбе» и в особенности водку, которую в изобилии поставлял ему Альвец.

В гареме Муани-Лунга было множество жен всех рангов и возрастов. Большинство жен сопровождало его на рыночную площадь. Муане — первой жене, носившей титул

королевы, — было лет под сорок. На ней был пестрый клетчатый платок и юбка, сплетенная из травы и расшитая бусами. Она напялила на себя столько ожерелий и бус, сколько удалось уместить на шее, на руках и ногах. Многоэтажная, сложная прическа обрамляла ее обезьянье крохотное лицо. В общем — настоящее страшилище. Остальные жены его величества, которые набирались из его сестер и других родственниц, не столь нарядные, но более молодые, следовали за первой женой, готовые по первому знаку властелина приступить к выполнению своих обязанностей... живой мебели: когда королю угодно было сесть, две из них пригибались к земле и служили ему сиденьем, а другие расстилались под его ногами свособразным черным ковром!

Следом за женами в свите Муани-Лунга шествовали его министры, военачальники и колдуны, как и их монарх, тоже не твердо державшиеся на ногах. При взгляде на этих дикарей прежде всего бросалось в глаза, что у каждого из них не хватало какой-нибудь части тела. Один был безухим, другой-безносый, у третьего недоставало руки, у четвертого — глаза. Среди них не было ни одного, кто мог бы похвастать наличием полного комплекта частей своего тела. Это объяснялось тем, что законодательство Казонде знало только два вида наказаний: смертную казнь или увечье, причем степень наказания зависела от каприза Муани-Лунга. За малейшую провинность приближенных короля калечили и увечили, и больше всего придворные боялись лишиться ушей, ибо тогда уже им невозможно было носить серьги.

Единственной одеждой начальников, «килоло» — то есть правителей районов, занимавших этот пост по наследству или назначаемых на четыре года, был красный жилет и колпак из полосатой шкуры зебры, а в руках они держали знак своей власти — длинный бамбуковый жезл, один конец которого был натерт магическим зельем.

У солдат орудием нападения и обороны служили луки, у которых рукоять была обмотана запасной тетивой и украшена бахромой, остро отточенные ножи, копья с длинными и широкими наконечниками и пальмовые щиты, украшенные причудливой резьбой. Что касается мундиров, то его величеству не приходилось на них тратить.

Кортеж замыкали придворные колдуны и музыканты.

Мганнги — колдуны — в то же время являются и врачами. Африканские дикари слепо верят в чудодейственную силу заклинаний своих мганнгов, верят в гадания и в фетиши, которыми являются у них глиняные фигуры, испещренные белыми и красными пятнами, изображающие фантастических животных, или вырезанные из дерева фигуры мужчин и женщин. Впрочем, многие колдуны были так же изувечены, как и остальные придворные. Видимо, разгневанный монарх подвергал этому наказанию и своих мганнгов, когда их лекарства не приносили ему облегчения.

Музыканты — мужчины и женщины — потрясали невероятно звонкими трещотками, били в гулкие барабаны, колотили длинными палочками с гуттаперчевым шариком на конце по своим «маримеба» — нечто вроде тимпана, сделанного из нескольких тыквенных бутылок различных размеров. В общем, шум получался оглушительный, и выносить его могли только уши африканцев.

Над королевским кортежем развевались знамена и флажки. Воины несли на остриях пик побелевшие черепа соседних негритянских царьков, побежденных Муани-Лунга.

На площади короля встретили бурными приветственными возгласами. Охрана караванов разрядила в воздух ружья, но звук выстрелов потонул в отчаянном реве толпы. Хавильдары поспешно натерли свои черные физиономии порошком киновари, которую они носили в мешках у пояса, и простерлись ниц перед королем.

Альвец, выступив вперед, преподнес королю большую пачку табаку — «успокоительной

травы», как ее называют в Казонде. Это было весьма кстати: Муани-Лунга как раз нуждался в каком-нибудь успокоительном средстве, ибо он с утра почему-то пребывал в очень плохом настроении.

Вслед за Альвецем Коимбра, Ибн-Хамис и другие работорговцы, арабы и метисы, заверили в своей преданности могущественного властителя Казонде.

«Мархаба!» - говорили королю арабы, прикладывая руку ко лбу, к губам и к сердцу. «Мархаба» на языке жителей Центральной Африки значит «добро пожаловать». Метисы из Уджиджи хлопали в ладоши и отвешивали низкие, до самой земли, поклоны. Некоторые мазали лицо грязью и пресмыкались перед своим гнусным властелином.

Но Муани— Лунга даже не смотрел на раболепствующих льстецов. Он проходил мимо них неверной поступью, широко расставляя ноги, словно земля качалась под ним. Так он обошел всю площадь, осматривая выведенных для продажи рабов. Если работорговцы боялись, как бы королю не вздумалось объявить своей собственностью кого-нибудь из невольников, то последние не меньше страшились попасть во власть этого свирепого животного.

Негоро ни на шаг не отходил от Альвеца. Вместе с ним он представился королю. Они беседовали на туземном наречии, если может быть назван беседой разговор, в котором одна сторона пьяна и только мычит или издает какие-то междометия. Речь Муани-Лунга стала членораздельной лишь тогда, когда он попросил своего друга Альвеца пополнить запас водки, исчерпанный последними выпивками.

— Король Лунга — желанный гость на рынке в Казонде! — воскликнул Альвец.

— Пить хочу! — ответил монарх.

— Король получит свою долю в прибылях ярмарки, — добавил Альвец.

— Пить! — бубнил свое Муани-Лунга.

— Мой друг Негоро счастлив лицезреть короля Казонде после долгой разлуки.

— Пить! — рычал пьяница, от которого так и разило отвратительным запахом спиртового перегара.

— Не угодно ли королю откусать помбе или меда? — лукаво спросил работорговец, отлично знавший, чего добивается Муани-Лунга.

— Нет, нет!.. — закричал король. — Огненной воды! За каждую каплю огненной воды я дам моему другу Альвецу...

— По капле крови белого человека! — подсказал Негоро, сделав Альвецу знак, на который тот ответил утвердительным кивком головы.

— Кровь белого человека? Убить белого? — переспросил Муани-Лунга. Дикие инстинкты его сразу ожили при этом предложении.

— Белый убил одного из агентов Альвеца, — продол жал португалец.

— Да, он убил Гэрриса, — подхватил Альвец. — Мы должны отомстить.

— Тогда надо послать его к королю Массонго, в верховья Заира. Воины племени ассуа разрежут его на кусочки и съедят живьем. Они не потеряли еще вкуса к человеческому мясу, — воскликнул Муани-Лунга.

Массонго и в самом деле был царьком племени людоедов. В самых глухих углах Центральной Африки еще сохранялся обычай людоедства. Ливингстон в своих путевых записках отмечает, что племя маньема, живущее на берегах Луалабы, съедает не только врагов, убитых на войне и покупает рабов, чтобы пожрать их, заявляя, что «человеческое мясо слегка солоноватое и требует лишь, немного приправы». Камерон также столкнулся с племенем людоедов — мэнне бугга, которые для еды по несколько дней вымачивают в проточной воде трупы убитых, а Стенли наблюдал случай людоедства у жителей Оукуса;

словом, обычай этот весьма распространен в Центральной Африке.

Но, как ни ужасна была казнь, придуманная королем для Дика Сэнда, она не понравилась Негоро: в его расчеты не входило выпускать жертву из своих рук.

— Этот белый убил нашего друга Гэрриса в Казонде, — сказал он.

— И здесь же он должен умереть! — добавил Альвец.

— Убивай его где хочешь, Альвец, — ответил Муани-Лунга. — Только помни уговор: по капле огненной воды за каждую каплю крови белого!

— Ты получишь огненную воду, король! — ответил работорговец. — И ты убедишься, что ее недаром называют огненной. Она будет пылать! Сегодня Хозе-Антонио Альвец угостит короля Муани-Лунга пуншем!

Пьяница с размаху хлопнул по руке Альвеца. Он не помнил себя от радости. Свита и жены короля разделяли его восторг. Они никогда не видали, как горит «огненная вода», и думали, что ее можно пить пылающей. А затем, упившись, они еще наслаждаются и видом пролитой крови.

Бедный Дик Сэнд! Какая страшная пытка была уготована ему! Если и цивилизованные люди в пьяном виде теряют облик и подобие человеческого, то можно себе представить, какое действие оказывает алкоголь на дикарей!

Нетрудно понять, что возможность подвергнуть пыткам белого человека пришлось по вкусу не только Негоро, у которого были личные счеты с юношей, но также метису Коимбре, Альвецу и всем прочим работорговцам и туземцам.

Вечер подкрался незаметно, и вслед за ним быстро, без сумерек, наступила ночь; в темноте пунш должен был гореть особенно эффектно.

Альвеца осенила действительно блестящая идея предложить его королевскому величеству новый вид спиртного напитка. В последнее время Муани-Лунга уже находил, что огненная вода, собственно говоря, плохо оправдывает свое название. Быть может, полыхающая огнем водка более заметно пощекочет потерявший чувствительность королевский язык...

Итак, в программе вечера первым номером стоял пунш, а вторым — пытка белого человека.

Дик Сэнд, сидевший в своей темнице, должен был выйти из нее только на смерть. Невольников — проданных и непроданных — загнали обратно в бараки. На обширной читоке остались только король, его приближенные, работорговцы, а также хавильдары и солдаты, надеявшиеся, что им будет дозволено отведать королевского пунша, если после короля и придворных что-нибудь останется.

Хозе-Антонио Альвец, следуя советам Негоро, приготовил все необходимое для пунша. По приказанию работорговца на середину площади вынесли медный котел, вмещающий по меньшей мере двести пинт жидкости. В него вылили несколько бочонков самого плохого, но очень крепкого спирта. Туда же положили перец, корицу и другие пряности, чтобы придать пуншу еще больше крепости.

Участники попойки кольцом окружили короля. Муани-Лунга, пошатываясь, подошел к котлу. Водка притягивала его, как магнит, — казалось, он готов был броситься в котел.

Альвец удержал его и сунул в руку горящий фитиль.

— Огонь! — крикнул он с хитрой улыбкой.

— Огонь! — повторил Муани-Лунга и ткнул горящий фитиль в спирт.

Как загорелся спирт, как красиво заплясали по его поверхности синие огоньки!

Альвец бросил в пунш пригоршню морской соли, чтобы напиток стал еще более острым. Отблески пламени придавали людям, обступившим котел, ту призрачную синеватость, какую

человеческое воображение приписывает привидениям. Опынев от одного запаха алкоголя, туземцы дико завопили и, взявшись за руки, закружились в бешеном хороводе вокруг короля Казонде.

Альвец, вооружившись огромной разливательной ложкой с длинной ручкой, помешивал в котле огненную жидкость; на лица бесновавшихся танцоров падали отсветы синего пламени.

Муани— Лунга шагнул ближе. Он вырвал ложку из рук работаровца, зачерпнул пылающий пунш и поднес ко рту.

Как страшно вскрикнул король Казонде!

Его насквозь проспиртованное величество воспламенился, как вспыхнула бы бутылка керосина. Огонь не давал большого жара, но тем не менее горение продолжалось.

При этом неожиданном зрелище хоровод туземцев распался.

Один из министров Муани-Лунга бросился к своему повелителю, чтобы погасить его. Но, будучи проспиртован не менее, чем король, министр тут же сам загорелся.

Всему двору Муани-Лунга угрожала та же участь.

Альвец и Негоро не знали, как помочь горящему королю. Королевские жены в страхе бросились бежать. Коимбра бежал еще быстрее, зная свою легковоспламеняющуюся натуру...

Король и министр, упав на землю, корчились от нестерпимой боли.

Когда жировые ткани глубоко пропитаны алкоголем, горение дает только легкое синеватое пламя, которое вода не может погасить. Даже если удастся притушить его снаружи, оно будет гореть внутри. Нет никакого способа прекратить горение живого организма, все поры которого насыщены спиртом...

Через несколько минут Муани-Лунга и его министр были мертвы, но трупы их еще продолжали гореть. Вскоре только горсть пепла да несколько позвонков и фаланги пальцев, не поддавшиеся огню, но покрытые зловонной сажей, лежали возле котла с пуншем.

Вот и все, что осталось от короля Казонде и его министра.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Похороны короля

На следующий день, 29 мая, город Казонде имел необычный вид. Перепуганные туземцы не смели выйти на улицу. Никогда не видали они, чтобы король божественного происхождения погиб вместе со своим министром такой страшной смертью. Кое-кому из них, особенно старикам, случалось еще поджаривать на костре простых смертных. Они помнили, что такие пиршества всегда требовали сложных приготовлений, так как человеческое мясо очень трудно зажарить. А тут король и его министр сгорели, как лучинки! В этом было что-то непостижимое. Хозе-Антонио Альвец также притаился в своем доме. Он боялся, как бы на него не взыскали ответственность за происшедшее. Негоро объяснил ему причину смерти короля и посоветовал держаться настороже.

Плохи будут дела Альвеца, если смерть короля отнесут на его счет: тогда не выкрутиться ему без изрядных убытков. Но Негоро пришла в голову блестящая мысль. По его совету был пущен слух, что необыкновенная смерть повелителя Казонде — знак особой милости к нему великого Маниту, что это честь, которой боги удостоивают только немногих избранных. Суеверные туземцы легко попались на эту нехитрую удочку. Огонь, пожравший тела короля и министра, был объявлен священным. Оставалось только почитать Муани-Лунга похоронами, достойными человека, возведенного в ранг божества.

Эти похороны и своеобразные обряды, связанные с ними у африканских племен, давали Негоро возможность свести счеты с Диком Сэндом.

Если бы не свидетельство многих исследователей Центральной Африки и, в частности, Камерона, никто не поверил бы, сколько проливается крови на похоронах негритянских царьков вроде Муани-Лунга.

Королева Муана должна была унаследовать королевский престол. Она спешила закрепить свои права на трон и тотчас же отдала приказание приступить к подготовке похорон. Тем самым она провозгласила свои верховные права, опередив таким образом других претендентов, и в первую очередь короля Оукусу, стремившегося стать властителем Казонде. Как правительница государства, Муана избегала жестокой участи, уготованной прочим супругам покойного короля. Наконец она избавлялась от младших жен, немало досаждавших ей — первой по времени и старшей по возрасту супруге. Это особенно пришлось по вкусу свирепой мегере. Она велела поэтому объявить народу при звуках рога и марембы, что завтра вечером тело покойного короля будет предано погребению с соблюдением всех установленных обрядов.

Приказ новой королевы не вызвал возражений ни со стороны двора, ни со стороны народа. Альвецу и другим работоторговцам нечего было бояться восшествия на престол королевы Муаны. Они не сомневались, что лестью и подарками подчинят ее своему влиянию. Итак, вопрос о престолонаследии разрешился быстро и мирно. Смущение царило только в гареме покойного короля, и не без причин.

Подготовка к похоронам началась в тот же день. В конце главной улицы Казонде протекал полноводный и стремительный ручей, приток Куанго. На дне его Муана приказала вырыть могилу. Для этого следовало на время отвести в сторону течение ручья. Туземцы принялись возводить плотину, преграждавшую путь ручью и направлявшую его на равнину Казонде. Под конец погребальной церемонии эту плотину должны были разрушить, чтобы вода могла вернуться в прежнее русло.

Негоро решил включить Дика Сэнда в число людей, которые будут принесены в жертву богам на могиле короля. Португалец был свидетелем того удара ножом, которым

разгневанный юноша встретил известие о смерти миссис Уэлдон и Джека. Будь Дик на свободе, жалкий трус Негоро побоялся бы к нему подойти, чтобы не подвергнуться участи своего сообщника, но беспомощный, связанный по рукам и ногам пленник был не опасен, и Негоро решился навестить его.

Португалец был из тех отъявленных негодяев, которым недостаточно причинять мучения, им надо еще поиздеваться над своей жертвой. Он хотел насладиться зрелищем страданий Дика Сэнда.

Днем он отправился в сарай, где юношу зорко стерегли хавильдары. Он лежал на полу, связанный по рукам и ногам. В последние сутки ему совсем не давали пищи. Ослабевший от пережитых страданий, измученный болью оттого, что веревки впивались ему в тело, Дик Сэнд думал о смерти — пусть казнь будет жестокой, но она по крайней мере положит конец всем его мученьям.

Но при виде Негоро он встрепенулся. Он попытался разорвать путы, чтобы кинуться на изменника и задушить его. Однако даже Геркулес не мог бы справиться с такими крепкими веревками. Дик понял, что борьба не кончена, но характер ее меняется. Он спокойно посмотрел Негоро прямо в глаза. Он решил не удостаивать португальца ответом, что бы тот ни говорил.

— Я счел долгом, — так начал Негоро, — в последний раз навестить моего юного капитана и выразить ему соболезнование по поводу того, что он лишен возможности командовать здесь, как командовал на борту «Пилигрима».

Дик ничего не ответил, и тогда Негоро продолжил:

— Как, капитан, неужели вы не узнаете своего бывшего кока? А я так спешил к вам за распоряжениями! Что прикажете приготовить на завтрак?

Тут Негоро с размаху ткнул ногой расprostертого на земле юношу.

— Кстати, у меня еще один вопрос к вам, капитан. Не можете ли вы, наконец, объяснить, каким образом, собравшись пристать к берегам Южной Америки, вы прибыли в Анголу?

Дик Сэнд и без того знал, что догадка его была правильной и что изменник португалец намеренно испортил компас на «Пилигриме». Насмешливый вопрос Негоро был прямым признанием.

Дик ничего не ответил. Это презрительное молчание начало раздражать бывшего кока.

— Признайтесь, капитан, — продолжал Негоро, — для вас было большим счастьем, что на борту «Пилигрима» оказался моряк, настоящий, опытный моряк. Страшно подумать, куда бы вы завезли нас, если бы не его вмешательство. Погиб бы корабль, наткнувшись на какие-нибудь скалы, погибли бы и мы с ним! Но благодаря этому моряку пассажиры попали на гостеприимную землю, в общество людей, дружески к ним расположенных, и вы, наконец, очутились в надежном убежище. Видите, молодой человек, как вы были глубоко не правы, относясь с пренебрежением к этому моряку!

Негоро говорил внешне спокойно, но это спокойствие стоило ему огромных усилий. Кончив речь, он склонился над Диком Сэндом и заглянул ему в глаза. Зверская гримаса перекосила лицо португальца. Казалось, он хочет укунить Дика. Долго сдерживаемая ярость, наконец, прорвалась.

— Каждому своя очередь! — вскричал он в порыве бешеной злобы, рассвирепев от непоколебимого спокойствия жертвы. — Сегодня капитан — я! Я хозяин! Твоя жизнь, моряк-неудачник, в моих руках!

— Этим ты меня не испугаешь, — холодно сказал Дик Сэнд. — Но помни, на небе есть бог, он карает за всякое преступление, и час возмездия недалек.

— Ну, если бог думает о людях, пора ему позаботиться о тебе.

— Я готов предстать перед всевышним. Смерти я не боюсь, — не повышая голоса, ответил Дик Сэнд.

— Это мы еще увидим, — зарычал Негоро. — Уж не надеешься ли ты на чью-нибудь помощь? Это в Казонде-то, где Альвец и я всеильны? Безумец! Быть может, ты думаешь, что твои спутники — Том и другие негры — все еще здесь? Ошибаешься! Они давно проданы и бредут уже по дороге к Занзибару... Им не до тебя, они заняты одной мыслью: как бы уберечь собственную шкуру.

— У бога тысячи способов вершить свой суд. Он может воспользоваться и самым малым орудием. Помни, Геркулес на свободе, — заметил Дик.

— Геркулес? — повторил Негоро, топнув ногой. — Его давно растерзали львы и пантеры, и я жалею только о том, что дикие звери отняли у меня возможность отомстить ему.

— Если Геркулес и умер, — ответил ему Дик Сэнд, — то Динго еще жив. А такой собаки, как Динго, более чем достаточно, чтобы справиться с таким человеком, как ты. Я вижу тебя насквозь, Негоро: ты трус! Динго еще найдет тебя, и день встречи с ним будет твоим последним днем.

— Негодяй! — взревел взбешенный португалец. — Негодяй! Я собственноручно застрелил твоего Динго! Динго так же мертв, как миссис Уэлдон и ее сын. И так же, как этот проклятый пес, умрут все, кто был на «Пилигриме»!..

— И ты в том числе, — ответил Дик. — Только ты умрешь раньше.

Спокойный голос юноши и его смелый взгляд окончательно вывели Негоро из себя. Не помня себя от ярости, португалец готов был от слов перейти к делу и своими руками задушить беззащитного пленника. Он уже набросился на Дика, принялся трясти его и вцепился было ему пальцами в горло... но сдержал себя. Убить Дика сейчас — значило избавить его от долгих пыток, которые ему готовились. Негоро выпрямился и, приказав хавильдару, бесстрастно стоявшему в карауле, хорошенько стеречь пленника, быстро вышел из барака.

Эта сцена не только не привела Дика в уныние, но, напротив, вернула ему крепость духа и мужество, способное все вынести. Дик Сэнд вдруг почувствовал прилив сил. Он заметил, что может свободнее шевелить руками и ногами, чем до прихода Негоро. Возможно, что Негоро сам ослабил путы, когда яростно встряхивал его. Юноша подумал, что теперь, может быть, ему удастся без особого труда высвободить руки. Это было бы некоторым облегчением, и только. Ни на что другое Дик не мог рассчитывать в этой наглухо запертой темнице, где постоянно дежурил стражник, не спускавший с него глаз. Но в жизни бывают такие минуты, когда даже самое небольшое улучшение положения кажется неоценимым счастьем.

Разумеется, у Дика не было надежды на освобождение. Спасение могло прийти к нему только извне. Но кто захочет оказать ему помощь? Никто! Да и стоит ли жить теперь? Он вспомнил всех тех, кто уже опередил его на пути к смерти, и хотел теперь лишь одного: поскорее последовать за ними. Негоро подтвердил слова Гэрриса: миссис Уэлдон и Джека уже нет в живых. Вероятно, и Геркулес, которого на каждом шагу подстерегали смертельные опасности, также погиб. Том и его спутники проданы в рабство. Они уже далеко, они навсегда потеряны для Дика.

Надеяться на какой-нибудь счастливый случай было бы чистым безумием. Дик Сэнд решил встретить смерть с твердостью, смерть, которая прекратит его страдания не может быть более ужасной, чем его жизнь теперь. И юноша готовился умереть, моля бога только о мужестве, только о том, чтоб, не слабея, выдержать пытки до конца. Но мысль о боге — хорошая, благородная мысль. Не напрасно возносятся душой к всемогущему, и, когда Дик

Сэнд уже приготовился расстаться с жизнью, в самой глубине сердца у него забрезжил луч надежды, слабый проблеск, который дуновением свыше, вопреки жестокой очевидности, может превратиться в ослепительный свет.

Часы текли. Приближалась ночь. Лучи дневного света, пробивавшегося сквозь щели в соломенной кровле, постепенно угасли. Успокоилась и площадь — в тот день там вообще было тихо по сравнению с неистовым гамом, стоявшим на ней вчера. Тени в тесной камере Дика сгустились, и наступил полный мрак. Город Казонде затих.

Дик Сэнд заснул и проспал около двух часов. Пробудился он отдохнувшим и бодрым. Ему удалось высвободить из веревок одну руку, опухоли на ней опали, и он с огромным наслаждением вытягивал, сгибал и разгибал ее.

Очевидно, уже перевалило за полночь. Хавильдар спал тяжелым сном: вечером он опорожнил до последней капли бутылку водки, и даже во сне его судорожно сжатые пальцы цепко обхватывали ее горлышко.

Дику Сэнду пришла в голову мысль завладеть оружием своего тюремщика: оно могло пригодиться в случае побега. Но в это время ему послышалось какое-то шуршание за дверью сарая, у самой земли. Опираясь на свободную руку, Дик ухитрился подползти к двери, не разбудив хавильдара.

Дик не ошибся. Что-то действительно шуршало за стеной, — казалось, кто-то роет землю под дверью. Но кто? Человек или животное?

— Ах, если бы это был Геркулес! — прошептал юноша.

Он посмотрел на хавильдара. Тот лежал совершенно неподвижно: мертвецкий сон сковал его. Дик приложил губы к щели над порогом и чуть слышно позвал: «Геркулес!» В ответ раздалось жалобное, глухое тьяканье.

«Это Динго! — подумал юноша. — Умный пес разыскал меня даже в тюрьме! Не принес ли он новой записки от Геркулеса? Но если Динго жив, значит, Негоро солгал! Значит, и...»

В это мгновение под дверь просунулась лапа. Дик схватил ее и тотчас же узнал лапу Динго. Но если верный пес принес записку, она должна быть привязана к ошейнику. Как быть? Можно ли настолько расширить дыру под дверью, чтобы Динго просунул в нее голову? Во всяком случае, надо попробовать.

Но едва только Дик Сэнд начал рыть землю ногтями, как на площади залаяли собаки: городские псы услышали чужака. Динго бросился прочь. Раздалось несколько выстрелов, Хавильдар зашевелился во сне. Дик Сэнд, оставив мысль о побеге, пробрался обратно в свой угол. Через несколько часов, показавшихся юноше бесконечно долгими, он увидел, что занимается рассвет. Наступил день — последний день его жизни!

В продолжение всего этого дня множество туземцев под руководством первого министра королевы Муаны ревностно работали над сооружением плотины. Надо было закончить ее к назначенному сроку, не то нерадивым работникам грозило увечье: новая повелительница собиралась во всем следовать примеру покойного своего супруга.

Когда воды ручья были отведены в стороны, посреди обнажившегося русла вырыли большую яму — пятьдесят футов в длину, десять в ширину и столько же в глубину.

Перед вечером эту яму начали заполнять женщинами, рабынями Муани-Лунга. Обычно этих несчастных просто закапывают живьем в могилу, но в честь чудесной кончины Муани-Лунга решено было изменить церемониал и утопить их рядом с телом покойного короля.

Обычай требовал, чтобы покойников хоронили в их лучших одеждах. Но на этот раз, поскольку от Муани-Лунга осталось лишь несколько обуглившихся костей, пришлось поступить по-иному. Из ивовых прутьев было сплетено чучело, похожее на Муани-Лунга, даже, пожалуй, красивее. В него положили все, что осталось от Муани-Лунга; затем его

обрядили в парадный королевский наряд, стоивший, как известно, совсем недорого. Не были забыты также и очки кузена Бенедикта. В этом маскараде было нечто смешное и в то же время жуткое.

Обряд торжественного погребения полагалось совершить ночью, при свете факелов. По приказу королевы все население Казонде должно было присутствовать при похоронах.

Вечером длинная процессия потянулась от читоки к месту погребения. На главной улице по пути следования кортежа не прекращались ни на миг обрядовые пляски, крики, завывания колдунов, грохот музыкальных инструментов и залпы из старых мушкетов, взятых с оружейного склада.

Хозе— Антонио Альвец, Коимбра, Негоро, арабы-работоторговцы и их хавильдары участвовали в этой процессии. Королева Муана запретила приезжим покидать ярмарку до похорон, и все торговцы покорно остались в Казонде. Они понимали, что было бы неосторожно ослушаться приказа женщины, которая еще учится ремеслу повелительницы.

Прах Муани-Лунга несли в последних рядах процессии. Китанду с чучелом короля окружали жены второго ранга. Некоторые из них должны были проводить своего супруга и повелителя на тот свет. Королева Муана, в парадном одеянии шла за китандой-катафалком. Ночь наступила прежде, чем процессия достигла берега ручья, но красноватое пламя множества смоляных факелов рассеивало темноту и бросало дрожащие блики на похоронное шествие.

При этом свете ясно видна была яма, вырытая в осушенном русле ручья. Она была заполнена теперь черными телами; прикованные цепями к вбитым в землю кольям эти люди были еще живы. Они шевелились. Пятьдесят молодых невольниц ждали здесь смерти. Одни безмолвно покорились своей участи, другие тихо стонали и плакали.

Королева выбрала среди толпы принарядившихся жен тех, что должны были разделить участь рабынь.

Одну из этих жертв, носившую титул второй жены, заставили стать на колени и опереться руками о землю: она должна была служить креслом мертвому королю, как служила ему живому. Другую заставили поддерживать чучело, третью швырнули на дно ямы — под ноги ему.

Прямо перед чучелом, на противоположном конце ямы, стоял вбитый в землю столб, покрашенный в красный цвет. К столбу привязали веревками белого человека, обреченного на смерть вместе с прочими жертвами кровавых похорон.

То был Дик Сэнд. На обнаженном до пояса теле юноши были следы пытки, которой его подвергли по приказу Негоро. Дик спокойно ждал смерти, зная, что на земле ему больше не на что надеяться.

Однако минута, назначенная для разрушения плотины, еще не настала.

По знаку королевы Муаны палач Казонде перерезал горло одной из жен — той, что лежала у ног короля. Это послужило сигналом к началу чудовищной бойни. Пятьдесят рабынь были безжалостно зарезаны, и кровь потоками хлынула на дно ямы. Крики жертв потонули в яростных воплях толпы, и тщетно было бы искать в ней чувства жалости или отвращения к этим убийствам.

Наконец королева Муана снова подала знак, и несколько туземцев начали пробивать сток в плотине. С утонченной жестокостью плотину не разрушили сразу, а пустили воду в старое русло тонкой струей. Смерть медленная вместо смерти быстрой.

Вода залила сначала тела рабынь, распростертых на дне ямы. Те из них, которые были еще живы, отчаянно извивались, захлебываясь. Дик Сэнд, когда вода дошла ему до колен, сделал последнее отчаянное усилие: он попытался разорвать веревки, привязывавшие его к

столбу.

Вода поднималась. Головы рабынь одна за другой исчезали в потоке, заполнявшем свое старое русло.

Через несколько минут уже не осталось никаких следов того, что на дне ручья вырыта могила, где десятки человеческих жизней были принесены в жертву во славу короля Казонде.

Перо отказалось бы описывать такие сцены, если бы стремление к правде не обязывало меня воспроизвести их во всей их отвратительной реальности. В этой мрачной стране человек еще на такой низкой ступени развития! Нельзя больше игнорировать это.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. В фактории

Гэррис и Негоро лгали, утверждая, что миссис Уэлдон и маленький Джек умерли. Мать с сыном и кузен Бенедикт, живые и невредимые, находились в Казонде.

После того как термитник был взят приступом, их под конвоем туземных солдат отправили с берегов Кванзы в Казонде. Гэррис и Негоро возглавляли этот отряд.

Миссис Уэлдон и маленькому Джеку предоставили крытые носилки — китанду, как их здесь называют. Почему вдруг Негоро проявил такую заботливость? Миссис Уэлдон не находила ответа на этот вопрос. Путь от Кванзы до Казонде был пройден быстро и не утомил пленников. Кузен Бенедикт, на которого, видимо, нисколько не влияли тяжелые испытания, оказался отличным ходоком. Так как никто не мешал ему рыскать по сторонам, он не жаловался на свою судьбу.

Маленький отряд прибыл в Казонде на неделю раньше каравана Ибн-Хамиса. Миссис Уэлдон с сыном и кузена Бенедикта поселили в фактории Альвеца.

Джек чувствовал себя гораздо лучше. С тех пор как отряд покинул болотистые места, где мальчик заболел лихорадкой, приступы не возобновлялись, он понемногу поправлялся и теперь был почти совсем здоров. Ни мать, ни сын не перенесли бы трудностей пешего перехода с невольничьим караваном. Но, путешествуя в китанде, оба чувствовали себя отлично, по крайней мере физически. Надо отметить, что в пути по отношению к ним была проявлена даже некоторая предупредительность.

Миссис Уэлдон ничего не удалось узнать о своих спутниках. Она видела, как Геркулес выпрыгнул из лодки и убежал в лес, но не знала, что с ним произошло дальше. Она тешила себя надеждой, что в отсутствие Гэрриса и Негоро, которые не пощадили бы Дика Сэнда, дикари не посмеют плохо обращаться с белым человеком. Но она понимала, что дела Тома, Нан, Бата, Актеона и Остина плохи: они негры, и их никто не пощадит. Им, несчастным не следовало и приближаться к африканской земле, а предательства Негоро привели их именно сюда.

Не имея никакой связи с внешним миром, миссис Уэлдон не знала даже о прибытии в Казонде каравана Ибн-Хамиса.

Шум и оживление в день открытия ярмарки докатились до фактории, но ничего не объяснили миссис Уэлдон. Она не знала ни того, что Том и его товарищи куплены работорговцем из Уджиджи, ни того, что скоро их уведут из Казонде. Она не слышала ни о гибели Гарриса, ни о смерти короля Муани-Лунга, ни о его торжественных похоронах, где Дику назначена была роль одной из жертв. Несчастливая одинокая женщина была всецело во власти работорговцев и Негоро; она не могла даже искать избавления в смерти, потому что с ней был ее сын.

Миссис Уэлдон ничего не знала об ожидавшей ее судьбе. За все время путешествия Гэррис и Негоро не перемолвились с ней ни единым словом. В Казонде они не являлись к ней, а самой миссис Уэлдон было запрещено покидать ограду владения богача работорговца.

Стоит ли говорить, что большой ребенок — кузен Бенедикт — ничем не мог помочь миссис Уэлдон. Это само собой разумеется.

Когда почтенный ученый узнал, что он находится в Африке, а не в Южной Америке, как он думал, он даже не спросил, каким образом это могло случиться. Он испытал только глубокое разочарование. В самом деле, он гордился тем, что первым среди ученых нашел в Америке муху цеце и воинственных термитов, и вдруг оказалось, что это самые обыкновенные африканские насекомые, которых до него находили и описывали многие

натуралисты. Итак, рухнули его надежды прославить свое имя этим открытием. Кого могло удивить, что ученый-энтомолог привез из Африки коллекцию африканских насекомых?...

Но когда досада улеглась, кузен Бенедикт сказал себе, что эта «земля фараонов» — так он называл Африку — является неисчерпаемой сокровищницей для энтомолога и что он не только ничего не потерял, а даже выиграл, попав сюда, а не в «землю инков»^[64].

— Подумать только, — повторял он себе, и не только себе, но и миссис Уэлдон, которая не слушала его, — подумать только, что здесь родина жужелиц-мантикор, этих жесткокрылых жуков с длинными волосатыми лапками, с заостренными, сросшимися надкрыльями и с огромными челюстями! И, конечно, самая замечательная жужелица — бугорчатая мантикора. Это родина жужелиц-краснотелов, гвинейских и габонских жуков-голиафов, ножки которых снабжены шипами; родина пятнистых пчел-антидий, откладывающих свои яйца в пустые раковины улиток; родина священных скарабеев, которых древние египтяне почитали наравне с богами. Здесь родина бабочки-сфинкса, иначе говоря — бабочки «мертвая голова», которая сейчас распространилась по всей Европе, родина «биготовой мухи», укуса которой так боятся сенегальцы. Слов нет, здесь можно сделать изумительные открытия, и я их сделаю, если только эти славные люди позволят мне заняться поисками!

Нетрудно догадаться, кто были эти «славные люди»! Но кузен Бенедикт не имел оснований жаловаться на них. Негоро и Гэррис предоставляли ученому-энтомологу некоторую свободу, тогда как Дик Сэнд во время перехода от океанского побережья до Кванзы строго-настрого запрещал ему всякие экскурсии. Наивный ученый был весьма растроган такой снисходительностью.

Итак, кузен Бенедикт был бы счастливейшим энтомологом на свете, если б не одно грустное обстоятельство: жестяная коробка для коллекций по-прежнему висела у него на боку, но очки уже больше не украшали его переносицу, а лупа не красовалась на его груди. Слыханное ли дело — ученый-энтомолог без очков и без лупы! И, однако, кузену Бенедикту не суждено было вступить снова во владение этими оптическими приборами: их похоронили на дне ручья вместе с чучелом короля Муани-Лунга. Несчастному ученому приходилось теперь подносить к самым глазам пойманное насекомое, чтобы различить особенности его строения. Это служило источником постоянных огорчений для кузена Бенедикта. Он готов был уплатить любую сумму за пару очков, но, к несчастью, этот товар ни за какие деньги нельзя было купить в Казонде.

Кузену Бенедикту предоставили право бродить по всей фактории Хозе-Антонио Альвеца, так как знали, что он и не помышляет о побеге. Впрочем, фактория была обнесена со всех сторон высоким частоколом, перелезть через который ученый все равно бы не мог. Участок, огороженный частоколом, имел в окружности почти целую милю. На этой обширной территории росли деревья, кусты, протекало несколько ручейков, стояли бараки, шалаши, хижины — словом, это было самое подходящее место для поисков всяких редкостных насекомых, которые могли если не обогатить, то сделать счастливым кузена Бенедикта... И кузен Бенедикт целиком отдался поискам. Он так старательно изучал пойманных шестиногих невооруженным глазом, что чуть вконец не испортил свое зрение. Коллекция его значительно пополнилась, и, кроме того, он успел набросать в общих чертах план фундаментального труда об африканских насекомых. Если бы ему удалось еще найти какого-нибудь нового жука и связать с находкой свое имя, кузен Бенедикт был бы счастливейшим человеком па свете.

Маленькому Джеку также разрешали свободно гулять по всей фактории, и если площадь ее кузен Бенедикт считал достаточно большой для своих энтомологических изысканий, то уж ребенку она казалась огромной. Но Джека не прельщали игры, увлекающие детей его

возраста. Он почти не отходил от матери. Миссис Уэлдон сама не любила оставлять его одного: она боялась, что с ее сыном случится какое-нибудь несчастье.

Джек часто говорил об отце, о котором сильно соскучился в долгой разлуке, просил вернуться к папе поскорее; спрашивал мать о старой Нан, о своем друге Геркулесе, о Бате, Актеоне, Остине. Он жаловался, что даже Динго покинул его. Но особенно часто он вспоминал своего приятеля Дика Сэнда. Впечатлительную детскую душу умиляли счастливые воспоминания, он жил только ими. На все расспросы сына миссис Уэлдон отвечала тем, что прижимала его к груди и осыпала поцелуями. Ей стоило нечеловеческих усилий не плакать при мальчике. Ни во время переезда от Кванзы до Казонде, ни в фактории Альвеца миссис Уэлдон не имела оснований жаловаться на дурное обращение; по всем признакам работорговцы и не собирались изменить свое отношение к ней. В фактории жили только те невольники, которые обслуживали самого работорговца. Все прочие представляли собой «товар» и жили в бараках на площади, откуда их и забирали покупатели. Здесь же, во владении Альвеца, помещались лишь склады. Они ломились от запасов различных тканей и слоновой кости; ткани Альвец менял на невольников во внутренних областях Африки, а слоновую кость продавал на главные рынки континента для вывоза в Европу.

Итак, в фактории жило немного людей. Миссис Уэлдон отвели отдельную хижину, кузену Бенедикту — также. Ели они за одним столом. Кормили их сытно: мясом, овощами, маниоккой, сорго и фруктами.

К услугам миссис Уэлдон была особо приставлена невольница — Халима; эта дикарка привязалась к ней и, как умела, проявляла свою преданность, несомненно искреннюю. С другими слугами Альвеца пленникам совсем не приходилось сталкиваться.

Самого работорговца, занимавшего главное здание фактории, миссис Уэлдон видела лишь изредка. Негоро жил где-то в другом месте, и его она не встретила ни разу с приезда в Казонде. Отсутствие Негоро, совершенно необъяснимое, сначала удивляло, а потом начало даже беспокоить миссис Уэлдон.

«Чего он добивается? — спрашивала она себя. — Чего выжидает? Зачем он привез нас в Казонде?»

Так в тревожном ожидании прошли восемь дней, которые предшествовали прибытию в Казонде каравана Ибн-Хамиса, — два дня до похорон Муани-Лунга и шесть дней после них.

Несмотря на собственные горести и заботы, миссис Уэлдон часто думала о том, что испытывает ее муж. Джемс Уэлдон, несомненно, был в отчаянии. Вероятно, ему и в голову не приходило, что его жена приняла роковое решение совершить плавание на борту «Пилигрима». Он думал, что она приедет с одним из океанских пароходов. Эти пароходы прибывали в порт Сан-Франциско регулярно в положенные сроки, но ни миссис Уэлдон, ни Джека, ни кузена Бенедикта на них не было.

Пора уже было вернуться в Сан-Франциско и «Пилигриму». Не получая никаких сведений от капитана Гуля, Джемс Уэлдон, должно быть, занес этот корабль в список пропавших без вести.

Но какой страшный удар постигнет его в тот день, когда придет сообщение оклендских корреспондентов, что миссис Уэлдон выехала из Новой Зеландии на борту «Пилигрима». Как поступит мистер Уэлдон? Он, конечно, не примирится с мыслью, что его жена и сын пропали без вести. Но где он станет их искать? Ясное дело, на тихоокеанских островах и, быть может, на побережье Южной Америки. Где угодно, но только не в этих гибельных краях. Никогда ему не придет в голову мысль, что жена и сын его попали в Африку!

Так рассуждала миссис Уэлдон. Что могла она предпринять? Бежать? Но как? За каждым ее движением следили. И даже при удачном побеге ей пришлось бы предпринять

путешествие более чем в двести миль и, пробираясь к побережью, идти наугад по девственному лесу, среди множества смертельных опасностей.

И все же миссис Уэлдон готова была пойти на этот риск, если не представится никакой другой возможности вернуть себе свободу. Но, прежде чем принять решение, она хотела узнать, каковы намерения Негоро.

Настал день, когда она узнала, наконец, планы этого человека.

Шестого июня, через три дня после погребения короля Муани-Лунга, Негоро впервые пришел в факторию. Он направился прямо к хижине, в которой поселили его пленницу.

Миссис Уэлдон была одна. Кузен Бенедикт совершал очередную научную прогулку. Маленький Джек играл внутри ограды фактории под присмотром Халимы.

Негоро толкнул дверь, вошел и сказал без всяких предисловий:

— Миссис Уэлдон, Том и его спутники проданы работоторговцу из Уджиджи.

— Храни их бог! — сказала миссис Уэлдон, вытирая слезу.

— Нан умерла в дороге, Дик Сэнд погиб...

— Нан умерла! И Дик! — вскричала миссис Уэлдон.

— Да, — ответил Негоро. — Справедливость требовала, чтобы ваш пятнадцатилетний капитан заплатил своей жизнью за убийство Гэрриса. Вы одиноки в Казонде, миссис Уэлдон, совершенно одиноки и находитесь всецело во власти бывшего кока с «Пилигрима». Понимаете?

К несчастью, Негоро говорил правду. Том, его сын Бат, Актеон и Остин накануне покинули Казонде с караваном работоторговца из Уджиджи. Ее товарищи по несчастью не имели утешения повидаться с ней, они не знали, что она находится в Казонде, в фактории Альвеца. Впрочем, им все равно не разрешили бы проститься с ней. В этот час они уже брели по направлению к области Больших озер. Перед ними лежал путь, длина которого измерялась сотнями миль; немногим людям удалось пройти по этой дороге; еще меньшему числу людей посчастливилось благополучно вернуться.

— Что вам нужно от меня? — прошептала миссис Уэлдон, пристально глядя на Негоро.

— Миссис Уэлдон, — отрывисто заговорил португалец, — я мог бы отомстить вам за все унижения, какие я вынес на «Пилигриме». Но я готов довольствоваться смертью Дика Сэнда! Сейчас я снова становлюсь купцом, и вот какие у меня виды на вас...

Миссис Уэлдон молча смотрела на него.

— Вы, — продолжал Негоро, — ваш сын и этот дурень, который гоняется за мухами, представляете собой известную коммерческую ценность. И эту ценность я могу выгодно реализовать. Короче говоря, я намерен вас продать!

— Я — свободный человек! — твердо ответила миссис Уэлдон.

— Если я захочу, вы станете рабыней!

— Кто посмеет купить белую женщину?

— Есть человек, который заплатит за вас столько, сколько я запрошу.

Миссис Уэлдон на мгновение поникла головой. Она знала, что в этой ужасной стране все возможно.

— Вы меня поняли? — спросил Негоро.

— Кто этот человек? — задала вопрос миссис Уэлдон.

— Вы спрашиваете, кто захочет купить вас? — издевательски ухмыляясь, спросил португалец.

— Да, как его зовут? — настаивала миссис Уэлдон.

— Этого человека зовут... Джеймс Уэлдон. Это ваш муж!

— Мой муж! — воскликнула миссис Уэлдон, не смея верить своим ушам.

— Он самый, миссис Уэлдон. Ваш муж! Ему-то я и собираюсь не то чтобы вернуть, а продать жену и сына и в качестве бесплатного приложения, — блаженного кузена!

Миссис Уэлдон задала себе вопрос — нет ли какой ловушки в словах Негоро. Но нет, очевидно, он говорил то что думал. Такому отъявленному негодяю, для которого пожива важнее всего, можно поверить, если речь идет о выгодной для него сделке. А эта сделка действительно сулила ему немалую прибыль.

— Когда же вы думаете совершить эту сделку? — спросила миссис Уэлдон.

— Как можно скорее.

— Где?

— Здесь. Мистер Уэлдон не побоится приехать в Казонде, чтобы выручить из беды жену и сына?

— Разумеется. Но кто его известит об этом?

— Я сам. Я отправлюсь в Сан-Франциско, чтобы повидаться с вашим мужем. Денег на дорогу у меня хват.

— Тех денег, что вы украли на «Пилигриме»?

— Тех самых... и еще других, — нагло ответил Негоро. — Имейте в виду, что я хочу не только быстро, но и дорого продать вас. Я полагаю, что ваш муж не пожалеет ста тысяч долларов?...

— Не пожалеет, если они у него есть, — холодно ответила миссис Уэлдон. — Вы скажете мужу, что меня держат в плену в Центральной Африке?

— Конечно.

— Но он не поверит вам, если вы не представите доказательства. По одному вашему слову он не бросится очертя голову в Казонде.

— Он приедет сюда, если я доставлю ему написанное вами письмо, где вы изложите положение дел и отрекомендуете меня своим верным слугой, счастливо спасшимся от дикарей.

— Никогда я не напишу такого письма! — решительно сказала миссис Уэлдон.

— Вы отказываетесь? — угрожающе спросил Негоро.

— Наотрез!

Миссис Уэлдон представила себе, с какими опасностями сопряжена поездка в Центральную Африку, подумала о том, что нельзя доверять обещаниям португальца, который, получив выкуп, легко мог задержать мистера Уэлдона в Казонде, и все эти соображения побудили ее без раздумья отклонить предложение Негоро. Но бедняжка забыла, что она не одна, что с ней ее ребенок...

— И все-таки вы напишете это письмо! — заявил Негоро.

— Нет! — твердо ответила миссис Уэлдон.

— Берегитесь! — вскричал португалец. — Вы здесь не одна! Ваш сын в моей власти, как и вы сами! Я сумею заставить вас...

Миссис Уэлдон хотела было сказать, что никакие угрозы не сломят ее решимости, но сердце ее бешено колотилось, она не могла выговорить ни слова.

— Миссис Уэлдон, — закончил Негоро, — обдумайте хорошенько мое предложение. Через неделю я получу от вас письмо к Джемсу Уэлдону, а не то вы горько раскаетесь в своем упорстве!

С этими словами португалец быстро вышел из дому, не дав воли своему гневу. Но видно было, что он ни перед чем не остановится, чтобы заставить миссис Уэлдон повиноваться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Известия о докторе Ливингстоне

Когда миссис Уэлдон осталась одна, первая ее мысль была о том, что Негоро придет за ответом не раньше чем через неделю. За этот срок надо что-то предпринять. Нельзя полагаться на совесть Негоро. Речь шла о его выгоде.

Та «коммерческая ценность», какую представляла миссис Уэлдон для своего тюремщика, очевидно, должна была уберечь ее от всяких новых опасностей, по крайней мере на протяжении ближайших дней. А за это время, быть может, ей удастся придумать такой план, при котором возвращение ее в Сан-Франциско не требовало бы приезда мистера Уэлдона в Казонде.

Она не сомневалась, что, получив ее письмо, Джемс Уэлдон тотчас же помчится в Африку, проникнет в самые страшные ее края, невзирая на опасность этого путешествия. Но кто поручится, что ему разрешат беспрепятственно выехать из Казонде с женой, ребенком и кузенком Бенедиктом, когда сто тысяч долларов уже будут в руках у Негоро? Достаточно ведь простого каприза королевы Муаны, чтобы всех их здесь задержали! Не лучше ли было бы, если бы передача пленников и уплата выкупа произошли где-нибудь на океанском побережье? Это избавило бы мистера Уэлдона от необходимости предпринимать опасную поездку во внутренние области Африки и дало бы им возможность действительно вырваться из рук этих негодяев, после того как ее муж внесет выкуп.

Об этом — то и раздумывала миссис Уэлдон. Вот почему она отказалась принять предложение Негоро. Она понимала, что Негоро дал ей неделю на размышление только потому, что ему самому нужно было время, чтобы подготовиться к поездке.

— Неужели он действительно намерен разлучить меня с сыном? — прошептала миссис Уэлдон.

В этот миг Джек вбежал в хижину. Мать схватила его на руки и прижала к груди так крепко, словно Негоро уже стоял рядом, готовясь отнять у нее ребенка.

— Мама, ты чем-то огорчена? — спросил мальчик.

— Нет, сынок, нет! — ответила миссис Уэлдон. — думала о папе. Тебе хочется повидать его?

— Да, мама, очень хочется! Он приедет сюда?

— Нет... нет! Он не должен приезжать!

— Значит, мы поедem к нему?

— Да, Джек!

— И Дик тоже? И Геркулес? И старый Том?

— Да... да... — ответила миссис Уэлдон и опустила голову, чтобы скрыть слезы.

— Папа письмо прислал? — спросил Джек.

— Нет, дорогой.

— Значит, ты сама напишешь ему?

— Да... может быть, — ответила мать.

Джек, сам того не зная, коснулся больного места. Чтобы прекратить эти расспросы, миссис Уэлдон осыпала ребенка поцелуями.

К различным причинам, по которым миссис Уэлдон отказывалась дать Негоро письмо, прибавилось еще одно немаловажное соображение. Совершенно неожиданно у нее возникла надежда вернуть себе свободу без вмешательства мужа и вопреки воле Негоро. Это был лишь проблеск надежды, слабый луч, но все же он забрезжил в ее душе. Случайно она услышала несколько фраз из разговора Альвеца с его гостем, и у нее зародилась мысль, что, возможно,

близится помощь, которую как будто посылает само провидение.

Как— то раз Альвец и один торговец-метис из Уджиджи беседовали в саду, неподалеку от домика, где жила миссис Уэлдон. Темой их разговора, как и следовало ожидать, была работорговля. Они говорили о своем деле и о своих довольно печальных видах на будущее — их беспокоили стремления англичан прекратить торговлю невольниками не только за пределами Африки, для чего они пустили в ход свои крейсера, но и внутри континента — с помощью миссионеров и путешественников.

Хозе— Антонио Альвец полагал, что научные исследования и географические открытия отважных путешественников по Внутренней Африке могут сильно повредить свободе коммерческих операций работорговцев. Его собеседник всецело согласился с этим мнением и добавил, что всех ученых путешественников и попов следовало бы встречать ружейным огнем.

Нередко их действительно так и встречали. Но, к великому огорчению почтенных торговцев, тотчас же после убийства одного любопытного путешественника приезжало несколько других, не менее любопытных, А потом, возвратившись на родину, эти люди распускали сильно преувеличенные, как говорил Альвец, слухи об ужасах работорговли и вредили этому и без того достаточно опороченному делу.

Метис сочувственно поддакивал ему и в свою очередь заметил, что особенно не повезло рынкам в Ньянгве, Уджиджи, Занзибаре и во всей области Больших озер: там побывали один за другим Спик, Грант, Ливингстон, Стенли и многие другие. Целое нашествие! Скоро вся Англия и вся Америка переселятся во внутренние области Африки.

Альвец посочувствовал собрату и сказал, что Западная Африка в этом отношении счастливее: до сих пор проклятые ищейки сюда почти не заглядывали. Однако эпидемия путешествий начинает захватывать и Западную Африку. Казонде пока еще вне опасности, но Кассанго и Бихе, где у Альвеца тоже были свои фактории, уже находятся под угрозой. Помнится даже, что Гэррис говорил Негоро о некоем лейтенанте Камероне, у которого хватило бы наглости пересечь всю Африку от одного берега до другого, — ступив на африканскую землю в Занзибаре, выйти через Анголу.

Опасения работорговцев были вполне обоснованы. Известно, что несколькими годами позже описываемых нами событий Камерон на юге и Стенли на севере действительно проникли в неисследованные области Западной Африки и, описав затем все ужасы торговли людьми, разоблачили неслыханную жестокость работорговцев, продажность европейских чиновников, покровительствовавших этому гнусному промыслу, и возложили ответственность за все это на виновников такого положения вещей.

Имена Стенли и Камерона пока еще не были известны ни Альвецу, ни метису из Уджиджи. Зато они хорошо знали имя доктора Ливингстона. То, что они сказали о Ливингстоне, глубоко взволновало миссис Уэлдон и укрепило ее решимость не сдаваться на требования Негоро; Ливингстон, вероятно, в ближайшие дни прибудет в Казонде со своим эскортом!

Этот путешественник был очень влиятельным лицом в Африке, власти Анголы принуждены были ему содействовать. Зная это, миссис Уэлдон надеялась, что заступничество Ливингстона вернет свободу ей самой и ее близким, наперекор Негоро и Альвецу. Может быть, в близком будущем пленники вернутся на родину и Джемсу Уэлдону не придется для этого рисковать жизнью в путешествии, результат которого мог быть очень печальным.

Но правда ли, что доктор Ливингстон скоро посетит эту часть континента? Да, это весьма вероятно, ибо, следуя по этому пути, он закончил бы исследование Центральной

Африки.

Известно, какова была героическая жизнь Ливингстона.

Дэвид Ливингстон родился 13 марта 1813 года в семье мелкого торговца чаем, в которой он был вторым из шестерых детей. Родиной его была деревня Блэнтайр, в графстве Лэнарк, в Англии. Получив богословское и медицинское образование, Ливингстон после недолгой работы в Лондонском миссионерском обществе прибыл в 1840 году в Кейптаун с намерением присоединиться к миссионеру Моффату в Южной Африке.

Из Кейптауна будущий путешественник отправился в землю бечуанов. Он был первым белым, исследовавшим эту область. Возвратившись в Куруман, он женился на дочери Моффата, женщине, которая оказалась достойной его, и в 1843 году основал миссию в долине Маботса.

Через четыре года Ливингстон переселился в Колобенг, область бечуанов, в двухстах двадцати пяти милях к северу от Курумана.

Еще через два года, в 1849 году, Ливингстон покинул Колобенг вместе с женой, тремя детьми и двумя друзьями — Осуэллом и Мерреем; первого августа того же года он открыл озеро Нгами и вернулся в Колобенг, спустившись вниз по течению реки Цуги.

Во время этого путешествия враждебность дикарей помешала Ливингстону исследовать страну за озером Нгами. Вторая попытка пробраться в этот край оказалась столь же неудачной. Зато третья увенчалась успехом. Предприняв затем новое путешествие на север, в котором участвовали вся его семья и его друг Осуэлл, Ливингстон, следуя по течению Хобе, притока Замбези, добрался до земель племени маколов. Дорога была невероятно трудной. Недостаток пищи и воды чуть не стоил жизни детям Ливингстона. Но все же в конце июня 1851 года река Замбези была открыта.

Затем Ливингстон вернулся в Кейптаун, чтобы отправить на родину, в Англию, свою семью. Отважный исследователь намеревался предпринять новое опасное путешествие в глубь страны и не хотел подвергать риску жизнь своих близких.

Маршрут этого путешествия пересекал Африку наискось с юга на запад, от Кейптауна до Сан-Паоло-де-Луанда.

Ливингстон выступил в путь 3 июня 1852 года в сопровождении нескольких туземцев. От Курумана он направился к западу, вдоль пустыни Калахари. 31 декабря он вошел в Литубарубу. Землю бечуанов он нашел совершенно разоренной бурами — потомками голландских колонистов, которые владели Каплендом до того, как его захватили англичане.

Из Литубарубы Ливингстон вышел 15 января 1853 года. Он проник в центр области бамангуатов и 23 мая добрался до Линьянти, где молодой вождь племени маколов, Секелету, принял его с большим почетом.

Здесь Ливингстона надолго задержала опасная лихорадка. Однако, несмотря на болезнь, путешественник изучал быт и нравы этой страны и впервые установил, какие страшные опустошения производит в Африке работорговля.

Месяцем позже он уже спускался вниз по течению Хобе, до впадения ее в Замбези, побывал в Нальеле, Катонге, Либонте и добрался, наконец, до места слияния Замбези с Либой. Здесь он задумал экспедицию вверх по течению этой реки до западных владений Португалии и после девятидневной отлучки вернулся в Линьянти, чтобы как следует подготовить все необходимое для этой экспедиции.

Одиннадцатого ноября 1853 года Ливингстон выступил из Линьянти во главе отряда из двадцати семи маколов и 27 декабря достиг устья Либы. Затем он поднялся вверх по течению реки, в земли племени балунда, — до того места, где в Либу впадает текущая с востока Макондо.

Ливингстон был первым белым человеком, проникшим в эту область.

Четырнадцатого января 1854 года Ливингстон вступил в Шинте, резиденцию самого могущественного из царьков племени балунда. Несмотря на хороший прием, оказанный ему здесь, неутомимый путешественник через несколько дней переправился на противоположный берег Либы и 26 января оказался во владениях короля Катеме. Здесь его тоже встретили гостеприимно, а 20 февраля отряд Ливингстона уже стоял лагерем на берегу озера Дилоло.

Тут началась полоса неудач. Местность становилась труднопроходимой, туземцы были настроены враждебно, собственный отряд взбунтовался. Над головой путешественника нависла угроза смерти. Менее энергичный человек не устоял бы перед этими трудностями. Но доктора Ливингстона они не сломили, и 4 апреля он добрался до берегов Кванго — полноводной реки, которая образует восточную границу португальских владений и на севере впадает в Заир.

Через шесть дней Ливингстон вступил в Кассангу, где его видел Альвец. 31 мая он прибыл в Сан-Паоло-де-Луанда. Так закончилось это длившееся два года путешествие, во время которого Африка впервые была пересечена наискось, с юга на запад.

Двадцать четвертого сентября того же года Дэвид Ливингстон вышел из Сан-Паоло-де-Луанда. Он следовал вдоль правого берега Кванзы — той самой Кванзы, которая оказалась губительной для Дика Сэнда и его спутников, — дошел до места слияния этой реки с Ломбе. По пути он столкнулся со многими невольничьими караванами и вторично посетил Кассангу. Отсюда он вышел 20 февраля, переправился через Кванго и в Кававе достиг берегов Замбези. 8 июля он снова был на берегу озера Дилоло, затем снова увидел Шинте, спустился вниз по течению Замбези и возвратился в Линьянти, откуда вновь выступил в путь 3 ноября 1855 года.

Эта часть путешествия должна была завершить первый в истории переход Центральной Африки с западного до восточного ее берега.

Открыв знаменитый водопад Виктория — «Грохочущий дым», Дэвид Ливингстон покинул берега Замбези и направился на северо-восток. Вот беглый перечень главнейших этапов этого маршрута: переход через область племени батока, где люди до одури вдыхали пары гашиша, посещение могущественного местного царька Семалембуэ, переправа через Кафуэ, снова Замбези, визит к королю Мбурума, осмотр развалин старинного португальского города Зумбо, 17 января 1856 года встреча с царьком Мпенде, в то время воевавшим с португальцами, наконец 2 марта прибытие в Тете, на берегу Замбези. Двадцать второго апреля Ливингстон покинул это поселение, некогда славившееся своим богатством, спустился к дельте Замбези и прибыл в Келимане 20 мая, через четыре года после выхода из Кейптауна.

Двенадцатого июля он отплыл на корабле к острову Маврикия и 22 декабря после шестнадцатилетнего отсутствия вернулся в Англию.

Здесь знаменитого путешественника ждала торжественная встреча, премия Парижского географического общества, большая медаль Лондонского географического общества. Всякий другой на его месте решил бы, что заслужил право на отдых, но Ливингстон думал иначе. 1 марта 1858 года он снова отправился в Африку и в мае высадился на мозамбикском берегу. Он намеревался приступить к исследованию бассейна Замбези. В эту поездку Ливингстона сопровождал его брат Чарльз, капитан Бединдфилд, Торнтон, Бейнс, доктора Кирк и Меллер.

Не всем суждено было вернуться на родину. Маленький пароходик «Ма-Роберт» повез исследователей вверх по течению великой реки. В Тете они прибыли 8 сентября. Первые годы

работы новой экспедиции ознаменовались следующими событиями: в январе 1859 года — разведка нижнего течения Замбези и ее левого притока Шире; в апреле того же года — поход к озеру Ширва; исследование области Манганья, 10 сентября открытие озера Ньяса; 9 августа 1860 года новый поход к водопаду Виктория; 31 января 1861 года — прибытие епископа Макензи и его спутников к устью Замбези; в марте 1861 года — исследование Рувумы на пароходе «Пионер»; в сентябре 1861 года — возвращение на озеро Ньяса и пребывание там до конца октября; 30 января 1862 года — прибытие второго парохода, «Леди Ньяса», на котором приехала миссис Ливингстон. К тому времени епископ Макензи и один из миссионеров уже погибли, не выдержав тропического климата, а 27 апреля миссис Ливингстон скончалась на руках мужа.

В мае того же года Ливингстон попытался вторично исследовать Рувуму; в конце ноября он вернулся к Замбези и поднялся вверх по течению Шире. В апреле 1863 года умер его спутник Торнтон. Ливингстон отослал в Европу своего брата Чарльза и доктора Кирка, которые были совершенно истощены болезнями, и сам 10 ноября в третий раз посетил озеро Ньяса, чтобы довести до конца свою работу по гидрографическому описанию этого озера. Спустя три месяца он вернулся к устью Замбези, откуда направился в Занзибар, и 20 июля 1864 года, после пятилетнего отсутствия, прибыл в Лондон. Там он напечатал свой труд, озаглавленный «Исследование Замбези и ее притоков».

Двадцать восьмого января 1866 года Ливингстон снова высадился в Занзибаре. Он начинал новое путешествие, четвертое по счету.

В Занзибаре Ливингстону довелось воочию убедиться, какое огромное зло причиняет стране торговля рабами. 8 августа он прибыл в Мокалаозе, на берегу Ньясы; его сопровождал на этот раз маленький эскорт, состоявший только из нескольких сипаев^[65] и негров. Через шесть недель большая часть эскорта бежала от него и, возвратившись в Занзибар, распространила там ложный слух о смерти Ливингстона.

Но отважный путешественник и тут не отступил: он решил, несмотря ни на что, продолжать исследование пространства, лежащего между озерами Ньяса и Танганьика. 10 декабря вместе с несколькими проводниками-туземцами Ливингстон переправился через реку Лоангава и 2 апреля 1867 года дошел до озера Льеммба. Тут он заболел, и целый месяц жизнь его висела на волоске. Но, не успев еще оправиться от болезни, 30 августа он добирается до озера Мверу, исследуя его северный берег, и 21 ноября приходит в город Казембе. Здесь он отдыхает сорок дней и за это время успевает дважды побывать на озере Мверу.

Из Казембе Ливингстон двинулся на север с намерением побывать в крупном населенном пункте Уджиджи, на берегу Танганьики. Однако от разливов дорога стала непроходимой. Проводники покинули Ливингстона, и он вынужден был вернуться в Казембе. Отсюда он спешно направился на юг, и 6 июня, через шесть недель, он уже достиг большого озера Бангвеоло. Здесь он провел два месяца. 10 августа он возобновил попытку пробраться на север, к Танганьике.

Какое это было мучительное путешествие! В январе 1869 года героический путешественник настолько ослабел, что не мог идти, и его несли на руках. В феврале, наконец, он увидел Танганьику. В Уджиджи он застал посылку, отправленную ему из Калькутты Восточным обществом.

У Ливингстона была теперь только одна мысль — подняться к северу от Танганьики и разыскать истоки Нила. 21 сентября он уже был в Бамбаре, в Маниуме, области людоедов, и дошел до реки Луалабы, которая, как догадывался Камерон и как впоследствии установил Стенли, представляет собою верховье Заира, или Конго. В Мамогеле болезнь снова свалила Ливингстона с ног на восемьдесят дней. К этому времени у него осталось только трое слуг.

Наконец, 21 июля 1871 года он отправился в обратный путь, к Танганьике. 23 октября он добрался до Уджиджи. Болезнь и лишения превратили его в настоящий скелет.

В продолжение долгого времени от Ливингстона не поступало никаких известий. В Европе его, вероятно, считали умершим, и он больше не надеялся, что оттуда ему окажут помощь.

Через одиннадцать дней после возвращения Ливингстона в Уджиджи в четверти мили от озера раздались ружейные выстрелы. Ливингстон вышел из своего шалаша. К нему подошел какой-то белый.

— Вы доктор Ливингстон, не правда ли? — спросил пришелец.

— Да, — ответил путешественник и, радушно улыбаясь, приподнял фуражку.

Они обменялись крепким рукопожатием.

— Слава богу! Наконец-то я нашел вас.

— Я счастлив, что задержался тут, что мы встретились, — ответил Ливингстон.

Вновь прибывший был американец Стенли. Он служил репортером в газете «Нью-Йорк геральд», и мистер Беннет послал его в Африку на поиски Дэвида Ливингстона.

Стенли без колебаний, без громких фраз, совсем просто, как и подобает героям, принял на себя это поручение. В октябре 1870 года он сел в Бомбее на корабль, до ехал до Занзибара и отправился дальше почти по такому же маршруту, как Спик и Бертон; перенеся в пути бесчисленные лишения, не раз попадая в такое положение, когда жизни его грозила опасность, он прибыл, наконец в Уджиджи.

Ливингстон и Стенли подружились и вместе предприняли еще одну экспедицию на лодках, к северным берегам Танганьики, добрались до мыса Магалы и после тщательного исследования пришли к выводу, что один из притоков Луалабы служит водостоком для озера Танганьика. (Через несколько лет Камерон и сам Стенли сумели убедиться в правильности этого предположения.) 12 декабря Ливингстон и его спутник вернулись в Уджиджи.

Стенли решил возвратиться на родину. 27 декабря, после восьмидневного плавания, он и Ливингстон прибыли в Уримба. 23 февраля они были уже в Куихаре.

Двенадцатого марта настал день прощания.

— Вы совершили то, на что решились бы немногие, и все сделали гораздо лучше, чем многие испытанные путешественники, — сказал Ливингстон Стенли. — Я вам бесконечно признателен. Да будет над вами и вашими начинаниями благословение господне.

— Надеюсь еще увидеть вас здоровым и невредимым на родине, — ответил Стенли, крепко пожимая ему руку.

И быстро вырвавшись из его объятий, отвернулся, чтобы скрыть слезы.

— Прощайте, доктор, дорогой друг, — сказал он глухим голосом.

— Прощайте, — тихо ответил Ливингстон.

Стенли уехал и 12 июля 1872 года высадился в Марселе, во Франции.

Ливингстон продолжал свои исследования. Отдохнув в Куихаре пять месяцев, 25 августа он отправился к южному берегу Танганьики. На этот раз путешественника сопровождали трое его черных слуг — Сузи, Шума и Амода, двое других слуг, пятьдесят шесть туземцев, оставленных ему Стенли, и Джекоб Кэнрайт.

Через месяц после выступления караван прибыл в Мура. Всю дорогу бушевали грозы, вызванные страшной засухой. Затем начались дожди. Вьючных животных кусали мухи цеце, и они гибли. Туземное население держало себя враждебно. Все же 24 января 1873 года экспедиция Ливингстона пришла в Читункуэ, 27 апреля, обогнув с востока озеро Бангвеоло, путешественник направился к деревне Читамбо.

Здесь несколько работоторговцев видели Ливингстона. Они сообщали об этом Альвецу и

его достойному сотоварищу из Уджиджи. Были все основания предполагать, что Ливингстон, кончив исследования южного берега Танганьики, двинется на запад, в еще не исследованные им места. Оттуда он направится в Анголу, в мрачный край неготорговли, дойдет до Казонде — маршрут этот казался вполне естественным, и миссис Уэлдон вправе была рассчитывать на скорый приход великого путешественника, ибо уже больше двух месяцев, как он должен был быть на южном берегу Бангвеоло.

Но 13 июня, накануне дня, когда Негоро должен был явиться за письмом, сулившим ему сто тысяч долларов, в Казонде пришла весть, доставившая большую радость Альвецу и прочим работоторговцам.

Первого мая 1873 года, на заре, доктор Давид Ливингстон скончался!

К несчастью, весть эта была правдивой. Маленький караван Ливингстона 29 апреля добрался до деревни Читамбо, расположенной на южном берегу Бангвеоло. Ливингстона принесли на носилках. 30 апреля ночью под влиянием сильной боли он застонал и чуть слышно произнес: «Боже мой! Боже мой!» — и снова впал в забытие.

Через час он очнулся, позвал своего слугу Сузи, попросил принести лекарства и затем прошептал слабым голосом:

— Хорошо! Теперь можешь идти!

Около четырех часов утра Сузи и пять человек из эскорта вошли в шалаш путешественника.

Давид Ливингстон стоял на коленях около своей койки, уронив голову на руки, и, казалось, молился.

Сузи осторожно прикоснулся пальцем к его щеке: щека была холодная.

Давид Ливингстон был мертв...

Верные слуги понесли останки путешественника морскому берегу. Долог и труден был их путь, но через девять месяцев они доставили тело в Занзибар.

Двенадцатого апреля 1874 года Ливингстон был похоронен в Вестминстерском аббатстве среди других великих людей Англии, которых она чтит и отводит их праху место в старинной усыпальнице королей.

Утопающий хватается за соломинку. Как бы слабо ни мерцал луч надежды, приговоренному к смерти он кажется ослепительно ярким.

Так было и с миссис Уэлдон. Нетрудно представить себе ее горе, когда она узнала из уст самого Альвеца, что доктор Ливингстон скончался в маленькой негритянской деревне на берегу Бангвеоло. Она почувствовала себя вдруг такой одинокой и несчастной. Ниточка, связывавшая ее с цивилизованным миром, вдруг оборвалась. Спасительная соломинка ускользнула из ее рук, луч надежды угасал у нее на глазах. Тома и его товарищей угнали из Казонде к Большим озерам. О Геркулесе по-прежнему не было никаких известий. Миссис Уэлдон видела, что никто не придет к ней на помощь... Оставалось только принять предложение Негоро, внеся в него поправки, которые обеспечили бы благополучный исход дела.

Четырнадцатого июня, в назначенный день, Негоро явился в хижину к миссис Уэлдон.

Португалец, по своему обыкновению, вел себя как деловой человек. Он прежде всего заявил, что не уступит ни одного гроша из назначенной суммы выкупа. Впрочем, и миссис Уэлдон проявила немалую деловитость, ответив ему следующими словами:

— Если вы хотите, чтобы сделка состоялась, не предъявляйте неприемлемых требований. Я согласна на выкуп, который вы требуете, но ставлю условием, чтобы мой муж не приезжал в эту страну. Я ни за что на свете не соглашусь на это. Вы же знаете, что здесь делают с белыми.

После некоторого колебания Негоро принял условия миссис Уэлдон. Вот к чему они сводились: Джемс Уэлдон не должен предпринимать рискованного путешествия в Казонде. Он приедет в Моссамедес — маленький порт на южном берегу Анголы, часто посещаемый кораблями работорговцев. Негоро хорошо знал этот порт. Он привезет туда мистера Уэлдона. Туда же, в Моссамедес, агенты Альвеца доставят к условленному сроку миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта. Мистер Уэлдон внесет выкуп, пленники получают свободу, а Негоро, который перед мистером Джемсом Уэлдоном будет играть роль честного друга, исчезнет, как только прибудет корабль.

Этот пункт соглашения, которого добилась миссис Уэлдон, был очень важен. Таким образом она избавляла своего мужа от опасного путешествия в Казонде, от риска быть задержанным там после того, как он внесет выкуп, и от опасностей обратного пути.

Расстояние в шестьсот миль, отделяющее Казонде от Моссамедеса, не пугало миссис Уэлдон. Если этот переход будет совершен в таких же условиях, как ее путешествие от Кванзы до Казонде, то он будет не так уж труден. К тому же Альвец, получавший свою долю выкупа, был заинтересован в том, чтобы пленников доставили на место здоровыми и невредимыми.

Уговорившись обо всем с Негоро, миссис Уэлдон написала мужу письмо. Негоро должен был выдать себя за преданного ей слугу, которому посчастливилось бежать из плена. Получив письмо, Джемс Уэлдон, конечно, не колеблясь, последует за Негоро в Моссамедес.

Негоро взял письмо и на следующий день, сопровождаемый эскортом из двадцати негров, двинулся на север. Почему он избрал это направление? Намеревался ли он устроиться пассажиром на каком-либо из кораблей, которые заходили в устье Конго? Или он выбрал этот маршрут, чтобы миновать португальские фактории и каторжные тюрьмы, где он бывал не раз невольным гостем. Весьма вероятно. По крайней мере, именно такое объяснение он дал Альвецу.

Теперь миссис Уэлдон оставалось только запастись терпением и, постаравшись наладить свою жизнь в Казонде возможно более сносно, ждать возвращения Негоро. Отсутствие его должно было при самых благоприятных обстоятельствах продлиться три-четыре месяца — это срок, который требовался на поездку в Сан-Франциско и обратно.

Миссис Уэлдон не собиралась покидать факторию Альвеца. Здесь она сама, ее ребенок и кузен Бенедикт были в относительной безопасности. Заботливость и предупредительность Халимы смягчали суровость заточения. Вряд ли работорговец согласился бы выпустить пленников из своей фактории. Помня о большом барыше, который сулил ему выкуп, он распорядился установить за ними строгий надзор. Альвец придавал этому делу такое большое значение, что даже отказался от поездки в Бихе и Касангу, где у него были фактории. Вместо него во главе новой экспедиции, отправленной для набегов на мирные селения, стал Коимбра. Жалеть об отсутствии этого пьяницы конечно, не приходилось.

Негоро перед своим отъездом оставил Альвецу подробнейшие наставления насчет миссис Уэлдон. Он советовал бдительно следить за ней, так как неизвестно, что стало с Геркулесом. Если великан негр не погиб в опасных дебрях, он, несомненно, постарается вырвать пленников из рук Альвеца.

Работорговец превосходно понял, что нужно делать, чтобы не потерять многотысячный заработок. Он заявил, что будет присматривать за миссис Уэлдон как за собственной кассой.

Дни в заключении тянулись однообразно и скучно. Жизнь в фактории ничем не отличалась от жизни негритянского города. Альвец строго придерживался в своем доме обычаев коренных жителей Казонде. Женщины в фактории выполняли те же работы, что их сестры в городе, угождая своим мужьям или хозяевам. Они толкли в деревянных ступах рис, чтобы вышелушить зерна; веяли и просеивали маис, растирая его между двумя камнями, готовили крупу, из которой туземцы варят похлебку под названием «мтиелле»; собирали урожай сорго, род крупного проса, — о том, что оно созрело, только что торжественно оповестили население, — извлекали благовонное масло из косточек «мпафу» — плодов, похожих на оливки; из эссенций их вырабатывают духи, любимые туземцами; пряли хлопок при помощи веретена длиною в полтора фута, прядильщицы быстро вращали его, ссучивая и вытягивая нитку из хлопковых волокон; выделывали колотушками материю из древесной коры, выкапывали съедобные корни, возделывали землю и выращивали растения, идущие в пищу: маниоку, из которой делают муку — «касаву», бобы, которые растут на деревьях высотой в двадцать футов в стручках, называемые «мозитзано», длиною в пятнадцать дюймов; арахис, из которого выжимают масло, употребляющееся в пищу; многолетний светло-голубой горох, известный под названием «чилобе», цветы его придают некоторую остроту пресному вкусу каши из сорго; сахарный тростник, сок которого дает сладкий сироп, лук, гуяву, кунжут, огурцы, зерна которых жарят, как каштаны; готовили хмельные напитки: «малофу» из бананов, «помбе» и всякие настойки; ухаживали за домашними животными — за коровами, которые позволяют себя доить только в присутствии теленка или при чучеле теленка, за малопородистыми, иногда горбатыми, телками с короткими рогами, за козами, которые в этой стране, где козье мясо служит продуктом питания, стали важным предметом обмена и, можно сказать, являются ходячей монетой, так же как и рабы; наконец, заботились о домашней птице, о свиньях, овцах, быках и т. д. Этот длинный перечень показывает, какие тяжелые работы возлагаются на слабый пол в диких областях Африканского континента.

А в это время мужчины курили табак или гашиш, охотились на слонов или на буйволов, занимались к работорговцам для облав на негров. Сбор маиса или охота на рабов, как всякий сбор урожая и всякая охота, производятся в определенный сезон. Из всех этих разнообразных

занятий миссис Уэлдон знала в фактории Альвеца только те, которые выпадали на долю женщин.

Гуляя по фактории Альвеца, она иногда останавливалась возле работавших туземок и следила за однообразными движениями их рук. Негритянки встречали ее далеко не приветливыми гримасами. Они ненавидели белых и, хотя знали, что миссис Уэлдон пленница, нисколько не сочувствовали ей. Только Халима представляла исключение. Миссис Уэлдон запомнила несколько слов из туземного наречия и скоро научилась кое-как объясняться с юной невольницей.

Маленький Джек обычно прогуливался с матерью по фактории. В саду было немало любопытного, на высоких баобабах виднелись сделанные из прутьев растрепанные гнезда важных марабу. На ветвях сидели маленькие птички с пурпурно-красными грудками и рыжевато-бурыми спинками — это были амарантовые ткачи, славящиеся своим искусством вить гнезда. По траве скакали вприпрыжку, подбирая осыпавшиеся семена, и ловили насекомых птички-«вдовушки»; голосистые «калао» оглашали воздух веселыми трелями; пронзительно кричали светло-серые, с красными хвостами попугаи, которых туземцы в Манеме называют «роус» и дают это имя вождям племен. Насекомоядные «друго», похожие на коноплянок, но только с красным клювом, перепархивали с ветки на ветку. Множество бабочек вилоь над кустами, особенно по соседству с ручейками, протекавшими по фактории. Но бабочки — это была область кузена Бенедикта. Джеку они быстро прискучили. Мальчику хотелось хоть одним глазком заглянуть за ограду фактории. Он все чаще думал о своем веселом и неистощимо изобретательном друге Дике Сэнде. Как они лазали вместе на мачты «Пилигрима»! О, если бы Дик был здесь, Джек полез бы с ним на макушку самого высокого баобаба!

Кузен Бенедикт — тот чувствовал себя отлично повсюду, конечно, если вокруг него было достаточно насекомых. Ему посчастливилось найти в фактории крошечную пчелку, которая делает свои ячейки в стволах деревьев, и паразитарную осу, которая кладет яйца в чужие ячейки, как кукушка подкидывает свои яйца в гнезда других птиц.

Ученый изучал этих насекомых в той мере, в какой это возможно было без очков и увеличительного стекла.

В фактории, особенно вблизи ручейков, не было недостатка в москитах. Однажды они сильно искушали беднягу ученого. Когда миссис Уэлдон стала упрекать кузена Бенедикта за то, что он позволил зловредным насекомым так изуродовать себя, ученый, до крови расчесывая себе кожу, ответил:

— Что поделаешь, кузина Уэлдон, таков их инстинкт. Нельзя на них за это сердиться!

В один прекрасный день — 17 июня — кузен Бенедикт чуть было не стал самым счастливым человеком среди всех энтомологов. Это происшествие, которое имело самые неожиданные последствия, заслуживает обстоятельного рассказа.

Было около одиннадцати часов утра. Нестерпимая жара загнала в хижины обитателей фактории. На улицах Казонде не видно было ни одного прохожего.

Миссис Уэлдон дремала, сидя возле маленького Джека, который крепко спал.

Даже на кузена Бенедикта этот тропический зной подействовал расслабляюще, и он вынужден был отказаться от очередной энтомологической прогулки. Скажем прямо, сделал он это с крайней неохотой, потому что под палящими лучами полуденного солнца в воздухе реяло бесчисленное множество насекомых. Все же он побрел в лачугу и прилег на постель. Но вдруг сквозь дремоту до слуха ученого коснулось какое-то жужжание, невыносимо раздражающий звук, который насекомое производит взмахами своих крылышек, — иные насекомые могут производить пятнадцать-шестнадцать тысяч взмахов крылышками в

секунду.

— Насекомое! Шестиногое! — вскричал кузен Бенедикт.

Сна как не бывало. Кузен Бенедикт из горизонтального положения немедленно перешел в вертикальное.

Без сомнения, жужжание издавало какое-то крупное насекомое.

Кузен Бенедикт страдал близорукостью, но слух у него был необычайно тонкий и изоощренный: ученый мог определить насекомое по характеру его жужжания. Однако жужжание этого насекомого было незнакомо кузену Бенедикту, а по силе его казалось, что оно исходит от какого-то гигантского жука.

«Что это за шестиногое?» — спрашивал себя энтомолог.

И он отчаянно таращил близорукие глаза, стараясь обнаружить источник шума. Инстинкт энтомолога подсказывал кузену Бенедикту, что насекомое, по милости providения залетевшее к нему в дом, не какой-нибудь заурядный жук, а шестиногое необыкновенное.

Кузен Бенедикт замер в неподвижности и весь обратился в слух. Солнечный луч скупно проник в полумрак, царивший в лачуге, и тогда ученый заметил большую черную точку, кружившуюся в воздухе. Но насекомое легло в почтительном отдалении от ученого, и бедняга ник ве мог его рассмотреть. Кузен Бенедикт затаил дыхание. Если бы неизвестный гость укусил его, он даже не шелохнулся бы, из опасения, что неосторожное движение обратит насекомое в бегство.

Успокоенное неподвижностью ученого, насекомое, описав множество кругов, в конце концов село ему на голову. Рот кузена Бенедикта расплылся в улыбке. Он чувствовал, как легкое насекомое бежит по его волосам. Его неудержимо тянуло поднять руку к голове, но он сумел подавить в себе это желание и поступил правильно.

«Нет, нет! — думал кузен Бенедикт. — Я могу промахнуться или, что еще хуже, причинить ему вред. Подожду, пока оно спустится ниже. Как оно бежит! Я чувствую, как его лапки снуют по моему черепу! Это, наверное, очень крупное насекомое. Господи, сделай так, чтобы оно спустилось на кончик моего носа! Скосив глаза, я мог бы рассмотреть его и определить, к какому отряду, роду, семейству, подсемейству и группе оно принадлежит!»

Так рассуждал кузен Бенедикт. Но расстояние от остроконечной макушки его головы до кончика его довольно длинного носа было велико, и кто мог знать, захочет ли прихотливое насекомое предпринять такое дальнейшее путешествие? Быть может, оно направится к ушам, к затылку, удалится от глаз ученого. И не вспорхнет ли оно, не улетит ли из темной хижины на вольный воздух, к своим сородичам, призывно жужжащим под жаркими лучами солнца?

Кузен Бенедикт со страхом подумал, что это весьма вероятно. Никогда еще энтомологу не приходилось так волноваться. Африканское шестиногое неизвестного науке семейства или хотя бы еще неизвестного вида сидело у него на темени, и он мог распознать его только в том случае, если оно соблаговолит приблизиться к его глазам на расстояние одного дюйма. Однако небеса, вероятно, услышали моления кузена Бенедикта.

Побродив по его растрепанным волосам, подобным зарослям дикого кустарника, насекомое медленно начало спускаться по его лбу, направляясь к переносице. Волнение кузена Бенедикта достигло предела: насекомое находилось на вершине горы, неужели оно не спустится к подножию?

«На его месте я бы обязательно спустился!» — думал достойный ученый.

Всякий другой на месте кузена Бенедикта, несомненно, изо всей силы хлопнул бы себя рукой по лбу, чтобы убить или хотя бы прогнать назойливое насекомое. Было нечто героическое в неподвижности ученого, терпеливо сносившего щекотку и стоически ожидавшего укуса. Спартанец, позволявший лисице терзать свою грудь, и римлянин,

державший в голой руке раскаленные угли, не лучше владели собой, чем кузен Бенедикт. Несомненно, ученый-энтомолог был прямым потомком этих двух героев!

Насекомое, побродив по лбу, отдыхало теперь на переносице... У кузена Бенедикта вся кровь прихлынула к сердцу: поднимется ли насекомое выше надбровных дуг или спустится вниз по носу?...

Оно спустилось. Кузен Бенедикт почувствовал, как мохнатые лапки семянок по его носу. Насекомое не уклонилось ни вправо, ни влево. На секунду оно задержалось на легкой горбинке носа, великолепно приспособленной для ношения того оптического прибора, которого так не хватало сейчас бедному ученому, а затем решительно спустилось вниз и остановилось на самом кончике носа.

Лучшего места насекомое не могло выбрать. Сведя в одну точку зрительные линии обоих своих глаз, кузен Бенедикт мог теперь, словно через увеличительное стекло, рассмотреть насекомое.

— Боже мой! — вскричал кузен Бенедикт вне себя от радости, — Бугорчатая мантикора.

Грубая ошибка: надо было не выкрикнуть, а только подумать это! Но не слишком ли многого мы требуем от самого большого энтузиаста среди энтомологов? Как тут не испустить крик радости, когда у вас на носу сидит бугорчатая мантикора с широкими надкрыльями, насекомое из семейства жужелиц? Редчайшая разновидность мантикоры, водящаяся как будто только в южной части Африки, экземпляр, какого нет в лучших коллекциях! Да разве можно тут не вскрикнуть от радости? Это уже свыше сил человеческих.

Но беда не приходит одна: кузен Бенедикт не только вскрикнул, но и чихнул. Крик оглушил мантикору, а чихание вызвало сотрясение ее опоры. Кузен Бенедикт быстро поднял руку, с силой сжал пальцы в кулак и захватил только кончик собственного носа! Мантикора успела улететь.

— Проклятие! — воскликнул ученый.

Но тут же он взял себя в руки, и все дальнейшее его поведение могло служить образцом замечательного самообладания.

Кузен Бенедикт знал, что мантикора почти не летает, она только перепархивает с места на место, а больше бегают. Он опустился на колени. Вскоре он увидел в десяти дюймах от своего носа черную точку, быстро скользившую в солнечном луче. Лучше всего было не стеснять эволюций мантикоры, изучать ее на приволье. Только бы не потерять ее из виду.

— Поймать ее сейчас, — сказал себе кузен Бенедикт, — это значит рисковать раздавить ее. Нет! Я не сделаю этого! Я поползу за ней следом. Я буду изучать ее поведение в естественных условиях! Я буду любоваться ею! А поймать ее я всегда успею.

Разве кузен Бенедикт был не прав? На этот вопрос трудно дать ответ. Как бы то ни было, но кузен Бенедикт опустив нос к самой земле, пополз на четвереньках вслед за мантикорой, насторожившись, словно охотничья собака, почуявшая след. Через мгновение ученый уже выполз из своей хижины и передвигался по опаленной полуденным солнцем траве прямо по направлению к ограде фактории. Еще через несколько минут он был уже у самог частокола.

Как поступит мантикора? Поднимется в воздух и перенесется через ограду, оставив своего влюбленного преследователя по ту сторону частокола? Нет, это не в характере мантикоры — кузен Бенедикт хорошо знал привычки этих жужелиц.

И он все продолжал ползти уже слишком далеко от насекомого, чтобы дать ему энтомологическое определение (впрочем, это было уже сделано до него), но настолько близко, что все время видел, как двигается по земле эта крупная точка.

Вдруг путь мантикоре преградило широкое отверстие кротовой норы под самой изгородью. Не задумываясь, жужелица отправилась в эту подземную галерею — она всегда

ищет подземные ходы. Кузен Бенедикт испугался, что насекомое ускользнет от него. Но, к большому его удивлению, ширина прорытого кротом хода достигала по меньшей мере двух футов. Это была своего рода подземная галерея, по которой сухопарому энтомологу нетрудно было проползти. Он устремился туда вслед за жужелицей и не заметил даже, что, «зарывшись в землю», находится уже под оградой фактории. Кротовый ход соединял огороженную территорию с внешним миром. Через полминуты кузен Бенедикт выполз из фактории на свободу. Но ученый даже не обратил на это внимания: настолько он был поглощен мыслями об изящном насекомом, которое вело его за собой.

Но мантикоре, видимо, надоело ходить пешком. Она раздвинула надкрылья и расправила крылышки. Кузен Бенедикт почувствовал опасность. Он вытянул руку, чтобы накрыть насекомое ладонью, как бы заключить ее в темницу, и вдруг... фпр! Жужелица улетела.

Легко представить себе отчаяние кузена Бенедикта. Но мантикора не могла улететь далеко. Энтомолог поднялся на ноги, осмотрелся и бросился за ней, вытянув вперед руки.

Насекомое кружилось в воздухе над его головой; маленькое черное пятнышко неуловимой формы мелькало перед его близорукими глазами. Кузен Бенедикт замер на месте, ожидая, что, покружившись над его взъерошенной шевелюрой, усталая мантикора снова опустится на землю. Все говорило за то, что так она и поступит.

Но, к несчастью для незадачливого ученого, фактория Альвеца, расположенная на северной окраине города, примыкала к большому лесу, тянувшемуся на много миль. Если мантикора вздумает улететь под сень деревьев и там начнет порхать с ветки на ветку, придется распрощаться с надеждой водворить в жестяную коробку лучшее украшение коллекции.

Увы, так и случилось! Покружившись в воздухе, мантикора сначала опустилась на землю. Кузену Бенедикту неожиданно повезло: он заметил место, куда село насекомое, и тотчас же с размаху бросился на землю. Но мантикора больше не пыталась летать — она скачками передвигалась по земле.

Совершенно измученный, с ободранными до крови коленями и расцарапанными руками, энтомолог не отставал от нее. Он кидался то вправо, то влево, бросался ничком, вскакивал, как будто земля была раскалена докрасна, и взмахивал руками, словно пловец, в надежде схватить неуловимую черную точку.

Напрасный труд! Руки его хватали пустоту. Насекомое, играючи, ускользало от него. Наконец, добравшись до свежей зелени деревьев, оно взвилось в воздух, задело ученого и исчезло окончательно, подразнив на прощанье его слух самым ироническим жужжанием.

— Проклятие! — еще раз воскликнул кузен Бенедикт. — Скрылась!.. Неблагодарная тварь! А я-то предназначал тебе почетное место в своей коллекции! Ну нет! Я от тебя не отстану, я буду преследовать тебя, пока не поймаю.

Огорченный энтомолог забыл, что при его близорукости бесполезно было искать мантикору среди зеленой листвы. Но он уже не владел собою. Гнев и досада обуревали его. Он сам виноват был в своей неудаче! Если бы он сразу схватил эту жужелицу, вместо того чтобы «изучать ее поведение в естественных условиях», ничего бы не случилось и он обладал бы сейчас великолепным образцом африканской мантикоры — насекомого, которому дали имя сказочного животного, якобы обладавшего человеческой головой и туловищем льва.

Кузен Бенедикт растерялся. Он даже не подозревал, что в погоне за мантикорой выбрался из фактории Альвеца, что неожиданное происшествие вернуло ему свободу. Он думал лишь об одном: вот лес, и где-то в нем — его улетевшая мантикора.

Какой угодно ценой поймать ее!

И он бежал по лесу, не размышляя о том, что делает. Повсюду ему мерещилась драгоценная мантикора. Он махал в воздухе руками и мчался стремглав вперед. Куда заведет его это бессмысленное преследование, как он найдет обратно дорогу и найдет ли он ее вообще, — об этом он себя не спрашивал. Он углубился в лес по крайней мере на целую милю, рискуя столкнуться с враждебным туземцем или попасть в зубы хищному зверю.

Вдруг откуда ни возьмись из-за дерева выскочило какое-то огромное существо. Оно бросилось на ученого энтомолога, как сам он бросился бы на мантикору, схватило его одной рукой за шиворот, другой за штаны и, не давая времени опомниться, утащило в чащу.

Бедный кузен Бенедикт! В этот день он безвозвратно упустил возможность стать счастливейшим среди энтомологов всех пяти частей света!

В этот день, 17 июня, миссис Уэлдон очень встревожилась, когда кузен Бенедикт не явился к обеду. Куда девался этот большой ребенок? Миссис Уэлдон не допускала и мысли, что он бежал из фактории. Ему не перелезть через высокий частокол. Кроме того, она хорошо знала характер своего кузена: он наотрез отказался бы от свободы, если бы при бегстве ему надо было бросить на произвол судьбы коллекцию насекомых, хранящуюся в жестяной коробке. Но коробка со всеми находками, сделанными ученым в Африке, лежала в полной неприкосновенности. Кузен Бенедикт не мог добровольно расстаться со своими энтомологическими сокровищами — такое предположение было просто невероятным.

И все — так кузена Бенедикта не было в фактории Хозе-Антонио Альвеца!

Весь день миссис Уэлдон искала его по всем закоулкам. Маленький Джек и Халима помогали ей. Но все поиски были тщетными.

Миссис Уэлдон пришла к печальному выводу: должно быть, кузена Бенедикта увели из фактории по приказу работорговца. Почему Альвец поступил так? Что он сделал с кузенем Бенедиктом? Может быть, он посадил его в один из барачков на читоке? Это было совершенно необъяснимо: ведь по условию, заключенному с Негоро, кузен Бенедикт был одним из пленников, которых Альвец должен был доставить в Моссамедес и передать Джемсу Уэлдону за выкуп в сто тысяч долларов.

Если бы миссис Уэлдон знала, как разгневался Альвец, когда ему сообщили, что кузен Бенедикт исчез, она поняла бы, что работорговец непричастен к этому исчезновению. Но если кузен Бенедикт бежал по собственной воле, почему он не открыл ей своего замысла?

Расследование, предпринятое Альвцем и его слугами, вскоре обнаружило существование кротовой норы, соединявшей двор фактории с соседним лесом. Работорговец не сомневался, что «охотник за мухами» бежал именно через этот узкий проход. Легко представить себе, какое бешенство охватило Альвеца при мысли, что бегство кузена Бенедикта будет поставлено ему в счет и, значит, уменьшит долю его барыша.

«Этот полоумный сам по себе ломаного гроша не стоит, а мне придется дорого заплатить за него! Попадись он только мне в руки!» — думал Альвец.

Но, несмотря на самые тщательные поиски и внутри фактории и в лесу, никаких следов беглеца не удалось обнаружить. Миссис Уэлдон пришлось примириться с исчезновением кузена, а Альвецу оставалось только горевать о потерянном выкупе. Кузен Бенедикт, безусловно, не мог действовать по сговору с кем-нибудь из живущих вне фактории; поэтому оставалось предположить, что он случайно обнаружил кротовый ход и бежал, даже не подумав о своих спутниках, словно их и не существовало на свете.

Миссис Уэлдон вынуждена была признать, что, вероятно, это так и случилось. Но ей и в голову не пришло сердиться на бедного энтомолога, совершенно неспособного отвечать за свои поступки.

«Несчастный! Что с ним станет?» — спрашивала она себя.

Проход под изгородью уничтожили, конечно, в тот же день и за оставшимися пленниками установили еще более строгий надзор.

Жизнь миссис Уэлдон и ее сына стала с тех пор еще скучнее и однообразнее.

Дождливый период, «мазика», как его называют здесь окончился еще в конце апреля, но 19 июня снова пошли дожди. Небо было затянуто тучами, и непрерывные ливни затопляли всю область Казонде. Такие явления редко наблюдаются в Центральной Африке в это время года.

Для миссис Уэлдон дожди были только досадной неприятностью — они мешали ее ежедневным прогулкам по фактории. А для туземного населения они представляли настоящее бедствие. Посевы в низменных местах, уже созревшие и ожидавшие жатвы, оказались затопленными разливом рек. Населению, внезапно лишившемуся урожая, угрожал голод, погибли все его труды. Королева Муана и ее министры растерялись, не зная, как предотвратить нависшую катастрофу.

Решили призвать па помощь колдунов. Но не тех колдунов, чье искусство не шло дальше лечения болезней заговорами, заклинаниями, ворожбой. Размеры бедствия были так велики, что только самые искусные мганнги — колдуны, умеющие вызывать и прогонять дожди, — могли помочь горю.

Но и мганнги не помогли. Напрасными оказались заунывное пение и заклинания, попусту звенели погремушки и колокольчики, бессильны были самые испытанные амулеты и, в частности, рог с тремя маленькими разветвлениями на конце, наполненный грязью и кусочками коры. Не подействовали ни обрядовые пляски, ни плевки в лица самых важных придворных, ни навозные шарики, которыми швыряли в них... Злых духов, собирающих облака в тучи, никак не удавалось прогнать.

Положение день ото дня становилось все более угрожающим. Королева Муана велела призвать прославленного кудесника из Северной Анголы. О могуществе этого мганнги рассказывали чудеса, и вера в него была тем сильнее, что он никогда не бывал в Казонде. Это был первоклассный колдун и к тому же прославленный заклинатель «мазики».

Двадцать пятого нюня поутру великий мганнга торжественно вступил в Казонде. Переливчатый звон колокольчиков, которыми он был увешан, возвестил о его приходе. Он прошел прямо на читоку, и тотчас же толпа туземцев окружила его тесным кольцом. Небо в этот день было не так густо обложено тучами, ветер как будто собирался переменить направление, и эти благоприятные предзнаменования, совпадавшие с приходом мганнги, располагали к нему все сердца.

Внешность нового мганнги и гордая его осанка произвели на толпу зрителей внушительное впечатление. Это был чистокровный негр, ростом не менее шести футов, широкоплечий и, видимо, очень сильный.

Обычно колдуны соединяются по три, по четыре или по пять и появляются в деревнях только в сопровождении многочисленных помощников и почитателей. Этот мганнга пришел один. Грудь его была испещрена полосками из белой глины. От талии ниспадала складками широкая юбка из травяной ткани, юбка со шлейфом, не хуже, чем у современных модниц. На шее у колдуна висело ожерелье из птичьих черепов, на голове высился кожаный колпак, украшенный перьями и бусами. Вокруг бедер обвивался кожаный пояс, и к нему подвешены были сотни бубенчиков и колокольчиков. При каждом движении мганнги они издавали звон громче, чем сбруя испанского мула. Таково было облачение этого великолепного представителя африканских кудесников.

Все необходимые принадлежности его искусства — ракушки, амулеты, резные деревянные идолы и фетиши и, наконец, катышки помета, — неизменно применяющиеся в Центральной Африке при всех колдовских обрядах и прорицаниях, были уложены в пузатую корзинку.

Скоро толпа подметила еще одну особенность нового мганнги: он был нем. Но немота могла только увеличить почтение, которое дикари уже начали питать к великану кудеснику. Он издавал какие-то странные, лишённые всякого значения звуки, похожие на мычание. Но это только должно было способствовать успеху его колдовства.

Мганнга начал с того, что обошел кругом всю читоку, исполняя какой-то

торжественный танец. Бубенчики на его поясе при этом бешено звенели. Толпа следовала за ним, подражая каждому его движению, как стая обезьян следует за своим вожаком. Вдруг мганнга свернул с читоки на главную улицу Казонде и направился к королевским покоем.

Королева Муана, предупрежденная о приближении нового кудесника, поспешила выйти к нему навстречу в сопровождении всех своих придворных.

Мганнга склонился перед ней до самой земли и затем выпрямился во весь рост, расправив свои широкие плечи. Он протянул руки к небу, по которому быстро бежали рваные тучи. Кудесник указал на них королеве и оживленной пантомимой изобразил, как они плывут на запад, потом, описав круг, возвращаются в Казонде с востока. Этого круговращения туч ничто не в силах прекратить.

И вдруг, к глубокому изумлению зрителей — горожан и придворных, колдун схватил за руку грозную властительницу Казонде. Несколько придворных хотели помешать такому грубому нарушению этикета, но силач мганнга поднял за загривок первого осмелившегося приблизиться к нему и отшвырнул его в сторону шагов на пятнадцать.

Королеве этот поступок колдуна как будто даже понравился. Она скорчила гримасу — это должно было означать любезную улыбку. Но колдун, не обращая внимания на этот знак королевской благосклонности, потащил Муану за собой. Толпа устремилась вслед за ними.

Колдун быстро шагал прямо к фактории Альвеца. Скоро он дошел до ворот ограды. Они были заперты. Мганнга без видимого усилия толкнул ворота плечом, и, сорвав шпингалет, они упали. Восхищенная королева вошла вместе с ним во двор фактории. Работорговец, его солдаты и невольники хотели наброситься на дерзкого пришельца, взламывающего ворота, вместо того чтобы дожидаться, пока их откроют. Но, увидев, что колдуна сопровождает королева и что она не возмущена его действиями, они замерли в почтительной позе.

Альвец не прочь был бы спросить у королевы, чему он обязан честью ее посещения, но колдун не дал ему говорить. Он оттеснил толпу в сторону и, став посреди образовавшегося свободного пространства, с еще большим оживлением, чем прежде, повторил свою пантомиму. Он грозил кулаками облакам, заклинал их. Затем, сделав вид, что с трудом удерживает тучи на месте, он надувал щеки и изо всей силы дул в небо, словно надеясь одним своим дыханием рассеять скопление водяных паров. Затем он поднимал руки, весь вытягивался вверх и, казалось, доставая головой до туч, отбрасывал их в разные стороны.

Суеверная Муана, захваченная — другого слова не найдешь — игрой этого талантливого актера, уже не владея собой, вскрикивала и, вся трепеща, инстинктивно повторяла каждое его движение. Придворные и горожане следовали ее примеру, и гнусавое мычание немого было совершенно заглушено воплями, криками и пением экзальтированной толпы.

Что ж, тучи разошлись и перестали заслонять солнце? Заклинания немого мганнга прогнали их? Нет. Напротив, в ту самую минуту, когда королева и народ думали, что злые духи уже побеждены и в страхе бегут, небо, на миг посветлевшее, нахмурилось еще больше, и первые тяжелые капли дождя упали на землю.

В настроении толпы сразу произошел перелом. Все с угрозой посмотрели на нового мганнга, который оказался не лучше прежних. Королева нахмурила брови, и по этому признаку можно было догадаться, что колдуну грозит по меньшей мере потеря обеих ушей. Круг зрителей плотнее сомкнулся вокруг него. Сжатые кулаки уже взлетели в воздух. Еще мгновение — и несдобровать бы мганнге, но новое происшествие направило гнев толпы в другую сторону.

Мганнга — он на целую голову был выше воющих и рычащих зрителей — вдруг вытянул руку и указал на что-то находившееся внутри фактории. Жест его был таким повелительным, что все невольно обернулись.

Миссис Уэлдон и маленький Джек, привлеченные криками и завываниями толпы, вышли из своей хижины. На них-то и указывал разгневанный чародей левой рукой, поднимая правую руку к небу.

Вот кто виновники бедствия! Эта белая женщина и ее ребенок! Вот источник всех зол! Это они призвали тучи из своих дождливых стран, это они накликали наводнение и голод на землю Казонде!

Мганнга не произнес ни одного слова, но все его поняли.

Королева Муана угрожающе простерла руки в сторону миссис Уэлдон. Толпа с яростным криком бросилась к ней.

Миссис Уэлдон поняла, что настал ее смертный час. Прижав Джека к груди, она стояла неподвижно, как статуя, перед беснующейся ревущей толпой.

Мганнга направился к ней. Дикари расступились перед колдуном, который как будто нашел не только причину бедствия, но и средство спасения от него. Альвец, дороживший жизнью своей пленницы, не зная, как поступить, также приблизился к ней.

Мганнга вырвал маленького Джека из рук матери и поднял его к небу. Казалось, он хотел разбить ему череп о землю, чтобы умиловать духов.

Миссис Уэлдон отчаянно вскрикнула и упала без чувств.

Но мганнга сделал королеве знак, который та, по-видимому, хорошо поняла, поднял с земли несчастную мать и понес ее вместе с сыном. Потрясенная толпа почтительно расступилась перед ним.

Альвец был взбешен. Упустить сначала одного пленника, а затем оставаться безучастным свидетелем того, как ускользают двое остальных, а вместе с ними и надежда на большую награду, обещанную ему Негоро, — нет, Альвец не мог примириться с этим, хотя бы всему Казонде грозила гибель от нового всемирного потопа!

Он попытался воспротивиться похищению. Но тогда гнев толпы обратился против него. Королева приказала, страже схватить Альвеца, и, понимая, что сопротивление может дорого обойтись, работорговец смирился. Но как проклинал он в душе дурацкое легкоеверие подданных королевы Муаны!

Дикари действительно думали, что тучи уйдут вместе с теми, кто их накликал; они не сомневались, что кудесник кровью чужеземцев умиловит злых духов и прогонит прочь от Казонде дожди, от которых так страдал весь край.

Между тем мганнга нес свои жертвы так же легко, как лев тащит в своей могучей пасти пару козлят. Маленький Джек дрожал от страха, а миссис Уэлдон была без сознания. Обезумевшая от ярости толпа с воплями следовала за колдуном.

Он вышел из фактории, пересек Казонде, ступил под своды леса и тем же твердым и размеренным шагом прошел больше трех миль. Мало-помалу дикари начали отставать. Наконец, и последние повернули назад, поняв, что колдун хочет остаться один. А колдун, не оборачиваясь, все шагал вперед, пока не дошел до берега реки, быстрые воды которой текли на север. Здесь, в глубине узкой бухты, скрытой от глаз густым кустарником, он нашел пирог с соломенной кровлей.

Немой мганнга опустил на дно пироги свою ношу, столкнул легкое суденышко в воду и, когда быстрое течение подхватило его, сказал звучным голосом:

— Капитан, позвольте вам представить миссис Уэлдон и ее сына! А теперь в путь, и пусть в Казонде все тучи небесные прольются ливнем над головами этих идиотов!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Вниз по течению

Слова эти произнес Геркулес, неузнаваемый в облачении колдуна; обращался он не к кому иному, как к Дику Сэнду. Юноша лежал в лодке. Он был еще очень слаб и только с помощью кузена Бенедикта мог приподняться навстречу вновь прибывшим. Динго сидел у ног ученого.

Миссис Уэлдон, придя в сознание, чуть слышно сказала:

— Это ты, Дик? Ты?...

Юноша попытался встать, но миссис Уэлдон поспешила заключить его в свои объятия. Маленький Джек тоже обнял и стал целовать Дика Сэнда.

— Мои друг Дик, мой милый Дик! — повторял мальчик. Затем, повернувшись к Геркулесу, он добавил: — А я и не узнал тебя!

— Хороший был маскарад! — смеясь, сказал Геркулес. И он принялся стирать с груди белый узор.

— Фу, какой ты некрасивый! — сказал маленький Джек.

— Что ж тут удивительного? Я изображал черта, а черт, как известно, некрасив.

— Геркулес! Друг мой! — воскликнула миссис Уэлдон, протягивая руку смелому негру.

— Он спас и меня, — сказал Дик Сэнд. — Но только не хочет, чтобы об этом говорили.

— Спас, спас... Рано еще говорить о спасении! — ответил Геркулес. — Да если бы не явился господин Бенедикт и не сказал мне, где вы находитесь, миссис Уэлдон, мы вообще ничего не могли бы сделать.

Геркулес напал на ученого, когда тот, увлекшись преследованием своей драгоценной мантикоры, углубился в лес, отдалившись от фактории на две мили. Не будь этого, Дик и Геркулес так и не узнали бы, где работороговец скрывает миссис Уэлдон, и Геркулесу не пришла бы в голову мысль пробраться в Казонде под видом колдуна.

Пирога плыла по течению. Геркулес рассказал миссис Уэлдон все, что произошло со времени его бегства из лагеря на Кванзе: как он незаметно следовал за китандой, в которой несли миссис Уэлдон и ее сына; как он нашел раненого Динго и они вместе добрались до окрестностей Казонде; как он послал Дику записку с Динго, сообщив в ней, что случилось с миссис Уэлдон; как после неожиданного появления кузена Бенедикта он тщетно пытался проникнуть в факторию, которую охраняли очень строго; как, наконец, он нашел способ вырвать пленников из рук ужасного Хозе-Антонио Альвеца.

Случилось это так. Геркулес, по обыкновению, бродил по лесу, следя за всем, что делается в фактории, готовый воспользоваться любым случаем, чтобы проникнуть за ее ограду, и вдруг мимо него прошел мганнга — тот самый северный колдун, которого так нетерпеливо ожидали в Казонде. Напасть на мганнгу, снять с него одежды и украшения, облачиться в них самому, привязать ограбленного к дереву лианами так, что сам черт не мог бы распутать узлы, — все это заняло не так уж много времени. Затем он раскрасил себе тело, беря за образец привязанного мганнгу. Оставалось только разыграть роль заклинателя дождей, что и удалось блестяще благодаря поразительной доверчивости дикарей.

Миссис Уэлдон обратила внимание на то, что Геркулес не упомянул в своем рассказе о Дике Сэнде.

— А ты, Дик? — спросила она.

— Я, миссис Уэлдон? — ответил юноша. — Я ничего не могу рассказать вам. Последняя моя мысль была о вас, о Джеке!.. Я напрасно пытался порвать лианы, которыми был привязан к столбу... Вода уже захлестнула меня, поднялась выше головы... Я потерял сознание... Когда

я пришел в себя, то оказался в укромном уголке в зарослях папируса, а Геркулес заботливо ухаживал за мной...

— Еще бы! Я теперь лекарь, знахарь, колдун, волшебник и предсказатель!

— Геркулес, — сказала миссис Уэлдон, — вы должны рассказать, как вы спасли Дика.

— Разве это я его спас? — возразил великан. — Разве не мог поток, хлынувший в старое русло, опрокинуть столб и унести с собой Дика? Мне оставалось только выловить из воды нашего капитана. Впрочем, разве уж так трудно было в темноте соскользнуть в могилу и, спрятавшись среди убитых, подождать, когда спустят плотину? Разве трудно было подплыть к столбу, поднатужиться и выдернуть столб вместе с привязанным к нему капитаном? Нет, это было вовсе не трудно. Кто угодно мог бы это сделать. Вот хотя бы господин Бенедикт... или Динго! В самом деле, уж не Динго ли и сделал это?

Услышав свое имя, Динго весело залаял.

Джек, обняв ручонками большую голову пса и ласково его похлопывая, заговорил с ним:

— Динго, это ты спас нашего друга Дика? И тут же покачал голову собаки справа налево и слева направо.

— Динго говорит «нет», — сказал Джек. — Ты видишь, Геркулес, это не он! Скажи, Динго, а не Геркулес ли спас капитана Дика?

И мальчик заставил собаку несколько раз кивнуть головой.

— Динго говорит «да»! Он говорит «да»! — воскликнул Джек. — Вот видишь, значит, это ты?

— Ай, ай, Динго, — ответил Геркулес, лаская собаку, — как тебе не стыдно! Ведь ты обещал не выдавать меня!

Да, действительно Геркулес, рискуя собственной жизнью, спас Дика Сэнда! Но из скромности он долго не хотел признаться в этом. Впрочем, сам он не видел ничего героического в своем поведении и утверждал, что каждый на его месте поступил бы точно так же.

Конечно, вслед за этим разговор зашел о несчастных товарищах Геркулеса — о Томе, его сыне Бате, об Актеоне и Остине. Несчастных гнали теперь в область Больших озер. Геркулес видел их в рядах невольничьего каравана. Он некоторое время шел следом за караваном, но установить связь с товарищами ему не удалось. Угнали бедняг. Плохи их дела!

И по лицу Геркулеса, только что сиявшему добродушной улыбкой, потекли крупные слезы. Великан и не пытался скрыть их.

— Не плачьте, друг мой, — сказала миссис Уэлдон. — Я верю, бог милостив, и когда-нибудь мы еще свидимся с ними.

В нескольких словах миссис Уэлдон рассказала Дику Сэнду обо всем, что произошло в фактории Альвеца.

— Быть может, — заметила она в заключение, — нам безопаснее было бы оставаться в Казонде.

— Значит, я оказал вам медвежью услугу! — воскликнул Геркулес.

— Нет, Геркулес, нет! — возразил Дик Сэнд. — Эти негодяи, несомненно, постараются заманить мистера Уэлдона в ловушку. Мы должны бежать все вместе и немедленно, чтобы прибыть на побережье раньше, чем Негоро вернется в Моссамедес. Там португальские власти возьмут нас под свое покровительство, и когда Альвец явится за своей сотней тысяч долларов...

— Он получит сто тысяч ударов палкой по голове, старый негодяй! — вскричал Геркулес. — И я никому не уступлю удовольствия заплатить ему сполна по этому счету!

О возвращении миссис Уэлдон в Казонде, конечно, не могло быть и речи.

Следовательно, нужно было непременно опередить Негоро. Дик Сэнд решил приложить все усилия, чтобы добиться этого.

Наконец— то молодому капитану удалось привести в исполнение давно задуманный план: спуститься по течению реки к океанскому побережью.

Река текла на север. Можно было предположить, что она впадает в Конго. В этом случае вместо Сан-Паоло-де Луанда Дик Сэнд и его спутники очутятся в устье Конго.

Такая перспектива нисколько не смущала их, так как в колониях Нижней Гвинеи они, несомненно, могли рассчитывать на такую же помощь, как и в Сан-Паоло-де-Луанда.

Дик рассчитывал совершить это путешествие на плавучем, заросшем травой островке^[66], которые во множестве плывут по течению африканских рек. Однако Геркулесу во время его скитаний посчастливилось наткнуться на пирогу. Случай сослужил хорошую службу. Ничего лучшего и желать было нельзя. Найденная Геркулесом пирога не похожа была на обычный узкий челнок, на каких туземцы разъезжают по рекам. Это была вместительная лодка тридцати футов в длину и четырех в ширину; эти лодки рассчитаны на несколько гребцов, и как быстро они несутся под ударами весел на просторе больших озер. Миссис Уэлдон и ее спутники удобно разместились в пироге. Быстрое течение легко несло ее вниз по реке, и достаточно было одного кормового весла, чтобы ею управлять.

Вначале Дик решил плыть только по ночам, чтобы не попасться на глаза туземцам. Но если ехать только двенадцать часов из двадцати четырех, продолжительность путешествия возрастет вдвое. Тогда Дику пришла на ум счастливая мысль: замаскировать пирогу навесом из травы. Этот навес опирался на длинные шесты, выступавшие впереди носа и позади кормы. Трава, свисая до самой воды, скрывала даже кормовое весло. Замаскированная пирога казалась обыкновенным плавучим островком. Она могла плыть и днем, не привлекая ничьего внимания. Навес над пирогой обманывал даже птиц — красноклювых чаек, «архингов» с черным оперением, белых и серых зимородков, — они садились на него, чтобы поклевать зернышек.

Зеленый навес не только маскировал пирогу, но и защищал пассажиров от палящего солнца. Такое плавание не было очень утомительным, но оно все же было опасным.

Путь до океана предстоял долгий, и на всем его протяжении нужно было добывать пропитание для пяти человек. Надо было охотиться на берегах реки, так как одна рыбная ловля не могла прокормить беглецов. А между тем Дик Сэнд располагал только одним ружьем, которое унес с собой во время бегства Геркулес, и очень небольшим запасом зарядов; каждый патрон был на счету. Но Дик не хотел тратить зря ни одного выстрела. Быть может, укрываясь в лодке под навесом и высунув дуло ружья, удастся стрелять более метко, как охотнику, притаившемуся в засаде.

Пирога плыла по течению со скоростью не менее двух миль в час. Дик Сэнд полагал, что за сутки она пройдет около пятидесяти миль. Но быстрое течение требовало от рулевого неустанной бдительности, чтобы огибать препятствия: подводные камни, мели и стволы деревьев. К тому же такая стремительность течения наводила на мысль, что впереди могли оказаться пороги и водопады, весьма часто встречающиеся на африканских реках.

Дик Сэнд, которому радость свидания вернула силы, принял на себя командование и занял место на носу пироги. Сквозь щели в травяном навесе он следил за фарватером реки и успевал давать указания Геркулесу, управлявшему кормовым веслом.

Миссис Уэлдон лежала на подстилке из сухих листьев посреди пироги. Кузен Бенедикт, хмурый и недовольный сидел у борта, скрестив на груди руки. Временами он машинально подносил руку к переносице, чтобы поднять на лоб очки... которых у него не было. Он с грустью вспоминал драгоценную коллекцию и энтомологические заметки, оставшиеся в

Казонде. Разве поймут дикари, какое сокровище досталось им! Когда взгляд его случайно останавливался на Геркулесе, ученый недовольно морщился, ибо до сих пор не мог простить великану, что тот осмелился помешать ему преследовать мантикору.

Маленький Джек понимал, что шуметь нельзя, но так как никто не запрещал ему двигаться, он, подражая своему другу Динго, ползал на четвереньках по всей пироге.

В продолжение двух первых дней плавания путешественники питались теми запасами, какие Геркулес собрал перед отъездом. Дик Сэнд только по ночам останавливал пирогу, чтобы дать себе несколько часов отдыха. Но он не высаживался на берег: Дик не хотел рисковать без нужды и твердо решил выходить на сушу лишь в тех случаях, когда необходимо будет пополнить запас провизии.

Пока что плавание по течению неизвестной реки не ознаменовалось никакими происшествиями. Ширина реки в среднем не превышала ста пятидесяти футов. По течению двигалось несколько плавучих островков, но, так как плыли они с той же скоростью, что и пирога, можно было не опасаться столкновений, если только их не остановит какая-нибудь преграда.

Берега казались безлюдными; эта часть территории Казонде, очевидно, была мало населена. Пирога плыла среди двух рядов зарослей, где, блистая яркими красками, теснились ласточник, шпажник, лилии, ломонос, бальзаминовые и зонтичные растения, алоэ, древовидные папоротника, благоухающие кустарники — несравненная по красоте кайма. Иногда опушка леса подступала к самой реке. Вода омывала копаловые деревья, акации с жесткой листвой, «железные деревья» — баугинии, у которых ствол с северной, наветренной стороны, словно мехом, оброс лишайниками; смоковницы, которые, как манговые деревья, поднимались на воздушных корнях, похожих на сваи, и много других великолепных деревьев склонялось над рекой. Деревья-исполины, вздымающиеся вверх на сто футов, переплетаясь ветвями, покрывали реку сводом, непроницаемым для солнечных лучей. Кое-где лианы перекидывали с берега на берег свои стебли, образуя висячие мосты. Двадцать седьмого июня путешественники увидели, как по такому мостику переправлялась стая обезьян. Животные, сцепившись хвостами, образовали живую цепь на случай, если мост не выдержит их тяжести. Зрелище это привело в восторг маленького Джека.

Обезьяны принадлежали к породе маленьких шимпанзе, которых в Центральной Африке называют «соко», и отличались довольно противной мордой: низкий лоб, светло-желтые щеки, высоко поставленные уши. Они живут стаями по десятку, лают как собаки и внушают страх туземцам, потому что, случается, похищают детей, царапают и кусают их. Проходя по мостику из лиан, они и не подозревали, что под кучей трав, гонимой течением, находится маленький мальчик, из которого они сделали бы для себя забаву. Значит, маскировка, придуманная Диком Сэндом, была хорошо сделана, если даже эти зоркие животные были введены в заблуждение.

В тот же день под вечер пирога внезапно остановилась.

— Что случилось? — спросил Геркулес, бессменно стоявший у рулевого весла.

— Запруда, — ответил Дик Сэнд. — Но запруда естественная.

— Разрушим ее, Дик? — спросил Геркулес.

— Да, Геркулес. Придется действовать топором. Запруда, очевидно, крепкая — на нее наткнулось несколько плавучих островков, и она устояла.

— Что ж, за дело, капитан! — сказал Геркулес, переходя на нос пироги.

— Запруду образовала трава «тикатика», гибкие стебли которой и длинные глинцевитые листья, переплетаясь, спрессовываются в плотную массу, похожую на войлок. По такому сплетению трав можно переправиться через реку, как по мосту, если не бояться увязнуть по

колени в этом травяном настиле. Поразительной красоты лотосы цвели на поверхности этой запруды.

Уже стемнело, и Геркулес без риска мог выбраться из лодки. Ловко орудуя топором, он менее чем за два часа перерубил посередине сплетение трав. Запруды распалась, течение медленно отнесло к берегам обе ее части, и пирога снова поплыла вниз по реке.

Следует ли об этом говорить? Большой ребенок, кузен Бенедикт сначала надеялся, что Геркулесу не удастся одолеть преграду и лодка застрянет. Плавание по реке казалось ученому нестерпимо скучным. Он с сожалением вспоминал факторию Альвеца, свою хижину и драгоценную жестяную коробку с коллекциями. Он был так несчастен, что всем стало жалко его. В самом деле, ни одного насекомого! Ни единого!

Какова же была радость кузена Бенедикта, когда Геркулес, которого он считал своим «учеником», принес ему какое-то безобразное насекомое, найденное в запруде на стебле «тикатика». Странное дело: Геркулес, казалось, был чем-то смущен, передавая свой подарок ученому.

Кузен Бенедикт осторожно зажал насекомое между большим и указательным пальцами и поднес его к самым глазам, с тоской вспомнив о лупе и очках, — как бы они емугодились сейчас!

Вдруг ученый взволнованно крикнул:

— Геркулес! Геркулес! Ты заслужил полное прощение. Кузина Уэлдон! Дик! Это единственное в своем роде насекомое и к тому же, несомненно, африканское! Уж этого-то никто не посмеет отрицать.

— Значит, это действительно ценная находка? — спросила миссис Уэлдон.

— Вы сомневаетесь в этом?! — вскричал кузен Бенедикт. — Насекомое, которое нельзя отнести ни к жестокрылым, ни к сетчатокрылым, ни к перепончатокрылым. Насекомое, которое не принадлежит ни к одному из десяти известных науке отрядов... Пожалуй, можно было бы отнести его к группе паукообразных!.. Насекомое, очень похожее на паука! Насекомое, которое было бы пауком, если бы у него было восемь лапок, и которое все-таки остается насекомым, так как у него только шесть лапок. Ах, друзья мои, мог ли я ждать такого счастья?! Несомненно, мое имя войдет в науку! Это насекомое мое будет названо «Hexapodes Benedictus»^[67].

Радость ученого была так велика, что, оседлав своего любимого конька, он совершенно забыл о всех перенесенных и еще предстоящих испытаниях. Миссис Уэлдон и Дик от души поздравили его с находкой.

Между тем пирога продолжала плыть по темной реке. Ночную тишину нарушали только возня гиппопотамов и шуршание крокодилов, ползавших по берегу.

Над верхушками деревьев возшла полная луна. Мягкий свет ее проник сквозь щели в навесе и озарил внутренность пироги.

Вдруг на правом берегу послышался какой-то глухой шум, как будто в темноте заработало одновременно несколько насосов. Это большое стадо слонов, досыта наевшись за день волокнистых стеблей растений, перед сном пришло на водопой. Хоботы их поднимались и опускались с равномерностью механизма. Казалось, громадные животные намерены были осушить всю реку.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Разные события

Следующие восемь дней пирога продолжала спускаться по течению. Ничего примечательного за эти дни не произошло. На протяжении многих миль река протекала среди великолепных лесов. Затем леса кончились, и вдоль обоих берегов потянулись нескончаемые джунгли.

И эта местность также казалась безлюдной. Дик Сэнд, разумеется, нисколько не был этим огорчен. Зато кругом было великое множество животных. По берегам проносились зебры, из зарослей выходили лоси и очень грациозные антилопы «камы». Вечером эти мирные животные исчезали, уступая место леопардам и львам, оглашавшим воздух грозным рычаньем и ревом. Однако беглецы до сих пор не имели столкновений ни с речными, ни с лесными хищниками.

Каждый день, чаще всего в послеобеденные часы, Дик направлял пирогу к тому или другому берегу, причаливал и высаживался на землю.

Маленькому отряду приходилось возобновлять запас продовольствия. В этих диких местах нельзя было рассчитывать ни на фрукты, ни на маниоку, ни на сорго, ни на маис, которые составляют главную пищу туземцев Вернее, все это росло здесь, но в диком виде, и было не пригодно для еды. Дик Сэнд вынужден был охотиться, хотя звуки выстрелов могли привлечь внимание туземцев.

Путешественники добывали огонь, вращая с большой скоростью деревянную палочку в углублении, сделанном в сухой ветви смоковницы. Этот способ они заимствовали у дикарей; говорят, однако, что таким же способом добывают огонь и некоторые гориллы. На костре жарили мясо антилопы или лося, заготавливая пищу впрок, сразу на несколько дней.

Четвертого июля Дику удалось одним выстрелом уложить на месте каму, которая дала им изрядный запас мяса. Это было животное длиною в пять футов, с большими загнутыми назад рогами, с рыжеватой шерстью, усеянной блестящими пятнышками, и белым брюхом. Мясо его все беглецы признали превосходным.

Из— за ежедневных остановок для ночного отдыха и охоты пирога к восьмому июля прошла в общей сложности лишь около ста миль. Однако проехать в Центральной Африке сто миль — дело немалое. Дик уже начинал задумываться, куда заведет их эта река, казавшаяся бесконечно длинной. До сих пор она вобрала в себя лишь несколько мелких притоков, и незаметно было, чтобы она сколько-нибудь расширилась. Сначала река текла прямо на север, но теперь она повернула на северо-запад.

Река тоже доставляла путникам свою долю пищи. Вместо удочек они забрасывали длинную лиану, а вместо крючка привязывали на конце лианы колючку. Так они ловили санджику — мелкую рыбешку, очень нежную на вкус, которая долго сохраняется в копченом виде, довольно вкусных черных «узаков», «монндесов», с крупной головой и жесткой щетиной вместо зубов, маленьких «дагала», любящих проточную воду и принадлежащих к породе сельдей, — они напоминают уклеек, которые ловятся в Темзе.

Девятого июля днем мужество Дика Сэнда подверглось новому испытанию. Юноша был один на берегу. Он подстерегал каму, рога которой виднелись над зарослью кустарника. Как только он выстрелил, откуда ни возмись, в тридцати шагах от него, выскочил другой и очень страшный охотник. Он явился за своей добычей и, видимо, не собирался ее уступать.

Это был огромный лев, по меньшей мере пяти футов ростом, из той породы, которую туземцы называют «карамо», — они совсем не похожи на так называемых «ньясских львов», лишенных гривы. Одним прыжком лев очутился возле камы, подстреленной Диком Сэндом. С

жалобным криком бедное животное судорожно забилося под когтистыми лапами грозного хищника.

Ружье Дика Сэнда было разряжено. Прежде чем юноша успел заложить новый заряд, лев заметил его.

У Дика хватило самообладания остановиться на месте, не делая ни малейшего движения. Он вспомнил, что в такие моменты полная неподвижность бывает иногда спасительна. Он не пытался ни бежать, ни перезарядить ружье.

Налитые кровью кошачьи глаза льва неотступно следили за ним. Хищник, казалось, не знал, какую добычу предпочесть: ту ли, что билась под его лапой, или ту, что стояла неподвижно. Если бы кама не извивалась под когтями льва, Дику Сэнду пришел бы конец.

Так прошли долгие две минуты. Лев смотрел на Дика Сэнда, а Дик Сэнд смотрел на льва, даже не моргая.

Наконец лев сделал выбор. Мощным движением он схватил в пасть еще живую, трепещущую каму и унес ее, как собака уносит зайца; Дик видел, как бил по кустам его жесткий хвост, как лев исчез в густой чаще леса.

Из осторожности Дик стоял неподвижно еще несколько секунд, потом вернулся к своим спутникам; он ничего не сказал им об опасности, от которой он спасся благодаря своему хладнокровию. Если бы беглецы не плыли по быстрой реке, а пробирались по равнинам и лесам, где водятся такие хищники, то, быть может, ни одного из потерпевших крушение на «Пилигриме» уже не было бы в живых.

Нигде не было видно людей. Края эти казались необитаемыми. Но не всегда они были такими. В иных местах, где берега были отлогими, попадались следы деревень. Опытные путешественники, не раз посещавшие эту область Африки, как Давид Ливингстон, безошибочно угадали бы это. Бросив взгляд на высокие живые изгороди, сохранившиеся дольше соломенных хижин, на одиноко растущую за оградой священную смоковницу, он сразу признал бы, что здесь было когда-то селение. По обычаю многих африканских племен, после смерти вождя жители покидают свою деревню и переселяются на новое место.

Возможно также, что здесь, как и в других областях Центральной Африки, жили племена, которые не строят домов, но селятся в ямах, вырытых в земле. Эти дикари стоят на самой низкой ступени развития человечества, они выходят из своих жилищ только по ночам, как хищники из берлог, и так же, как с хищниками, встреча с ними очень опасна.

Дик Сэнд не сомневался, что жители этих мест людоеды. Раза три-четыре ему попадались на лесных полянах в золе угасшего костра обгоревшие кости человеческого скелета — объедки ужасного пиршества. Случай мог привести этих людоедов на берег реки как раз в то время, когда Дик Сэнд там охотился. Поэтому он высаживался на сушу как можно реже и всякий раз брал с Геркулеса слово, что при малейшей тревоге, не дожидаясь его возвращения, он тотчас же отчалит от берега. Геркулес давал требуемое обещание, но все время, что Дик Сэнд находился на берегу, очень тревожился, и ему стоило больших усилий скрывать свое беспокойство от миссис Уэлдон.

Вечером 10 июля Дику Сэнду и Геркулесу пришлось пережить несколько тяжелых минут. На правом берегу реки вдали показался ряд свайных построек. Река расширялась там, образуя небольшую бухту. В этой бухте виднелись сваи помоста, на котором стояло около тридцати хижин. Течение несло пирогу прямо на сваи, и лодка должна была проплыть между ними. Уклониться в сторону не было возможности, так как у левого берега реки нельзя было пробраться — там из воды торчали камни.

Деревня была обитаемой. Над тихой рекой разносилось пение, подобное волчьему вою. В нескольких хижинах светились огоньки. Если бы оказалось, как это часто бывает, что

дикари протянули сети между сваями, то положение путешественников стало бы критическим: пирога запуталась бы в сетях, а пока бы ее высвобождали, вся деревня поднялась бы на ноги.

Понизив голос до шепота, Дик Сэнд, стоя на носу, подавал команду, лавируя так, чтобы лодка не наткнулась на эти осклизлые столбы. Ночь была светлая. Это облегчало управление пирогой, но и заметить ее было легче в такую ночь... Настала страшная минута. На помосте, над самой водой, сидели два туземца. Увлекаемая течением, пирога должна была пройти как раз под ними, и нельзя было свернуть в сторону — проход был очень узкий. Туземцы не могли не заметить лодку. Что, если они поднимут тревогу и разбудят все селение?

Всего какая-нибудь сотня футов отделяла пирогу от свай, и вдруг туземцы всполошились и заговорили громко. Один из них вскочил и указал другому на спускающийся по течению «плавающий остров», который грозил изодрать в клочья только что поставленные ими сети из лиан.

Тотчас же оба начали поспешно вытаскивать сети из воды и громкими криками призывали на помощь соплеменников.

Несколько дикарей выбежали из своих хижин и, бросившись на помост, подняли невообразимый крик.

Зато в пироге царила полная тишина, если не считать приказаний, которые шепотом отдавал Дик Сэнд; полная неподвижность, если не считать чуть заметных движений, какими Геркулес управлял рулевым веслом. Маленький Джек сжимал ручонками пасть Динго, чтобы тот не залаял, и пес лишь глухо ворчал; вода с тихим плеском набегала на сваи. А на помосте царила дикая сумятица и раздавались злобные вопли дикарей. Если они успеют убрать свои сети до того, как пирога войдет в проход между сваями, все кончится благополучно. Если нет — пирога застрянет и тогда всем ее пассажирам грозит гибель. Ни остановить пирогу, ни изменить направления движения Дик Сэнд не мог: сваи стеснили реку, и она неслась в этом месте с необычайной стремительностью.

Пирога вступила под помост, и как раз в эту секунду — о счастье! — дикари последним усилием вытащили свои сети из воды. Но тут травяной навес пироги зацепился за сваю, и вся правая сторона его мгновенно была сорвана.

Один из дикарей громко вскрикнул. Успел ли он разглядеть, что скрывалось под навесом? Предупредил ли он своим криком соплеменников? Это было более чем вероятно.

Но как бы там ни было, Дик Сэнд и его товарищи находились уже вне пределов досягаемости. Поток мчал их вперед, и скоро огни свайной деревни скрылись из виду.

— Держать к левому берегу! — скомандовал на всякий случай Дик Сэнд.

— Подводных камней больше нет!

— Есть держать к левому берегу! — повторил Геркулес и круто повернул пирогу.

Дик Сэнд перешел на корму и, обернувшись назад, стал пристально вглядываться в освещенную луной поверхность воды. Однако ничего подозрительного он не заметил. Ни одна лодка не преследовала их. Вероятнее всего, у дикарей не было пирога.

Настал день, а дикари не показывались ни на берегу, ни на реке. Однако из осторожности Дик Сэнд продолжал вести пирогу вдоль левого берега.

В течение следующих четырех дней, с одиннадцатого по четырнадцатое июля, путешественники начали замечать, что вид местности очень изменился. Перед их глазами был теперь не только пустынный край, но самая настоящая пустыня, вроде той пустыни Калахари, которую Ливингстон исследовал во время первого своего путешествия. После радовавших взор плодородных долин в верховьях реки эта голая равнина казалась особенно угрюмой.

А река все тянулась вдаль бесконечной голубой лентой и, по всей видимости, должна была впадать в Атлантический океан.

В этих бесплодных местах нелегко было добывать пропитание для пяти человек. От старых запасов продовольствия не осталось и следа. Рыбная ловля давала мало, охота больше ничего не давала. Антилопы и другие травоядные животные здесь не водились, для них не нашлось бы никакого корма, а без них и хищникам тут нечего было делать.

Поэтому по ночам уже не слышно было ставшего привычным рычания львов. Ночную тишину нарушали толь ко лягушачьи концерты, которые Камерон сравнивает с шумами, раздающимися на кораблестроительной верфи, когда там конопатят, бурят и заклепывают морские суда.

Плоская, безлесная, выжженная солнцем равнина тянулась по обоим берегам реки вплоть до отдаленных холмов, замыкавших горизонт на востоке и западе. На этой равнине рос только молочайник, по не та его разновидность, из которой добывается мучнистая масса, кассава, а молочайник, дающий лишь негодное в пищу масло.

Дик Сэнд не знал, что и делать с продовольствием, но тут Геркулес напомнил ему, что туземцы употребляют в пищу молодые побеги папоротника и мякоть, содержащуюся в стеблях папируса. Сам Геркулес не раз утолял таким образом свой голод, когда он пробирался по лесам вслед за китандой миссис Уэлдон. К счастью, папоротник и папирус в изобилии росли по берегам реки. Сладкая сердцевина папируса понравилась всем путешественникам, а маленькому Джеку в особенности.

Однако это кушанье не отличалось особо питательными свойствами, и если бы не помощь кузена Бенедикта, путешественникам пришлось бы плохо. Со времени находки «шестинога Бенедикта», которая должна была обессмертить его имя, энтомолог снова обрел бодрость и хорошее расположение духа. Спрятав насекомое в надежное место — в тулью своей шляпы, кузен Бенедикт пользовался каждой стоянкой у берега, чтобы продолжать свои исследования. Однажды, шаря в высокой траве, он спугнул какую-то птичку, заинтересовавшую его своим оперением.

Дик Сэнд хотел было застрелить ее, но ученый закричал:

— Не стреляйте, Дик! Не стреляйте! Все равно одной этой птички не хватит на пять человек.

— Но зато хватит одному Джеку, — возразил Дик Сэнд, вторично прицеливаясь в птичку, которая не спешила улететь.

— Нет! Нет! — воскликнул кузен Бенедикт. — Не стреляйте. Это «наводчица», она укажет нам место, где много меда.

Дик Сэнд опустил ружье — ведь несколько фунтов меда ценнее, чем одна птичка. Вместе с кузеном Бенедиктом он пошел за птичкой, которая, то взлетая, то опускаясь на землю, словно приглашала охотников следовать за собой. Им не пришлось далеко ходить: среди зарослей молочайника они увидели старый дуплистый пенек, вокруг которого с жужжанием носились пчелы.

Кузену Бенедикту не хотелось лишать этих перепончатокрылых «плода их трудов», как он выразился. Но Дик держался на этот счет другого мнения. Он зажег охапку сухой травы, выкурил пчел из улья и набрал изрядное количество меда. Затем, предоставив птичке-«наводчице» поживиться пчелиными личинками, составлявшими ее долю добычи, он вместе с кузеном Бенедиктом вернулся к пироге.

Мед встретили с восторгом, но в конце концов этого было мало, и путники очень страдали от голода, пока 12 июля, причалив пирогу к берегу, они не увидели, что вся земля, как ковром, устлана саранчой. Здесь было много миллиардов этих насекомых, которые в два,

а местами даже в три слоя покрывали траву и кусты. Кузен Бенедикт сейчас же вспомнил, что туземцы употребляют саранчу в пищу. Путешественники тотчас бросились собирать ее и набрали так много этой «манны небесной», что можно было нагрузить десять лодок. Поджаренная на слабом огне, саранча представляла собой кушанье, которое пришлось бы по вкусу даже менее голодным людям. Правда, кузен Бенедикт вздыхал, но все же ел и, несмотря на свои вздохи, съел немало саранчи.

Где же конец этой длинной веренице физических и нравственных испытаний? Правда, плыть по течению быстрой реки было не так утомительно, как странствовать по лесам в поисках «гациенды» Гэрриса. Но все же палящий зной днем, влажные туманы ночью и непрестанные нападения moskitov вконец измучили их. Да, пора было уже добраться до цели. И, однако, Дик не видел еще конца этому путешествию. Сколько времени еще продлится плавание? Неделю, месяц? Никто не мог подсказать ответа на этот вопрос. Если бы река действительно текла на запад, течение ее принесло бы путешественников прямо к португальским поселениям, расположенным на побережье Анголы. Дик Сэнд надеялся, что так и случится; но река текла скорее к северу, и вполне возможно было, что она еще очень не скоро доставит их к берегу океана.

Дик Сэнд был крайне обеспокоен, как вдруг утром 14 июля направление реки внезапно изменилось. Маленький Джек находился на носу лодки и глядел сквозь травяной навес, — на горизонте показалось большое водное пространство.

— Море! — закричал мальчик.

При этих словах Дик Сэнд восторженно и подошел к Джеку.

— Море? — повторил он. — Нет еще, но по крайней мере большая река, она течет на запад, а наша река была только ее притоком. Может быть, это сам Заир?

— Да услышит тебя бог, Дик! — отозвалась миссис Уэлдон.

Да, если это был Заир, или Конго, который Стенли открыл через несколько лет, то оставалось бы только плыть по его течению до самого устья, чтобы достичь португальских поселений, расположенных там. Дик Сэнд надеялся, что так и будет, и у него были основания это думать.

Пятнадцатого, шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого июля пирога плыла по серебристой поверхности широкой реки. Ее берега уже не были так бесплодны. Но Дик Сэнд продолжал соблюдать осторожность. По-прежнему навес из трав укрывал пирогу, и казалось, что по течению плывет не лодка, а небольшой плавучий островок.

Еще несколько дней — и настанет конец бедствиям пассажиров «Пилигрима»! За это время каждый из них проявил немало самоотверженности и героизма и заслуживал признательности; если Дик Сэнд не признавал, что его доля была здесь самой большой, то это признавали его друзья, и можно было не сомневаться, что миссис Уэлдон позаботится о нем.

Но 18 июля ночью произошло событие, которое чуть не стоило всем жизни, могло бы губительно отразиться на всех, лишить их всякой надежды на спасение.

Около трех часов пополуночи вдалеке послышался какой-то глухой шум. Дик встревожился и никак не мог себе уяснить, что производит этот шум. Не желая будить миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта, которые спали, лежа под навесом, он вызвал Геркулеса на нос лодки и попросил его хорошенько прислушаться.

Ночь была тихая. В воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения.

— Это шум моря! — сказал Геркулес, и глаза его засверкали от радости.

— Нет, — возразил Дик Сэнд, покачав головой, — это не море.

— Что же это? — спросил Геркулес.

— Дождемся утра, узнаем. А пока что будем настороже.

Геркулес вернулся на корму к своему веслу, а Дик Сэнд остался на носу лодки. Он напряженно прислушивался. Шум все усиливался. Вскоре он превратился в отдаленный рев.

День настал сразу, почти без зари. На расстоянии полумили вниз по течению над рекой в воздухе парило нечто вроде облака. Но то не был туман, и Дик Сэнд понял это, когда при первых же лучах солнца, пересекая это облако, с одного берега на другой перекинулась великолепная радуга.

— К берегу! — во весь голос крикнул Дик Сэнд, и голос его разбудил миссис Уэлдон. — Впереди водопад! Это облако не что иное, как водяные брызги! К берегу, Геркулес!

Дик Сэнд не ошибался. Русло реки внезапно обрывалось отвесной стеной высотой в сто футов, и река низвергалась с нее стремительным, величественным водопадом. Еще полмили, и пирога была бы увлечена в пропасть.

Геркулес мощным ударом весла направил лодку к левому берегу. По счастью, скорость течения пока еще не увеличилась, так как русло реки почти до самого водопада сохраняло тот же пологий уклон. Лишь в трехстах — четырехстах футах от водопада дно круто обрывалось, и река с неукротимой силой несла к обрыву свои воды.

На левом берегу темнел густой, девственный лес. Ни один луч света не проникал сквозь сплошную завесу его листвы. Дик Сэнд с ужасом смотрел на эту землю, где жили людоеды; теперь путешественникам предстояло идти пешком вдоль берега, так как нечего было и думать перетащить пирогу волоком, в обход водопада. Это было не по силам маленькому отряду.

Какой жестокий удар для измученных людей, которые надеялись не сегодня завтра прибыть в португальские поселения, расположенные в устье реки!

Пирога уже подходила к левому берегу. По мере того как она приближалась к земле, Динго проявлял все большее беспокойство.

Дик Сэнд — он был всегда настороже, ведь опасности грозили со всех сторон, — не спускал глаз с собаки и спрашивал себя: не скрываются ли в чаще леса дикари или хищные звери? Но вскоре он понял, что не это беспокоит Динго.

— Смотрите, Динго как будто плачет! — воскликнул маленький Джек.

И он обвинил ручонками шею умного пса.

Но Динго вырвался из объятий мальчика и прыгнул в воду. Прежде чем пирога коснулась берега, он уже успел скрыться в высокой траве.

Дик Сэнд и миссис Уэлдон переглянулись, не зная, что подумать. Через несколько секунд пирога мягко врезалась носом в зеленую толщу водорослей. Вспугнутые приближением людей, с резким криком взлетели в воздух несколько зимородков и снежно-белых цапель. Геркулес крепко привязал пирогу к стволу склонившейся над водой мангиферы, и все путешественники вышли на берег.

В лесу не было тропинок, и, однако, примята во многих местах трава свидетельствовала о том, что здесь недавно прошли люди или были звери.

Дик Сэнд с заряженным ружьем и Геркулес с топором пошли впереди отряда. Не прошли они и десяти шагов, как натолкнулись на Динго. Умная собака, опустив нос к земле, с отрывистым лаем бежала по какому-то следу. Что-то непонятное толкнуло ее к берегу и теперь вело в глубь леса. Это было всем ясно.

— Внимание! — сказал Дик Сэнд. — Миссис Уэлдон, возьмите Джека за руку! Господин Бенедикт, не отставайте, пожалуйста! Геркулес, будь наготове!

Динго часто оборачивался и отрывисто лаял, точно просил людей поторопиться. Вскоре он остановился у старой смоковницы.

Под смоковницей ютилась ветхая, покосившаяся набок лачуга. Динго жалобно завыл.

— Эй, кто здесь? — крикнул Дик Сэнд.

Он вошел внутрь хижины.

Миссис Уэлдон и остальные последовали за ним.

На земляном полу были разбросаны побелевшие кости.

— Здесь умер человек! — сказала миссис Уэлдон.

— И Динго знал этого человека! — подхватил Дик Сэнд. — Наверное, это был его хозяин! Смотрите, смотрите!

Дик Сэнд указал пальцем на ствол смоковницы, заменявший четвертую стену лачуги.

Кора на ней была счищена, и на дереве виднелись две большие полустершиеся красные буквы.

Динго уперся лапами в дерево и как будто указывал на эти буквы путешественникам.

— «С» и «В»! — воскликнул Дик Сэнд. — Две буквы, которые Динго узнает среди всех букв алфавита. Те самые буквы, какие выгравированы на его ошейнике!

Юноша вдруг умолк. Нагнувшись к земле, он поднял лежавшую в углу небольшую, всю позеленевшую медную коробку.

Когда он открыл коробку, из нее выпал клочок бумаги. Дик Сэнд прочел следующее:

«Здесь... в 120 милях от берега океана... 3 декабря 1871 года... меня смертельно ранил и ограбил мой проводник Негоро... Динго!.. ко мне...

С. Вернон»

Записка разъясняла все. Французский путешественник, Самюэль Вернон, отправившийся исследовать Центральную Африку, взял в проводники Негоро. Крупная сумма денег, которую путешественник имел при себе, пробудила алчность негодяя португальца. Он решил завладеть деньгами. Самюэль Вернон, добравшись до берега Конго остановился в этой хижине. Негоро смертельно ранил его и, ограбив, бежал в португальские владения. Но там Негоро арестовали, как агента работоторговца Альвеца; в Сан-Паоло-де-Луанда его судили и приговорили к пожизненному заключению в одной из каторжных тюрем колонии. Дальнейшее известно: он ухитрился бежать с каторги, пробрался в Новую Зеландию и там поступил коком на «Пилигрим», к несчастью тех, кто плыл на этом корабле.

Но что произошло в хижине после преступления? Это нетрудно было угадать. Несчастный Вернон перед смертью успел написать записку, обличавшую убийцу. Он спрятал ее в коробку, где раньше хранил деньги, украденные Негоро. Последним усилием он начертал кровью свои инициалы на дереве. Динго, вероятно, немало дней просидел перед этими двумя буквами и научился распознавать их среди всех других букв алфавита. Наконец, поняв, что хозяин никогда больше не встанет, Динго побрел на берег океана, где его и нашел капитан «Вальдека», и, наконец, попал на «Пилигрим», где он снова встретился с Негоро! А прах путешественника тем временем истлевал в дебрях Африки, и все забыли о погибшем, кроме его верной собаки. Видимо, события происходили именно так, как и представлял себе Дик Сэнд. Юноша уже собрался было вместе с Геркулесом предать погребению останки несчастного Самюэля Вернона, как вдруг Динго с неистовым лаем выбежал из хижины.

Тотчас же вслед за этим снаружи донесся ужасный крик. Очевидно, Динго напал на кого-то.

Геркулес бросился за ним. Когда Дик Сэнд и все остальные выбежали из хижины, они увидели на земле какого-то человека, который отбивался от вцепившейся ему в горло собаки.

Это был Негоро.

Приближаясь к устью Конго, где он собирался сесть на отправляющийся в Америку пароход, португалец оставил свой эскорт и один пошел к месту, где он убил доверившегося ему Вернона.

Но у него были свои причины вернуться сюда, и все поняли, какие, увидев в свежевырытой яме у подножия смоковницы несколько горстей французских золотых монет. Очевидно, после убийства Самюэля Вернона он закопал в землю украденные деньги, с тем чтобы когда-нибудь вернуться за ними. Но в тот момент, когда португалец собрался воспользоваться плодами своего преступления, Динго вцепился ему в горло. Негоро удалось вытащить из-за пояса нож, и он с силой всадил его в грудь собаки как раз в тот момент, когда

Геркулес подбежал к нему с возгласом:

— Ах, негодяй! Наконец-то я могу удавить тебя своими собственными руками!

Но вмешательства Геркулеса не понадобилось: небесное правосудие покарало преступника в том месте, где он совершил злодеяние. Динго, истекая кровью, из последних сил сжал челюсти — и португалец перестал дышать; затем верный пес ползком добрался до того места, где был убит Самюэль Вернон, и там умер.

Геркулес закопал в землю останки путешественника, и в той же могиле похоронили оплакиваемого всеми Динго.

Негоро не было больше в живых. Но туземцы, сопровождавшие его от Казонде, должны были находиться где-то неподалеку. Видя, что португалец не возвращается, эти люди, несомненно, отправятся искать его по берегу реки. Это была серьезная опасность для путешественников.

Дик Сэнд и миссис Уэлдон посовещались о том, что делать дальше. Действовать нужно было немедленно, не теряя ни минуты. Для всех стало ясно, что большая река, к которой они приблизились, была именно Конго, которую туземцы называют Коанго, или Икуто-йя-Конго; под одной широтой ее именуют также Заиром, под другой — Луалабой. Это была та самая великая артерия Центральной Африки, которой герой Стенли присвоил славное имя «Ливингстон», но географам, быть может, следовало бы заменить это имя именем самого Стенли.

Но если не оставалось никаких сомнений, что это Конго, то в записке, оставленной Самюэлем Верноном, было указано, что устье реки находится на расстоянии ста двадцати миль от этого места. К несчастью, дальше нельзя было передвигаться по воде — никакая лодка не прошла бы через водопад, — вероятно, это были водопады Нгама. Надо было пройти пешком по берегу милю или две и, миновав водопад, построить плот и снова пуститься вниз по течению.

— Остается решить, — сказал Дик Сэнд, — по какому берегу мы пойдем: по левому, где мы сейчас находимся, или по правому. И тот и другой небезопасны, миссис Уэлдон, — приходится остерегаться туземцев. Но все-таки мне кажется, что нам лучше было бы переправиться на другой берег. Там по крайней мере нам не грозит встреча с эскортом Негоро.

— Хорошо, переправимся на правый берег, — сказала миссис Уэлдон.

— Но есть ли там дороги? — продолжал рассуждать вслух Дик Сэнд. — Негоро пришел по левому берегу, — надо полагать, что это более удобное сообщение с устьем реки. Впрочем, я проверю. Прежде чем мы все вместе переправимся на правый берег, я пойду один на разведку. Надо узнать, можно ли спуститься по реке ниже водопада.

И Дик Сэнд сразу же отправился в путь.

Ширина реки в том месте, где стояла хижина француза исследователя, не превышала четырехсот футов, и юноша, отлично умевший править кормовым веслом, без труда мог переплыть реку. Миссис Уэлдон, Джек и кузен Бенедикт по возвращении Дика Сэнда должны были остаться на левом берегу под охраной Геркулеса.

Дик уже сел в пирогу и собирался оттолкнуться от берега, когда миссис Уэлдон сказала ему:

— Ты не боишься, Дик, что течение затянет тебя в водопад?

— Нет, миссис Уэлдон. До водопада еще футов четыреста.

— А на том берегу?...

— Я не высажусь, если замечу какую-нибудь опасность.

— Возьми с собой ружье.

— Хорошо. Но, пожалуйста, не беспокойтесь обо мне.

— А все-таки лучше было бы нам не разлучаться, Дик, — добавила миссис Уэлдон, как будто ее томило предчувствие беды.

— Нет, миссис Уэлдон... Я должен поехать один, — твердо ответил Дик Сэнд. — Это необходимо для общей безопасности. Меньше чем через час я вернусь. Смотри в оба. Геркулес!

С этими словами Дик отчалил и направил лодку к другому берегу.

Миссис Уэлдон и Геркулес, притаившись среди зарослей папируса, не спускали с него глаз.

Дик Сэнд скоро достиг середины реки. Течение здесь было не очень сильное, зато в четырехстах футах от этого места вода с диким грохотом низвергалась со скалы, и водяные брызги, подхваченные западным ветром, долетали до пироги, где сидел Дик Сэнд. Юноша содрогнулся при мысли, что если бы он уснул прошлой ночью, то пирога неминуемо попала бы в водопад, который выбросил бы на прибрежные камни лишь пять изуродованных трупов. Но сейчас такой опасности не было: пирога пересекала реку почти по прямой, для этого достаточно было искусно править кормовым веслом.

Через четверть часа Дик добрался до правого берега Заира. Но не успел он ступить на землю, как раздался оглушительный крик, и человек десять дикарей бросились к пироге, которую еще прикрывала куча травы.

Это были дикари-людоеды из свайной деревни. В продолжение восьми дней они крались следом за путешественниками по правому берегу реки. Когда лодка проплывала между сваями и с нее сорвало травяной покров, они увидели, что на мнимом плавучем островке скрываются люди, и пустились в погоню. Они были уверены, что добыча не уйдет от них, так как водопад преграждал течение реки. Беглецам все равно пришлось бы высадиться на берег.

Дик Сэнд понял, что для него нет спасения. Но он спрашивал себя: не может ли он, пожертвовав своей жизнью, спасти спутников? Не теряя самообладания, юноша совершенно спокойно стоял на носу пироги. Наставив на дикарей ружье, он не подпускал их к себе.

Между тем дикари уже успели содрать с пироги защитный навес. Увидев только одного человека там, где они рассчитывали найти много жертв, они яростно завыли. Пятнадцатилетний мальчик на десятерых! Но тут один из туземцев поднялся, протянул руку к левому берегу и указал на миссис Уэлдон и ее спутников, которые все видели, и, не зная, что предпринять, вышли из-под прикрытия зарослей папируса. Оставив всякую заботу о себе самом, Дик молил небо вдохновить его на действия, спасительные для его сотоварищей.

Дикари забрались на корму пироги и оттолкнули ее от берега. Ружье в руках Дика все еще удерживало их от нападения, — очевидно, они знали, чем грозит огнестрельное оружие. Один из дикарей, взяв кормовое весло, умело направил пирогу поперек течения. Вскоре она уже была в ста футах от левого берега.

— Бегите! — крикнул Дик Сэнд миссис Уэлдон. — Бегите!

Ни миссис Уэлдон, ни Геркулес не пошевелились, как будто у них отнялись ноги.

Бежать? Зачем? Не пройдет и часа, как все равно их догонят и они попадут в руки людоедов.

Дик Сэнд понял это. И в эту минуту его осенила мысль, о которой он просил небо: он нашел способ спасти тех, кого любил, спасти ценою собственной жизни. И он без колебаний сделал это.

— Господи, защити их! — прошептал он. — И по бе конечной милости своей сжался надо мной!

Опустив ружье, он прицелился и выстрелил. Кормовое весло, расщепленное пулей, переломилось пополам.

У людоедов вырвался крик ужаса. В самом деле, пирога, уже никем не управляемая, поплыла по течению прямо к водопаду. Она неслась все быстрее, и через несколько мгновений уже не более ста футов отделяло ее от ревущей и грохочущей бездны.

Миссис Уэлдон и Геркулес все поняли. Дик Сэнд, что бы спасти своих спутников, решил увлечь лодку в пучину водопада — дикари погибнут, но и он погибнет с ними. Маленький Джек и его мать, стоя на коленях, посылали Дику Сэнду последнее прощание, Геркулес в бессильном, отчаянии простирает к нему руки...

В эту минуту дикари бросились за борт, очевидно надеясь вплавь добраться до левого берега; лодка перевернулась от толчка.

Дик Сэнд не потерял хладнокровия и перед лицом угрожающей ему смерти. Ему пришла в голову мысль, что лодка, именно потому, что она плыла килем вверх, может оказаться для него средством спасения.

Двойная опасность могла угрожать Дику Сэнду в те мгновения, когда он будет подхвачен водопадом: захлебнуться в воде, задохнуться в вихре водяной пыли. А перевернутый корпус лодки был как бы ящиком, в котором ему, может быть, удастся укрыть голову от воды и в то же время заслониться от воздушного вихря, в котором он, несомненно, задохнулся бы при быстром падении. При таком заслоне у каждого человека, пожалуй, был бы некоторый шанс спастись от двойной опасности задохнуться, даже если бы он спускался по водопаду Ниагара!

Все это молнией мелькнуло в голове Дика Сэнда. Последним инстинктивным движением он уцепился за скамью, которая соединяла оба борта лодки, и, укрыв голову под опрокинутым корпусом лодки, почувствовал, как поток с непреодолимой силой уносит его и как он почти по отвесной линии падает вниз...

Пирог погрузилась в кипящую пучину у подножия водопада, завертелась в глубине и затем снова всплыла на поверхность реки. Дик Сэнд, отличный пловец, понял, что спасение зависит теперь от силы его рук...

Через четверть часа борьбы с течением он выбрался на левый берег и там увидел миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта, которых поспешно привел туда Геркулес.

Но дикари погибли в бурлящем водовороте; ничем не защищенные во время падения, они задохнулись еще прежде, чем достигли дна пропасти. Бешеный поток швырнул их трупы на острые скалы...

Через два дня, 20 июля, миссис Уэлдон и ее спутники встретили караван, направлявшийся в Эмбому, в устье Конго. Это были не работоторговцы, а честные португальские купцы, которые везли в Европу слоновую кость. Беглецам был оказан превосходный прием, и последний участок пути не доставил им особых тягот.

Встреча с этим караваном поистине была милостью небес. Дик Сэнд напрасно надеялся спуститься на плоту к устью реки. Следуя от Нгамы до Иеллалы, Стенли насчитал на этой реке семьдесят два водопада. Никакая лодка не могла бы здесь проскользнуть. В устье Конго неустрашимому путешественнику четыре года спустя пришлось выдержать последний из тридцати двух боев, которые он вел с туземцами. А ниже он попал в водопад Мбело и только чудом спасся от смерти.

Одиннадцатого августа миссис Уэлдон, Джек, Дик Сэнд, Геркулес и кузен Бенедикт прибыли в Эмбому, где их ожидала самая сердечная встреча. Здесь они застали американский пароход, отправлявшийся к Панамском перешейку. Миссис Уэлдон и ее спутники сели на этот пароход и благополучно прибыли в Америку.

Телеграмма, отправленная в тот же день в Сан-Франциско, уведомила Джемса Уэлдона о неожиданном возвращении на родину его жены и ребенка, следы которых он тщетно разыскивал повсюду, где, по его предположениям мог быть выброшен на берег «Пилигрим».

Наконец 25 августа путешественники приехали по железной дороге в главный город Калифорнии. О, если бы Том и его товарищи были с ними!..

Что сказать о дальнейшей судьбе Дика Сэнда и Геркулеса? Первый стал сыном, второй — другом семейства Уэлдон. Джемс Уэлдон сознавал, что он всем обязан юноше-капитану и отважному негру Геркулесу. Хорошо, что Негоро не успел побывать в Сан-Франциско. Разумеется мистер Уэлдон не пожалел бы всего своего состояния, что бы выкупить из плена жену и сына. Он помчался бы к берегам Африки, но кто знает, каким опасностям он подвергся бы там, жертвой какого коварства стал, вернулся ли бы он оттуда целым и невредимым?...

Скажем несколько слов о кузене Бенедикте. В день приезда в Сан-Франциско, наспех пожав руку Джемсу Уэлдону, он заперся в своем кабинете. Кузену Бенедикту не терпелось приняться за писание гигантского труда о «шестиноге Бенедикта» — «Hexapodes Benedictus», — труда, который должен был совершить переворот в энтомологической науке.

В своем кабинете, загроможденном коллекциями насекомых, он первым делом разыскал очки и лупу... Но какой вопль отчаяния вырвался из груди ученого, когда он, вооружившись этими оптическими приборами, впервые хорошенько рассмотрел единственного представителя африканских насекомых, вывезенного им из путешествия!

«Шестиног Бенедикта» оказался совсем не шестиногим! Это был обыкновенный паук! И если у него было шесть ног вместо восьми, то это означало только, что двух передних ног у него не доставало. А не доставало их потому, что Геркулес неосторожно оборвал их, когда ловил паука. Таким образом, мнимый «Hexapodes Benedictus» не представлял никакой ценности с научной точки зрения. Это был обыкновенный паучок, каких много, да к тому — еще инвалид! А заметить это раньше помешала энтомологу его близорукость. Кузен Бенедикт не перенес такого удара; он серьезно заболел, но, к счастью, его удалось вылечить.

Через три года маленькому Джеку исполнилось восемь лет. Он уже начал учиться, и Дик Сэнд помогал ему готовить уроки, урывая время от собственных занятий. Тотчас же по возвращении в Сан-Франциско Дик Сэнд принялся за учение с рвением человека, которого терзают угрызения совести: он не мог себе простить, что по недостатку знаний не мог как

следует справиться со своими обязанностями на корабле.

«Да, — говорил он себе, — если бы на борту „Пилигрима“ я знал все то, что должен знать настоящий моряк, скольких несчастий можно было бы избежать!»

Так говорил Дик Сэнд. И в восемнадцать лет он с отличием окончил гидрографические курсы и, получив диплом, готовился вступить в командование одним из кораблей Джемса Уэлдона.

Вот чего достиг благодаря своему поведению, своему труду маленький сирота, подобранный на краю песчаной косы Сэнди-Хук. Несмотря на свою молодость, он пользовался всеобщим уважением, можно даже сказать, почетом; но по скромности своей он и не подозревал этого. Ему и в голову не приходило, что решительность, мужество, твердость, проявленные им во всех испытаниях, сделали из него своего рода героя, хотя он и не прославился блестящими подвигами.

И все же одна горькая мысль преследовала его.

В редкие минуты досуга, которые ему оставляли занятия, он всегда думал о старом Томе, Бате, Актеоне и Остине. Он считал себя ответственным за их несчастья. Миссис Уэлдон также не могла без грусти вспоминать о бедственном положении своих бывших спутников. Джемс Уэлдон, Дик Сэнд и Геркулес готовы были перевернуть небо и землю, чтобы разыскать их. Наконец, благодаря широким связям Джемса Уэлдона в коммерческом мире удалось разыскать их следы: Том и его спутники нашлись на Мадагаскаре, где, кстати сказать, рабство в скором времени было уничтожено. Дик Сэнд хотел отдать свои небольшие сбережения, чтобы выкупить их, но Джемс Уэлдон и слышать не хотел об этом. Один из его агентов совершил эту сделку, и 15 ноября 1877 года четыре негра постучались в двери дома Джемса Уэлдона. То были Том, Бат, Остин и Актеон. Этих славных людей, избавившихся от стольких опасностей, едва не задушили в дружеских объятиях.

И тем, кого «Пилигрим» забросил на гибельный берег Африки, недоставало только бедной Нан. Но старую служанку нельзя было вернуть к жизни, так же как и Динго. И, конечно, это чудо, что только они двое погибли при таких жестоких испытаниях.

Само собой разумеется, что в день приезда четырех негров в доме калифорнийского купца Джемса Уэлдона был пир, и лучший тост, встреченный всеобщим одобрением, провозгласила миссис Уэлдон в честь Дика Сэнда, «пятнадцатилетнего капитана».

notes

Примечания

Настоящие киты дают охотникам ворвань (китовый жир) — ценное промышленное сырье — и китовый ус. Китовый ус — роговые пластины — употребляется для изготовления разных изделий. Полосатики дают только ворвань, пластины китового уса у них развиты слабо.

Жорж Кювье (1769–1832) — известный французский натуралист, прославившийся исследованиями ископаемых животных, предложил классификацию животного мира, разделив его на четыре основных типа; эта классификация теперь устарела.

Теперь известно более миллиона видов насекомых, из них свыше двухсот тысяч разновидностей жуков.

Маори — коренное население Новой Зеландии.

Пакетбот — устарелое название почтово-пассажирского судна.

Стеньга — продолжение мачты, прикрепленное к ее основной (нижней) части; брам-
стенга — третья часть составной мачты, служащая продолжением стеньги.

Штирборт-правая сторона (борт) судна.

Кабельтов — морская мера длины, равная 0,1 морской мили, или 185,2 метра.

Бейдевинд — курс под острым углом к встречному ветру.

Обрасопить — поставить паруса в другое положение, поворачивая реи при помощи брасов (прикрепленных к ним снастей).

Пяртнерс — отверстие в палубе, через которое проходит мачта.

Бакборт — левая сторона (борт) судна.

Ют — кормовая часть палубы судна.

Кубрик — жилое помещение для команды.

Гордень — снасть, проходящая через неподвижный блок. Используется для подъема грузов или натягивания парусов.

Речь идет о Гражданской войне 1861–1865 годов в Северной Америке между северными и южными штатами. Северяне официально отменили рабство негров.

Новая Голландия — старинное название Австралии.

Бак — носовая часть верхней палубы.

Судно идет левым или правым галсом в зависимости от того, с какого борта (левого или правого) дует ветер.

Нельсон (1758–1805) — английский адмирал.

Джон Франклин (1786–1847) — английский мореплаватель, исследователь полярных стран.

Дядюшка Тоби — один из персонажей романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» английского писателя Лоренса Стерна (1713–1768).

В самых малых — величайший бог (лат.)

Вест-Пойнт — военная школа в штате Нью-Йорк.

Бухта — трос, свернутый кругами.

При перетоплюванні китовий жир втрачає около третини свого ваги. (Прим. автора)

Вымбовка — деревянный рычаг для вращения ручного ворота, при помощи которого поднимается якорь.

Наполнить паруса — поставить паруса под ветер для ускорения хода судна.

Лог — прибор для измерения скорости хода судна и пройденного расстояния.

Каботаж — плавание вдоль берегов и между портами своего государства, без захода в заграничные порты.

Бакштаг— курс корабля, проложенный под тупым углом к линии направления ветра. Быстрее всего парусные суда ходят в бакштаг.

Рифы (точнее риф-сезни) — ряды продетых сквозь парус завязок, посредством которых можно уменьшить его площадь.

Перты — подвески под реями, на которых стоят матросы при креплении парусов.

Гитовы — снасти, служащие для подтягивания парусов; фал — снасть для подъема парусов; галс — снасть для закрепления нижнего наветренного угла нижних парусов; выбирать — тянуть, подтягивать.

Бом-брам-рей — четвертый снизу рей на мачте.

Фордуны — снасти, крепящие верхние части мачт и стеньги с одним из бортов судна.

Ноки — оконечности реев.

Нактоуз — деревянный шкафчик, в котором устанавливается судовой компас, сверху закрывается медным колпаком, под которым укреплены лампы.

Один румб равен $1/34$ доли окружности, то есть $11^{\circ}15'$.

Извлечено из «Иллюстрированного словаря Ворпьера». (Прим. автора)

И наоборот (лат).

То есть 57,5 километра. (Прим. автора)

Линь — трос тоньше двух с половиной сантиметров. Шкала английских и американских барометров поделена на дюймы и линии; 28,7 дюйма равняются 728 миллиметрам. (Прим. автора)

Шкала английских и американских барометров поделена на дюймы и линии; 28,7 дюйма равняются 728 миллиметрам. (Прим. автора)

Ярд — английская мера длины. Равен 3 футам, или 91, 4 сантиметра.

716 миллиметров.

709 миллиметров.

Битенг — стойка или тумба на парусном судне, предназначенные для крепления якорного каната, когда судно стоит на якорю.

Траверс — направление, перпендикулярное к курсу судна.

Ростры — настил над верхней палубой, на котором хранятся запасные части мачт, реи и установлены шлюпки.

Рангоут — совокупность круглых деревянных брусьев (а позднее трубчатых стальных частей), предназначенных для несения парусов на судах (мачты, стеньги, рей, бушприт и т. д.).

В войне против Чили (1879–1883) Боливия лишилась выхода к Тихому океану.

Новая Англия — северо-восточная часть США.

Индигоноска — растение, содержащее индиго — красящее вещество, из которого приготавлилась синяя краска.

В прежние времена медицина довольствовалась растертой в порошок корой хинного дерева. Такой порошок называется «иезуитским», потому что в 1649 году римские иезуиты получили большой транспорт хинной коры от своих американских миссионеров. (Прим. автора)

Муха цеце, по современным данным, опасна и для людей: она — переносчик трипанозомы — возбудителя страшной сонной болезни, опасной для людей и смертельной для скота. Во многих местах Восточной и Южной Африки муха цеце до сих пор является бичом скотоводства.

Гибралтарского.

Сто дней — вторичное правление Наполеона I во Франции (с 1 марта по 22 июня 1815 года); оно кончилось отречением Наполеона от власти, после того как армия его была разбита под Ватерлоо.

Каури — ракушки, которые служат в этих краях монетой.

Вот что говорит об этом Камерон в своей книге «Вокруг света»: «Чтобы доставить Альвецу пятьдесят женщин, которых он требовал, были уничтожены десять селений... Десять селений, в каждом из них было от ста до двухсот жителей, — всего около полутора тысяч человек! Лишь очень немногим удалось спастись. Большинство погибло в пламени пожара, были убиты, когда они пытались защитить свои семьи, или умерли от голода в джунглях, если только хищные звери не избавили их от долгих страданий...

Эти преступления, совершенные в центре Африки людьми, которые кичливо именуют себя христианами, считают себя португальцами, покажутся невероятными жителям цивилизованных стран. Не может быть, чтобы лиссабонское правительство знало, какие чудовищные вещи творят люди, прикрывающиеся флагом Португалии и называющие себя ее подданными".

Эти утверждения Камерона вызвали протесты в Португалии. (Прим. автора)

Маниока - растение семейства вьюнковых, из мучистых клубней которого изготавливается кассава, один из главных пищевых продуктов в Экваториальной Африке.

Бататы — сладкий картофель, распространенный по всей тропической Африке.

Одна фабрика ножей в Шеффилде (Англия) потребляет ежегодно 170 тысяч килограммов слоновой кости. (Прим. автора)

То есть в Южную Америку. Инки — коренное население Южной Америки, господствовавшее в стране до ее завоевания испанцами.

Сипаи — колониальные войска из местного населения Индии, находящиеся на службе у англичан.

Камерон часто упоминает о плавучих островах. (Прим. автора)

«Шестиног Бенедикта» (лат.)